

Юзеф Лившиц

Память склеротика

Saga O Sebe

2020

Содержание

ЧТО К ЧЕМУ	6
РАССКАЗ ПЕРВЫЙ. ЮЗ-КАРАПУЗ И БОЛЕЕ ТОГО	11
1.1. Я кто?	12
1.2. Происхождение	15
1.3. Ой, еврей ли?	16
1.4. Язык мой и не мой, когда я немой	22
1.5 .Пушкинская, 16, кв. 5	24
1.6. Мама	28
1.7. Гофманиада	30
1.8. Песни об Иосике	33
1.9. Влечения	39
1.10. Двор	42
1.11. Папа	46
РАССКАЗ ВТОРОЙ. ВОЙНА	57
2.1. Узнавание войны	58
2.2. Казань	62
2.3. Алматы	70
РАССКАЗ ТРЕТИЙ. ВЗРОСЛЕНИЕ ЮЗА НА ФОНЕ СОЮЗА	79
3.1. Горести войны	80
3.2. Парадоксы войны и ее последствия	83
РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ. ДЕРЖИСЬ, ПАЦАН! ТО ЛИ ЕЩЕ БУДЕТ	99
4.1. Семейное воссоединение	100
4.2. Семилетка	103
4.3. Еще раз о фоне	112
4.4. Марксистская болячка	117
4.5. Шишка на неровном месте	118
4.6. Развлеченчество	119
4.7. Шлянчество и гулянчество	129

Юзеф Лившиц. Память склеротика. Saga O Sebe —
Таллинн, 2020, 456 с., с илл.

Издание 2-е, измененное и дополненное

ISBN

© Юзеф Лившиц, 2020

www.juzeflivshic.eu

www.youtube.com/user/20117817

www.facebook.com/people/Юзеф-Лившиц/100012150913405

РАССКАЗ ПЯТЫЙ. УДАЧА	137	РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ. МЕНТ, НО НЕ СОВСЕМ	311
5.1. Значит, мне туда дорога	140	10.1. Новая социальная роль	312
5.2. Предметы и предметники	143	10.2. Мент-педагог	319
5.3. Внеурочные радости	151		
РАССКАЗ ШЕСТОЙ. ОНА СО МНОЙ И ВО МНЕ	159	РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ. СЫН РОДНОЙ	327
6.1. Знакомство	160	11.1. До рождества Игорева	328
6.2. Родной человек	163	11.2. Он родился	332
6.3. Таллиннская семейка	173	11.3. Гурзуф	347
		11.4. Ступень эволюции	352
РАССКАЗ СЕДЬМОЙ. ЮНОШЕСКИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ	179	РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ. ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ С ПЕРИЛАМИ	359
7.1. Виж	180	12.1. Кандидат в кандидаты	360
7.2. Публичный дом	187	12.2. Коммунизм выручил	376
7.3. Подпольщики	192	12.3. Переход на верхний этаж	406
7.4. Яичница	194		
7.5. Шкраб	196	РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ. УЛЫБНИТЕСЬ ВМЕСТЕ СО МНОЙ	411
7.6. Кон знакомства	198	13.1. Докторская – не только колбаса	412
7.7. Музкульт	201	13.2. Будущее, которое прошлое	428
		13.3. Песни на закате	435
РАССКАЗ ВОСЬМОЙ. МОИ ЛАГЕРЯ	209	ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЭПИЛОГ	451
8.1. Рабис	210		
8.2. Воспитатель	224		
8.3. Чекист системы Раппопорта	228		
8.4. Кое-что вдобавок	230		
8.5. Армеец	232		
РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ. БЕГ ЗА ПРОФЕССИЕЙ	239		
9.1. Куда я попал?	240		
9.2. Погружение в теорию	248		
9.3. Зильбермаша	258		
9.4. Обучение профессии	264		
9.5. Народ	283		
9.6. Деятельность	291		

ЧТО К ЧЕМУ

*Склеротик я, но не debil,
Я деловит и озабочен,
Я помню больше, чем забыл,
Хотя что помню — смутно очень.
Игорь Губерман*

Первое издание этой книжки было создано в 2010 году крохотным тиражом для потомков и родственников. Один малоизвестный человек попросил книгу почитать, а возвратить отказался. Такой высокой оценки я не ожидал.

Тогда у меня зародилась идея сделать второе издание. От возникновения идеи до ее воплощения прошло десять лет. Первое издание заканчивалось событиями 1955 года. Нынешнее — последним временем. Кое чему за это время я научился. Интернет и т. п. Все это пригодилось. Переработал, дополнил, чем и делюсь.

Рукопись начала появляться, когда мне было уже 76 лет. Сидя у компьютера, я пытался вспомнить события давно минувших дней. Боязнь, что память подведет, оправдалась лишь частично. Чем больше я писал, тем чаще всплывали факты и образы, казалось бы, безвозвратно перевернутых страниц книги жизни. Допускаю, что их изложение по горячим следам в соответствующие годы

могло бы быть несколько иным, чем по воспоминаниям. Но подтвердилось, что у склеротика способность помнить о прошлом полностью не утрачивается. Накопленный же к старости опыт помогает лучше понять происшедшее. К тому же я дожил до такого времени, когда информация о внешних событиях стала несравненно доступнее, чем в прежние эпохи.

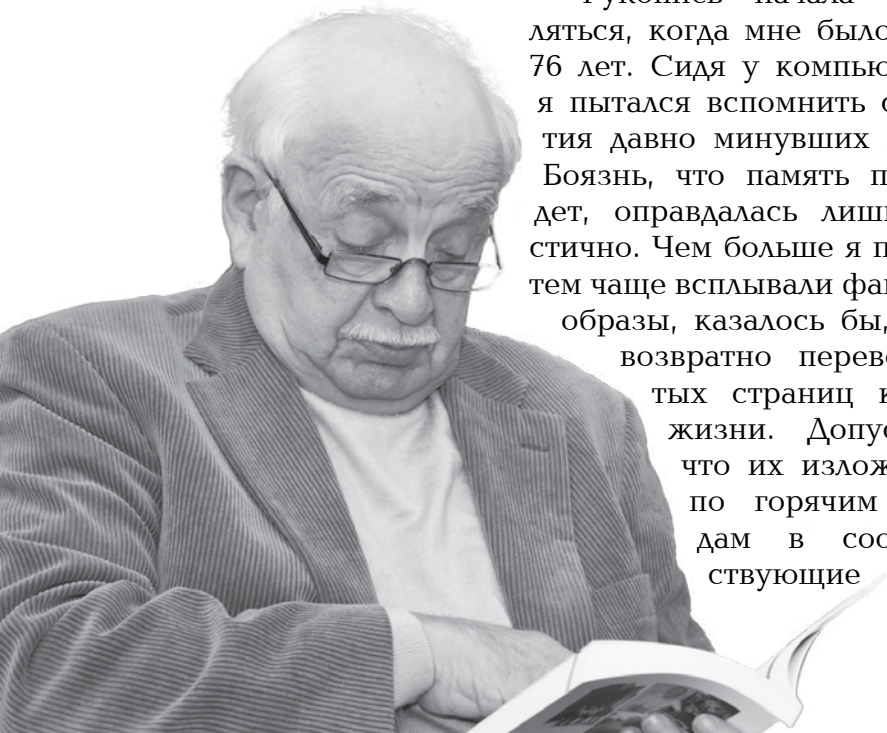
А теперь о другом.

История, известная по книгам и прочим источникам, созданным профи, во многом неполноценна. Это макроистория крупных событий и личностей. Однако, по данным демографов, свой жизненный путь по планете прошли более 107 миллиардов людей. Об их жизни на уровне микроистории сведений немного. Положение можно было бы исправить, если бы каждый, кто не считает себя носителем большой истории, попытался пооткровенничать с потомками. Возможно, идея в своей основе утопична. Я, как и некоторые другие, все-таки решился на такое.

Пишу о себе, но решить, где кончается личное и начинается неличное, нелегко. Одно без другого реально не существует.

Я не ходатайствовал ни перед кем, чтобы меня сотворили родители-евреи, а не, скажем, эстонцы или арабы; чтобы случилось это в Советском Союзе и Ленинграде, а не во Франции и Париже; чтобы в стране моего происхождения осуществлялась коммунистическая власть под личным руководством последовательно товарищей Сталина, Хрущева, Брежнева, Черненко, Андропова, Горбачева, а не демократическая монархия по образцу Швеции. Я не хотел Второй мировой, а тем более — Великой Отечественной войны, послевоенной разрухи, полуголодного существования и многого другого, что случилось помимо моей воли и сознания. Но все это было и сильно влияло на меня — эти обстоятельства вошли вовнутрь и никогда не смогли окончательно выйти.

Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть, как жизненный ориентир тоже сложился незаметно. Я читал взхлеб

что попадет, но по неведомым мне причинам одно прилипало, а другое отскакивало. Опыт поступков, дел и наблюдений оказался не ахти каким. Я не менял часто виды занятий, не ходил в турпоходы, не путешествовал по континентам и странам, не писал романов, не покорял вершины и т. п. Все это сделало человека таким, каким он себе казался — переполненным комплексами неполноценности. Он себя временами ненавидел, но потом успокаивался и надеялся на будущее. Оно же слишком быстро, чтобы успеть реализовать мечты, становилось настоящим, а еще стремительнее — прошлым.

Поэт Давид Кугультинов написал такой понравившийся мне стих:

Жизнь на лицах вяжет узелки
И морщин протягивает нити.
Всем людским стараньям вопреки
В каждом теле – груз былых событий.

И его не денешь никуда.
Тяжесть эта давит и тревожит.
Рад бы человек свои года
Обуздать, стреножить, да не может!

А желанья так бурлят подчас,
Будто двадцать лет тебе, не боле!
И не усмиряет их приказ
Самой мудрой, самой властной воли.

Дух состарить иль – одно из двух! –
Сделать бы, чтоб тело не старело,
Потому что вечно юный дух
Мучает слабеющее тело.

Правильно, но, начиная свое повествование, я хотел бы еще добавить отсебятину:

К тому же тело растолстело,
Но дух, как прежде, ищет дело.
Хочу на факты прежних лет
Во тьму забвенья брызнуть свет.

Потомки сами разберутся,
Поплакать где, где улыбнуться.
Мой дух сейчас почти что голый,
Причем то грустный, то веселый.

Рассказ первый
ЮЗ-КАРАПУЗ И БОЛЕЕ ТОГО

1.1. Я кто?

Продолжаю очаровываться жизнью. Рад, что жизнь у меня была, есть и, может быть, еще немного продолжится.

- Когда решился помемуарить, как я уже сообщал, мне было 76. Сейчас, когда готовлю второе издание, — 88. Вес — около 90, рост — 166.
- Круг людей, с которыми можно было бы за сервированным столом поговорить на непроизводственные темы, сложился полвека назад, но сейчас страшно сузился. По теории Морено, произошло сокращение моего социального атома.
- Пользуясь изречением бывшего премьер-министра России В. С. Черномырдина, имею «приблизительно» одного сына и пятерых внуков. Но — одну несменяемую жену.
- С тех пор как в 1990 году я понял, что пора «на выход», — беспартийный.
- Ошпарен крутым кипятком разочарования в стабильных политических предпочтениях (кроме того что антифашист и интернационалист), поэтому пытаюсь быть порядочным и честно делать свое дело.
- Не привлекался, не судился, в советское время на пятый пункт анкеты по учету кадров отвечал «Да».
- Эта дама уже несколько лет крепко держит меня в своих объятиях, даже не интересуясь, как я к ней отношусь. Зовут ее Медицина. Насчитал у себя семь болячек, но, кажется, сбился со счета.

- Курить начал в десятилетнем возрасте во время эвакуации в г. Казань, избавился от этой заразы только в 65 лет. Сочетать курение с выпивкой воры в г. Алматы научили меня два года спустя, после того как свернул первую «козу». Сейчас предполагаю, что три-четыре рюмки в месяц способствуют снижению кровяного давления.
- Appetit хороший, особенно когда дело касается закуски.

Когда я еще получал радость от работы, имел ничтожно малое сальдо. Было бы неплохо его увеличить за счет доходов. Правда, помню старый английский анекдот.

- Что там за шум на улице, Бэрримор?
- Забастовка проституток, сэр.
- И чего же они требуют, Бэрримор?
- Повышения заработка, сэр.
- Им действительно мало платят?
- Да нет, сэр.
- Так почему же они все-таки бастуют?
- Бляди, сэр.

Кандидатскую диссертацию защитил в 1994 году в Тартуском университете, а докторскую — в 1975 году в Ленинградском университете. Однако из-за козней «черного оппонента» пришлось ее перезащищать в 1977 в столице советской родины на ученом совете института, называвшегося НИИПИПИ (подробности см. в рассказе 13). Хорошо, что по профилю знаний я не был направлен на перезащиту в Научно-исследовательский институт химических удобрений и ядов.

В школе получил прозвище Шкраб, т. е. Школьный Работник, С 5-го по 7-й класс — председатель совета пионерской дружины школы. 8-9-й классы — секретарь комсомольской организации школы, все студенческие годы

— член комитета комсомола факультета. В Таллинне долгие годы был членом райкома партии, а в эпоху раннего горбачевизма — заместителем председателя идеологической комиссии горкома партии.

Сейчас моя партия — любимая супруга Маргарита Дмитриевна Петрова (кликуха Ритуся), с которой нахожусь в состоянии перманентной дискуссии по основным проблемам бытия и сознания, и родной мой сын Игореша, отделенный водами Финского залива, но близкий по духу.

1.2. Происхождение

Когда и где меня произвели на свет, я узнал немного позже, чем это случилось. Но то, что прояснилось потом, подтвердило мои ранние ощущения. Я родился, хотя и не по собственному желанию, но мама и папа меня ждали и надеялись, что ребеночек будет им в радость. У нас рано возникло взаимное теплое чувство и оно компенсировало многое из того, чего почти никогда не было или было явно недостаточно: материального достатка (война и позже), в первую очередь.

Готов биться об заклад, что любовь к родителям, жене, сыну, внукам, домашним тапочкам и родине — это совсем разные чувства, а вот слово одно. Поэтому остерегаюсь им часто пользоваться.

Из рассказов и документов получил информацию, что увидел свет 12 августа 1932 года, когда молодая супружеская пара, состоявшая из Макса Лившица и Голды (Галины) Гофман, естественно, ставшей тоже Лившиц, проживала на улице Колокольной в центре Ленинграда.

Они снимали комнатку у старой актрисы Александринского театра. Звали они ее ласково тетя Катя. Вроде в свое время была знаменита. Фамилия у нее была через черточку, двойная. Кажется, Корчагина-Александровская. Мне родители пару раз рассказывали о ней и о том счастливым для них времени. Но я многое забыл.

Актёрская шатия-братия в этой квартире часто устраивала после спектаклей шумные посиделки до глубокой ночи. Там было уютно и весело. Возможно, потребность в такой обстановке оказалась во мне генетически запрограммированной, что я и испытывал во все последующие времена.

1.3. Ой, еврей ли?

За годы жизни в Советском Союзе мне неоднократно приходилось убеждаться в том, что чего уж не следует делать, так это выпячивать грудь и заявлять, что ты еврей.

Долго мне как-то удавалось быть обладателем не очень семитской внешности. И только на закате, когда твоя суть вылезает наружу, вдруг стали заметными специфические черты, которые сейчас в еврейской общине города Таллинна позволяют мне себя чувствовать (по лицу) не совсем посторонним лицом.

Небольшое отступление.

До второй половины XVIII века евреи Западной Европы жили обособленной жизнью. Но уже в этом же столетии среди евреев Германии началось движение хаскала הלשָׁה – еврейское просвещение, которое возглавил дед знаменитого композитора Феликса Мендельсона-Бартольди Моисей (Мозес) Мендельсон. Это движение было призвано раз и навсегда покончить с антисемитизмом.

Мозес Мендельсон, выходец из ортодоксальной еврейской семьи, считал, что евреев ненавидят потому, что они выделяются из общей толпы: одеваются по-другому, говорят на другом языке... Если же они будут выглядеть, как все, то их ненавидеть перестанут. Он призывал евреев влиться в общую гамму немецкой культуры и внешне раствориться в ней. Его девизом было: «Будь евреем в своем доме и немцем на улице».

Мозес Мендельсон и его последователи много сделали для эмансипации евреев, выхода их из гетто и интеграции в немецкое общество. Это движение имело большой успех среди евреев, особенно богатых и образованных. Многие из них стали переходить в христианство. Так поступили и трое детей Мозеса, в том числе отец Феликса Авраам, который крестил своих детей, а через некоторое время сам вместе с женой перешел в лютеранство. Для смягчения «компрометирующего» звучания к фамилии добавилась приставка Бартольди.

Просветительское движение немецких евреев сыграло большую роль в возникновении хаскалы и в России. В первой половине XIX века самой характерной и печальной чертой еврейского быта и культуры в России, как и в Германии, была изолированность евреев от окружающего мира. «Мендельсоном» русских евреев стал Исаак Бер Левинзон, который считал, что нужно изменить систему воспитания евреев, евреям необходимо европейское образование. В начале XIX века это движение стало быстро распространяться среди евреев Петербурга. И уже в 50-60-е годы евреи России стали постепенно ассимилироваться, особенно городские евреи.

Так вот, Колокольная улица находилась в анклавном расселении петербургских евреев. Многие соплеменники, которым удалось перебраться через черту оседлости и поселиться в столице государства Российского, долгие годы были полноценными иудеями, глубоко верующими, со своей древней культурой, обычаями, языком. Потому и старались жить обособленно и компактно. Такое явление хорошо известно городам, где много иммигрантов, Нью-Йорку, например.

Но к началу следующего века появилось немало отошедших, что на воровском жаргоне означает «ссучившихся», утративших весь еврейский образ жизни. То ли потому, о чем речь шла выше, то ли в силу нееврейских обстоятельств жизни. В советское время этому процессу были созданы идеологическое обоснование, берущее начало от марксовской идеи тотальной ассимиляции евреев, и соответствующая ему репрессивная политика уничтожения еврейской уникальности. Илья Эренбург в письме И. Сталину от 3 февраля 1953 года сформулировал то, что уже давно реально осуществлялось. *«Мне кажется, — заявлял он, — что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут».*

Существует предположение, что эти слова были реакцией писателя на просочившуюся секретную информа-

цию о подготавливаемой И. Сталиным высылке всех советских евреев в Сибирь.

Заблуждение писателя состояло не в том, что он очевидное выдал за новацию. Его наивная недальновидность выразилась в надежде, что ассимиляция спасет евреев от антисемитизма. Ничего подобного не произошло и не могло произойти. Потому что в этом вопросе акцент делается не на том, кем ты себя считаешь, а на том, что ты есть для других. Эти «другие», заподозрив ассимилянта в принадлежности к еврейству (по родословной, фамилии, форме носа и др.) будут показывать свою враждебность без всяких скидок на его потуги быть «своим парнем» («сестрой»).

Кстати сказать, такое наблюдение поучительно для сегодняшнего русофобства на постсоветском пространстве. Не случится ли нечто подобное с теми людьми русской культуры, кто поверит в призывы к ассимиляции, исходящие от национально озабоченных идеологов титульных наций?

Кто такие на идиш «хофманы», разгадать нетрудно: очевидно, люди двора. С «лившицами» дело обстоит сложнее. Один из знатоков мне пояснил, что окончание фамилии явно смахивает на «защитника» (от немецкого преобразованного «Schutz»). Мол, в еврейских поселениях на севере Баварии была особая каста охранников, защищавших свою территорию от посягательств извне. Но что такое «лив»? Не ливонцы же? А кто его знает? Может быть, это были защитники от бандитов из Ливонского ордена? Возможно, что охранная деятельность у первых лившицев там и тогда получалась.

На самом деле, как позже удалось выяснить, место происхождения фамилии оказалось иным. В моей песне, посвященной генеалогии рода, приведена такая информация:

Был в Силезии когда-то
Неприметный городок.
В нем и бедно, и богато
Жили judi, кто как мог.

Любошютцем город звали.
Из него фамилий рой,
Куда Лившицы попали,
В путь пустился вековой.

Что имели и творили
Мои предки в вихре лет,
Как страдали и любили,
Не найти теперь ответ.

Лишь из Сети всплыли вести,
Что фамилия моя
У раввинов была в чести
Там, где польская земля.

Но в советское время осталась только беззащитная фамилия. Ведь перефразировал же какой-то острослов текст из знаменитой Песни о Родине И. Дунаевского и Лебедева-Кумача «за столом никто у нас не лишней...» в «за столом никто у нас не Лившиц». Это, как понятно, выдающееся достижение пролетарской власти. Такой заголовков уже во время хрущевской оттепели был дан одной из статей в политическом еженедельнике «Новое время», но справедливости ради замечу, что сделано это было иронично и иносказательно.

Моя фамилия, оказалось, есть у большого числа соплеменников. Однажды в Таллинне на каком-то мероприятии, проходившем в Центре русской культуры (бывший Дом офицеров флота) ко мне подошел председатель Союза славянских обществ Эстонии Николай Соловей. Его просьба показалась странноватой. Он хотел, чтобы я выяснил, бывал ли в Таллинне Петр Ильич Чайковский (о том, что великий композитор посетил Хаапсалу, давно известно), а если да, то где, когда и в связи с чем. Один коллега, когда я ему рассказал об этом, высказал предположение, что Н. Соловей перепутал меня с другим Лившицем — Яковом. Тот прославился своими многочисленными публика-

циями в газетах и выступлениями по радио об истории Таллинна и культуре Эстонии. На адрес редакции газеты «Эстония» мной было отправлено письмо однофамильцу с рассказом о случившемся. Письмо заканчивалось призывом «Лившицы Эстонии, объединяйтесь!» Ответа не последовало.

Схватить за хвост еврейскую самобытность мне уже не представилось возможным. Ни вера, ни язык в родительской семье никак не указывали на этнические корни. Таких указателей я не смог обнаружить ни у кого из родственников по папиной линии, даже у деда Григория Осиповича и его брата Михаила Осиповича, жившего до войны чуть ли не в соседнем с нами доме. Иногда в разговорах какие-то словечки, почерпнутые из идиша, проскакивали, но они воспринимались как крупинки жаргона, который сложился у лабухов (ресторанных музыкантов), к коим принадлежал папа, как и все его родные братья.

Но мама все же делала по праздникам (в том числе и революционным) фаршированную рыбу, чаще — цимес (который я ел, давясь), ходили в гости к маминым сестрам, у которых (прежде всего у Ривы) национальная специфика явно присутствовала. У нас на платяном шкафу лежал покрытый слоем пыли молитвенник на иврите. Мама никогда его не открывала, но говорила мне, что эта книга приносит в дом счастье.

Мое ощущение собственного еврейства — скорее всего следствие антисемитизма. Тема серьезная, оставим ее для социологов и политиков. Но одного аспекта хотелось бы коснуться. Отношение к евреям — тема бесчисленных анекдотов. Нередко один и тот же сюжет может быть истолкован различно в зависимости от того, кто предположительно его придумал. Если еврей, то вроде бы подчеркиваются способность приспосабливаться к сложным ситуациям. Если нет, то дается предупреждение, как опасно иметь дело с евреем. По сути это толерантный антисемитизм.

Адвокат и старый еврей сидят рядом в долгом полете (в самолете). Адвокат подумал, что еврей, похоже, — лох, и спросил его, не хочет ли он с ним поиграть в забавную игру. Старый еврей устал и хотел подремать, поэтому вежливо отказался. Но адвокат настаивал и сказал, что эта игра доставит ему много удовольствия.

— Я задам вам вопрос, и если вы не сможете ответить, вы мне даете 5 долларов. Затем вы зададите мне вопрос, и если я не смогу ответить, я вам плачу 500 долларов.

Это привлекло внимание еврея, и он согласился играть в эту игру.

Адвокат задал первый вопрос:

— Каково расстояние от Земли до Луны?

Старый еврей, не сказав ни слова, достал из кармана пятидолларовую купюру и вручил адвокату.

Настала очередь еврея. Он спросил адвоката:

— Что поднимается на холм на трех ногах и спускается на четырех?

Адвокат достал свой лаптоп и начал искать всевозможные ссылки и справки. Но ничего не нашел в Сети. Он послал e-mail всем своим умным друзьям, которых он знал, но без пользы. Через час после поисков он, наконец, сдался — разбудил еврея и отдал ему 500 долларов.

Старый еврей положил деньги в карман и снова уснул.

Адвокат как ни шевелил мозгами, ответа не нашел. Он разбудил старого еврея и спросил:

— Хорошо, так что же поднимается на холм на трех ногах, а спускается на четырех?

Еврей пожал плечами, полез в карман, вручил адвокату 5 долларов и снова уснул.

Не связывайтесь с евреями.

1.4. Язык мой и не мой, когда я немой

Мой родной язык — русский. Родной и единственный. Немецкому меня в школе стали учить в 1945 году. Всю ненависть, которую тогда испытывал к поверженному немецкому фашизму, я перенес на этот предмет. Масла в огонь подливало советское кино о прошедшей войне. Кажется, учителя очень старались, чтобы дети плохо освоили язык.

В «Легендах Невского проспекта» Михаил Веллер разъясняет ситуацию того времени с большой долей сарказма. «Советский человек и иностранные языки – это тема отдельного разговора. Когда в шестидесятые стали расширять международные связи, оказалось, что языков у нас никто не знает. Что прекрасно характеризует работу КГБ, начисто отучившего поголовье населения от общения с иностранцами. Даже студенты-филологи языковых отделений имели по программе часов языка столько же, сколько марксизма-ленинизма. И то и другое им не полагалось знать лучше своих преподавателей. [...] Исходили из того, что язык, как и вообще любая наука, – дело нужное и не самое главное. Главное – чтоб человек был хороший: наш, правильный. Как было записано во всех методиках – что такое советский специалист? Во-первых, это специалист, овладевший в полном объеме марксистско-ленинским мировоззрением, и уже во-вторых – всем остальным. Именно вот так это было записано, черным по белому, и никакого преувеличения, шаржа и прочего стеба здесь нет. Правда, суровая правда».

Потом, в студенческие годы, как и по другим дисциплинам, по немецкоязыковой я был отличником. Успешно сдал затем кандидатский экзамен. Читал профессиональные тексты. Но тем и ограничился. Эстонский тоже ко мне практически не прилип, о чем очень скорблю. Он — язык не мой, и я с ним немой. Но и к русскому есть претензии. Сейчас чувствую, как трудно писать на един-

ственном и неповторимом. Оказывается, он и богатый, и бедный одновременно. Как много одних и тех же слов используются в разных смыслах!

Весьма точный анекдот на эту тему, дошедший с дореволюционных времен.

Полк покидает уездный город, где был расквартирован. Бал по этому поводу. Молодой поручик развлекает группу дам:

– Дамы, вам задам загадку. Что под яйцами гладко?

Одна падает в обморок, другая громко возмущается охальником, третья покидает компанию, громко топая ножками. На шум из биллиардной комнаты выходит полковник. Ему с возмущением сообщают о бестактности его подчиненного.

– Поручик, – строго спрашивает он, – что вы имели в виду?

– Яичницу, господин полковник!

– Вот видите, дамы, все весьма прилично.

Уходит, но через некоторое время возвращается. Отводит поручика в сторону и спрашивает:

– Любезнейший, объясните мне, старому, как же это так: голой жопой – и на раскаленную сковородку?!

1.5 .Пушкинская, 16, кв. 5

Недалеко от Колокольной находится Пушкинская улица. Ее-то я и считаю своей малой родиной. Где-то в возрасте двух-трех лет, когда семья стала занимать одну комнату в относительно небольшой коммунальной квартире на третьем этаже дома 16 на улице, названной именем великого поэта и не менее грандиозного женолюбца, малыш стал что-то соображать и испытывать какие-то увлечения и влечения.

Пушкинская улица — сказка, созданная в семидесятые годы позапрошлого века. Вливается в Невский. Всего двадцать домов. Все они примерно одной высоты, украшены лепниной. Дома, конечно, были обшарпанными. Тем не менее, впечатление — как от одного могучего вибрирующего музыкального звука, исторгнутого незаурядным оперным голосом, прокатившимся по залу и заставившим содрогнуться зрительские сердца. Это мое детское впечатление.

Посередине улица расширяется, предоставляя место для крохотного скверика, в центре которого стоит величественный памятник А. С. Пушкину. Рукотворный монумент, на пьедестале которого в числе прочего начертано, что сам поэт себе соорудил памятник нерукотворный.

Мне долгое время никак не удавалось узнать, почему этот памятник, по всей видимости, один из первых пушкинских в городе, был поставлен на улице, которая получила свое наименование то ли из-за светоча русской культуры, то ли из-за его изваяния.

Спустя много лет я заглянул в Гугл и обнаружил там сведения о том, что Пушкинская улица возникла, хоть и в 19 веке, но по истечении более трех десятилетий со смерти поэта.

Памятник А. С. Пушкину на Пушкинской улице

Всегда ли улица, которая известна ленинградцам под названием Пушкинской, носила имя поэта? Чем она связана с памятью о Пушкине?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужно обратиться к старым планам Петербурга, к путеводителям по городу, к петербургским газетам и журналам 70-80-х годов XIX века. Если взять, например, книгу Вл. Михневича «Петербург весь на ладони», изданную в 1874 году, и взглянуть на приложенный к ней план города, можно убедиться, что в то время улицы, соответствующей по месту Пушкинской, в Петербурге вообще еще не существовало. Лишь через пять лет в числе петербургских улиц появляется Новый переулок, проложенный параллельно Лиговке и соединяющий Невский проспект с Кузнечным переулком, — будущая Пушкинская улица.

В 1880 году, в те дни, когда Москва готовилась к торжественному открытию памятника Пушкину, созданному А. М. Опекушиным, Петербургская городская дума на заседании 21 мая приняла решение

назвать «новый переулок, идущий от Невского проспекта к Кузнечному переулку, Пушкинскою улицею». Основанием для этого послужило то обстоятельство, что «около этой местности жил Белинский, первый замечательный критик А. С. Пушкина». Тогда же было решено поставить на расширении вновь названной Пушкинской улицы, образуя маленькую площадь, памятник Пушкину, соорудив его на средства, отпущенные городом.

В квартире на третьем этаже относительно бесконфликтно соседствуют три семьи. Наша 20-метровая комната расположена в довольно-таки широком, но не длинном коридоре, по соседству с входными дверьми, так что одна стена отделяет нас от лестницы подъезда, а противоположная — от коммунальной кухни.

Комнаты соседей находятся поодаль, у них — свой узенький коридорчик. Наша комната — скромная, но с высоким потолком, бронзовой массивной люстрой по центру (с фигурными отверстиями для проникновения света, изнутри затянутыми красным шелком), красными обоями с серебристым узором. Полуторка — металлическая кровать для родителей, диванчик — для меня, платяной одностворчатый фанерный шкаф с дверью-зеркалом и небольшой буфет. Картонный черный футляр, приткнутый к шкафу, с виолончелью, где я однажды, будучи один в комнате, обнаружил презервативы. Что это такое, было непонятно. Но шарик, который удалось надуть, получился забавным.

У стены — обеденный стол и четыре стула. В углу у входных дверей — металлическая печь для дровяного отопления. Паркетный пол в этом месте — в многочисленных крохотных вмятинах. Это следы от папиной виолончели. Дрова сложены в коридоре. Окно слепо смотрит во двор-колодец. Солнце в комнате чаще всего в виде зайчиков — отражений от стекол противоположной стены дома. Летом, когда жара, в комнате прохладно.

Удивительно, как на крохотной безоконной кухоньке, похожей на носовую часть уголого катера, размещались

единственная раковина с краном холодной воды, используемая для всех водных надобностей тринадцати жильцов квартиры, четырехкомфорочная плита, столы каждой семьи, полки с кастрюлями и прочей утварью, а также уборная, вход в которую был с кухни и которая попутно выполняла функцию избы-читальни (разорванные газеты, нанизанные на гвоздь, предназначены понятно для чего, но их тянет прочитать).

Анекдот:

- Хайм, ты выписываешь газету «Правда»?
- А зачем? У меня есть радиоприемник.
- Так ты, что, в уборную с антенной ходишь?

На лестнице около дверей нашей квартиры — надпись о том, сколько раз нужно дергать за тросик звонка, чтобы дверь открыл именно тот квартирант, к которому пришли. Но отдельных электролампочек, подключенных в соответствующем месте общего пользования к персональному электросчетчику каждой семьи, что приходилось наблюдать в других коммунальных квартирах, у нас нет, отчего у меня возникает тихое чувство превосходства по отношению к некоторым дворовым пацанам.

1.6. Мама

Иногда с кухни доносятся раздраженные голоса, среди которых выделяется самый громкий — мамин. Я уже усвоил этиологию кухонного скандала. Сначала выясняется, кто это такой не убрал за собой мусор и не вымыл газовую плиту, или кто долго занимал уборную, или израсходовал больше электричества, чем указал в расчетном листке. Потом, в более крутых выражениях, — общая негативная оценка личности предполагаемого нарушителя порядка и в ответ — обличающего субъекта. Завершающая часть — презрительная характеристика национальных качеств, присущих каждой из спорящих сторон.

Конфликты между жильцами могли возникать по разным причинам. Одна из проблем коммунальных квартир состояла в противоречии между общим и индивидуальным использованием помещением с учетом того, что потребительские вещи, находящиеся в местах общего пользования, продолжали оставаться в личной собственности жильцов. Об этом такой анекдот:

Женщина моется в общей ванной коммунальной квартиры, а сосед встал на табурет в коридоре и заглядывает через стеклянный верх двери.

Она заметила и говорит:

– Ты что, голой бабы не видал?

– Нужна ты мне! Я смотрю, чьим мылом ты моешься!

Но чтобы доходило до подсыпания мусора в кастрюлю с кипящим на плите супом или, упаси Боже, до рукоприкладства, такого никогда у нас не было. Мама, раскрасневшаяся, вбегает в комнату, громогласно сообщает, с кем из соседей она перестает разговаривать. Но через две-три недельки мир восстанавливается до очередного нарушения порядка.

Мама — тогда еще, естественно, молодая (год рождения — 1907), заботливая, добрая, бесхитростная. Ее образ овеян очень дорогими воспоминаниями. Много позже, когда в пионерском лагере мне поручили сыграть в инсценировке по роману А. Фадеева «Молодая гвардия» роль Олега Кошевого, то с болью в голосе (вроде бы у зрителей глаза тоже сырели) на фоне музыки «Элегии» Масне, которую папа извлекал из аккордеона (он работал лагерным музыкантом) я с искренней верой в то, что речь идет о моей маме, произношу: *«Оглянись, юноша, и скажи, не от тебя ли, не от меня ли, не от него ли седеют наши матери. Мама! Мама! Я помню твои руки с того самого мгновения, как стал осознавать себя на свете»* Особенно во время болезни, когда ждешь целебного прикосновения этих рук, живительное тепло от которого обволакивает тебя с головой.

Родители. 1957 год

Характер вспыльчивый, хотя быстро отходит. Сероглазая, круглолицая, коренастая, полноватая. Кто-то заметил, что самое великое изобретение химиков — это блондинки. В Казани, куда нас переместили из окруженного врагами родного Питера, ребенок с удивлением наблюдает, как мамины пшеничные волосы становятся цвета дубовой коры.

1.7. Гофманиада

В Ленинград мама прибыла в конце 20-х годов прошлого века из маленького белорусского городка (кажется, Толочин). Ее отец (т. е. мой дед Абрам Гофман, которого я никогда не видел) торговал лесом.

Им был куплен большой дом, где разместилась многодетная семья. Мама рассказывала, что, когда штабу полка германской армии, оказавшейся на белорусской территории, потребовалось помещение, то командование избрало их дом, размеры которого позволили спокойно и мирно сосуществовать и семье, и оккупантам.

Кроме жены (меня к бабушке пару раз водили в гости на Сенную площадь, почему-то имя ее не произносилось, и я его не знаю; в эвакуацию она отправилась с семьей старшей дочери, до места назначения не добралась, скончавшись на каком-то полустанке, где и похоронена) у лесоторговца было пять девочек и один сын. Сын был членом Комбеда, активистом кампании по продналогу, в ходе которой и погиб.

Голда и Нина, симпатичные сестры-хохотуни, на вечеринке знакомятся с двумя веселыми друзьями, Максом и Яшей (отцом моих двоюродных сестер Эффи и Аллы), влюбляются на основе взаимности и выходят за них замуж. Родственные связи молодых жен образует круг их сестер, включающий кроме их самих Миру, Риву, Берту. Они получили основное школьное образование (9 классов). Все в Питере удачно выходят замуж, да так, что первые две всю жизнь имеют возможность заниматься лишь домашними делами. До войны к этой группе относилась и Голда. Видно, папины ресторанные доходы до мобилизации в действующую армию оказались вполне достаточными, чтобы жена могла не работать, нанимать в течение первых семи лет жизни единственного сына домработниц, летом снимать дачу в Сестрорецке.

Небольшое отступление. Был и остаюсь противником такой тотальной эмансипации женщин, при которой для них исполнение всех ролевых позиций мужчин в области общественного производства, социальных отношений, политики и культуры признается выдающимся достижением современной христианской цивилизации. На самом деле движение в этом направлении имеет своим следствием снижение уровня рождаемости до недопустимого предела, за которым открывается пропасть, куда катятся почти все европейские народы, в том числе русский и эстонский. Угроза их исчезновения – факт реально прогнозируемый. Так уже изначально сложилось по законам природы, что женщина не только производит детей, но и является основным субъектом их социализации. В конце концов этот очевидный факт необходимо публично признать и считать воспитание детей и занятие домашним хозяйством таким же значимым для общества трудом, как и труд в общественной сфере. То есть распространить принципиальные установки трудового законодательства на этот вид жизнедеятельности. Важно изменение массового сознания, для которого сфера домашнего быта и детской домашней педагогики должна обладать статусом не менее значимым, чем занятия за их пределами. Проблема имеет и много других аспектов.

Все (кроме Берты, мелкого, но вечно занятого работой большевистского партийного босса) сестры дружны, гостеприимны, и одно из моих обожаемых детских занятий – ходить вместе с родителями к ним в гости. Кроме того, что там можно полакомиться всякой вкуснятиной, доставляет радость само ожидание отвести душу в играх с детьми. У меня есть, конечно, дворовая компания. Но я – ребенок не детсадовский, а домашний, и надежда пообщаться с двоюродными родственничками действует зажигательно. Однако мечты сбываются далеко не всегда.

Мира с Семеном (муж, деловой человек, обеспечивший по тем временам редкое безбедное существование своей семьи) богаты старшим сыном Толей (он для меня взрослый, в начале войны его возраст оказывается призывным, вскоре погибает на фронте) и дочерью-красавицей-златовлаской Ляленькой, которая тоже старше меня.

Иногда она берет меня на прогулку. Иду по переулку Подбельского между двумя очаровательными девушками (Лялина школьная сероглазая подружка), они держат меня за руки, а я млею от удовольствия, что оказался рядом с прекрасными нимфами.

Рива и Соломон (обаятельный молчун, умница, еще более деловой, чем Семен, артельщик-обувщик, создавший впечатляющий уровень жизни для семьи, которому мы с мамой обязаны спасением от голода и прозябания во время войны). Дочка Сонечка старше меня, умна, язвительна, самодостаточна и при этом беспредельно отзывчива и добра. Но ей не до игр со мной.

Потом появляется ее брат Шурик, но я старше его на шесть лет. Хотя он — очень забавный. В большой комнате квартиры дома на Васильевском острове красуется производящая впечатление своими размерами металлическая кровать. Ее спинки — высокие, широкие, с многочисленными никелированными завитушками, ромбиками, кружочками. Маленький Шурик, как мартышка, ловко и стремительно взлетает по этой спинке вверх, веселя своим темпераментом и ловкостью хозяев и гостей, в том числе и меня. (Живущий сейчас с семьей в Нью-Йорке Шурик, которому за 80, недавно сказал мне, что кровать сохранилась и находится на его даче под Выборгом.)

Нина и Яша Гринзайт живут на Петроградской стороне (Пушкарская улица). Нина — очаровательная оптимистка, остроумная анекдотчица, добрейшая душа. В то время Яша — в расцвете сил, но вскоре война заберет его жизнь. У них две девочки: моя ровесница Эффи и младшая Алла. С девочками можно поиграть, но все-таки это женские натуры, и мальчишеские забавы им не совсем по душе.

1.8. Песни об Иосике

На стене комнаты висит черная тарелка репродуктора. Это по существу единственный источник политической информации, так как газеты приобретаются и читаются весьма редко. Поэтому когда сейчас слышишь упреки в том, что поколение родителей по-рабски сносило сталинские репрессии, необходимо учитывать, что многие, подобно нашей семье, и не знали о них. Чтение подцензурных газет, кстати, тоже не сделало бы ситуацию ясной. Из динамика несутся патриотические марши, мелодичные песни, прославляющие вождя и партию. Дикторы, в том числе и знаменитый Юрий Левитан, сообщают о событиях так, как будто гвозди вбивают в голову. Сергей Михалков как-то съездив в адрес Ю. Левитана: *«Юра, когда ты умрешь, твое горло наверняка будут хранить в музее мозга»*. Во всяком случае, это горло сыграло большую роль в насыщении чужих мозгов идеями системы.

Весьма часто звучит классическая музыка, транслируются драматические спектакли. Все это создает ощущение мажорности и насыщенности культурного раствора, в котором ты барахтаешься. К тому же мама читает мне много книжек: Чуковского, Маяковского (детские стихи), Маршака, Барто, Андерсена, братьев Гримм, Гауфа и др. Убогость жизненных условий — не в счет, когда поет душа, переполняемая радостью от существования.

Бедный Иосиф Сталин так и прожил свою жизнь, не предполагая, что пацан Юзик Лившиц оказался замороженным его образом. В кино этот образ создал артист Михаил Геловани (фильмы «Ленин в октябре», «Ленин в 1918 году»). Вождь умен, он знает, что и как надо делать, чтобы победить врагов, он решителен и авторитетен. Его скромность подкупает. С ним все считаются и очень уважают. Сам Ленин ценит в нем бескорыстную преданность идее мировой революции и железную волю. К тому

же товарищ Сталин — симпатичный мужик, у него добрая улыбка, прикрываемая шикарными усами, и внимательный, проникающий в душу взгляд.

А тут еще из репродуктора почти каждодневно льются яркие запоминающиеся мелодии, на которые удачно ложатся сочиненные стихотворцами тексты о Сталине. Например:

На просторах Родины чудесной,
Закаляясь в битвах и труде,
Мы сложили радостную песню
О Великом друге и Вожде.

Припев:

Сталин — наша слава боевая!
Сталин — нашей юности полет!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

Фрагмент из другой песни:

И звезды сильней засияли,
И кровь ускоряет свой бег,
И смотрит с улыбкою Сталин —
Советский простой человек.

Третья песня содержала такие слова:

О Сталине мудром, родном и любимом,
Прекрасную песню народы поют.

Известный американский социолог русского происхождения Питирим Сорокин как-то заметил, что в СССР в те годы строился социализм на музыку Дунаевского и слова Лебедева-Кумача. Уже после смерти вождя социологи подсчитали, что подобного рода произведений (включая прозу, стихи, драматургию, кино) было создано более 160.

Такая продукция выпускалась миллионными тиражами

Уже в раннем детстве в подсознании человека создавали установку на некритическое и сугубо положительное отношение к тому, что сейчас назвали бы инновациями социальной системы. Системы, при которой мысли, поступки не только вне дома, но и в семье, в товарищеской компании, были поставлены под контроль всевидящего ока партии и государства, отвечавших репрессиями на всякие сомнения, недовольства или даже шутки по поводу своего подневольного и нищенского существования. Система строилась на лжи.

В те годы, когда малыш восторгался вождем, тот выкидывал те еще фортеля. В докладе о проекте Конституции в 1936 году И. В. Сталин утверждал, что главным достижением советского строя стала гарантия прав и свобод трудящихся. Между тем за год до этого возникли органы массовой незаконной расправы с теми же трудящимися, не предусмотренные Конституцией, — суды «тройки». Год спустя было физически уничтожено 4/5 делегатов партийного съезда. А в тогдашней «Песне о Родине» Дунаевского и Лебедева-Кумача между тем утверждалось, что «человек проходит как хозяин необъятной Родины своей». Потребовались десятилетия, чтобы ко мне пришло понимание, какое страшное это было время и жертвой какого чудовищного обмана стала наивная душа маленького человека.

Написав эту банальную сентенцию, я сразу же подумал, что простота сложности — это все-таки не то же са-

мое, что сложность простоты. Простой белый цвет при анализе раскладывается на все цвета радуги.

О несколько более позднем времени, но по сути дела о всей сталинской эпохе Габриэль Маркес (между прочим, Нобелевский лауреат, всемирно известный колумбийский писатель) сказал весьма точные слова.

С трудом укладывается в голове, насколько он (т. е. Сталин. – Ю.Л.) был всеильным, насколько жители его древней загадочной страны верили в него. И это была какая-то ирреальная, невидимая власть: Сталина мало кто лицезрел воочию, в народном воображении он и в начале 50-х годов, когда ему перевалило за 70 и он превратился в старика, Хозяин имел возраст своих бесчисленных портретов. Сталин создал собственную империю, которая не могла существовать без него. Уже на следующий день после его смерти система начала шататься. Он контролировал абсолютно все, даже культуру. Его усилиями в Советском Союзе возникла атмосфера мелкого деревенского ханжества, которая убивала истинное искусство. Достоевского, перед которым преклоняются миллионы людей на Западе, Сталин объявил реакционером, а известного всему миру Сергея Эйзенштейна обвинил в формализме – «традиционном» пороке тех лет. Все было односторонне. В советской литературе не существовало детективного жанра, как я понял позднее, из-за того, что в этой стране практически не было преступности.

40 лет жизни за «железным занавесом» в тотальной изоляции привели к тому, что советские люди безнадежно отстали от западного мира и порой попадали в комические ситуации перед иностранцами. У нас не укладывалось в голове, как в стране, являющейся одной из двух великих держав, обладающей мощнейшей тяжелой промышленностью, атомным оружием, космическими ракетами, в стране, в которой поворачивают вспять реки, – люди не имеют представления о самых элементарных вещах, 90 процентов населения носят плохонькую одежку и ужасные ботинки, витрины продуктовых магазинов, мягко говоря, выглядят очень скромно, а нехватка рабочих рук превратилась в нечто вроде навязчивой национальной идеи, из-за которой женщины, наравне с мужчинами, с

киркой и лопатой работают на шоссейных и железных дорогах. Целые семьи ютились в одной комнатухе, не могли себе позволить ничего лишнего, но при этом гордились, что советский спутник первым побывал на Луне.

А туалеты? Видели ли вы общественные туалеты, которыми была утыкана ядерная держава? Длинные деревянные возвышения с полдюжиной отверстий. Полдюжины респектабельных товарищей, присев на корточки над этими отверстиями, справляли нужду.

То, что называли социализмом, являлось многовековой мечтой людей, униженных и оскорбленных господствовавшими веками экономическими и политическими режимами. Не только представители тяжкого физического труда, но и многие интеллектуалы грезил будущим, в котором все будут жить и трудиться для себя, обладать материальным достатком, пользоваться плодами образования и культуры, вести здоровый образ жизни, а общество и государство — проявлять заботу о каждом. Однако все получилось так, как позже сформулировал Игорь Губерман:

Мне Маркса жаль: его наследство
 Попало в русскую купель.
 Здесь цель оправдывала средства,
 А средства обосрала цель.

Те, кто примкнул к социализму и тем более сделал его для себя мировоззрением, не могли представить, в какую ловушку они попадают. Мало того, что они стали пешками и разменной монетой в большой кровавой политической игре, которую вели люди, захватившие власть в России. Они сами стали подспорьем этой власти, которая внушала им, что массовые жертвы неизбежны ради светлого будущего, что правители капиталистических государств хотят их закабаления и выжимания из них всех соков ради беспредельного обогащения кучки буржуев.

Стремление исправить мир и сделать его из безумного рациональным, из насильственного отзывчивым (Маркс:

«Коммунизм есть реальный гуманизм») и т. д., не должно быть, по-моему, осуждено. Оно было и остается нормальной реакцией нормальных людей на ненормальные условия жизни.

В те годы, о которых сейчас мой рассказ, было много искренних и бескорыстных сторонников такого миропонимания. Но власть принадлежала не им. Те, кто ими управлял, кто держал бразды правления в своих руках, поддерживали веру в идеалы на уровне пропаганды, но их реальная политика определялась лишь циничной жадой власти и господства над наивной массой. Со временем эта масса превратилась в скопище людей, не верящих ни в бога, ни в черта, ни в самих себя.

Тем не менее, социалистическая мечта не пропала. Пусть не полностью, она стала воплощаться в жизнь в так называемых социальных государствах. Неслучайно о той модели соединения гражданского общества и государства, которая сложилась во второй половине прошлого века, говорят как о «скандинавском социализме». Мы с Ритусей год прожили в Финляндии, были пользователями и свидетелями осуществления такой модели социального развития.

1.9. Влечения

В другой комнате, со стороны улицы, проживает немецкая семья Гротов. Три великана. В преклонном возрасте отец, мать, а также их молодящаяся незамужняя дочь. Разговаривают то по-русски, то по-немецки. Мое «Я» их не принимает и при встрече даже сжимается от страха. Когда популярной стала песня «Если завтра война...», Гроты разъясняли, что бояться немцев не надо. Это культурная нация. А потом они куда-то бесследно исчезли, и их помещение было занято другими людьми.

Комнату метров 30 с большим окном, открывающим из лоджии вид на Пушкинскую улицу, занимает еврейская семья Рыбаковых: набожный бородатый дед, его пухлая маленькая жена Циля Абрамовна, их дочь — врач, работающая в поликлинике, Мария Владимировна (русский вариант еврейского подлинника) и внук Витя, старше меня лет на восемь. В этой семье я частый гость. У них весело и уютно. Особенно когда собирается компания родственников с участием проживающих в нашем же доме сестры Марии Владимировны Веры, ее мужа Левы Мочкина, их детей Ромы и Марины. Лева поет романсы, аккомпанируя себе на гитаре. А то поставят на патефон пластинку с задушевым голосом Леонида Утесова, или Клавдии Шульженко, или Лещенко. Дети, и я в том числе, участвуют в общем веселье, уминая при этом вкусные бутерброды с маслом.

Слайды жизни, поясняющие первую мою информацию о влечениях, связаны прежде всего с Витей Рыбаковым. Он был уже сексуально озабоченным. Две симпатичные девушки-украинки оказались пристроены нянями (домработницами) в нашей и рыбаковской семьях. Женщины, одетые в тряпье, тощие, с потухшим взглядом, несколько раз просились принять их в служанки, рассказывая, что они с Украины, или Молдавии, или Поволжья, где все голодают и многие от голода умирают.

Но наши девчата — не из этих. Они энергичны, физически крепки, фигуристы и красиво поют украинские песни. Спят они на раскладушках, которые ночью выставляются в коридоре, примыкающем к нашей комнате. А Витя... Вижу, как он хватается девчонок за выпуклые места, заваливает то одну, то другую на пол коридора, пытаясь стянуть байковые трусы, а то ночью раздаётся поскрипывание пружин раскладушки и тихий сладострастный шепот. Сердце у меня отчего-то сжимается, я волнуюсь и понимаю, что мне открывается чужая малопонятная тайна, которую должен хранить без права оглашения.

Есть такой анекдот:

Стоят маленькие голые мальчик и девочка.

Девочка:

– Дай потрогать.

Мальчик:

– Не, не дам, у себя вон уже оторвала.

У меня было не совсем так, но похоже. Однажды, когда я один в комнате, туда проникает маленькая гостья наших соседей, которая старше меня на год. Она организует какую-то игру, а потом вдруг спрашивает: «Хочешь, я покажу тебе свою письку, а ты мне покажешь свою?» Мы стоим друг перед другом, обнаженные в нижних частях, и молча выясняем половые различия, не испытывая при этом, очевидно, (говорю только о себе, как она — не знаю) никаких позывов, кроме любознательности.

Однако не могу скрыть своих детских увлечений. Я волновался при виде белобрысенькой Таты, девчушки из дома 11, которая занималась в балетной школе. Походка у нее была уже балерунская, мне казалось, что она не ходит, а летает, а две золотистые косички управляют ее движениями в воздухе.

Были переживания из-за Нины из нашего двора, когда однажды первоклассник, сидевший на унитазах в до-

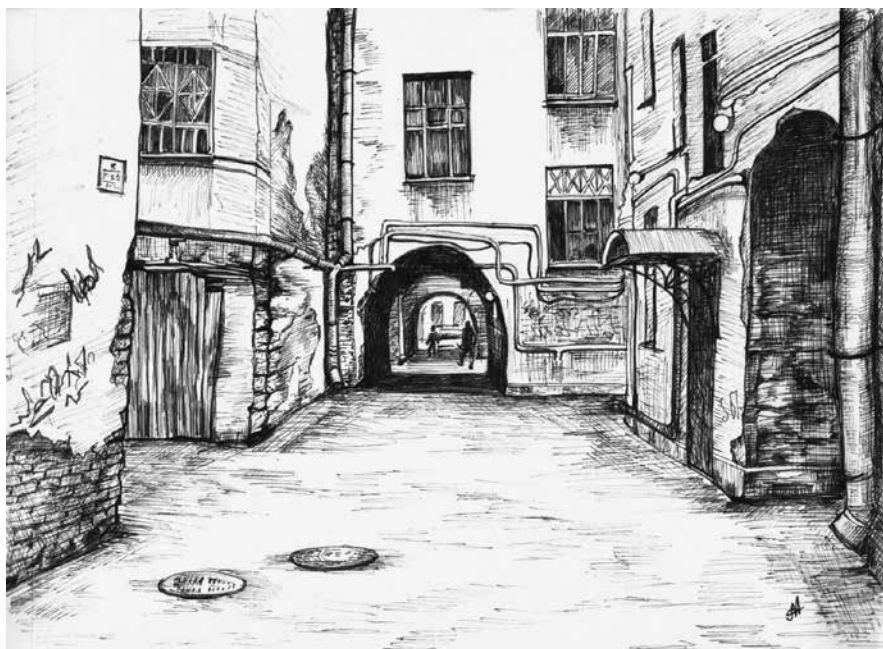
машнем туалете, сделал надпись на белой полоске от газеты, предназначенной на роль туалетной бумаги: «Люблю Нину!» Полоска не была использована по назначению, и мое откровение стало известно всей квартире. Надо отдать должное тактичности жильцов. Никто меня вслух не осудил и тем более не дразнил.

Допускаю, что и ко мне какие-то девчонки были равнодушны. В первом классе сидевшая позади меня толстушка на перемене без всякой причины воткнула мне в затылок ручку с пером 86, предварительно обмакнутой в чернила. Это, как выяснилось, была месть за то, что я не обращал на нее внимания.

1.10. Двор

Дворы многих старых петербургских домов, в том числе и на Пушкинской улице, — это глубокие котлы высотой в пять-семь этажей, бока которых образуют внутренние стены дома, а вход и выход происходят через арку подворотни. Но можно сказать и так, что котел существует не только в пространственном смысле, но и в функциональном. В нем варятся малышня и подростки, а готовое блюдо называется взрослым человеком. Здесь в значительной степени проходило мое довоенное детство.

В те годы, когда существовало печное отопление, дворы были хранилищами дров, которые в основном складывались в подвал дома, но какие-то поленицы красовались и под окнами первого этажа.

Питерский двор-колодец

К двору отношение старших презрительное. Не зря беспородную собаку зовут дворняжкой, а озорничающие сборища пацанов — дворовыми компаниями.

Но все-таки, как говорится в анекдоте:

Дворник дома за год проработал, как положено, лишь три дня, а остальное время был в запое. И все равно он принес обществу больше пользы, чем все городские чиновники, вместе взятые.

Мальчишки дворника побаивались, но он в общем-то не свирепствовал, спокойно относясь к нашим забавам. Лишь бы не развалили поленицы дров.

А игры были разные. Кое у кого (но не у меня) были самодельные самокаты, у которых вместо колес использовались подшипники. Соревновались. На заднем дворе, где находилась домовая помойка, малыши использовали грунт, в который любили втыкать ножики, чаще всего стащенные из дома. Коллекционировали фантики от конфет, обменивались ими, щелчками передвигали сложенные бумажки по поверхности, а чей фантик оказывался накрытым другим, тот проигрывал и терял на фантик право собственности.

Благодаря фантикам я узнал о такой стране, как Эстония. За год до начала войны появились шикарные, яркие, цветные обертки с изображением красавиц и красавцев (очевидно, звезд кино). Стало известно, что они — от эстонских конфет. Что это за страна и почему такие конфеты вдруг оказались в Питере, было непонятно, хотя взрослые говорили, что эстонцы попросились принять их страну в Союз. Кто мог тогда подумать, что с Эстонией окажется связанной вся моя взрослая жизнь?

Дворовые компании вели войны друг с другом. Злейшим врагом был дом 13, располагавшийся напротив нас. Но так как дворы некоторых домов на улице были проходными и имели выход на Лиговку, то приходилось сталкиваться и с известной на весь город лиговской шпаной. Малышня моего возраста использовалась в сражениях

по-разному. Часто в качестве лазутчиков. Однажды, когда я проник со шпионскими целями на территорию противника, то был схвачен и приговорен к смерти путем сожжения на костре. Меня привязали к столбу, что поддерживал крышу поленницы, настругали лучин, положили их под ноги жертвы и подожгли. Если бы не случайный прохожий, предотвративший казнь, могло бы произойти непоправимое.

Маме или папе позвать меня домой, если я играл во дворе, было, как говорят, проще пареной репы. Достаточно было посвистеть в открытую форточку.

У этого свиста — фамильная история. Папин отец Григорий Осипович был дружен с композитором Глазуновым. Тот пригласил его однажды на премьеру оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок». Деду особенно запомнилось оркестровое вступление к арии Шемаханской царицы. Этот мотив он часто насвистывал. Мелодичный свист в семье приобрел смысловое значение. Он означал «Иди ко мне». Так и пошло-поехало. От деда — к папе; от папы — к маме; от родителей — ко мне, от меня — к Рите, от нас — к Игорю. Как дальше, не знаю.

Роль двора явно сократилась, когда меня определили в первоклассники. Тогда в школу брали по достижении восьми лет. В первом классе я проучился до начала военного лета. Готовность к учебе была у меня значительно слабее, чем у одноклассников, прошедших через детсады. Получился средний хорошист. Кое-кто в классе оказался из нашего двора, с ними я и общался.

Сначала меня водили в школу, размещавшуюся в небольшом уютном доме в Кузнечном переулке по соседству с Лиговкой. Но после зимних каникул я был переведен в заведение, находящееся на последней, где уже с ностальгией вспоминал свою *alma mater*. Там обстановка была теплее, заботливее, интереснее, чем в новой школе. Учительница — худая брюнетка с тихим голосом, любившая гладить малышей по головке. Старший пионервожатый по имени Яша, в моих глазах великан, вовлекал нас

на переменах в разные игры и создал в школе (а она относилась к разряду лишь начальных) впечатляющую художественную самодеятельность. В память врезался спектакль «Маленький Мук», где дети в ярких костюмах пели и танцевали на сцене.

Война все поломала. Потом рассказывали, что одна девчушка — одноклассница, еврейка, кажется, по имени Зина, оказавшись в Киеве, была схвачена фашистами и заживо закопана в землю вместе со своей мамой.

Первый класс: я сию справа от старшего пионервожато-го Яши, а рядом со мной — девчушка, воткнувшая мне на перемене в затылок перо с чернилами

1.11. Папа

Такое впечатление, что на Пушкинской улице многие примечали родителей. Макс и Галина любили приодеться и выглядеть по-пижонски. Особенно папа. Зимой в мягкой шляпе серого цвета и темно-синем драповом пальто, с котиковой шалью, из под которой кокетливо выглядывала черная кис-кис на фоне белого воротника сорочки, к тому же еще, как тогда было модно, ботинки прикрыты светло-серыми гетрами. Стройный, с величаво поднятой головой, он всем видом показывал, что идет человек искусства, который гордится своим избранничеством. Хотя судьба у него оказалась нелегкой.

В многодетной семье Григория Осиповича маленького Максика чуть не потеряли навсегда по причине его тяжело-го заболевания — инфекционный менингит с осложнением. Он выжил, но последствия этой страшной болезни терзали его всю остальную жизнь. Когда болезненная волна отступала (недуг назывался циклотимией), Макс Лившиц становился веселым, приветливым человеком, а нередко, благодаря своей музыкальности, — и душой компании. Он сам был способен рифмовать и знал много забавных эстрадных куплетов. Запомнился, например, такой:

Чтобы в красавицу влюбиться
И на красавице жениться,
Ей под каблук попасть проворно —
Благодарю покорно!
Благодарю покорно!
Благодарю покорно!
И тыщу раз я повторю:
Покорно вас благодарю!

Вроде бы чушь. А совет-то дельный. Он мне запомнился и, как это ни покажется странным, стал руковод-

ством к действию. Если на жизненном пути попадалась красивая девчонка, занятая лишь своей персоной и строящая из себя принцессу, у меня даже мыслей не возникало каким-то образом начать возводить мосты. Дело не в женитьбе. Общение с такой особой было бы в принципе неприятным.

Однажды Макс попросил Давида Рейфе, имевшего контакты с кругом издателей, о помощи: показать свой стихотворный опус как бы сведущим в стихосложении специалистам. Стихотворцем было написано несколько десятков четверостиший для детей. Каждый короткий стишок прославлял какого-то именитого человека. Естественно, без вождей революции не обошлось. Издательство, размещавшееся в Доме книги на Невском проспекте, взять рукопись в производство не решилось. Но только потому, что о советских руководителях рассказывать в коротких стихах показалось непристойным. Такая форма может принизить их историческую роль. При этом никаких претензий к литературной форме высказано не было.

Папа родился в 1904 году. Семья кроме родителей включала семерых детей, один из которых рано ушел из жизни. Макс был самым младшим. Старшим братом являлся Владимир, а за ним шел Александр. В установлении возрастной последовательности сестер могу ошибиться. Кажется, так: Раиса, Сара, Лидия. Все профессионально занимались музыкой. Владимир играл на скрипке, Александр и Макс были виолончелистами. Благодаря протекции ректора Петербургской консерватории композитора Глазунова, с которым, как я уже говорил, Григорий Осипович был дружен, Макс Лившицу удалось даже некоторое время проучиться в этом известном учебном заведении по классу виолончели. Сара овладела искусством игры на арфе, Рая и Лида стали пианистками.

Дед Григорий Осипович, очевидно, был заметной личностью в музыкальных кругах. Когда Иоганн Штраус гастролировал в России, он доверял моему деду вместо себя дирижировать оркестром на концертах в городе Павлов-

ске под Петербургом. Семейной реликвией стали скрипка и дирижерская палочка, подаренные Григорию Осиповичу великим композитором.

Дедушка бывал у нас на Пушкинской в гостях. Обычно выпивал рюмочку охлажденной водочки и закусывал селедочкой с холодным вареным картофелем. Любил, чтобы в тарелке с бульоном была отварная луковица. Не могу припомнить, чтобы он что-нибудь рассказывал. Сидит молчаливо за столом, отбивает пальцами руки по лысине музыкальный ритм и мурлычит польку Рахманинова.

К этому времени он ослеп и приходил с женщиной, которая фактически стала его супругой, — Евдокией Васильевной. После преждевременной смерти жены (моей бабушки) Ани он стал терять зрение и с трудом обходился без посторонней помощи. Тетя Дуся к своему подопечному относилась уважительно, трепетно и заботливо. Они жили в квартире самого любимого сына — Александра, имели крохотную комнату, и без всяких претензий на лучшее.

Борис, он же Сибор, Михаил, Григорий

Эта квартира в громадном сером мрачном доме на Бассейной улице меня притягивала, как магнитом. Там было гостеприимно и весело. У дяди Шуры, его жены Ксении Павловны (бывшей балерины Мюзик-холла) и их дочери Ани (Нюси) всегда было приподнятое настроение.

В одной из двух комнат, которые принадлежали семье, стоял рояль. Нюся нежно дотрагивалась до клавиш, и звуки складывались в проникновенные ноктюрны Шопена. А потом по общей просьбе за инструментом оказывался Макс, он играл популярные мелодии, пел куплеты, и все заразительно смеялись.

А когда на улице темнело, дети на большой кухне (квартира коммунальная, в ней — еще одна комната, которую снимают продавец из пивного ларька Яша, его красивая, но необразованная жена Нина и их толстая дочка Клара) при свече слушали читаемого Нюсей (она старшая в компании) гробовым голосом «Вия» Гоголя. Было очень страшно и хотелось писать. А потом вдруг вспыхивала электрическая лампочка, и радость от того, что действительность так светла по сравнению с мраком сказки, толкала скакать на одной ножке и дурачиться.

Дядя Шура — силен! Аристократическая внешность, могучие бицепсы, открытая душа, многое может делать собственными руками, готов всегда прийти на помощь. Мама рассказывала, что после возвращения из роддома первым, от кого она получила практическую помощь и дельные советы по уходу за ребенком, был Александр Григорьевич. Часто он у нас, неумех, делал мне компрессы, что-то ремонтировал, помогал доставать какие-то нужные продукты и вещи. Но главное — это он выучил младшего брата играть на виолончели, продолжая все время следить за поддержанием им профессиональной формы.

Начало войны он встретил оркестрантом Ансамбля Балтийского флота, имел офицерский продовольственный паек, но умер от голода. Из блокадного города он умудрялся переправлять почти все деньги, включая и те, что полагались за паек, своей семье, находившейся в эвакуации. Дед, узнав о смерти своего любимца, отказался принимать скудную блокадную пищу и добровольно ушел на тот свет. Обоих хоронила в блокадную морозную и голодную зиму преданная семье Евдокия Васильевна.

Иногда к нам приходил папин брат Владимир. Среднего роста, плотного (как говорят криминалисты) телосложения, с завитым локоном прически, спускающимся на высокий лоб, с отполированными ногтями рук, он производил впечатление, особенно на женщин. Речь его была мелодичной по интонации и безупречной по стилю. Ресторанный скрипач, он работал в фешенебельных заведениях, и поговаривали, что некоторые дамы брали себе столик только для того, чтобы увидеть Владимира и услышать его игру.

Мы изредка наносили ответные визиты на 5-ю Советскую улицу около Суворовского проспекта, где дядя Володя проживал со своей любимой супругой Шурой, ее взрослым сыном от первого брака (погиб на войне) и громадной (с позиции малыша) немецкой овчаркой. Квартирка выглядела маловатой для того обилия вещей, в основном старинных и ценных, которые в ней находились. Своих детей у дяди Володи не было.

История его женитьбы коварна и романтична. Во время НЭПА (новой экономической политики), когда стала допускаться мелкая и средняя частная собственность, Владимира пригласили работать в оркестре частной ресторации, находившейся в центре Ленинграда. Дело у хозяина процветало, а когда появился новый скрипач, посетительниц явно прибавилось. Но нет добра без худа. По музыканту стала сходить с ума жена хозяина. Дело кончилось разводом и созданием новой семьи. Это действительно был брак по страсти на всю оставшуюся жизнь. Шура была старше Владимира, но когда она умерла, он отказался есть и вскоре ушел вслед за любимой супругой.

Родители любили бывать на Невском, 19. Там на втором этаже с окнами, выходившими во двор, находилась отдельная двухкомнатная квартира, в которой с мужем и двумя сыновьями жила папина сестра Сара Григорьевна (тетя Сара). Ее муж Давид Юрьевич Рейфе считался «старым коммунистом». К их числу относились мужчины и женщины, ставшие членами большевистской пар-

тии до революции или в первые годы советской власти. Эта когорта пользовалась какими-то материальными и социальными льготами. Они могли лечиться в «Свердловке» — больнице для ленинградской партийной и государственной элиты. Получали какие-то единовременные пособия, приглашения на официальные праздничные мероприятия и др.

Давид Юрьевич занимал должность директора издательства, ему полагалась по службе легковая машина с шофером. Видимо, он был толковым организатором и умным человеком. Не было сомнений в его человеческой порядочности и отзывчивости. Характерный штрих. Недавно мой двоюродный брат Эдуард, проживающий с семьей в Берлине, рассказал по телефону, что, будучи в Питере, заглянул в существующее и поныне папино издательство, где увидел на видном месте большой портрет Давида Юрьевича и испытал чувство радостного удивления. О создателе учреждения десятилетиями сохраняется добрая и благодарная память.

По тем временам отдельная квартира, да еще на Невском — явление уникальное. Ничего подобного не было ни у кого из родственников как по папиной, так и по маминой линии. Квартира, правда, была не ахти какая. Под жилье приспособили, но не до конца, служебное помещение. Например, две смежные жилые комнаты квартиры отграничивались дверью, обитой железом. Но это обстоятельство никоим образом не влияло на атмосферу, царившую в доме. Сердечность, приветливость, стремление помочь словом и делом. Это я ощущал в младенчестве и неоднократно испытывал на себе в зрелом возрасте.

Болезнь, ограничив одни возможности организма, не смогла сломить врожденную музыкальность папы. В этом призвании он был талантлив. Мне казалось, что не было такого инструмента, на котором он не мог бы сразу же, только познакомившись с ним, заиграть. До войны ресторанные оркестры исполняли разную музыку, в том числе и популярную классику. А это требовало мастерства.

Из рассказа старшего меня на семь лет двоюродного брата Эдика Рейфе я узнал, что в довоенные годы Макс был частым гостем в квартире на Невском. Как-то раз он появился с громадным барабаном, висевшем на ремне через плечо, а в руках держал внушительного вида колотушки, почему-то называемые барабанными палочками. Оказалось, что братец заскочил в гости к сестрице, так сказать, на огонек. Где-то в этом районе должна была пройти похоронная процессия, которую Макс в составе духового оркестра собирался обслужить. Виолончелиста Лившица духовики взяли на халтуру в качестве ударника. Для лабуха по рождению такая задача была по плечу. И «башли» (деньги) ему платили не за профанацию важной для духового оркестра роли ударника, а за подлинное исполнение такой роли.

Однажды ближе к вечеру мама навела марафет, принарядилась в ярко красный костюмчик из тонкой шерсти с большими перламутровыми пуговицами, загадочно игравшими отражением света, приодела ребеночка (которого она вообще-то видела неким подобием куколки, которую можно одевать по вкусу хозяйки), и мы отправились в сад Буфф.

Измайловский сад, или сад Буфф

Там находился ресторан, где папа в составе струнного оркестра улаждал слух посетителей заведения. Мы вошли в большой зал со столиками, за одним из которых и пристроились. Помещение было с высокими потолками, что позволяло на уровне второго этажа иметь балкончик. Оттуда и лились сладостные звуки музыки. Виолончелист нам приветливо подмигнул. Как потом папа рассказал мне, исполнялась увертюра Зуппе «Поэт и крестьянин». (Ее мелодии помню и сейчас.) Я был счастлив и горд, что отец в составе оркестра исполнял такое красивое и сложное произведение, в котором заметное место занимала виолончельная партия.

Мой музыкальный настрой создан папой. Не посещая детсад, я часто находился днем дома, слушая длинные гаммы в папином виолончельном исполнении, ученические этюды, на смену которым приходили фрагменты из разных классических произведений. Это была среда, формирующая душевный настрой.

Первый раз в театр оперы и балета имени С. М. Кирова (Мариинский театр) родители взяли ребеночка, чтобы он посмотрел балет «Сердце гор». Сидели мы высоко, но сцена просматривалась хорошо. Либретто было на революционную тему. На сцене даже полыхал декоративный пожар, устроенный бунтовщиками. Роль их главаря исполнял великолепный танцовщик Вахтанг Чабукиани. Его головокружительные элегантные прыжки на фоне бушующего огня навсегда врезались в память, чего не могу сказать о музыке балета.

Не думаю, что из меня хотели сделать музыканта. Правда, около двух лет я посещал занятия профессора Шпильберга по классу скрипки на Фонтанке во Дворце пионеров. Уже играл концерт для скрипки Ридинга. Когда я делал ошибку, учитель яростно бил смычком по пальцам. Поэтому мне захотелось быть летчиком, чтобы взлететь в самую высь и сбросить вниз ненавистный инструмент.

Тем не менее, потребность в заполнении души щемящими звуками уже возникла и она меня выручала в последующем неоднократно. Много лет спустя, будучи студентом университета и его аспирантом, на сдачу самых трудных экзаменов я шел пешком через весь Невский, напевая про себя полюбившиеся классические мелодии. Мобилизация интеллектуальных и нравственных сил на трудные испытания путем стимулирования оптимистического настроения. Безотказная технология!

Скрипун явно не в восторге от своего занятия

В этом ключе влияла и легкая музыка, особенно звучащая в советских кинофильмах той поры: «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Концерт Бетховена», «Дети капитана Гранта», «Трактористы», «Семеро смелых» и др. Фильмы были веселыми, музыка — очень мелодичной, слова — оптимистичными. Впечатление осталось на всю жизнь.

Своеобразным воспоминанием о том времени стала сочиненная мной более чем три четверти века спустя песня «На Пушкинской улице Питера».

На Пушкинской улице Питера
С друзьями гулял мальчуган.
Его опекали родители,
Но был он в душе хулиган.
Учили пикировать на скрипочке.
Его же терзали мечты:
Подняться повыше на цыпочки
И скрипку разбить с высоты.

Припев:

Поэта памятник достойный
Мальчишек в сад свой завлекал,
Но кто-то строчкой непристойной
Им души детские взрывал.
Сметь бесшабашно веселиться!
Любить девчонок и вино!
А коль захочешь сматериться,
Ввернув запретное словцо.

[...]

На Пушкинской улице Питера
Герой наш давно не живет.
Он стал институтским учителем.
Имеет семью и живот.
Он доктор наук юридических,
Но нынче понятно одно,
Что стаж приключений практических
Открыл для науки окно.

Рассказ второй
ВОЙНА

2.1. Узнавание войны

22 июня 1941 года началась война. Вскоре мы с мамой провожали на фронт папу. Кажется, это был Витебский вокзал. Мама плакала, папа бодрился, пока не прозвучала команда на посадку. Тут и он не выдержал, сказав сквозь слезы, чтобы я слушался маму и помогал ей. После этого расставания мы увиделись только в сентябре 1945 года.

Лабуха сделали необученным солдатом и отправили на передовую. Как он справлялся с этой миссией, не могу себе представить. Он не был приспособлен к иному существованию, кроме как в мире музыки. И все-таки война мобилизовала внутренние ресурсы.

В дивизионной газете даже стали появляться стихи Максима Лившица. Потом как-то мне дали прочитать газетную вырезку с таким зарифмованным призывом:

Боец на фронте! Будь всегда таков,
 Как лучший снайпер наш товарищ Куликов!
 И не страшны ему граната, пуля, мина.
 Своею снайперской винтовкой
 Он уничтожил пятьдесят четыре белофинна.
 Здоров он, молод и силен.
 Винтовкой снайперской за храбрость награжден.
 Так за страну родную должны мы воевать
 И с Куликова-снайпера пример всем надо брать!
 Учиться у него же и брать с него пример,
 Как надо нам бороться с врагами СССР!

Последние две строчки походили на афоризм, и я их в иносказательном смысле использовал в лекциях.

Не сразу, но что-то трагическое должно было случиться. Вражеская пуля попала в локтевой сустав правой руки, и Макс навсегда утратил возможность играть на виолончели («смычковая» рука стала плохо разгибаться).

Не меньшая беда случилась еще до этого, когда часовой Лившиц в зимнюю морозную ночь заснул на боевом посту. Его хотели предать суду военного трибунала. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Во время доставки заключенного к месту осуждения у него случился сильный понос. Поместили в госпиталь. Диагноз — дизентерия. Случайно в госпитале больного узнал военный комиссар этого заведения. Оказалось, что он — ленинградский музыкант, сделавший успешную военную карьеру и дослужившийся до чина майора. Он, очевидно, приложил много усилий, чтобы избавить несчастного от судебного преследования. Более того, благодаря стараниям этого благородного человека Макс Лившиц стал оркестрантом фронтового ансамбля, с которым прошел всю войну, побывав даже в Китае.

Возвращение домой произошло после капитуляции Японии. Так вот, в ансамбле Макс после виолончели стал успешно играть на бас-балалайке — большом, заменявшем контрабас щипковым инструменте, искусством извлечения звуков из которого студенты музучилищ овладевают несколько лет. А Макс взял в руки и заиграл, и не просто так, а в составе оркестра.

Для меня война началась тогда, когда в пионерском лагере, что был в Красных Стругах, я пребывал в младшем отряде писунов. Мокрые матрасы выставлялись на просушку, и до того, как на пионерской линейке начальник лагеря объявил о вероломном нападении фашистов и о важности быть бдительными из-за опасности высадки в нашем районе немецкого парашютного десанта. После такой информации наш отряд был готов залить не только территорию лагеря, но и подступы к нему, чтобы десант утонул в патриотиче-

Макс Григорьевич
 – военный оркестрант. Соловецкие острова, декабрь 1943 года

ских осадках. Свой долг малышня старалась выполнять систематически и честно. Приехала взволнованная мама и отвезла меня домой.

Ленинград был неузнаваем. Полоски газет и других бумажек, наклеенных на стекла окон всех домов крестообразно по диагонали, внушали тревогу и ощущение близкой большой беды. На Пушкинской улице война показала свое зловещее лицо во второй половине августа. Бомба попала в дом номер 9. Пожар, паника, взволнованные люди... Говорили, что вокруг города сжимается вражеское кольцо. Как я теперь понимаю, выбраться из города у нас не было никакой возможности. Мама нигде не работала, а эвакуация, как правило, проводилась по предприятиям и учреждениям.

Но тут проявил свои незаурядные способности, безграничную отзывчивость и доброту военный комиссар госпиталя, располагавшегося в Мечниковской больнице. Это был Давид Юрьевич Рейфе. Военную форму ему пришлось надеть еще в Финскую войну. У него было командирское звание. Тогда, кажется, в петлицах гимнастерки было две шпалы. Помню в ту военную кампанию дядя Додя, иногда попадая домой случайно в тот момент, когда у его жены в гостях оказывался брат Макс с семьей, показывал появившиеся у него красивые трофейные ножи в кожаных чехлах, которые назывались финками. А еще он читал нам вслух забавные стихи про одного бравого солдата, находившего выход из любой сложной ситуации. Солдата звали Василий Теркин. Был ли это предварительный вариант будущей, созданной во время уже Великой Отечественной войны поэмы Твардовского или что-то другое, не знаю.

Видно, дядя Додя был в своих кругах человеком влиятельным. Об этом красноречивее всего говорит тот факт, что, когда последний эшелон с ранеными бойцами покидал Ленинград, наш спаситель смог устроить места в поезде для своей жены с двумя мальчиками, мамы со мной и жены папиного брата Шуры Ксаны с дочкой Аней (Нюсей).

Нас разместили в купированном вагоне для начальства. Около Тихвина состав попал под фашистские бомбы. Было страшно. Рядом в темноте полыхал огонь, съедавший крышу дома. Мелькали силуэты людей, пытавшихся справиться с пожаром. Видны были пунктиры трассирующих пуль. Двоюродный брат Эдик пытался вместе с военными забраться на крышу вагона, чтобы сбрасывать с нее падающие зажигательные бомбы. Но тетя Сара категорически его непустила, приказав всем лечь на пол, чему сама показала пример. Кто-то в вагоне обделался. Этот запах врезался в память как аромат войны.

2.2. Казань

Разумеется, за семьдесят лет город Казань должен был измениться к лучшему. Но тогда, когда нас стгрузили на его вокзальном перроне, птички в душе не чирикали. Город произвел впечатление серого убежища для людей, выброшенных на обочину дороги войны.

В Казани эвакуированных запихнули в дом, находившийся рядом с озером Кабан, что неподалеку от центра города. Озеро было вечно грязным с темной мутной водой. Возможно из-за тепловой электростанции, стоявшей на противоположном берегу. Дом представлял собой одноэтажную бревенчатую развалюху, державшуюся каким-то чудом. Потом, когда ударили печально известные морозы первой военной зимы, а я не мог ходить в школу из-за отсутствия теплой одежды и, сидя в кровати под прикрытием каких-то тряпок, с интересом рассматривал зимнюю улицу через щели между покрытыми инеем бревнами, образующими стену дома. А рядом с крыльцом возвышался наш «эверест» из замороженных фекалий выгребной ямы домового уличного туалета, поднимавшийся до уровня окон.

Казань.
Озеро Кабан.
1940-е годы

Недалеко был разбит сквер. Осенью листья кустов покраснели, и мне чудилось, что они испытывают стыд за то, как живут люди соседнего с садиком сооружения, которое и домом-то можно было бы назвать с большим трудом. Тогда мне уже было известно стихотворение Некрасова «Несжатая полоса», которое я бормотал себе под нос. Оно служило индикатором настроения в моменты уныния и ощущения собственной никчемности.

Осенью мы еще как-то существовали. Постоянно хотелось есть. Паек, покупаемый на талоны продовольственной карточки, был очень скудным. Да он далеко не всегда и отоваривался. Хлеб был роскошью. В основном питались жмыхом и баландой, завариваемой из мизерных порций ржаной или гороховой муки.

Часто повторялся сон, в котором автомобиль-фургон с продуктами подскакивал, наехав на кочку, его задние двери распахивались и на дорогу вываливались горячие буханки хлеба, одну из них удавалось схватить и с жадностью проглотить.

Воспоминания о счастливом довоенном времени почему-то концентрировались на двух эпизодах. Проголодавшийся, я врываюсь в комнату, сбежав от дворовой компании. Отламываю от круглой буханки краюху черного хлеба, посыпаю ее солью и, довольный, мчусь обратно во двор. Другой эпизод уводит меня в подвальное кафе на Невском. Родители покупают французскую солоноватую булочку с хрустящей корочкой, раслаивают ее пополам, вставляют в разрез горячую сардельку, смазанную горчицей, предоставляя это великолепие в полное мое распоряжение.

В реальности казанских дней лакомством считались оладьи, которые изготавливала из картофельных очисток матушка моего татарского приятеля. Она где-то находила очистки, промывала их и делала удивительно вкусное блюдо. Со временем стали выдавать продовольствие, поступавшее по ленд-лизу из США. Например, сушеные коричневые стручки корицы. Так как другого не было, съел

пряность в количестве, чуть не сделавшим пацана инвалидом по кишечной части.

Ближе к весне появились гости. Это была папина родная сестра Рая со своей уже взрослой дочкой Мирочкой. Оказалось, что им как эвакуированным нашлось место в деревеньке недалеко от Казани. Обе выполняли там разные вспомогательные работы. Они привезли нам немного меду и простокваши. Это был праздник. Мед мне пришлось видеть лишь на базаре, когда с группой мальчишек я охотился за лошадиными хвостами. Его привозили в бочках на дровнях. Кто-то отвлекал хозяина повозки, а другие в темпе отрезали кусочек лошадиного хвоста, из которого изготавливались сапожные щетки. Евгений Евтушенко в своем стихотворении «Мед» довольно близко к тому, что было на самом деле, уловил мои ощущения.

Я расскажу вам быль про мед.
 Пусть кой-кого она проймет,
 пусть кто-то вроде не поймет,
 что разговор о нем идет.
 Итак, я расскажу про мед.
 В том страшном, в сорок первом, в Чистополе,
 где голодало все и мерзло,
 на снег базарный бочку выставили –
 двадцативедерную! – меда!
 Был продавец из этой сволочи,
 что наживается на горе,
 и горе выстроилось в очередь,
 простое, горькое, нагое.
 Он не деньгами брал, а кофтами,
 часами или же отрезами.
 Рука купеческая с кольцами
 гнушалась явными отрепьями.
 Он вещи на свету рассматривал.
 Художник старый на ботинках
 одной рукой шнурки разматывал,
 другой – протягивал бутылку.

Глядел, как мед тягуче цедится,
 глядел согбенно и безропотно
 и с медом -- с этой вечной ценностью --
 по снегу шел в носках заштопанных.
 Вокруг со взглядами стеклянными
 солдат и офицеров жены
 стояли с банками, стаканами,
 стояли немо, напряженно.
 И девочка прозрачной ручкой
 в каком-то странном полусне
 тянула крохотную рюмочку
 с колечком маминым на дне.
 Но – сани заскрипели мощно.
 На спинке – расписные розы.
 И, важный лоб сановно морща,
 сошел с них некто, грузный, рослый.
 Большой, торжественный, как в раме,
 без тени жалости малейшей:
 «Всю бочку. Заплачу коврами.
 Давай сюда ее, милейший.
 Договоримся там, на месте.
 А ну-ка пособиите, братцы...»
 И укатили они вместе.
 Они всегда договорятся.
 Стояла очередь угрюмая,
 ни в чем как будто не участвуя.
 Колечко, выпавши из рюмочки,
 упало в след саней умчавшихся...
 Далек тот сорок первый год,
 год отступлений и невзгод,
 но жив он, медолюбец тот,
 и сладко до сих пор живет. [...]

Зимой стало еще хуже. Мама устроилась работать мастером отдела технического контроля на заводе им. М. И. Калинина, тоже прибывшего из Ленинграда. Спустя годы узнал, что там производились снаряды. На работу ходила

пешком много километров туда и обратно. В рваных валенках. Ноги были обморожены и распухали. Но духом не падала. Я ее жалел и старался помочь. Разрушал забор городского сада на дрова для буржуйки. На улице Баумана чистил обувь прохожим, зарабатывая на хлеб. Покупал по карточкам продукты. Однажды случилась беда: когда я стоял в очереди, карточки у меня украли. Выжили только благодаря родственной солидарности.

Жилье представляло собой комнатку метров пятнадцати, в которой умещались две кровати, маленький столик и буржуйка. Одна кровать принадлежала нам с мамой, другая — жене папиного брата Александра (дяди Шуры) Ксане и их дочке Нюсе. Соседняя комната, чуть повместительней, была занята Рейфиками (тетя Сара и мои двоюродные братья Эдик и Женя).

Еще одно помещение принадлежало постоянной съемщице дома, которую эвакуанты существенно потеснили. У нее была дочка примерно нашего с Женей возраста. По вечерам мы с ним заглядывали в хозяйскую часть дома. Там была своя металлическая печка-буржуйка, вроде бы размером побольше тех, которые находились у нас, что приносило чуть больше тепла. Одно это обстоятельство уже обладало притягательным свойством. Другим же являлось удовольствие от прослушивания книг. Хозяйка усаживала детей на скамейку за стол из грубых досок и при свете воняющей коптилки читала разные книжки. Запомнились гетевские «Рейнеке-лис» и баллада «Лесной царь», поскольку они давали почву для детской фантазии, порождая чуть ли не осязаемые видения персонажей.

Маленький Женчик был еще дошкольником, но уже инициировал ряд занятий, которые скрашивали наш досуг. Так, например, нами стала выпускаться стенная газета дома. В ней не было статей, но она привлекала внимание вырезками из старых журналов, найденных в каком-то чулане, а также самодельными рисунками.

Рисовали по наитию. Жене иногда показывал технику рисунка товарищ Эдика, наделенный художественным

даром. Много лет спустя он стал известным живописцем, альбом произведений которого, присланный из Нью-Йорка, мне с гордостью демонстрировал Эдик в качестве одного из самых ценных подарков, полученных им на 80-летний юбилей. Зимой каким-то образом нам с Женей удавалось заполучить коньки «Снегурочки» и прикрутить их при помощи веревки и палочек к валенкам, чтобы начать освоение этого вида зимней забавы. Без синяков и ссадин дело, конечно, не обошлось.

Старшего двоюродного брата в казанском интерьере я запомнил слабо. Красивый юноша, носивший китель авиатора, учился вроде бы в техникуме. Видимо, пользовался большим успехом у девчонок. Это беспокоило тетю Сару, которая читала ему лекции о любви и дружбе.

В конце первой эвакуационной зимы пришло горестное известие о гибели дяди Шуры. Ксана и Нюся страшно кричали, потом замкнулись и долгое время лежали в постели, не произнося ни слова, не притрагиваясь к пище. Они не только лишились уникального мужа и отца, но и материальной основы своего существования. Потом тетя Ксана куда-то устроилась работать, но вся ее жизнь пошла наперекосяк, вплоть до кончины в 1980-х годах.

Рейфики были семьей офицера, получали соответствующий этому положению доход по офицерскому аттестату и жили благополучнее всех других. Не прошло и года, как они выехали из нашей дерьмовой обители и поселились на улице Щапова в благоустроенном каменном доме с канализацией, электричеством и водопроводом. Хотя тетя Сара относилась ко мне по-прежнему радушно, считала своим долгом принимать и подкармливать племянника, туда ходить я стеснялся. Это была территория «богатых», для меня чуждая и в условиях войны малопонятная.

Леша Болмат, огненно-рыжий пухлый пацан, — сын ленинградских приятелей семьи Рейфе. Его семья (мама, сын и дочка, неожиданно скончавшаяся в эвакуации) оказалась в Казани. Славные люди, дружба с которыми была совершенно естественной.

Леха был заводным. Однажды, когда наступило лето, он зашел ко мне и предложил пойти на улицу Щапова как бы в гости. Но при этом имел в виду проявить классовый протест против «буржуев». Тетя Сара переживала из-за того, что Женя был маленьким, худеньким и бледненьким. Так вот, подойдя к дому, Леха вытащил из кармана пакет, в котором оказался кусок вареной свеклы, мы покрасили ею щеки, сели на травяной газон напротив открытых окон квартиры Рейфиков и стали громко кричать: «Тетя Сара, почему у вас Женька такой бледный»? И так несколько раз, пока ставни с грохотом не захлопнулись. Потом за эту выходку мне от мамы попало, и она просила у Сары Григорьевны извинения.

Летом мне пришлось ехать в пионерский лагерь мамино завода. Опять малышей отряд. Случилось так, что вожатый отряда Марат, рослый татарский блондин с черными бровями и голубыми глазами, влюбился в девушку-воспитательницу другого отряда. Что уж у них там произошло, не знаю, но, видимо, они поругались. Однажды вожатый с подопечными начал разучивать слова и мотив сочиненной им песни. Когда дело было сделано, в сумерках отряд строем подошел к дому, где находилась комната красавицы, и расположился на траве под окнами. Марат звучным баритоном запел:

Нет на свете приятней и краше
Этой милой любимой моей.
Нету в мире чудесней Наташи.
Вся краса заключается в ней.
Если мимо пройдет и не взглянет,
Я теряю и сон, и покой.
Меня к милой в объятия тянет.
Их навстречу, Наташа, открой!

И малышей хор тоненькими, но звонкими голосами под взмахи рук дирижера завопил припев:

Эх, Наташа, довольно сердиться!
Не пора ли по-дружески жить?
Я готов хоть сейчас помириться
И безумно тебя полюбить!

Было исполнено три куплета. Лагерь рукоплескал. Начальница, видно, была человеком чутким и с чувством юмора. Во всяком случае, Марат продолжал нами руководить до конца смены, и мы часто наблюдали, как он ходил под ручку со своей Наташей.

Кормили пионеров и октябрят чаще всего щами из крапивы и кашей из отрубей. Было голодно. Однажды ребятня набрела на поле, где произрастал тмин. Ели его пригоршнями. Вместе с другими я попал в больницу. Сделали промывание желудка. С тех пор органически не выношу даже запах этой пряности.

Казань — место нашего нахождения до конца лета 1942 года. Из-за давности лет могу, конечно, путать. Но один крохотный эпизод позволяет думать, что в данном случае не ошибаюсь. Стою зимним вечером рядом с Эдиком в каком-то казанском сквере. Подходит его друг-художник и сообщает, что в 1943 году у армии меняются знаки отличия. Отменяются петлицы с треугольниками, кубиками, шпалами, ромбами. Уже поступил заказ на портрет Сталина с маршальскими погонами, на которых помещаются звезды. Эти символы вводятся для всего командирского и генеральского состава.

2.3. Алматы

Народная мудрость противопоставляет родственников друзьям, утверждая, что родственников дает нам Бог, но, слава богу, друзей мы можем выбирать сами. В то же время признается простая истина, согласно которой друзья познаются в беде. Если из этих поговорок составить силлогизм, то может получиться и такое заключение, по которому родственники и есть те самые друзья, отношения которых следует особо ценить. Наша с мамой жизнь полностью подтвердила обоснованность такого вывода.

Писем с фронта нет почти три года. Папа не знает, где его семья, а мы — где он. Существовать было так тяжело, что мама послала сигнал SOS своей сестре Риве, находившейся в эвакуации вместе с мужем и двумя детьми в далеком городе с загадочным именем Алма-Ата (сейчас принято более раннее казахское наименование города Алматы — «яблочный»). Получаем приглашение в виде официальной бумаги и трогаемся в путь.

Пересадка в Новосибирске. Удивляет здание вокзала. В моем представлении больших по размерамместилищ для людей и поездов, чем те, которые были в родном Питере, быть не могло. Казань закрепила это мнение. А тут на тебе — совсем грандиозное сооружение!

Перрон алмаатинского вокзала тоже производит сильное впечатление, но уже в ином смысле. Такого мне еще не доводилось видеть. Они сначала показались кучевыми облаками на горизонте, тем более что моросило. А на самом деле это оказались белоснежные вершины гор Заилийского Алатау. От такого зрелища трудно оторвать взгляд. Я взволнован. Возникает труднообъяснимый душевный трепет от соприкосновения с величием природного чуда. Удивительно, что позже, когда ежедневно приходилось иметь соседство гор и с мальчишками многократно подниматься на небольшие высоты, привычное не стало обыденным.

Видение этих гор во снах с их зелеными лугами в огненных пятнах маковых зарослей, шумными водопадами ледниковой воды, каменными мрачными нагромождениями и крутыми тропами заставляло сердце малыша — юноши — взрослого человека учащенно биться.

Мелкий дождь запомнился по простой причине. Мама, не зная, как сохранить сына от промокания и заболевания, не находит ничего лучшего, как надеть ему на голову вынутую из тюка теплую вещь. Это оказываются женские байковые трусы голубого цвета. Моему негодование нет предела. Остервенело сдергиваю «головной убор» и швыряю его. Мама плачет. Не могу такое переносить. Поднимаю промокшую тряпку и сам напяливаю ее на голову, пытаюсь представить себя персонажем кинокомедии. Аутотренинг помогает успокоиться.

Жилье, в котором мне с мамой пришлось жить, потеснив семейство Городинских, находилось на краю города. Причем этот край обозначался очень рельефно — горами. Через центр тогдашней столицы Казахстана простиралась улица Кирова. Далее она перекидывалась с помощью моста через горную речку Алматинку и упиралась в горный отрог. От городинского дома до этого тупика всего несколько маленьких строений. Если бы наш дом поставить на торцовую часть, выходящую на улицу, то он имел бы этажа три. А так — всего один в сооружении, сколоченном из досок. Улица пыльная, дорога не асфальтирована, но за забором — плодоносящая красота.

Дом с двух сторон обнимает большой, с десятков гектаров, фруктовый сад Горсовета. Август. Ветки деревьев сгибаются под тяжестью красных, оранжевых, желтых, зеленоватых яблок и груш. Особо впечатляют громадные яблоки сорта апорт. Спелые плоды готовы отдать вишневые и сливовые деревья. Растения высажены ровными рядами, так что при ярком солнце в саду образуется радующая глаз чересполосица из светлых и темных пятен на траве. А еще произрастает дерево без листьев и почти без веток — саксаул, главное топливо зимой для домаш-

них печек. На поленья его не надо рубить топором. Взял за сломанный кувалдой край ствола, ударил деревом по валуну, и вот тебе куча щепок. Дом со своим забором, отделяющим от собственно городских земель. Но ограда чисто символическая, и все вокруг воспринимается как единое целое, находящееся в твоём воображаемом распоряжении. Понятно, что дворовая компания часто лакомится плодами городского сада.

Бедная сестра Сонечка. Ей из-за нас пришлось расстаться со своей отдельной комнатой-верандой. Прimitивное убранство. Но есть кровать и сундук, на котором тоже можно спать, а ещё стол и стул. Окно с улицы пропускает тусклый свет, так как у веранды перед нашей комнатой имеется открытое пространство под козырьком внушительных размеров. Он-то и стоит на пути обжигающих южных солнечных лучей. Жилье Городинских отделяет от нашей веранды смежная стена и крохотный коридор.

Мама и тетя Рива очень дружны. У них часто душевные разговоры, в которые никак не встревает молчун Соломон. Он — человек дела. Длинные паузы, которые он выдерживает, сидя за обеденным столом часто вместе с мамой и мной, отнюдь не указывают на его пассивность. Напротив. У меня детское впечатление такое, что он все время что-то обдумывает. Такое мнение, возможно, навеяно сведениями, что дядя Соломон — председатель артели, занимающейся изготовлением обуви. С ним за время жизни в Алматы у мамы и меня проблем не было. Маленький Шурик, мой двоюродный брат, который младше меня на шесть лет, ходит в пижонских хромовых сапожках, как бы рекламируя высокое качество изделий, производимых предприятием его папы. Председатель артели часто приезжает домой на дрожках, которые тянет кобыла, управляемая кучером. Это статус. Не у каждого алматынца в распоряжении такое комфортабельное средство передвижения.

Маме никак не удастся устроиться на работу. И все это время мы сидим на шее у терпеливого и щедрого дяди

Соломона. А у него — неработающая жена, обучающаяся в техникуме дочь и маленький сын-дошкольник.

Шурик — мой задушевный товарищ. Разница в возрасте — не помеха. Он смышлен, прыток, выпитывает в себя взрослый мир, очень музыкален. Нередко только что дошедшие до нашей дали песни военных лет становятся мне известными от младшего брата. «Песня о бушлате», «Сколько капель в море, сколько в небе звезд» и многое другое воспринимаю с его точной мелодической и стихотворной подачи.

Однажды зимой у Шуры появляется обновка — драповое, на ватине, с меховым воротником пальто темно-синего цвета. Он важно выгуливает себя в саду. Разговариваем. И вдруг у меня появляется мысль. Только что по радиоточке передали сообщение об освобождении от немцев очередного города. Предлагаю: давай закрепим память об этом событии на твоём скучном мрачном пальто. Собственник молчит. Но я уже вдохновлен идеей и бритвенным лезвием вырезаю кусок материала в районе сердца, в результате чего на пальто появляется пятиконечная звезда светло-серого цвета ватина. Шурик плачет — то ли от опасения быть наказанным за порчу обновки, то ли от радости, что получил награду за военный подвиг. История заканчивается для меня печально. Несколько дней не могу сидеть из-за боли, раздирающей обе мои ягодицы. Это следы ремня, который в руках мамы просто-таки издавал свист: с такой интенсивностью он врезался в мое мягкое место.

Оказывается, в Алматы эвакуирована со своей семьей еще одна мамина сестра — Мира. Глава этой семьи Семен Изрин — почему-то труженик тыла, а не фронта. Возможно, как и Соломон, у которого сломана правая рука, он имеет болезнь, освободившую его от мобилизации в армию. Не знаю. Он — специалист по лесу и древесине. Умеет жить и делать деньги.

Главная ценность его семьи — красавица дочь Ляля. Она еще учится в школе в каком-то старшем классе. Го-

лубые глаза, густые золотистые волосы цвета спелой ржи, заплетенные в толстую косу. Как-то придя к нам в дом, она рассказывает, что на нее напали трое парней и потребовали выбрать: либо они укоротят ей прическу, либо на время под мостом возьмут ее в жены. Чем закончилось столкновение, не помню. Свою историю Ляленька рассказывает взволнованно, теребя дрожащими пальцами перекинутую через плечо косу.

Мама, наконец, находит работу. На базаре стоит деревянная кибитка, где мастер делает ключи и чинит замки. Мастер — обрусевший худой долговязый китаец. Мама у него — приемщица заказов. Появились какие-то деньги. Образуется свое обособленное хозяйство. Теперь мы питаемся самостоятельно. Нередко хожу пешком несколько километров на базар с алюминиевым бидончиком, куда мама наливает купленный в столовке мучной отвар, считающийся супом, но называемый баландой. На столе опять знакомые по Казани жмыхи, заменяющие хлеб.

Алматынцы. 1944 год

Еще более, чем в Казани, я увлечен чтением. В третьем классе уже захлеб прочитываю взятые в библиотеке книги: «Консуэло» Жорж Санд, «Маскарад» Михаила Лермонтова, экзотические повести Майн Рида и Фенимора Купера, детективы Конан-Дойля, фантастику Жюль

Верна, романы Вальтера Скотта и, конечно же, сильно впечатляющие рассказы Джека Лондона («Мартина Идена» я прочел много позже, кажется, в седьмом классе). О каком-то выборе и речи не может идти. В глаза лезет все подряд, что нахожу на полках районной библиотеки.

Алматы — это для меня третий и четвертый классы школы, что находится на нашей же улице, но ближе к центру. По дороге иногда вижу на балконе одного из комфортабельных домов знакомых по кинофильмам артистов — Михаила Жарова и Людмилу Целиковскую. Мосфильм эвакуирован в Алматы.

Кино — моя детская страсть. Особенно музыкальные фильмы и комедии. «Сердца четырех», «Небесный тихход», «Новые похождения Швейка». Героя последнего фильма пытаюсь изображать в мальчишеской компании, да так, что зарабатываю кликуху Швейк.

Почему-то потрясает душу «В шесть часов вечера после войны»: там и песни, и стихотворный текст настраивают на такой лирический лад, что возникает, и это точно помню, труднопреодолимое желание влюбиться в какую-нибудь девчонку и петь ей песню, как невеста бойца провожала. Объект вскоре находится в виде стриженной под машинку третьеклассницы из дома, что напротив нас. Но она о моих чувствах не знает. Мне даже неизвестно ее имя, и мы с ней совершенно не знакомы.

Уроки по всем предметам ведет одна и та же учительница — кореянка Елена Елисеевна Ли. Мне она очень нравится. На занятиях интересно и даже весело. Объяснения ясные и четкие, так что дома почти ничего не приходится зазубривать. Но письменные задания все же надо выполнять. Пристраиваюсь у комода, макаю ручку с пером 86 в чернильницу и пишу решение задачи на газетном листе между печатными строками. Из этих листов делаем тетради.

Иногда классом занимается дочка Елены Елисеевны. Добрая, когда улыбается, появляются ямочки на щечках, а улыбка не сходит с ее лица. Под ее руководством во главе

с нашим круглым отличником Эдиком Фридманом идем в госпиталь к раненым бойцам. У нас целая программа — монтаж из стихов и песен. Наша обаятельная начальница за роялем. Звучит марш из пятой симфонии П. И. Чайковского. На музыку ложится стихотворный патриотический текст, который школяры то вместе, то по отдельности произносят под аплодисменты благодарных слушателей.

Хозяева имеют свой вход в дом через отдельное крыльцо. Были разговоры, что глава хозяйской семьи — бывший полковник царской армии, сосланный Советами в город Верный (так в свое время называли по-русски крепость на территории Алматы). Он высок, худощав, сутул, часто кашляет, что выдает в нем чахоточника. Проходит мимо мальчишеской своры, не произнося ни слова, а в глазах — затаенная злоба. Его жена — дородная тетя, иногда покрикивает, но в общем избегает общения с эвакуантами и их отпрысками.

У хозяев — двое детей. Старшему сыну Петьке лет шестнадцать-семнадцать. Белобрысый курносый верзила. Сестрица Татка младше брата лет на десять. Такая же блондинистая, но, в отличие от живчика братана, главаря сборища пацанов, какая-то заторможенная. Развращена с сызмальства. Отдается за конфетку и при всех. Все делает молча и пишет на подстилку. Оказалось, что Петька командует шайкой несовершеннолетних воров. Вся кодла из семи-восьми пацанов часто собирается у нашего дома или прямо под яблонями городского сада. Обсуждают планы «работ» и способы их осуществления.

Мне эти сборища противны. От тел подельников идет дурной запах какой-то гнили. Грязные, ленивые, примитивные, похотливые. Но деваться некуда. На меня уже положили глаз. Петька оголяет в садовой беседке свой набухший член и пытается соблазнить, предлагая халву. Плюю ему в физиономию и предупреждаю, что заору. Он, к моему немалому удивлению, сдается и больше не пристаёт. Покуривать я начал еще в Казани. А тут однажды меня заставляют выпить полную алюминиевую круж-

ку водки. Сопrotивляюсь. Но между зубов вставляют нож и разжимают челюсти. Рвота. Мама ничего не может понять. Говорю, что отравился мочеными арбузами, которыми угостили мальчишки. Потом выпиваю вместе со всеми, хоть и добровольно, но нечасто.

Не хочется вспоминать еще более отвратительные прецеденты, связанные с моей детской «воровской» жизнью. Если бы не реэвакуация в августе 1945 года в Ленинград, судьба Юзика Лившица могла бы сложиться драматично.

9 мая 1945 года просыпаюсь рано от непонятного шума с улицы. Взрослые домочадцы уже на ногах. На пыльной дороге двое мужиков, один из которых на костылях, пуляют из пистолетов в небо и кричат во всю мощь своих голосовых связок.

— Победа!!!

— Победа!!!

— Победа!!!

— Гитлеру, пиздец!!!

Это был воистину великий день, каким он остается и сейчас.

Рассказ третий
ВЗРОСЛЕНИЕ ЮЗА НА ФОНЕ СОЮЗА

3.1. Горести войны

Война закончилась! Как много несоответствующих смыслов заключено в этом восклицании! Разные мысли и эмоции вызывало отношение не только к неведомому послевоенному будущему, но и к, казалось бы, известному военному прошлому.

Война обернулась страшным бедствием для миллионов землян. Трупы погибших не успевали хоронить. Инвалиды на улицах уже перестали привлекать к себе внимание как нечто особенное. Были разрушены многочисленные города и села. Уничтожены многие ценности материальной культуры. Подверглась деформации этическая основа существования человечества. Библейская заповедь «Не убий!» была растоптана массаами солдатских сапог, носители которых приучились физически уничтожать друг друга, а заодно — и мирное население, делая это остервенело и решительно.

Особенно свое отвратительное лицо война показала советским людям. Отражение нацистской агрессии, в которой были задействованы войска и других государств, сателлитов Третьего Рейха, потребовало невероятных жертв.

Прямой материальный ущерб превысил треть национального богатства страны. Были разрушены 1710 городов и поселков, свыше 70 тысяч сел и 60 тысяч электростанций. Разорено свыше 100 тысяч колхозов, совхозов и МТС, выведено из строя 65 тысяч километров железнодорожных путей, 4100 железнодорожных станций, 16 тысяч паровозов, 428 тысяч вагонов и т. д. и т. п. Заводы, шахты и фабрики, которые подлежали восстановлению, давали до войны 60% стали, 60% угля и т. д. На четверть сократились посевные площади. Если в целом экономика страны была отброшена на 5-7 лет назад, то сельское хозяйство по технической вооруженности было откинуто к 1920-м годам. Величина потерь Советского Союза была при-

мерно такой же, как потери всех европейских стран, вместе взятых.

Огромные потери страна понесла в области культуры и образования. Было разрушено 84 тысячи школ, вузов и техникумов, 43 тысячи библиотек, тысячи музеев. Безвозвратно пропали десятки, может быть, и сотни тысяч картин, экспонатов, памятников культуры. Достаточно назвать такие памятники мирового значения, как Новгород Великий, Петродворец, Пушкин, Ясная Поляна, Клинский музей Чайковского и др.

Однако самая большая и невосполнимая потеря — это люди. Прямые потери от войны составили 27 миллионов человек. Кроме того, свыше 6 миллионов человек составляли инвалиды и ограниченно годные. Свыше миллиона умерли от ран и контузий за первые три-четыре послевоенных года. Было выбито, по сути, целое поколение трудоспособных мужчин 1923-1927 годов рождения. Для сравнения: потери США составили 1% мужского населения. Массовый характер приняла беспризорщина, безотцовщина. Резко сократилась рождаемость, наметилось старение населения. 25 миллионов человек в европейской части страны лишились крова.

Мне и сейчас кажется необъяснимой доставшаяся тяжелейшей ценой Победа. Под пятой Германии оказалась почти вся континентальная Европа, Англия подвергалась Люфтваффе массированным бомбардировкам. К войне с таким могущественным противником Советский Союз, истерзанный сталинскими репрессиями, не был готов. Нацистские дивизии за полгода после вторжения на территорию страны подошли почти вплотную к столице государства. Казалось бы, крах страны неизбежен. Однако этого не только не произошло, но вектор истории был повернут в другую сторону. Перестали существовать государства, развязавшие войну, точнее говоря, политические режимы фашистского толка, воплотившиеся во всех проявлениях власти этих государств.

Победа стала детищем всей антигитлеровской коалиции, но особая роль в ее достижении принадлежит советским людям. Немецкое отступление на Восточном фронте началось задолго до начала проведения операции

по высадке войск союзников в Нормандии летом 1944 года. Не будем принижать материальную помощь советской стране по ленд-лизу со стороны американцев и доставку материальных средств на территорию России с опасностью для жизни английскими моряками. И все же контрнаступление советских войск под Москвой, прорыв немецкой блокады Ленинграда, сокрушительные для немецкой армии битвы под Сталинградом, Курском и другие значительные сражения происходили на территории СССР. Добавим к тому же освобождение от агрессивных пришельцев ряда государств Восточной Европы и падение Берлина как столицы нацистского государства. Все это явилось заслугой Советской армии.

3.2. Парадоксы войны и ее последствия

Тем не менее, художественные аллегории Второй мировой, отражающие ее оценку как абсолютного зла, весьма условны. Что это? Сокрушающий все на своем пути безжалостный бог войны Марс? Или свирепый оскал черепа вооруженной косою старухи по имени Смерть? Возможно, подобные символы приемлемы для раскрытия сущности происходившего, но не для выражения многообразных проявлений военного времени, которые не слишком уж редко бывали парадоксальными.

Победа во многом оказалась следствием духовного единения людей, испытавших вдохновляющее чувство приобщенности к борьбе за освобождение своих родных земель от ненавистных поработителей. Большая беда рождала ощущение своей нужности для великого дела, а такое иначе, чем радостью, посчитать трудно. Неслучайно одни из лучших произведений советской художественной литературы, песенного творчества, кинематографа были созданы во время войны или ей посвящены.

Кто знает, как долго могли бы просуществовать тоталитарные режимы в Германии, Италии, Японии, если бы не их уничтожение великой Победой? Ведь власть генералиссимуса Франко в Испании, тоже диктаторская по своей сути, сохранялась вплоть до его смерти. То же самое можно сказать и о сталинском диктате в стране Советов, отголоски которого дают о себе знать до сегодняшнего дня и не только в России. Война обернулась благом для народов стран оси Берлин – Рим – Токио, освободившихся от преступных властей не столько собственными усилиями, сколько благодаря государствам-освободителям.

Для армейцев, вознесшихся во время войны с самых низов до высоких ступеней профессиональной или должностной иерархии, поля брани стали желанными условиями демонстрации своего военного таланта, мужества,

организаторского военного мастерства. Найти свое призвание в военном деле и получить ему достойную оценку — разве это не осуществление смысла жизни для многих воителей?

Говорили: война все спешет. Отношения между полами стали столь нелимитированными, что появилась особая категория женщин под названием ППЖ (полевая походная жена, и, добавлю от себя, не только полевая и походная, но и тыловая временная спутница жизни — ТВСЖ). И, честно говоря, такая свобода оказалась по нраву очень многим, хотя побочным ее результатом стал распад немало числа прежних брачных союзов. Другое дело, что естественным порождением свободы секса стал рост деторождаемости. Может быть, это обстоятельство явилось одним из тех факторов, который позволил директору Центрального статистического управления страны академику Владимиру Старовскому заявить в середине 1950-х годов о полном восстановлении численности населения государства после военного демографического провала.

Большому числу жителей прибалтийских государств и других присоединенных в 1939 году к СССР регионов война виделась как вариант освобождения от большевистской репрессивной системы. Эти ощущения были в чем-то понятны другим страдальцам эпохи диктатуры пролетариата и полного построения социализма в одной стране. Окончание же войны в том виде, в каком оно произошло, означало сохранение того политического режима, от которого мечтали избавиться путем другой оккупации, являвшейся, с точки зрения этих людей (на мой взгляд, глубоко ошибочной), для них меньшим злом, чем советская власть.

Пишу эти строки в Вызу. Только что прошел сбор ветеранов дивизии СС под Синимяэ. Postimees приводит слова одного из организаторов этой акции: «Немцы были врагами эстонского народа 700 лет, но советская власть за один год причинила нашему народу больше вреда, чем немцы за 700 лет».

Демонстрация, организованная в Таллинне на площади Свободы по распоряжению специального представителя СССР Андрея Жданова 21 июня 1940 года

Понимая, что данный тезис наиболее спорный, попытаюсь объяснить свою позицию.

Существуют три основных противостоящих мнения, которые настолько самоутвердились, что стали более похожими на убеждения.

- Первое мнение исходит из того, что эстонские парни, служившие в 20-й дивизии СС, были борцами за освобождение Эстонии от советской оккупации и, не имея возможности самостоятельно противостоять мощи Красной армии, вынуждены были надеть форму СС.
- Второе, диаметрально противоположное мнение, сводится к тому, что СССР и страны антигитлеровской коалиции вели совместную борьбу против режима, представлявшего угрозу установления тоталитарного господства над всем миром, и поэтому служба в СС,

организации, признанной Нюрнбергским трибуналом преступной, является международным преступлением, какими бы мотивами ни руководствовались лица, вошедшие в эту организацию.

- Третье мнение сводится к тому, что советский и немецкий оккупационные режимы в Эстонии были насилием над волей эстонского народа, оба должны быть осуждены без учета каких бы то ни было различий между ними.

В приведенной выше газетной информации было сказано также и о том, что *«ветераны выразили недовольство тем, что государство не считает легионеров борцами за свободу Эстонии»*.

В каждой из изложенных позиций необходимо отделить факты от оценочных суждений. На мой взгляд, фактическая сторона сводится к следующим положениям:

- Присоединение Эстонии к СССР произошло насильственно, хотя юридически этот акт был оформлен как добровольное вступление. (См. материалы комиссии под руководством академика Яковлева (1989) о признании существовавшим пакта Молотова-Риббентропа о разделе сфер влияния в Европе 1939 г.)
- Сталинская система обрушилась на Эстонию в первый же год ее пребывания в составе СССР испытанные ранее в других регионах страны репрессии, включая высылку в Сибирь части населения, без предъявления в суде каких-либо доказанных обвинений. (См. материалы XX съезда КПСС.)
- Германия имеет прямое отношение к советской оккупации Эстонии. (См. материалы комиссии под руководством академика Яковлева о признании существовавшим пакта Молотова-Риббентропа о разделе сфер влияния в Европе 1939 г.)

- Гитлеровская оккупация территории Эстонии вылилась в установление особого порядка, лишавшего коренное население многих гражданских прав. Согласно плану «Барбаросса» в дальнейшем должно было произойти еще большее ограничение этих прав и превращение Эстонии в полуколонию без какой-либо перспективы на самоопределение. На территории Эстонии были физически истреблены все евреи, причем это было сделано руками карателей, набранных из числа эстонцев. (См. материалы Нюрнбергского процесса.)
- 20-я дивизия СС действовала не только на территории Эстонии, а осуществляла свои боевые и карательные функции по отношению к мирному населению в других регионах СССР, оккупированных Германией. Зверства карателей задокументированы. К СС применен в порядке исключения принцип коллективной вины. (См. материалы Нюрнбергского процесса.)
- После изгнания гитлеровцев Эстония по формальным основаниям продолжала считаться союзной республикой в составе СССР в силу ее приема ранее в этот состав по собственному ходатайству. Опасения о продолжении репрессий подтвердились. Произошла вторая высылка. Однако после разоблачения культа личности Сталина на XX и XXI съездах КПСС незаконно репрессированные были амнистированы и восстановлены в своих правах, Эстония получила более благоприятные возможности для существования и стала самой развитой в экономическом и социальном смыслах территорией СССР.

Подведу итоги.

За год существования на эстонской земле советской власти (от момента ее установления до прихода немцев) с учетом всех ее проявлений рассчитывать на патрио-

тизм населения в пользу этой власти было бы большим заблуждением. Конечно, удалось сформировать Эстонский стрелковый корпус как подразделение Советской армии, в котором были люди, хорошо понимавшие, какую опасность для их родины несет германский национал-социализм. Но также было много тех, кто успел пострадать от Советов, потерять свое имущество, родственников, знакомых, пройти через пытки НКВД и хотя бы по этой причине ожидавших немцев как манны небесной. Надо видеть разницу между теми русскими, которые сотрудничали с немецкими оккупантами на территории России, и эстонцами, превратившимися в эсэсовцев.

Другие же вообще были растеряны, не понимали происходящего и оказались готовы ради спасения себя, своих детей и близких поддержать любую власть, оказавшуюся сильнейшей. Например, часть евреев не посчитала возможным воспользоваться эвакуацией в отдаленные районы СССР, полагая, что немцы — это культурная нация и они создадут евреям условия для существования. Все они стали трупами, которые горели в кострах Клоога, подожженных эстонскими сподвижниками германских нацистов.

Понять — не значит оправдать. Став исполнителями приказов рейхсфюрера Гимmlера по воле судьбы или по собственной воле, даже те из них, кто пошел на этот шаг из патриотических мотивов по отношению к Эстонии (а таких, можно предположить, была лишь часть, так же, как и была часть убежденных нацистов, и еще одна часть конформистов без убеждений) стали членами команды, запятнавшей себя кровавыми преступлениями на всех территориях, где бы они ни появлялись. О том, что нацизм сидел в головах части служивших Германии эстонцев, говорит проведение ими акций по уничтожению евреев. Эти преступления доказаны Нюрнбергским процессом, а патриотические мотивы, якобы оправдывающие пребывание в дивизии СС, — это разговоры в пользу бедных. Кто сейчас способен отделить одну часть зверствовавших зондеркоманд от других частей (по вышеприведенной града-

ции)? О том, что было, можно судить лишь по реальным поступкам, а не по субъективным намерениям, которые не поддаются проверке.

Но даже если бы патриотичные мотивы удалось каким-то чудом зафиксировать, то считать цель обстоятельством, оправдывающим любые средства ее достижения, значит оправдать возвращение к иезуитской морали Средневековья, давно отвергнутой просвещенной Европой. Главным оказалось не то, что часть эсэсовцев воевала за свободу Эстонии. Эта цель объективно оказалась побочной по отношению к основной цели деятельности СС, обеспечиваемой особо изощренными средствами. При такой ситуации дожившим до первого десятилетия XXI века бывшим эсэсовцам стоило бы не кричать о своих заслугах перед Эстонией и не устраивать публичные спектакли типа сборища под Синимяэ, а помалкивать, замаливая в церквях прежние тяжкие грехи. Нельзя, как сказал один из знаменитых мыслителей прошлого, подлость сегодняшнего дня прикрывать подлостью дня вчерашнего.

Что касается советского периода после разоблачения культа личности Сталина, то с учетом фактов можно было бы прийти к такому заключению.

Невозможно игнорировать изменение духа времени и его реального воплощения в жизнь. После знаменитого XX съезда партии, разоблачившего многие злодеяния Сталина, наступила, по образному выражению Ильи Эренбурга, «оттепель». Хотя строй оставался прежним, но он становился вроде бы гуманнее. Начался массовый процесс реабилитации невинно осужденных и высланных жертв сталинизма. В Эстонию на основе тотальной амнистии возвратились многие коренные жители, пострадавшие от репрессий.

Может быть, символом обновления стало исполнение в середине шестидесятых на сцене Концертного зала «Эстония» 13-й симфонии Дмитрия Шостаковича под названием «Бабий Яр». Это музыкальное произведение, состоящее из пяти частей, воспроизводили оркестр, солист

(бас) и мужской хор. Для поющих исполнителей предназначался стихотворный текст Евгения Евтушенко, который состоял не только из шокирующе известного стихотворения «Бабий Яр», но и других стихотворных строк, для каждой части симфонии своих. Текст четвертой части «Страхи» был специально создан для музыкального произведения. В нем были такие слова:

Умирают в России страхи,
словно призраки прежних лет,
лишь на паперти, как старухи,
кое-где еще просят на хлеб.

Я их помню во власти и силе
при дворе торжествующей лжи.
Страхи всюду, как тени, скользили,
проникали во все этажи.

Потихоньку людей приучали
И на все налагали печать.
Где молчать бы – кричать приучали
И молчать – где бы надо кричать.

Это стало сегодня далеким.
Даже странно и вспомнить теперь.
Тайный страх перед чьим-то доносом,
тайный страх перед стуком в дверь.
[...]

Страхи новые вижу, светлея:
страх неискренним быть со страной,
страх неправдой унижить идеи,
что являются правдой самой,
страх фанфарить до одуренья,
страх чужие слова повторять,
страх унижить других недоверьем
и чрезмерно себе доверять.

Однако национальная политика, как и многое другое, оказалась в тисках противоречий. С одной стороны, государство обеспечивало деятельность учебных заведений на эстонском языке, прессы, радио, телевидения, национальных театров, Академии наук, проведение праздников песни и танца, открывало «зеленую улицу» для подготовки национальных кадров в ведущих высших учебных заведениях страны (поступление вне конкурса на лимитированное место), стимулировало развитие сельского хозяйства. С другой — развивало промышленность, которая по идее должна была способствовать укреплению экономического потенциала национальной республики. Однако такое направление потребовало механической миграции неэстонского населения для использования его в качестве рабочей силы. Удельный вес эстонцев заметно уменьшился.

Такая тенденция вызвала большое беспокойство национальной элиты, что и повлияло на расширение движения этнического ренессанса. К чему это привело, хорошо известно.

Нынешняя пропаганда, обливая грязью все, что связано с советским периодом истории, делает вид, что эстонцам была уготована участь страдальцев во все периоды этой истории. Но все-таки, как видно, существует большая разница между сталинским периодом и тем, что было после. Если мы хотим смотреть правде в глаза, эту особенность следовало бы признать и не отождествлять целиком советский период с деяниями нацистов, провозглашавших и осуществлявших господство арийцев как высшей расы.

Тем не менее, парадокс советских победителей печально удивителен. В послевоенные годы немалое число военных, волею судьбы оказавшихся в плену, после освобождения стали узниками сталинских лагерей. Великие стройки коммунизма осуществлялись в основном заключенными, численность которых продолжала увеличиваться.

Побежденные в короткие исторические сроки создали для себя такой высокий уровень жизни, о котором

победители мечтают по сегодняшний день. Советские ветераны войны в массе своей были обречены на жалкое существование, не зная, как ответить на вопрос о личном благополучии: за что сражались?

В популярной песне того времени «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» можно было услышать обещание построить однополчанину как герою войны хороший дом. Я видел дома-коттеджи из красного кирпича для ветеранов Второй мировой войны. Одно- и двухэтажные однотипные сооружения в несколько комнат со всеми удобствами, гаражом, маленьким садиком выстроились однообразной вереницей вплоть до далекого горизонта по обеим сторонам прямой, как линейка, улицы. Только такая картина наблюдалась не где-нибудь под Питером, Харьковом или Иркутском, а в далекой Филадельфии, которая, как известно, находится в США.

Репрессивную политику государства-победителя почувствовало все общество. Такая политика вылилась в ряд кампаний.

БОРЬБА С КОСМОПОЛИТИЗМОМ

В 1948 году были инициированы кампании против космополитов в философии, истории, музыке, биологии, литературе, физике. В СССР повсюду беспощадно изгонялись западные влияния, даже иностранную научную литературу изъяли из библиотек и передали в спецхран. 15 февраля 1947 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О воспреещении браков между гражданами СССР и иностранцами». 31 июля – 7 августа 1948 года Лысенко провел победно громящую космополитов-генетиков сессию Все-

союзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. С того времени генетика в СССР оказалась на положении буржуазной лженауки.

28 марта 1947 года было принято постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «О Судах чести», создаваемых в министерствах и центральных ведомствах. С обвинением в Суд чести обращался партком, назначался общественный обвинитель, члены суда вели допрос обвиняемых, в заключение обвиняемым давали последнее слово, и затем перед вынесением приговора выступал общественный обвинитель. Партией перед судами чести была поставлена задача искоренения низкопоклонничества и пресмыкательства перед Западом, воспитание советской патриотической гордости в среде интеллигенции.

Опишем общий механизм и смысл такого рода кампаний в СССР. Допустим, партия обнаруживала очередных затаившихся врагов-космополитов (вейсманистов-морганистов-менделеевистов или великодержавных шовинистов – неважно). Главная партийная газета «Правда» публиковала установочную статью, разъясняющую враждебность и опасность явления для советской власти, приводила пример разоблаченного (в нашем случае) космополита в литературе.

Следом все структуры власти и организации партии были обязаны приступить к разоблачению космополитов. Если какой-нибудь журнал не находил у себя или поблизости коллег-космополитов, в лучшем случае это означало потерю бдительности сотрудниками, в худшем – что издание тайно захвачено этими самыми космополитами.

Оргвыводы следовали неотвратимо. Настоящие советские писатели в порядке личной инициативы также разоблачали известных им космополитов, сигнализировали в партийные инстанции и органы о своих подозрениях, это приветствовалось. Разумеется, космополиты пытались замаскироваться под честных советских граждан и тоже могли пытаться для отвода глаз разоблачать каких-нибудь космополитов. Поэтому часто кампания чистки шла кругами, захватывая все новые массы врагов.

Длительность, глубину, масштаб и накал чистки строго определяли партийные инстанции. В СССР подобные кампании традиционно

являлись методом политико-идеологического управления государством и обществом и имели важное дисциплинирующее значение. Команду на прекращение кампании сверху дали уже 29 марта 1949 года, когда на совещании редакторов центральных газет секретарь ЦК ВКП(б), заведующий отделом агитации и пропаганды М. А. Суслов предложил «осмыслить» ситуацию и прекратить публиковать «крикливые» статьи.

ОХАИВАНИЕ ЛИТЕРАТОРОВ И ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

Каким языком советская власть объяснялась с неудобными литераторами, можно судить по Постановлению Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года и по докладу тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде («Правда» № 225 (10307) от 21 сентября 1946 г.). Для передачи слога и духа времени процитирую постановление Оргбюро:

«Предоставление страниц «Звезды» таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции «Звезда» хорошо известна физиономия Зощенко и недостойное поведение его во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как «Перед восходом солнца»; «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, «искусства для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе».

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»

В 1949 году началось «ленинградское дело», по которому в 1950 году был расстрелян депутат Верховного Совета, заместитель председателя Совета министров СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенский (07.03.1949 выведен из Политбюро, 27.10.1949 арестован, 01.10.1950 казнен). Вместе с ним был казнен бывший первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии (1945-1946), затем – секретарь ЦК и начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) (1946-1949) А. А. Кузнецов. Арестовывали и расстреливали в том числе близких родственников видных обвиняемых по «ленинградскому делу». Репрессии «ленинградцев» продолжались и в 1952 году, по приблизительным оценкам пострадали не менее двух тысяч партработников.

И что не может не настораживать, материалы по «ленинградскому делу» так до сих пор и не рассекречены. Опубликованы лишь незначительные фрагменты документов, а содержание обвинения и причины репрессий сохраняются в строгой тайне. Ниже – одно из опубликованных (видимо, случайно) уникальных документальных свидетельств.

По косвенным данным, обвиняемым кроме ритуального шпионажа и антисоветского вредительства в вину вменялись русский национализм и планы по отделению России от СССР. По-видимому, они всего лишь выдвинули предложение создать Российскую Коммунистическую партию со своим ЦК, а столицей РСФСР сделать Ленинград. То есть фактически предлагали отказаться от традиционной советской политики дискриминации РСФСР по сравнению с другими союзными республиками.

Николай Вознесенский

Петр Попков

Алексей Кузнецов

Михаил Родионов

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ»

«Дело врачей», или «дело врачей-отравителей» – уголовное дело против группы высокопоставленных советских врачей, обвиняемых в заговоре и убийстве ряда советских лидеров. Истоки кампании относятся к 1948 году, когда врач Лидия Тимашук обратила внимание компетентных органов на странности в лечении Жданова, приведшие к смерти пациента. В тексте официального сообщения об аресте было объявлено, что «большинство участников террористической группы (Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Гринштейн А. М., Этингер Я. Г. и другие) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах». В связях с этой же организацией ранее были обвинены и проходившие по делу Еврейского антифашистского комитета. Ввиду всего этого огласка дела приобрела антисемитский характер и влилась в более общую кампанию по «борьбе с безродным космополитизмом». Кампания закончилась одновременно со смертью Сталина от инсульта в 1953-м, после чего с обвиняемых были сняты обвинения, а сами они освобождены от преследований.

Сейчас появились публикации о том, что Сталин сразу же после окончания предыдущей войны начал готовиться к следующей. Возможно, это и так. Не знаю. Но обстановка в мире, судя по газетам и радио, явно была неспокойной. На Западе после американской атомной бомбардировки Японии усилились воинственные настроения, подстегнутые сверхоружием.

Речь Черчилля в Фултоне содержала призыв к холодной войне с СССР. В разделенной на оккупационные сектора Западной Германии возросло число случаев использования бывших нацистов в интересах государств-по-

бедителей, примером чему может служить перемещение в США создателя германских ракет Фау-1 и Фау-2 Вернера фон Брауна и шефа гестапо Мюллера. Вскоре образовалась Федеративная Республика Германия (ФРГ). Атомной бомбой, а потом и водородной, стал обладать и Советский Союз. Возник блок НАТО, а вслед за ним – контрбъединение государств – сателлитов СССР Варшавский договор. Появилось понятие «поджигатели войны». На Востоке громынула Корейская война. Как следствие возникновения Китайской Народной Республики на острове Тайвань образовалось другое китайское государство, враждебное первому. Было создано государство Израиль, которое сразу подверглось агрессии ряда арабских стран. Премьер-министр Израиля Голда Меир, прибыв с визитом в Москву, обратилась с призывом к советским евреям переселяться в ее государство, что вызвало очередную волну антисемитизма в стране.

Это далеко не полный перечень международных событий того времени. О них говорили, из-за них переживали. На эту тему создавались песни, литературные произведения, кинофильмы. Неудивительно, что международный контекст вплетался в ткань тогдашней жизни, в том числе и детской.

Праздничный вечер в актовом зале ленинградской школы номер 206. По ступенькам на сцену поднимается цепочка моих одноклассников с горящими бенгальскими огнями. Хором поем:

Мы за мир, и песню эту
Понесем, друзья, по свету.

Рассказ четвертый
ДЕРЖИСЬ, ПАЦАН! ТО ЛИ ЕЩЕ БУДЕТ

4.1. Семейное воссоединение

В нашей семье двуликий Янус Победы означал не только соучастие в общем ликовании, но и возможность возвращения на родную Пушкинскую улицу. Мы с мамой оказались в своей комнате в августе 1945 года. Папа был демобилизован из армии в сентябре. Пережив страшную войну, все вновь оказались вместе, были относительно здоровы и переполнены жизнелюбием. Это было главным. Как ни странно, старая мебель в комнате стояла на прежних местах, но обои обвисли, воздух был пропитан запахом сырости и какой-то гнили. Это был символ нового этапа существования, который оказался весьма непростым.

Папа выглядел бравым воякой. В кирзовых сапогах, от которых несло мазутом, в гимнастерке, перепоясанной солдатским ремнем, галифе, пилотке набекрень он был бодр и решителен. Японская желтая полевая сумка-планшет, источавшая аромат качественной кожи, финский нож с разноцветной наборной пластиковой рукояткой и никелированным лезвием, на котором были видны иероглифы, несколько цветных открыток с изображением горы Фудзияма и полуобнаженных азиаток с пышными голыми сиськами — таковы были вещественные подтверждения его лаконичных рассказов о последнем этапе мировой войны, который закончился капитуляцией японской Квантунской армии, плененной на территории Маньчжурии.

Из откровений рассказчика можно было понять, что он был вполне доволен своей армейской жизнью. Ансамбль, в котором служил оркестрантом Макс Лившиц, давал множество концертов в действующей армии, он пользовался успехом, артисты понимали важность роли, которую они исполняли, и располагали весьма приличными условиями существования. Была работа по душе, было что есть, пить и курить, была надежда, что все и дальше будет хорошо.

Но не тут-то было! Кажущаяся радужной перспектива обернулась такими проблемами, которые иначе, как драмой, не назовешь.

Не знаю, на какие шиши нам в то время удавалось как-то питаться и вообще существовать. О возможности для папы вновь зарабатывать игрой на виолончели не могло быть и речи. Ранение перечеркнуло этот вариант навсегда. Другого инструмента не было, если не считать чудом сохранившееся банджо. Но это типично диксилендовский инструмент, а гонения на джаз как идеологически враждебное и растленное буржуазное создание уже начинались. Так что с этим инструментом тоже некуда было податься. Ничего другого Макс делать не умел.

Единственное, на что он решился, так это на торговлю хозяйственным мылом. Натянутым шпагатом мы с ним разрезали на маленькие части большой шмат этого моющего средства. Бывший солдат во всей экипировке стоял на вещевом рынке (барахолке), что на Обводном канале, и предлагал мыльные кусочки любителям чистоты. Какие-то гроши заработать удавалось.

Мама тоже, не имея профессии, была лишена возможности трудоустроиться. Возможно, она где-то тайком подрабатывала (например, уборщицей), ведь какое-то примитивное питание в доме водилось. Мне такое ее занятие достоверно неизвестно. Знаю, что жили мы впроголодь.

Экс-солдат из куска старой газеты сворачивал маленький кулек, перегибал его, в раструб насыпал махорку, что и курил. Это изобретение называлось «козой» и мне давно было известно. Только я насыпал в кулек остатки табака из окурков, подобранных на улице. Позже появились большие коробки с пустыми папиросными гильзами и простенький агрегат для набивания гильз табаком. Меня такая новинка вполне устраивала. Иногда реализовывали на толкучке какие-то вещички, сохранившиеся с довоенного времени. Дома вспыхивали частые скандалы из-за каждой потраченной копейки, которую, как казалось, можно было бы использовать более разумно. Папино

здоровье стало заметно ухудшаться. Появились нервные срывы, которые не давали о себе знать во время войны. Пришлось обращаться к помощи психиатров.

Тогда сражаться с бедностью было не в моих силах. Эта битва растянулась на десятилетия. Только в 1981 году после присвоения мне Высшей аттестационной комиссией звания профессора можно было признать, что моя семья оказалась в разряде среднего уровня среднего класса общества.

Впрочем, после войны и не осознавалось, что жить впроголодь — это плохо. Такова была участь многих. Стандарт сложился такой, что корили не бедность, а имущественную состоятельность. Человек мог с гордостью заявить «Я гол как сокол!», но очень осторожно, полупрошептом, смущаясь поделиться секретом о своем сытом житье-бытье. Старший пионервожатый школы, где я учился, рослый, болезненно полный юноша не испытывал никакого смущения, приходя на работу в рваной обуви, из которой выглядывали грязные пальцы ног.

4.2. Семилетка

На улице Жуковского, в той ее части, что примыкала к перпендикулярной Октябрьской улице (на ней сейчас расположен знаменитый концертный зал «Октябрьский»), находилась неполная средняя мужская школа номер 220, дававшая семилетнее образование. В ней с сентября была продолжена моя учеба в пятом классе.

Снаружи это здание ничем особым по сравнению с соседними жилыми домами не выделялось, и лишь надпись у входных дверей указывала, что здесь размещается учебное заведение. Крутые лестницы, соединяющие этажи, узкие коридоры, небольшие комнаты для классов. Никаких специальных кабинетов по изучаемым предметам. От дома до школы — приличное расстояние, особенно если идти пешком (психологическое расстояние), что я предпочитал делать ради экономии средств. Позже мыслимая длина пути, понятно, заметно сократилась.

Учась во время эвакуации в русской школе Алматы, я не испытывал каких-либо серьезных затруднений. Все шло как бы само собой. Учиться было нетрудно. Прочитав «Мои университеты» Максима Горького, я сначала удивился тому противопоставлению школы жизни образовательной школе, которое делал писатель, повествуя о своей трудной судьбе, а потом все более стал склоняться к пониманию его правоты. К тому же учиться взрослеть, проглатывая художественную литературу, было значительно интереснее, чем отбывать повинность на часто очень скучных уроках, на которых я заставлял себя присутствовать только потому, что так было положено.

В пятом классе экзамены надо было сдавать по окончании каждой четверти учебного года. Почти по всем пройденным предметам. Для меня уже первые испытания обернулись катастрофой. По шести сданным экзаменам из семи мои знания были оценены на двойку. Что дальше

делать, я не знал. Боялся сообщить об этом родителям, и без меня перегруженным своими проблемами. Вспомнились детские стихи.

Пришел из школы ученик
И запер в ящик свой дневник.
«Где твой дневник?» – спросила мать.
Пришлось дневник ей показать.
Не удержалась мать от вздоха,
увидев надпись «очень плохо».
Отец воскликнул: «Крокодил!
За что ты двойку получил?»

К моему удивлению, папа и мама к моей информации отнеслись без лишнего шума. Мама всплакнула, а папа вообще промолчал. То ли им вспомнились их школьные годы (папа из-за болезни, как он мне много позже стыдливо признался, смог окончить лишь три класса). То ли потому, что чувствовали себя такими несчастными и забытыми, что посчитали неизбежной схожую судьбу и для своего отпрыска (по принципу «как идет, так идет»). Но, видимо, на душе остался тяжелый осадок.

Чуть более двух лет спустя, когда решался вопрос, что делать с сыном, окончившим семилетку (кстати, весьма успешно), мне было предложено в категорическом тоне поступать в ремесленное училище и приобретать там рабочую профессию (лучше бы скорняка, или часовщика, или еще что-то в этом роде), а не продолжать учебу в другой школе. Возможно, вспомнился пример мужа папиной двоюродной сестры Лены по имени Лева, который был частником-фотографом, имел свою кибитку на Мальцевском рынке и в семейных кругах считался богатым человеком.

Папа предлагал мне ранее учиться играть на аккордеоне, который для него самого стал средством извлечения кабацкого дохода, мотивируя это тем, что на черный день таким способом кусок хлеба заработать можно. Играть

на аккордеоне — неплохая идея. Но кавалерийской атакой эту крепость не взять. Надо было долго и кропотливо стучать по клавишам, раздвигая меха, а терпения у меня не хватило. Подбирать простенькие мелодии можно было без всякой учебы, чем я и ограничился. Не то что мой приятель Володя Панченко, который взял у папы несколько уроков, продолжил учебу где-то еще и научился исполнять сложные и красивые аккордеонные вещи. Потом я много раз себя ругал за упущенную возможность и врожденную лень.

Я редко плакал, но тогда, благодаря глазной жидкости, смог уговорить родителей разрешить мне продолжить общее образование в средней школе. Думаю, что их положительному отклику на мольбу сына поспособствовало и то, что правительство к этому времени отменило плату за учебу в школе, которая ранее взималась. Пусть это были небольшие деньги, но для скромного семейного бюджета они казались обременительными.

Реакция родителей на двойки тронула за живое. Мне этот факт виделся случайностью — начитанный человек просто поскользнулся на катке знаний. Родители же посчитали случившееся закономерностью, подвластной судьбе. Мной было принято решение действовать самостоятельно, освободив папу и маму от груза ответственности за мои сбой. Решение это, созревшее в тринадцатилетнем возрасте, было настолько серьезно, что стало руководством к действию на всю последующую жизнь. По всей видимости, каскад двоек внес свой вклад в постепенное превращение подростка в человека со взрослой психикой.

На одной из первых парт в классе сидел Славик Бобров. Его уважали. Не только за светлую голову, позволявшую щелкать арифметические задачки как семечки. Он был отличником по всем предметам. Спокойный, рассудительный, он и на переменках не носился по коридорам, как многие из учеников, а держался с достоинством, но без зазнайства. Раньше рядом с ним на уроках занимал

место какой-то вертлявый обалдуй, но родители перевели его в другую школу. Мне показалось разумным стать соседом Славика.

Он взял надо мной шефство и позвал в гости. Его отец, узнав о моих проблемах с русским языком, как бы шутя спросил: а слабо тебе три раза переписать одну из глав романа Льва Толстого «Война и мир»? Задача, понятное дело, была утомительной, но я решился. И сделал эту работу, внимательно отслеживая грамматику и стилистику текста. Через месяц контрольная работа по русскому языку была выполнена без ошибок. При поддержке Славика и его отца я упрямил математичку Аннушку (маленькую горбунию с птичьим носом и хитрыми глазами) пояснить кое-какие примеры и задачи, которые плохо до меня доходили. С этим делом тоже удалось справиться. В конце учебного года в табели у меня не было ни одной тройки, а директор школы водил меня за руку по классам, показывая, чего может добиться ученик при сильном желании.

Директором школы был Василий Павлович Кищук, раненый фронтовик, одну ногу которого заменял протез, прикрытый брюками. Строгому, но справедливому Палычу, как мы его звали, удавалось держать школу в руках и пользоваться авторитетом. Кроме административных обязанностей Палыч выполнял и учительскую работу как преподаватель истории. Его заботой было научить несмышленишей истории древнего мира и средних веков. Эти уроки остались в памяти.

Прозвище директора кроме как на отчество намекало еще на привязанность к палке-указке. Объясняя сюжет события, он занимал место у теплой печки, расположенной вблизи стены, где висела карта, поднимал двумя руками к своему волевому подбородку указку, да так, чтобы голова опиралась на эту подставку, покачивался с пятки на носок и начинал рассказ. Голос его, немного скрипучий, звучал как бы на одной ноте, каждое слово процеживалось через зубы медленно и ритмично. Образы истори-

ческих событий и личностей, насыщенные множеством любопытных нюансов, оживали, как на киноэкране, вызывая у слушателей то трепет поклонения, то горечь скорби. У такого педагога было интересно учиться и стыдно не знать материал. К тому же приходилось сравнивать его с другими учителями.

Директор школы и седьмой класс: В. П. Кищук – третий ряд сверху, пятый слева; Ю. Лившиц – верхний ряд, третий слева; Л. Королев – там же, четвертый слева; Г. Калиновский – там же, пятый слева; А. Либер – второй ряд сверху, первый слева; Л. Аншилевич – тот же ряд, пятый слева; В. Каверзнев – третий ряд, второй слева; С. Бобров – тот же ряд, шестой слева; И. Комиссаров – четвертый ряд сверху, первый слева

Воспоминания об уроках древней истории откликнулись стихом:

Бывает, что дозы наркоза
Фантазий безумства питают.
Сухие дожди сеют грозы,
А холод жарой обжигает.

Я вижу рабов очень много
 В тисках древнеримского трона.
 И Аппия злая дорога
 Для них – трепроклятая зона.

Волочат громадные глыбы
 Гранита для новой прокладки.
 Тела их плетями избиты,
 А слезы их льются украдкой.

Опутали камни веревки.
 Жгуты по разломам петляют.
 Во сне, как под лупы наводкой,
 Сплетенья узлов наплывают.

Крупнее, страшнее и круче.
 Зажатый узлом, задыхаюсь.
 Вдруг голос я слышу певучий
 И мигом от пут избавляюсь.

Так спас меня образ из детства
 Учителя школьного срока,
 Когда древнеримским наследством
 Он вызвал восторг от урока.

Древнюю российскую историю тоже вел бывший фронтовик. Глупый, косноязычный, нервный. Он давно должен был понять, что работа учителя ему противопоказана. Класс доводил его до белого каления. Возмущаясь поведением учеников, он находил только один довод для поддержания своего реноме.

— Мы кровь мешками проливали! — кричал учитель истошно. — Мы брали линию Маннергейма и другие линии! А вы проявляете ко мне такое неуважение.

Я для себя сделал вывод, что никакие прошлые заслуги не могут нейтрализовать твою нынешнюю никчемность. Реальная жизнь — это настоящее, а не прошлое и будущее.

Географию преподавала энтузиастка своей науки. Ее нельзя было обижать бездельем и лампизмом (когда все как до лампочки). К этим урокам я с удовольствием готовился. Но случались и курьезы. Рассказывая о промышленности Молдавии, я уверенно заявил под хохот класса, что в Тирасполе есть завод по производству кобелей (надо было — кабеля).

На уроке Сталинской конституции однажды случилось такое, что могло мне дорого обойтись. На перемене кто-то из пацанов показал, как можно свистеть, положив два пальца в рот. Теория была понятна, но на практике ничего не получалось. И вот в тот момент, когда учительница рассказывала о докладе товарища И. В. Сталина по поводу проекта Конституции на VIII чрезвычайном съезде Советов, в классе раздался пронзительный свист. В ответ — громовой хохот, вылетевший из тридцати глоток. Рассказчица замерла и, кажется, побледнела. Освистатель доклада вождя был выставлен за дверь. Но сообразительная педагогиня, видно, поняла, что происшествие лучше скрыть, чем давать делу ход. Иначе загреметь могли все: и рассказчица, и свистун, и хохотуши, а возможно, и школа вместе с директором и другими учителями, причем крепко и надолго. Уголовная ответственность за такие дела могла быть применена к лицу, достигшему возраста двенадцати лет, а мне было уже пятнадцать. Такие были времена.

Классным руководителем все три года учебы в 220-й школе была училка русского языка Егорова (не помню имени-отчества, а фамилию изменил). Класс ее побаивался, но не уважал. Она была криклива, надменна, всем своим видом показывая, что мы мало достойны ее внимания.

Ее внешность рождала предположение, что с учительской профессией дама совмещает деятельность портовой потаскухи. Все учителя выглядели очень скромно. Женщины не позволяли себе ярких одеяний, бросающихся в глаза украшений, даже красный маникюр был у них не в почете. А классная дама — крашеная блондинка с густо затушеванными ресницами и нарисованными бровями,

кирпично-красным ртом, напудренными толстым слоем щеками (мы говорили «наштукатуренными»). Ее платья были под стать макияжу. Но главное то, что на одной руке у нее была заметна синяя наколка из нескольких букв русского алфавита. В то время татуировками славились лишь моряки и уголовники. На нашей улице мне были знакомы несколько пацанов, гордившихся своими татуированными телами, оповещавших всех вокруг, что обладатели нательных картинок уже успели побывать в тюрьме. А тут нате вам — классный наставник.

Алик Либер появился на свет с родовой травмой: одна нога у него не стибалась, и он ступал ею, опираясь на поверхность лишь пальцами, без участия стопы и пятки. В классе он ничем особым не выделялся, кроме как врожденной музыкальностью. Меня с ним сближали чувство сострадания и привязанность к музыке. Пацаном он был оптимистичным и старался показывать, что физическая ущербность его совершенно не волнует. Но на меня эта хромающая походка производила тяжкое впечатление, о чем я даже сделал запись в дневнике, который вел в шестом классе. Мол, чего там стоят, Юз, все твои невезения и неудачи по сравнению с мучениями Алика Либера.

Пару раз я был у него дома на улице Восстания. Както он рассказал мне о недавно появившейся оперетте Исаака Дунаевского «Вольный ветер» и напел несколько мелодий. В ответ от меня он услышал насвистывание еще одной темы из этой музыкальной комедии, которая запомнилась мне из передачи по радио. Узнав о моей симпатии к опереточному жанру, Алик сказал, что у него есть возможность раздобыть две контрамарки на спектакль Ленинградского театра музыкальной комедии «Сильва». Вскоре мы, сидя на балконе, наслаждались классической музыкой и забавными мизансценами. На шестиклассников кое-кто из взрослой публики посматривал с удивлением — все-таки спектакль был не про братца Иванушку и сестрицу Аленушку.

Но фурор произошел в антракте. Заглянув в буфет, мы наткнулись на проглатывающую рюмку водки мадам Егорову. Ее глаза, чуть не вывалившиеся из орбит от удивления, говорили о многом. Но она не успела произнести ни одного слова, поскольку школяров как волной смыло.

На следующий день Алик в школу не пришел. На уроке русского языка я был вызван к доске, и класс услышал от училки такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Не могу утверждать, что это был чистый русский мат или блатная феня. Но то, что из раскрашенных уст мадам вырывались фонтаны не совсем литературного русского языка, это уж точно.

— Как вы посмели! Вы — развратные типы! Вам в борделях уборщиками быть, а не в советской школе учиться! Захотелось женские задницы посмотреть?

Я молча слушал, скромно потупив взор и размышляя о том, в какую оценку за поведение мне это гневное словоблудие выльется. Думалось еще о Кальмане, его чудесной музыке и парадоксах ханжества. Душа требовала самозащиты от незаслуженного публичного оскорбления. Но ведь промолчал же — то ли из-за привитой воспитанием установки на право отверток крутить головы винтам, то ли струсив перед напором воплей, то ли из неприятия конфликтов по врожденной душевной расположенности.

Позже мне неоднократно приходилось вести нанайскую борьбу, т. е. сражаться с самим собой, что, возможно, способствовало у кого-то возникновению мнения о моем конфликтном характере. Но каждый акт противодействия несправедливости или неправде давался с большим нервным напряжением, т. к. мне было свойственно «не противляться злу насилеи» (Л. Толстой). Иначе говоря, мое «Я» не принадлежало к числу тех боевых натур, для которых естественным является отпор или нападение, а уж надевание намордника всегда требует большого усилия над собой.

Такие размышления в дневниковых записях той поры показывали, что процесс взросления шел полным ходом.

4.3. Еще раз о фоне

Между тем крупный фон и фоники поменьше, оттенявшие становление личности маленького человека, были более чем сложными и противоречивыми.

Сталинизм как фантастическое чудовище с множеством ядовитых щупальцев раздулся беспредельно. Хотя Сталин еще в середине войны произнес тост за здоровье русского народа как истинного творца ожидаемой победы, после достижения желанной цели славословие в свой адрес как главного организатора и вдохновителя разгрома фашизма не только не обуздал, но и явно ему потворствовал.

Думаю, дело не в личной нескромности вождя. Ранее своей одеждой, убранством жилища, образом поведения он все-таки показывал себя человеком аскетического склада. После войны, хотя он и стал иногда появляться на портретах в шикарнейшей форме генералиссимуса, но во всем остальном, как видно из писем его дочери Светланы Аллилуевой, вроде бы уклад его жизни существенно не изменился. Правда, когда в 1949 году отмечалось семидесятилетие И. В. Сталина, ажиотаж был невероятный. В Москве целый квартал занимало здание, в котором для обозрения довольно-таки плотно были размещены бесчисленные подарки, полученные юбиляром со всех концов планеты, и в первую очередь — из руководимой им страны. Но, понятное дело, считалось, что это — свидетельство всенародной любви к вождю, а не демонстрация его монарших замашек.

Существо происходящего заключалось в другом. В годы тяжелых военных испытаний народ руководствовался потребностью к единению и послушанию под воздействием опасности своего уничтожения внешним врагом и осознанием правоты своего дела («Наше дело правое, мы победим!»). Авторитет вождя взаимодействовал с этим на-

чалом. В мирное время стимул к сохранению целостности общества, подвергавшегося новым испытаниям разрухой, нищетой, падением нравов, большевистское руководство видело в усилении культа вождя, без разума и воли которого якобы всем будет плохо.

С такой идеологической установкой согласовывался и политический метод пряника и кнута, прошедший испытание историей тоталитарных режимов и приносивший какие-то ощутимые плоды. Пряник — забота «великого вождя» и его сподвижников об улучшении материальных условий жизни народа, например, путем отмены карточной системы и снижения цен на товары первой необходимости.

Карточная система на продукты питания и промтовары сохранялась до конца 1947 года, когда была отменена. Перед ее отменой правительство установило единые цены на продукты питания (взамен «карточных» и коммерческих цен), которые были в три раза выше, чем в 1940 году. В это же время была проведена денежная реформа, цель которой — сбалансировать финансовую систему.

Эмиссия в годы войны и сокращение розничного товарооборота привели к тому, что на руках у населения скопилось большое количество денег, не обеспеченных товарной массой. Покупательная способность денег упала. 14 декабря 1947 года было объявлено о начале реформы, которая должна была пройти в течение недели. Обмен проходил по курсу 10:1, т. е. за десять старых рублей давался один новый. Для тех, кто держал деньги на сберкнижках, обмен был льготным. Вклады до 3 тысяч рублей обменивались 1:1. Вклады от 3 до 10 тысяч обменивались из расчета 3:2, а свыше 10

Товар в магазине можно было приобрести в очень ограниченных пределах, при этом каждый раз продавец вырезал использованный купон

тысяч – 2:1.

От реформы в основном пострадали сельские жители, которые хранили свои сбережения дома и боялись декларировать их при обмене. По оценкам ряда исследователей, в общей сложности примерно треть денежной массы вообще не была предъявлена к обмену. В целом реформа носила конфискационный характер.

Кнут – массовые репрессии. К тому же считалось, что насилие по отношению к многочисленным действительным и мнимым врагам продемонстрирует их реальное существование, что сыграет для народа такую же цементирующую роль, как и нашествие завоевателей. Соответствующая политика будет поддерживать страх людей перед властью, а это тоже надо считать весьма полезным состоянием духа масс для укрепления партийно-государственной системы.

Реакция нашей семьи на эти внешние по отношению к ней события была такой же, как и у многих других ленинградцев. Снижение цен принимали с радостью, обнаруживая все ранее затаившиеся арифметические познания. Борьба с космополитизмом воспринималась с тревогой, так как мы догадывались, на кого направлено острие этого идеологического оружия. Позже прогремевшее дело об убийцах в белых халатах подтвердило эти предположения.

Мама однажды рассказала о разыгравшейся в трамвае дикой сцене, когда какой-то мужик орал, сопровождая требование нецензурной бранью, чтобы сидевший рядом с ним еврей убрался на другую скамью. Как русский человек он имеет право не сидеть рядом с пархатым жидом и не видеть его сионистской физиономии. Печально, что пассажиры трусливо промолчали, а некоторые одобрительно кивали головами, поддерживая «русского патриота».

Мне наблюдать подобные картины не приходилось, в школьной среде нравственная атмосфера не деформировалась, и мой маленький опыт наводил на мысль, что большинство питерцев не поддавалось на партийные прово-

кации. Хотя во время завершения обучения в семилетке был такой случай. Трое одноклассников, узнав из газеты, что пограничное политическое училище производит набор курсантов из числа выпускников неполной средней школы, отправились по указанному адресу для получения информации. Двоим сказали, что они могут подавать документы, третьему же после произнесения им фамилии Лившиц в резкой форме заявили, что он не подходит.

– Что, из-за моей национальности? – спросил он.

– Мы не обязаны объяснять мотивы своих решений, – последовал ответ.

Должен сказать, что вся эта затея была глупостью, и приходится только благодарить офицера-пограничника за антисемитское решение. (Замечу, что двоюродный брат Борис, сын маминой сестры Берты, который был старше меня, прослужил долгое время политработником в пограничных войсках, ранее окончив пресловутое училище. Но это были другие годы.)

Анекдот:

Конец 1940-х, борьба с космополитизмом, люди в срочном порядке меняют «пятую графу». Абрам стал Александром, Мойша – Михаилом, а Сруль – Акакием.

Папа приобрел аккордеон и в один присест овладел инструментом. Теперь он предлагал свои услуги директорам питейных заведений, и те иногда давали добро. Пару раз мне приходилось ходить на папины рабочие места. Это был тяжелый труд. Дым коромыслом, громкие разговоры, перерастающие в ругань, кругом пьянь, но музыкант, делая вид, что не замечает обстановки, наигрывает популярные мелодии, задыхаясь от смрада. Кроме зарплаты, выплачиваемой заведением, появлялись и лихие деньги за исполнение произведений по заказу. По традиции часть этой суммы надо было отдавать директору. Дома скомканные пятерки и десятки производили благодатное впечатление. Они быстро превращались в рыб-

ный супчик, жареный картофель с котлетами и компот. Жизнь в семье стала хоть немного показывать свои светлые стороны.

Вскоре нашлась работенка и для мамы. Из эвакуации вернулись все мамины сестры со своими семьями. Для мамы это была существенная не только моральная, но и материальная поддержка. Соломон, продолживший занятие обувным делом по возвращении из Алматы, нашел маме сначала место работника в своей артели, а потом — и в отделе технического контроля на обувной фабрике «Восход». Новый мастер довольно быстро овладела азами своей новой профессии и через непродолжительное время, по ее рассказам, стала пользоваться авторитетом как профессионал-обувщик. Мама работала днем, папа — по вечерам, я тоже мало бывал дома, так как приучился делать уроки в библиотеке, а свободное время проводить в Доме пионеров и школьников на набережной Фонтанки (ДПШ).

4.4. Марксистская болячка

В шестом классе со мной случилась беда: я заболел фурункулезом. Посещать занятия врачи запретили, и почти половину учебного года пришлось осваивать учебный курс самостоятельно, узнавая об очередных заданиях у одноклассников.

Приятных болезней, кажется, не существует. Но эта была особенно гадкой. Все тело, от шеи до щиколоток, покрылось нарывами, которые время от времени лопались, распространяя отнюдь не аромат розового масла. Их приходилось смазывать мазями, что еще более насыщало атмосферу вокруг моей персоны противными запахами.

Оказывается, подобное заболевание было у самого Карла Маркса, и он свою знаменитую книгу «Капитал» писал, стоя у специально построенного для этого дела высокого пюпитра. Сидеть он не мог из-за нарывов на одном месте. Как это повлияло на содержание гениального произведения, никто объяснить не может. Но что было, то было. Если бы сей факт был мне известен в то время, может быть, все и переносилось бы легче. Но тогда и в марксизме, и в биографии Маркса я разбирался не лучше, чем во французских винах и бразильских ананасах.

Авитаминоз объясняется нехваткой витаминов. Поэтому кроме мазей основным лекарством стали пивные дрожжи. Этот довольно-таки противный на вкус напиток считался супер витаминосодержащим, продавался в некоторых фруктово-овощных магазинах (например, на углу улиц Невского и Марата) на манер газированной воды. Продавец наливал его в стакан из вертикальной цилиндрической колбы. Чтобы компенсировать неприятный вкус, в стакан можно было добавить сладкого сиропа. Но это кое-что стоило. И, будучи малоимущим, я приучался к чистым пивным дрожжам. Дорога к пиву была проложена.

4.5. Шишка на неровном месте

Уже в пятом классе меня сделали пионерским начальником, которым я оставался до окончания семилетней школы. Случилось это, скорее всего, в третьей четверти. Почему выбор пал на меня, объяснить точно не могу. Возможно, повлиял тот рывок, который был мною совершен на образовательном фланге. Может, в расчет брали, что я был на год старше своих одноклассников. Не исключаю, что заметили какие-то субъективные качества, которые с точки зрения руководства школы позволяли мне заниматься этим делом.

В общем, теперь, когда по праздникам в коридоре устраивалась линейка детишек с повязанными красными галстуками, начальники отрядов (классов) должны были отдавать рапорт мне как начальнику штаба дружины (позже вместо штаба стали именовать совет дружины) а я — старшему пионервожатому школы, который был штатным оплачиваемым взрослым работником.

Вся система нацеливалась главным образом на патриотическое воспитание малышни. Но с этим были связаны и дополнительные задачи. Требовалось усилить дух коллективизма в его противостоянии естественному детскому эгоизму. Считалось важным формирование заботливого отношения к больным, хилым, старым (тимуровское движение). Не упускался из виду стимул к хорошей учебе (Пионер — всем ребятам пример!). Устраивались культпоходы в кино, встречи с участниками войны, разучивались песни, выпускалась стенгазета. По сути я был лишь подспорьем старшего пионервожатого. Но не могу сказать, что общественная должность не требовала сил и времени. К тому же было интересно. Благодаря всяким встречам пионерского актива в масштабах района и города я стал заглядывать во Дворец пионеров и районный Дом пионеров и школьников. А в этих местах бывало весело.

4.6. Развлеченчество

Быть потребителем культуры — это одно, а производителем — совсем другое. Даже когда занят не ее созданием, а лишь воспроизведением. Старший вожатый к какому-то празднику решил подготовить концерт силами своих подопечных. Вместо того чтобы выискивать учеников, способных к какому-либо жанру сценического искусства (пению, танцам, декламации, игре на музыкальных инструментах), он решил загрузить всех разучиванием отрывков из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», сделать по самому модному тогда литературному произведению инсценировку и представить ее на суд участников праздника.

Мне достался для зазубривания довольно-таки большой кусок поэмы. Перед выходом на подмостки юный талант чувствовал себя не очень уверенно в смысле запоминания текста. Но отступить было некуда. Позади маячил грозный вожатый, впереди раскрывала объятия уже пустая сцена. Глубоко вздохнув, чтобы преодолеть волнение и дрожь в коленях, я шагнул вперед и произнес:

Столько жили в обороне,
 Что уже с передовой
 Сами шли, бывало, кони,
 как в селе, на водопой.
 И забравшийся на ниву
 Петушок – была пора –
 По утрам будил комдива
 Как хозяина двора.

И тут я почувствовал в голове торичеллиеву пустоту. Ну ничего, ни единого слова, только расплывчатый туман сюжетной линии. Где-то под ребрами завывала сирена тревоги.

Что делать? Уйти со сцены не позволяло чувство ответственности. Остаться? А что говорить публике? Впрочем, на все эти панические колебания ушли какие-то секунды. А дальше вдруг интуитивно пошло-поехало. Стал складываться рифмованный экспромт на заданную тему. О том, как коням было хорошо и они «резвились и искрились» в воде, как бойцы решили тоже «не трепаться, а искупаться», как местные девушки заглядывались на голых героев — «пижонах в кальсонах», как коней потом накормили вкусным «сеном, пропахшим хреном», а бойцы выпили по «чарке самогона из пушкина патрона», закусив солеными «огурцами и грибами» вместе с картошкой. Как кто-то заиграл на гармошке («картошка» пошла в рифму с «гармошка»). И вдруг прозвучала команда «К бою!» («ползком и стоя»). Это наступил долгожданный момент наступления. Вперед! За Родину! За Сталина!

Я находился в каком-то полубредовом состоянии и едва ли отдавал себе отчет в том, что творю. Полностью пришел в себя, когда услышал громовой хохот все понявшего зала. Раскланявшись, с мокрыми от переживаний глазами я убежал со сцены. Что заметил, так это желваки, перекатывавшиеся по физиономии старшего вожатого.

Каждый район города имел свой Дом пионеров и школьников (ДПШ), который, наряду с общегородским Дворцом пионеров, должен был создавать условия для содержательного досуга школяров. В нашем ДПШ Куйбышевского района, расположенном в старинном особняке на набережной Фонтанки, работало несколько бесплатных кружков по интересам для школьников разных возрастных групп: рисования, авиамодельный, радиотехнический, танцевальный, баяна и аккордеона, драматический и другие.

Меня втянули в постановку пьесы по повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Руководитель кружка, бывшая актриса, посетила школу и почему-то обратила внимание в числе прочих будущих кружковцев на меня. На фоне развивавшейся тогда в стране «тимуромании»

наша работа имела оттенок банальной актуальности. Движение тимуровцев, бравших на себя заботу об одиноких стариках, помогавших в устройстве быта бывшим фронтовикам, демонстрировавших чистоту отношений между мальчиками и девочками, свободную от какого-либо сексуального подтекста, получила поддержку на самом высоком партийном уровне. Видя все происходившее изнутри, не решаюсь утверждать, что пример тимуровцев был явлением распространенным и добровольным. Скорее наоборот. Много шума из ничего, а точнее, из чего-то. Иногда оказывали нуждающимся кое-какую помощь. Инициатива и приказ обычно исходили от старших.

Правда, когда я уже учился в 206-й школе, мы, четверо одноклассников, последовали тимуровскому почину. Кто-то на перемене рассказал об одном несчастном парне, который год назад попал под трамвай и лишился двух ног. Сутками он лежит в кровати, лишен нормального общения, если не считать его мамы, которая живет ради сына, но много работает и не может значительную часть времени быть рядом с ним. Мы решили пойти и узнать, в чем человек нуждается и чем ему можно помочь.

Был воскресный день. В маленькой темной комнате коммунальной квартиры сразу возле дверей стояла кровать, где, прикрытый одеялом, сидел, опираясь спиной на подушку, симпатичный парень, сказавшийся Олегом. На вид ему было лет восемнадцать. Завязался разговор, который в основном сосредоточился на художественной литературе. Наш опекаемый был очень начитанным человеком с хорошей памятью и даром рассказчика. В общении с ним я узнал для себя много нового, и в первую очередь — о творчестве К. Э. Паустовского.

Константин Эдуардович стал одним из наиболее читаемых мной писателей. У меня не вызывает никакого удивления поступок знаменитой западной кинозвезды Марлен Дитрих. Оказавшись случаем в нашей стране, она была приглашена на празднование юбилея писателя. Передала юбиляру цветы, а в знак преклонения перед его та-

лантом встала перед ним на одно колено и поцеловала его руку. Встречи происходили многократно в течение учебного года. Мы временами закупали продукты и газеты, рылись в развалах книг у букинистов, выискивая заказанные Олегом произведения, рассказывали ему о школе, девочках, экскурсиях. К лету эта история завершилась, так как его семья уехала из Питера куда-то к родственникам в другой город.

Во времена горбачевской перестройки на телевизионном шоу российского телеведущего Познера и американца Донахью произошел случай, который стал упоминаться в качестве живого анекдота. На вопрос американца, как в нашей стране обстоит дело с сексом, одна из участниц шоу, что из народа, категорично и громогласно заявила, что в Советском Союзе секса нет. Если рассматривать такое мнение в буквальном смысле, то оно действительно вызывает смех. Но такое суждение можно расценивать также иначе. Революционный переворот, совершенный в России, должен был захватить и половые отношения. О характере сдвигов в сексуальной морали достаточно красноречиво говорят «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата».

В стране тема сексуальных отношений была табуирована. Она не только не обсуждалась в средствах массовой информации, но почти не встречалась в современной литературе, театре, кино, даже в простом соседском разговоре. Редко можно было встретить о сексе и анекдот, разве что почти безобидного содержания. Иначе говоря, люди знали о сексе и им занимались, но занятие это было сугубо келейным, интимным, не допускавшим его публичного обсуждения.

С учетом этого обстоятельства заявление об отсутствии в стране секса как предмета обсуждения имело под собой реальное основание. Образ отношений Тимура и Жени, характерный для героев произведения Аркадия Гайдара, соответствовал настрою общества.

Пьеса была сыграна. А между кружковцами завязались приятельские отношения, которые подчас далеко отклонялись от модели «Тимур-Женя»

Возникшее в силу непредвиденных болезненных обстоятельств свободное время было с лихвой использовано для художественной литературы. Я добил «Войну и мир», был потрясен «Воскресеньем» Льва Толстого, оказался под сильным воздействием «Хождения по мукам» Алексея Толстого, «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Молодой гвардии» Александра Фадеева, «Белого Клыка» Джека Лондона. Почему-то именно Телегин из романа А. Толстого стал желаемым образцом для подражания, особенно в сценах его нахождения в немецком плену. Он не поддавался обстоятельствам, воспитывал себя, заставлял себя следить за гигиеной тела, делать физзарядку и т. п. Я открыл для себя Конан Дойля, Эмиля Золя, Ги де Мопассана, Этель Лилиан Войнич, Константина Симонова и много чего другого.

Незаметно, но большую роль в наращивании культурного слоя играло радио. Дома коробочка репродуктора часто была включенной в сеть ретрансляции. Радио было самым популярным источником информации о положении внутри страны и за рубежом. О том, что такое «Голос

Америку» и «Би-би-си», я узнал лишь в гостях у школьного товарища Левы Аншилевича. Там был настоящий радиоприемник, ползая по шкале которого можно было сквозь треск глушителей услышать информацию со стороны. Утром под радиокоманды я делал физзарядку. Слушал образные и точные репортажи с футбольных матчей Вадима Синявского. Говорил он со скоростью пулемета, но так четко и ясно, что не пропадало ни одного слова, а тем более фразы.

Тогда у меня о телевидении и помыслов не было, хотя в некоторых семьях уже наслаждались первыми аппаратами КВН с крохотными экранами, величина которых возрастала при помощи линзы, заполняемой водой (в частности, телевизор был у Аншилевичей). Но с та-

ким комментатором, как Синявский, телевизор был излишен. Интересно, что мне в жизни не удалось побывать ни на одном футбольном матче команд мастеров. А если бы я оказался там, то, возможно, вел бы себя, как еврей из старого анекдота, впервые оказавшийся на розыгрыше первенства по футболу:

- Извините, товарищ, а кто с кем играет?
- Московское «Динамо» с ленинградским «Зенитом».
- А почему половина стадиона вскочила и орет во все горло?
- Потому что динамовец Гершкович забил мяч в ворота «Зенита».
- И что? Неужели этот гол засчитали?

Нередко передавались радиоспектакли с участием знаменитых драматических актеров. Например, по «Маскараду» М. Ю. Лермонтова с трагиком Мордвиновым в роли Арбенина или «Без вины виноватые» Островского с

Аллой Тарасовой. При таких передачах разговоры в комнате замолкали.

В послевоенные годы главным развлечением стало кино. В городе было много кинотеатров. На одном только Невском проспекте и рядом с ним их насчитывалось с десятков. Мне удалось посмотреть фильмы в каждом из них. Иногда я добирался и до более отдаленных районов.

Правда, кинотеатр «Гигант» на Выборгской стороне больше запомнился не увиденными в его большом зале картинами, а происходившей рядом со зданием на площади публичной казнью пособников немецко-фашистских оккупантов. Бывшие на оккупированных землях полицаями, виновными в расправах над мирными жителями и партизанами, они были осуждены Военным трибуналом к смертной казни через повешенье. Мы с пацанами находились в толпе далеко от места казни, и все происходившее было плохо видно. На грузовиках маячили силуэты нескольких человек и виселиц для каждого из них. Трупы казненных еще пару дней устрашающе шевелились при дуновении ветра. Картина впечатляла сильнее тех трагедий, что мы смотрели на экранах.

Официальное название помещения, где показывали кинокартины, — кинотеатр. Тогда такое наименование было более оправдано, чем сейчас. Перед показом кино во многих этих театрах устраивались концерты симфонических оркестров с участием певцов, обладателей довольно приличных мужских и женских голосов. Исполнялась популярная классика, музыка из кинофильмов, песни советских композиторов.

Перед войной в кино «Титан» на Невском в составе оркестра выступал папин брат дядя Шура. С ним однажды произошел забавный случай, развеселивший публику. Пока духовые инструменты исполняли свою партию, а струнники помалкивали, взмокший виолончелист решил вытереть пот с лица. Он вынул платок из внутреннего кармана пиджака, но по залу прокатился смешок — это были белые женские кружевные трусики.

На экранах кинотеатров появились трофейные фильмы, в том числе австрийско-немецкая музыкальная кинокомедия «Девушка моей мечты» с красоткой Марикой Рёкк в главной роли. Кстати, это был первый увиденный мной цветной кинофильм. По ходу действия героине приходится голенькой забираться в бочку с горячей водой, чтобы принять ванну. Для меня эти кадры казались проявлением невероятной свободы и чувствительно влияли на психику, в том числе и по эротической части. Фантазия разогревалась и песенкой, исполнявшейся героиней сладострастным голосом, о том, как плохо спится человеку ночью в одиночку. В шестом классе на перемене кто-то показывал дореволюционные порнофотки. Но делалось это очень тайно. Тут же — на цветном киноэкране обнаженная красотка! Такого мне еще видеть не приходилось.

Сенсацией стала американская музыкальная киноклассика с участием Дины Дурбин («Сестра его дворецкого» и др.), чьи портреты появились в комнатах немало числа влюбившихся в звезду пацанов. Демонстрировались голливудские оперные кинофильмы по произведениям Верди, Пуччини, Оффенбаха, кинороманы о жизни великих артистов Карузо, Иоганна Штрауса, в которых играли и пели корифеи бельканто Тито Гобби, Марио Дель Монако, Марио Ланца, а также ставшая после фильма «Большой вальс» очень популярной певица Милица Корьюс. Американский красавец Эдди Нельсон нежным тенором

покорял сердца наших девочек в нашумевшем музыкальном фильме «Розмари» и других. Поднимали настроение музыкальные кинокомедии «Серенада солнечной долины», «Три мушкетера», «Джордж из Динки-джаза», зазорные куплеты из которых на игривую мелодичную музыку, по-моему, распевал весь Питер. Например:

Мой дед был храбрым и простым солдатом.
 Богатства он несметные имел:
 В своем походном ранце рубашку он носил,
 Которую нигде и никогда не мыл.
 Когда гром пушек раздавался,
 Мой дед рубашку надевал.
 При виде той рубахи
 Враги бежали в страхе,
 А дед всегда их побеждал.
 Аллилуйя!
 А дед всегда их побеждал.

«Придворными» считались кинотеатры «Колизей» и «Художественный». Кое-какие фильмы мы посмотрели семьей. Однако хотелось большего. Билеты в кино были дешевыми, но моих ресурсов и на них не хватало. Вскоре решение было найдено.

Школярам бесплатно выдавали маленькие булочки из серой муки. Их-то мне с несколькими одноклассниками удалось выставить на продажу с рук в помещении магазина-булочной, что на углу Невского проспекта и улицы Восстания. Расположившись недалеко от кассы, мы держали булочки на виду, расхваливая их вкусовые качества. Иногда грозная продавщица выгоняла конкурентов на улицу. Но наш бизнес шел успешно. Некто, поедая спецпитание для учащихся, и не ведал, что формирование пласта моей скромной кино- и музыкальной информированности осуществилось благодаря его аппетиту.

Произошло знакомство с Эрмитажем, Русским музеем. Несколько раз удалось побывать в настоящем театре.

В этом заслуга семейства Рейфе. Они время от времени посещали оперные спектакли Михайловского театра, находящегося и поныне на площади Искусств рядом с Невским. Почему приоритет отдавался этому театру, не знаю, но могу предположить, что свою роль сыграли два обстоятельства: близость к дому и виолончелист театрального оркестра. Им был, как мне уже ранее приходилось упоминать, Иосиф Лившиц, двоюродный брат тети Сары, заслуженный артист и орденоносец. Не исключаю, что мы занимали места по контрамаркам, раздобытым Иосифом Михайловичем. Ставились «Севильский цирюльник» Россини, «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Проданная невеста» Сметаны и другие. Как видно, с невестами повезло.

Мелодии этих шедевров звучат во мне по сегодняшний день. Особенно увертюра к «Севильскому цирюльнику» и ария из «Царской невесты» «Не узнаю теперь я сам себя, не узнаю Григория Грязного». Последнюю мелодию начинаю насвистывать, если совершу непотребный поступок, которого потом приходится стыдиться.

4.7. Шлянчество и гулянчество

Приходится только разводить руками от удивления, думая о том, какие противоречивые стремления и поступки оказывались совместимыми в формирующейся личности.

В ДПШ, где со стороны учителей особого надзора не было, атмосфера искрилась свободой, недоступной для школы. Кружковцы по договоренности со сторожем нередко оставались в здании допоздна. Мальчики и девочки обучались запрещенным танцам. Кто-то приносил патефон и пластинки с фокстротами, танго и другими ритмическими танцами, в которых нужно было обнимать партнершу и делать это, как танцевальное па. Такие телодвижения производили зажигательный эффект. Глаза горели, щеки краснели, колени дрожали. Особой популярностью пользовался танец под названием линда. Был один паренек, который показывал другим, как такой танец исполняется. Он был прирожденным танцевальным виртуозом. Кажется, все девчонки лежали у ног этого таланта.

Однажды мне от одной «кружки» поступило предложение вместе с ее подругами и друзьями отметить у нее дома Женский день 8 марта: родителей не будет, а скромный стол приготовим сами в складчину. Собралась компания человек в десять. Все были мне знакомы, кроме одного довольно неприятного типа. Хоть он и был небольшого роста, но на мальчишек посматривал свысока, употреблял в разговоре блатную «феню», своими рассказами вводил девчонок в краску, а в середине пиршества вдруг исчез. Сначала на это никто не обратил особого внимания. От выпитого вина нам было весело. У меня завязался увлекательный разговор об оперетте с симпатичной соседкой. Но мне потребовалось сходить в одно место, а когда я вернулся, стул девчушки оказался пустым. Все стояли с удрученным видом, сбившись в кучку. Оказывается, в квартире была еще одна комната, откуда выскочил ранее

укрывшийся в ней незнакомец и угрожающе потребовал, чтобы моя соседка пошла с ним. Она покорно выполнила приказ, и оба скрылись за закрытыми дверьми помещения. Оказывается, «нахал» был ее парнем, ею же и приглашенным на нашу пирушку, известный в округе ворюга, которого все боятся. Ситуация сложилась неприятная.

Сначала мне подумалось, что вмешиваться не стоит. Но увидев огорченные лица и поняв, что вечеринка испорчена, я взорвался. Когда тип вновь оказался за столом, я потребовал пойти на кухню и выяснить отношения. Он с усмешкой согласился. Там я выхватываю из сапога финский нож, направляю его на противника, обкладываю возмутителя спокойствия многоэтажным матом и требую, чтобы он убрался восвояси, оставив девчонку в покое. Но он тоже вооружен и шутить не собирается. Качать права алматинцы меня научили. Однако противник называет несколько больше кличек «авторитетов», чем я. Если бы на кухню не ввалилась вся компания, стычка могла кончиться кровопролитием. Но «победитель» вынужден был уйти из квартиры первым, оставив свою подругу.

Со Славиком Бобровым, несмотря на большую помощь, которую он мне оказал в пятом классе, товарищеские отношения не получились. Слишком он был замкнут и самодостаточен. А вот тройка пацанов, прямых и открытых, в чем-то шпанистых, но увлекающихся разными делами помимо учебы, мне оказалась по нраву. Допускаю, что наше общение сложилось под влиянием близости проживания: Леня Королев и Игорь Комиссаров были «пушкинистами», а Валя Каверзнев жил на Лиговке в доме Перцова, который находился близко к моему дому.

С Лехой Королевым мы спорили о Сталине. Он, ссылаясь на мнение своей бабушки, говорил, что нами правит преступник и бандит, загубивший страну. Я пытался его переубедить, доказывая, что наш вождь ночами не спит, думая, как облегчить послевоенную жизнь народа. Встретившись с ним лет через пятнадцать, мне пришлось покаяться в своих детских заблуждениях.

День 7 ноября. Очередная годовщина революции. Шествие демонстрантов завершено, но толпы людей движутся по Невскому в сторону площади Урицкого (Дворцовой), где должно состояться гуляние. По дороге заходим в подвальчик Дома работников искусств, где находится винный магазин, и выпиваем по стакану кагора. Продащицу совершенно не смущает наш явно не питейный возраст. Я — человек бывалый, а ребят развозит. Продолжаем движение по проспекту. Впереди идет компания. Там женщина в шикарном шубе. Ленка заплетающимся языком сообщает о своей ненависти к буржуям, обкрадывающим народ и покупающим дорогие вещи, и в ярости плюет на шубу. Его поддерживают Игорь и Валька. Появляется спортивный азарт. Вся спина шубы в наших «медалях». Кто-то из прохожих кричит. Разбегаемся, ныряя в подворотни домов.

«Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет все. — Так оценил Невский проспект Николай Васильевич Гоголь. — Чем не блещит эта улица — красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волосы и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому же он неприятен? Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем».

Понятно, что послевоенный Невский проспект, мягко говоря, не совсем похож на предмет восторга русского писателя позапрошлого века. Но мои прогулки по этому променаду становятся ритуалом. От улицы Восстания до Литейного, а иногда — и до Садовой. Происходят встречи со знакомыми.

Надо быть одетым по моде — не обуржуазившихся презренных стилист, а гордых пролетариев. Ширина брюк

Невский проспект. 1947 год

в нижней части — не менее 32 см. На мне — морские клеши, подаренные Лялиным мужем Яном, но они почему-то не очень широкие. Игорь Комиссаров говорит, что надо найти материю и вшить клинья. У него есть швейная машинка, и он умеет ею пользоваться. Дома, когда родители отсутствуют, я перерываю мамин убогий скарб, нахожу какую-то юбку и бегу к Игорю. Высунув от усердия языки, вырезаем по линейке из юбки клинья, распарываем брюки, и мой мастер довольно аккуратно их расширяет до 40 см в нижней части. Я чуть ли не счастлив. Но вся радость насмарку. Дома получаю, как говорится, по первое число. Клинья же, вставленные в черные клеши, при дневном свете оказываются темно-синего цвета. Так что, выходя на гульбище, учреждаю новую мужскую моду. Кстати, ритуал мной соблюдался вплоть до окончания вуза. Вроде бы я даже стал элементом субкультуры Невского проспекта эпохи послевоенного ренессанса.

Как-то уже взрослым человеком я оказался в гостях у Юры и Виви Вишневицких около Сосновой поляны. Там за столом сидел седовласый мужчина. Он пристально посмотрел на меня и сказал, что мое лицо ему знакомо. Вдруг он ударил себя ладонью по лбу:

— Вспомнил! Вас зовут Юзеф! Невский проспект, зеленая велюровая шляпа!

Действительно, в период студенчества такой головной убор был моим логотипом на прогулочной дороге.

Зимой наша четверка ходила на каток, залитый в ЦПКиО (Центральный парк культуры и отдыха им. С. М. Кирова). Там было задорно и весело. Светили фонари, по радио звучала мелодичная музыка, создававшая беззаботное настроение. Для проникновения туда мы использовали обнаруженную в заборе лазейку. Брали из дома по куску хлеба с солью, от катания разыгрывался аппетит. Все получали в бесплатном прокате «хоккейки», кроме Лени Королева, который приносил из дома собственные «ножи» (беговые коньки). Скользя по льду и падая, мы соединились с четырьмя девчонками, которые в падениях нас превзошли. Их стали именовать «кадрами». Сначала гуляли гурьбой, но со временем стали образовываться парочки. Не помню, как звали мою подружку. Наше сообщество не получилось. Очевидно, сказала моя закомплексованность. Потом я видел, что с ней гулял одноклассник Гена Калиновский.

Были ли мы с Генкой больше, чем одноклассниками, затрудняюсь сказать. Встречались, обменивались мнениями, спорили, бывали друг у друга дома. Он, сын военного, хотел пойти по стопам отца. Это, в конце концов, и произошло. Последнее, что мне было известно о Калиновском, так это об успешном окончании им Военно-морского училища им. М. Фрунзе и службе на Черном море в качестве командира торпедного катера.

Его родительская семья занимала комнату в маленьком старинном доме возле ворот забора дворца Шереметьева на набережной Фонтанки. По всей видимости,

в другом подобном домике, находившимся визави, в эти годы проживала великая русская поэтесса Анна Ахматова. Но, бывая в гостях у одноклассника, я не мог и предполагать о таком совпадении, тем более что стихи Ахматовой оказались доступными мне лишь в начале шестидесятых годов.

Встречам с девчонками я особого значения не придавал, но тот факт, что во время одного из сборов компании моя «кадринка» теребила рукой волосы Гены, голова которого лежала у нее на коленях, не оставил меня безразличным. Отношения стали охлаждаться. Впрочем, забавы с «кадрами» вообще многое изменили. «Союз четырех» распался, и в моей орбите появился Лева Аншилевич.

Лева был интеллигентным мальчиком. Одевался он, как взрослый мужчина: всегда в выглаженном парном костюме, рубашечке с повязанным галстуком, начищенных штиблетах. Внешность он имел аристократичную, никогда не употреблял бранных слов, не говоря уже о ненормативной лексике. Выдержанный, уравновешенный, корректный. Свое мнение высказывал очень осторожно. С ним вместе мы прошли и школу № 220, и школу № 206. Мы совпадали в том, что не стремились во что бы то ни стало быть отличниками, но и не позволяли себе сползать на уровень троечников. Часто делали уроки вместе, используя для этой надобности прежде всего Публичную библиотеку. Гуляли вдвоем по Питеру. Впоследствии Лева окончил кораблестроительный институт, работал несколько лет инженером по специальности, а позже стал главным инженером самой крупной в Ленинградской области птицефабрики.

Однажды солнечным сентябрьским днем, сидя на скамейке в Летнем саду с раскрытыми книжками, мы заметили девичью спинку, по которой почти до пояса изящной золотистой змеей извивалась толстая коса. Не вытерпели и пошли вслед за незнакомкой. Очень уж любопытно было узнать, какая же картинка откроется спе-

реди. То, что увидели, повергло нас в ужас. Оказалась «сзади пионерка, спереди пенсионерка». Больше на девичий задник мы старались внимания не обращать.

В гостях у Аншилевичей я бывал не один раз. В коммунальной квартире на улице Восстания семья располагала одной комнатой, разделенной фанерной перегородкой со стеклянной фрамугой наверху на темную (около дверей) и светлую (с двумя окнами, выходящими на улицу) части. Имелись радиоприемник и телевизор, но в остальном обстановка была скромной. Наталия Андриановна — женщина интересная, заботливая, деликатная — ко мне относилась как к своему человеку. Достаточно сказать, что один из студенческих летних каникулярных месяцев я провел в Подмосковье на даче Левиной тетюшки, куда был приглашен с согласия хозяйки Наталией Андриановной, конечно же, вместе с Левой.

Аншилевичами Ритусе на свадьбу был подарен большой абажур из оранжевого шелка и нежнейшая женская ночная рубашка с кружевами из натурального шелка. Это был явный намек на то, что страсть оправдана до тех пор, пока она не посягает на ласку и тонкость в супружеских отношениях.

Рассказ пятый
УДАЧА

Предваряя рассказ на названную тему, я решился привести как бы аннотацию в виде текста моей песни «Фонтанка».

Прошла война, а я подранком,
Преодолев ее недуг,
Гулял на берегах Фонтанки,
Где часто проводил досуг.

Витали образы героев,
Каким и мне хотелось быть.
Ведь время было молодое
И голову могло кружить.

Здесь на Фонтанке я учился.
Родная школа двести шесть.
И кое в чем, чего добился,
Ее заслуга, верю, есть.

Вникал задумчиво в предметы,
На речку глядя из окна,
А в комсомольском комитете
мне дали роль секретаря.

С девичьей школою дружили,
Она часть берега взяла.
Вино тайком в подъезде пили,
Чтоб взрослость поскорей пришла.

Привычно стало вдоль Фонтанки
О разном споря, побродить.
С трофейным фильмом из заграники
Потом бездумно кайф ловить.

Манил к себе приют пионеров –
Фонтанкин Аничков дворец.
Не только стилем интерьеров,
Но и как дел благих творец.

Кружкí различных содержаний,
Бесплатный доступ ко всему,
Лишь прояви накал желаний
И тягу к делу своему.

Нельзя не вспомнить библиотеку,
Куда из школы прибегал.
Дворец простому человеку
Свои богатства открывал.

Уроки сделать, с книгой слиться,
Красу девичью подсмотреть,
В курилке парням подивиться,
В которых гений может зреть.

Течет Фонтанка в новом веке,
Снуют по водам катера.
Из Национальной библиотеки
Игриво смотрится река.

Отрадны эти наблюдения,
Но ностальгии вспыхнул свет.
Внезапно всплыло наважденье
Как светлый образ юных лет.

5.1. Значит, мне туда дорога

Выпускники седьмого класса разделились на две группы. Большая часть решила получать специальность в техникумах, ремесленных или фабрично-заводских училищах. Это были ребята не только из малообеспеченных семей (как правило, оставшиеся без отцов), но и те, кто хотел быстрее стать самостоятельным работником и жить на свои, а не родительские деньги. Были и заболевшие профессией, как, например, Валька Каверзнев, влюбившийся, благодаря детской железной дороге, созданной на территории ЦПКО, в железнодорожное дело и мечтавший побыстрее получить образование в соответствующем техникуме.

С восьмого по десятый классы мне вместе с меньшей частью выпускников 220-й школы довелось учиться в 206-й мужской средней школе. Сразу же хочется сказать, что всем нам повезло. Мне даже казалось, что новая школа стала мне наградой за все прежние усилия по выживанию и компенсацией за преследовавшие меня трудности и беды.

От Пушкинской улицы до дома на набережной Фонтанки, где размещалась школа, надо было пешком пройти более трех километров. Путь пролегал по Кузнечному переулку мимо Кузнечного рынка. Туда любопытно было заглядывать. Глазам открывалась многокрасочная картина продуктов чуть ли не со всего Союза. При скудном послевоенном ленинградском рационе, получаемом из государственных магазинов, разнообразие рыночных прилавков удивляло не в меньшей степени, чем заоблачные цены. Перейдя через Владимирский проспект, далее надо было следовать по переулку Щербакова, еще по какой-то улочке, которая упиралась в ограду реки Фонтанки.

За крохотным палисадником обнаруживался небольшой дом темных тонов, более похожий на старинный

особняк, чем на учебное заведение. Тем не менее, это было созданное еще до революции Петровское коммерческое училище, которое превратилось к тому времени в среднюю мужскую школу.

Впечатление о малых размерах здания было обманчиво. Большой корпус уходил внутрь двора, выставляя на набережную Фонтанки только торец, выполнявший роль фасада. Со двора был и вход в школу. Здание спроектировали таким образом, что двери классов выходили в просторные залы, а не в узкие коридоры, как во многих современных школьных постройках. Архитектор предоставил ученикам достаточно места, где можно было порезвиться на переменах.

Внушительно выглядели специализированные кабинеты по отдельным предметам. Например, кабинет физики представлял собой амфитеатр, в нижней части которого находился длинный стол, оснащенный трубками, краниками и другими приспособлениями для физических опытов. Вдоль стен стояли высокие шкафы со стеклянными дверцами, где хранились старинные книги в одинаковых переплетах с золотым тиснением. В промежутках между шкафами красовались портреты знаменитых физиков прошлых времен. Классная доска при нажатии кнопки раздвигалась, увеличивая свою площадь почти вдвое. Все

столы и скамьи амфитеатра были сделаны из дуба, что придавало кабинету особо солидный вид.

Кабинеты химии, биологии, истории хоть и были одноуровневыми, без амфитеатра, но по оборудованию и дизайну не уступали помещению для уроков физики. Замечу, что у физиков и химиков красовались изображения лишь гениев прошлого. Но в кабинете биологии на первом плане были размещены портреты Мичурина и Лысенко, а уж что касается кабинета истории, то понятно кого.

У школы был свой спортивный зал со всеми необходимыми снарядами. Когда между школярами, встречавшимися в районном ДПШ, возникал спор на тему, чья школа лучше, одним из самых веских аргументов в нашу пользу служил актовый зал. Он был настолько высок, что имел собственный вместительный балкон. Вытянутые по вертикали окна открывали красивый вид на Фонтанку. С потолка свисала большая старинная хрустальная люстра. Стены и потолок были украшены лепниной. Сцена позволяла показывать полноценные танцевальные номера. Вся обстановка создавала настроение торжественности и значимости отмечаемых в зале событий.

Вышеприведенный рассказ должен дать представление о моих первых эмоциях, вызванных переходом в новую школу. С ходом времени стало понятно, что содержание школьной жизни не стало диссонансом архитектурной форме. Школа имела право гордиться немалым числом своих питомцев. Среди них были ученые, изобретатели, философы, артисты. На традиционно проводившиеся в феврале вечера встреч бывших школьников приходил известный всей стране народный артист Аркадий Райкин.

Я попал в хорошие педагогические руки, а мотивация на учебу у основной части моих одноклассников была довольно высокой.

5.2. Предметы и предметники

Тем не менее, разные предметы усваивались неодинаково. Многое зависело от методики, которой пользовался учитель, и его личности. Но главным образом, конечно же, от самого ученика. Все-таки уровень взрослости был другим, чем в предыдущей школе, и можно было рассчитывать на более ответственное отношение к себе и своим поступкам, чем это было на самом деле.

Из тех людей, о которых пойдет далее повествование, фотографией схвачены далеко не все. Не говоря уже об учителях, на фото выпускного класса видны лица взрос-

Учителя-предметники запечатлены в такой последовательности: Анна Марковна Буллах (немецкий язык), Нина Николаевна Мошкина (математика), Ия Ивановна Воробьева (история), Лидия Александровна Илларионова (биология).

Одноклассники: верхний ряд: Миша Ценципер, Гена Мартьянов, Юзеф Лившиц. Второй сверху ряд: седьмой – Сень Кноринг, девятый – Вадим Линецкий, десятый – Юра Александров. Третий сверху ряд: Гена Лаумберг, третий – Женя Беляков, четвертый – Борис Певзнер, пятый – Лева Аншилевич, восьмой – Гена Калиновский. Четвертый ряд: Володя Богомольный, четвертый – Гена Дмитриев

лых людей. У многих, хотя и не у всех, психика обогнала биологический возраст: мы были детьми войны.

Первый урок по немецкому языку. Учительница Анна Марковна Булах вызывает пришельца из другой школы, чтобы проверить, каким багажом знаний по предмету он обладает.

— Переведи, пожалуйста, *Wir fahren nach Anapa*.

И слышит в ответ:

— Анапа освещена фарами.

Это был не я, но уровень владения языком у многих, как и у меня, был очень низким

Раньше я об этом уже говорил, но сейчас должен повторить, что время для освоения иностранного языка было упущено. Возможно, если бы в школе я изучал английский язык, а не немецкий, результат был бы заметно иным. Никто не спрашивал, какому языку ты хочешь обучаться. Раз раньше тебя учили немецкому, иди в соответствующую языковую группу. Начинать с чистого листа теперь уже поздно.

Методика преподавания с упором на грамматику без какого-либо внимания к разговорной живой речи показала себя с точки зрения конечной цели неэффективной, а может быть, даже порочной. К тому же и учебного времени на иностранный язык было отведено явно недостаточно. Сейчас не могу припомнить, чтобы кто-то из нашего класса по окончании школы мог без словаря прочитать немецкий газетный текст, а тем более поговорить с немцем хотя бы на элементарную бытовую тему. Тем не менее, отличники по этому предмету имелись.

Я к их числу не принадлежал. К сожалению, рядом не было взрослого человека, который, хотя бы собственным примером вдохновил к познанию неродного языка. Этому не способствовала и вся историческая ситуация тех лет. Уже тогда возникло подозрение, что у меня что-то не так с лингвистическими способностями. С воздуха, как у некоторых других людей, иностранные слова и фразы в память не влетали. Их надо было зубрить. Как правило,

полиглоты вырастали в билингвистических родительских семьях, или из числа одаренных природой, или благодаря волевым целеустремленным натурам. В идеальном варианте — при соединении всех трех предпосылок. Но мне по отношению к изучаемому языку можно было бы проявить больше собственной инициативы, терпения и трудолюбия. Так кажется, глядя из настоящего в прошлое.

Реальную картину обучения немецкому языку в советской школе того времени нарисовал в «Легендах Невского проспекта» писатель Михаил Веллер.

Советский человек и иностранные языки – это тема отдельного разговора. Когда в шестидесятые стали расширять международные связи, оказалось, что языков у нас никто не знает. Что прекрасно характеризует работу КГБ, начисто отучившего поголовье населения от общения с иностранцами. Даже студенты-филологи языковых отделений имели по программе часов языка столько же, сколько марксизма-ленинизма. И то и другое им не полагалось знать лучше своих преподавателей. Но если от общения с Марксом и Лениным они были гарантированы, и здесь критерием истины служила оценка, то иностранцы их сданный на пять с плюсом язык не понимали в упор. А уж они иностранцев и подавно; программа была составлена таким образом, что понимать они могли друг с другом только преподавателей. Дело было налажено столь научно, что дочки советских офицеров из Германии поступали на немецкое отделение университета, свободно чирикавая по-немецки, и после пяти лет обучения с преподавателями специальной квалификации и с научными степенями по утвержденной министерством высшего образования методике квакали по-немецки с чудовищным акцентом и мучительным трудом. С кем поведешься, от того и наберешься.

Если бы художник попросил меня найти для картины типаж учителя математики, то я без колебаний предложил бы кандидатуру Нины Николаевны Мошкиной. Не буду судить о глубине и масштабности ее математических познаний. Не специалист, не знаю. Известно лишь, что она была супругой профессора математики и ей, как мне

казалось, было о чем поговорить с мужем, вызывая у него как у ученого понимание и уважение.

Увидев первый раз, ее можно было с ходу отнести к категории синих чулков. Коричневая блуза типа мужской рубахи с длинными рукавами. Поверх красуется черный прямой сарафан до пят, из-под которого едва заметны ноги в бескаблучных черных туфлях. Никакой косметики и ноль украшений. Прямые седые волосы. Негромкий голос. Минимум эмоций. Но ее умные глаза, с едва скрываемой юморинкой, говорили о богатых духовных ресурсах. Так оно и проявлялось на уроках. Толковые объяснения. Не стесняется шуток. Простая, доходчивая форма преподнесения материала. Готовность помочь отстающим. Равное и спокойное отношение к ученикам. Ее никто на уроках не мог бы вывести из себя, хотя таких попыток что-то не припомню.

Из трех предметов, которые вела Нина Николаевна, — алгебры, геометрии и тригонометрии, мне по нраву больше были два последних, чем первый. Хотя, должен признаться, что в последующей жизни мне напрямую ни один из них не пригодился. Косвенно же — да. Математика приучала к логическому мышлению, построению системы доказательств, опровержению ошибочных суждений.

Собственно говоря, для тех выпускников школы, которые по жизни не оказались профессионально связанными с естественнонаучными или техническими занятиями, весь цикл предметов этого блока сыграл в карьере мало-заметную роль. Предчувствие подобной перспективы уже было свойственно определенному числу старшеклассников. Но у меня тогда по поводу своего будущего в голове царил хаос, поэтому отношение к предметам обучения определялось не планами, а велением души. Я с удовольствием проходил курс астрономии и даже делал доклад о метеоритах. Горячо выступал при обсуждении появившейся в журнале «Наука и жизнь» статьи писателя-фантаста Казанцева о Тунгусском метеорите. По биологии

увлекся теорией второй сигнальной системы академика И. П. Павлова. Но наиболее притягательными все-таки оказались литература и история.

Порой никакие усилия учителей-естественников возбуждать у тех или иных школяров интерес к своим предметам успехом не увенчивались, как в анекдоте:

– Все тела от холода сокращаются, а от тепла увеличиваются. Приведите пример, – говорит учитель.

Встает ученик:

– Зимой дни короче...

К каким только ухищрениям ни прибегали гуманитарии, чтобы избежать контроля учителя! Однажды перед контрольной работой по физике Женя Беляков на глазах всего класса начал зеленеть. Его уши, лицо, все видимые части тела стали приобретать болотную окраску. Физичка, видимо, перепугалась. И хотя она была любительницей покрикивать на учеников, в этот раз елеинным ласковым голосом попросила позеленевшего Белякова отправиться к школьному врачу. Тот же, выслушав рассказ больного, как он во время летнего отдыха подвергся нападению комаров, вызвал машину «скорой помощи», заподозрив приступ малярии. Но в больнице, где пациенту грозил цикл неприятных процедур, пришлось расколоться. Уже не повторяя фантазии о комариной агрессии, Беляков рассказал, как все было. Чтобы избежать проверки знаний по физике, незадолго до урока он проглотил порцию хинина, прочитав в медицинском справочнике, что это лекарство придает своеобразный окрас цвету кожи.

Уроки психологии успехом не пользовались. Интересная наука преподавалась сухо, без примеров и учета жизненного опыта обучающихся. Возможно, психология была из числа ученых, но отличалась страшным занудством. Неряшливая, подслеповатая, она и сама не вызывала симпатии. Считалось, что пошутить на уроке психологии — дело естественное. То кто-то из учеников на уроке

дико заорет, сев на металлические кнопки, повернутые острием вверх. В порядке оправдания учителю сообщали, что проводился эксперимент по теме «Эмоции». То учительница, чьи толстые очковые стекла не совсем помогали наблюдать за происходящим в классе, шаря рукой по столу, натыкалась на тряпку для вытирания классной доски. Перевернув ее, она начинала под смех класса кашлять и чихать от «аромата» сероводорода, который источала материя, во время перемены по инициативе шутников побывавшая в кабинете химии.

Иная атмосфера царил на уроках физкультуры. Велих профессиональный гимнаст, мастер своего дела. В распоряжении учеников были качественные спортивные снаряды для гимнастических и акробатических упражнений. Играли в баскетбол, волейбол. Среди одноклассников славились ребята, на которых даже смотреть, как они выполняют задания по гимнастике, было удовольствием. Особо отличался Вадим Линецкий, умевший держать крест на кольцах и крутиться на турнике.

К сожалению, я оказался в разряде физкультурных середняков. Так уж сложилось, что в родительской семье к занятиям физкультурой и спортом относились с опаской, считая их источником травм и других повреждений здоровья. В предыдущих пяти школах такого предмета или вообще не было, или возможности им овладения были минимальными из-за отсутствия требуемых условий.

Произошло еще одно непредвиденное событие. На уроках физкультуры в восьмом классе, когда производилось построение, во главе, как и положено, находились рослые ребята. Меня учитель ставил третьим слева из двадцати пяти стоявших в строю. Придя после летних каникул в девятый класс, я с удивлением обнаружил, что многие одноклассники за два с половиной месяца так подросли, что отодвинули меня на одно из последних мест. Это был удар по честолюбию. Им легче, чем мне, стали даваться физические нагрузки, а что касается ба-

скетбола, то я как недоросток вообще, был исключен из команды.

Но сдаваться не хотелось. На часть денег, что летом заработал в пионерлагере, я приобрел гантели и ежедневно стал делать утреннюю зарядку, накачивая бицепсы и трицепсы. Тогда по утрам радиоточка транслировала команды для физических упражнений, сопровождаемые ритмической музыкой. Это занятие было для меня. Стал отжиматься на полу по тридцать-сорок жимов. Ложась на спину, засовывал ноги под шкаф и качал мышцы брюшного пресса.

Через полгода изменения стали явственно заметны. Однажды учитель вогнал меня в краску, поставив перед строем и предложив всем, особенно «малышам», следовать моему примеру. Как-то классный руководитель, преподаватель биологии престарелая Лидия Алексеевна Илларионова сказала маме на родительском собрании, что ее сын, мол, из тех, кто себя очень бережет и не держит за правило создавать себе перегрузки. Возможно, в чем-то она была права. Но то, что мне удалось сделать со своими мышцами, увеличив за короткий срок их объем и силу, говорит о неполной правоте классной наставницы.

В те годы магнитофоны были в диковинку. Если они где-то и существовали, так это у служб безопасности и армии, но отнюдь не на прилавках магазинов. Нужда же в быстрой записи информации всегда была актуальной. Реакцией на такую потребность стало изобретение стенографии. Услугами стенографов пользовались на совещаниях, собраниях, конференциях и в других необходимых случаях. Когда берешь в руки книгу, которая называется стенограммой (например, партийного съезда), то знаешь, что открывается возможность ознакомиться со всеми устными выступлениями на этом мероприятии слово в слово.

Моя двоюродная сестра Мирочка (дочь папиной сестры Раи) долгое время работала стенографисткой в подразделении министерства внутренних дел и стенографи-

рвала допросы свидетелей, обвиняемых и других лиц в ходе предварительного расследования преступлений.

Предмет под наименованием «Стенография» был введен в нашей школе для девятиклассников. Сначала все, что рассказывал и показывал учитель, вызывало удивление. Неужели с использованием всех этих кружочков, закорючек, зигзагов, косых, вертикальных, горизонтальных линий можно что-то быстро зафиксировать, а потом разобраться в записанном? Но уже через пару месяцев необычное стало превращаться в естественное. Тонкую тетрадь надо было сложить пополам по вертикали. Запись столбиком, оказывается, производится быстрее, чем на всю ширину страницы. Все эти условные знаки выполняли функцию не только укороченных букв, но, в большинстве своем, отдельных слов и выражений.

Овладеть таким искусством было делом непростым. Но хотелось. Фантазия рисовала образы разведчика, делающего точные тайнописи, или ученого, второпях закрепляющего на бумаге свои гениальные, но быстро ускользающие, мысли.

Практически же мне стенография пригодилась уже на первом курсе института. С учебниками дело обстояло плохо. Надо было обстоятельно записывать лекции, которые некоторыми преподавателями читались в довольно быстром темпе. Мне удалось стать одним из немногих обладателей полных конспектов, едва ли я бы их сохранил, если бы стенограммы были мной расшифрованы. Но в своем первоначальном виде они были не нужны даже самым отчаянным похитителям чужих конспектов.

5.3. Внеурочные радости

Варево, изготовлявшееся в кастрюле школьной жизни, состояло из разных продуктов. Кроме уроков имело место кое-что еще, что для меня было важно и на то время, и на перспективу.

Невысокий мужчина в помятом костюме, войдя в класс, представился как руководитель вновь создаваемого мужского хора старшеклассников при Ленинградском дворце пионеров. Желающих поддержать это начинание и стать хористами он готов прослушать и вынести свой вердикт. В течение двух лет я более или менее регулярно посещал занятия хора, пел вместе с другими ребятами из разных школ сольфеджио, разучивал оратории и песни, выступал на разных площадках города.

Состав хора не был стабильным, что значительно осложняло его существование. Вдруг тот или иной голосистый соловей начинал давать петуха по той простой причине, что у него происходила возрастная мутация голоса. В этом отношении сама идея иметь хор старшеклассников на поверку оказалась проблематичной.

Репертуар почти не включал классику, а состоял преимущественно из песен патриотической направленности. К своему удивлению, я однажды получил предложение выступить в роли солиста при исполнении популярной песни «Протрубили трубачи тревогу». Вроде бы получилось. Особенно, то место, где поется:

До свиданья, мама, не горюй!
На прощанье сына поцелуй!
До свиданья мама, не горюй, не грусти,
Пожелай мне доброго пути!

Были новые знакомства, впечатления. К сожалению, все это оказалось скоротечным.

Школьные вечера проходили не то чтобы часто, однако обычно оставляли ощущение радости. Считалось, что к такому событию надо готовиться. Необходимо было послать приглашение девочкам из 216-й школы, располагавшейся, как и наша школа, на набережной Фонтанки, но ближе к Аничкову мосту. Договор о дружбе с этой школой вроде бы не заключали, но считалось, что там ходят «наши» девочки. Когда они появлялись на балу, менялась вся атмосфера мужской обители. Но возникали и проблемы. Только отдельные казановы, которых можно было по пальцам пересчитать, наслаждались в танцах прикосновением к прелестницам. Основная же масса жала в углу, несмотря на уговоры учителей участвовать в танцевальном туре. И лишь к концу встречи что-то начинало налаживаться.

Вопрос к начинающему танцору

- Как отличить левую ногу от правой?
- На левой ноге большой палец справа.

Раздельное обучение мальчиков и девочек, может быть, и имело какие-то плюсы, но с точки зрения потребности к межполовому общению оно сказывалось на поведении подростков весьма отрицательно. Во всяком случае, у парней, похожих на меня по своей психической организации.

Готовили концертную программу. Ее гвоздем было выступление наших школьных мастеров фортепианного искусства Павла Чебыкина и Игоря Мецкина. Они обычно исполняли фортепьянную классику, в том числе «Фантазию-экспромт» Фредерика Шопена, которая потрясала меня своей мелодикой и бешеной экспрессией. Однажды Павел даже решился исполнить первую часть фортепианного концерта П. И. Чайковского без оркестрового сопровождения. Все равно зал ему бурно аплодировал.

Напомню, что джазовая музыка в то время находилась под запретом, что накладывало отпечаток на концертный

репертуар. Танцы же после концерта исполнялись на старомодный лад — мазурка, полонез, полька, падепатинер, вальс. И никаких тебе фокстротов, танго, чарльстонов, линд и других способов «обжятия» партнерши под ритмическую музыку. После закрытия зала дежурным учителем мальчики с девочками гурьбой гуляли по набережной реки.

Женская школа нас тоже не забывала и приглашала на свои праздники. Как-то мы даже стали участниками маскарада. Заводила участников хорошенькая Верочка Карпова. На ней был костюм паж, она элегантно исполнила песенку из кинофильма «Золушка» и всем очень понравилась. Заслуженная артистка Российской Федерации Вера Карпова впоследствии обрела много почитателей своего таланта, аплодировавших знаменитой актрисе на спектаклях Ленинградского театра Комедии под руководством режиссера и художника Акимова.

Не думаю, что интерес к женской части человечества не затрагивал сердце кого-либо из старшеклассников. Но интенсивность внимания к женскому вопросу и формы его проявления позволяли различать, как мне кажется, три группы.

Первую группу составляли наши отличники и приближающиеся к ним ученики. В большой своей части они демонстрировали полную индифферентность. Мне не приходилось видеть танцующими или гуляющими с девочками таких наших корифеев, как Б. Певзнер, С. Кноринг, М. Ценципер, В. Богомольный, Е. Розенгард, Г. Дмитриев. Одни всерьез приобщались к наукам, другие, может быть, были закомплексованы своими физическими недугами.

Так, в классе были трое парней, пришедших из школы слепых. Один из них — Гена Дмитриев. Альбинос с белой прической, бровями и ресницами, подчеркивающими красный цвет глаз, он читал тексты, придвинув нос вплотную к бумаге. Он был маленького роста, что, естественно, никак не указывало на уровень его интеллекту-

ального развития. Отличник не формально, а в силу личностного стремления к образованию, он понимал и видел значительно больше, чем многие из нас. Став студентом исторического факультета университета, Генка вошел в кружок антисоветчиков, стал писать и распространять листовки, за что и был осужден к длительному сроку лишения свободы.

Вторую группу могли бы образовать парни, которые, вроде нас слевой, как-то реагировали на женские прелести, иногда вели на эту тему разговоры, но никакой активности в данном направлении не проявляли. Для них было проблемой пригласить девочку на танец, пофлиртовать с ней, не говоря уже о большем. Причем представители этой когорты во многих случаях были не робкого десятка. Секретарь и члены комитета комсомола. Это один пример.

Бузотер Никитин приходил в класс задолго до начала уроков, начинал орать какие-то непонятные песни, громко хлопал себе в такт крышкой парты, создавая невообразимый шум. Такое случалось и на уроках, особенно по психологии. Но ни слова на женскую тему. В качестве примера можно привести и Олега Ширму. На уроках он стрелял из рогатки, громко разговаривал. Учителя неоднократно выгоняли его из класса. Рос он без матери. Время от времени в школе появлялся его суровый отец с посохом в руках, который, услышав жалобу на сына, тут же пытался использовать дубину как воспитывающее средство. Олега никто не мог назвать поклонником женского пола.

Третью группу составляли «бабники». Женька Беляков был застигнут матушкой в момент, когда пришедшую в гости молодую дальнюю родственницу он затащил в туалет и начал сдергивать с нее трусики. Его мама приходила ко мне домой жаловаться на аморального сына и требовала, чтобы комитет комсомола помог ей в перевоспитании женолюбца. Генка Мартьянов и Юрка Александров не считали нужным скрывать свои сексуальные утехи и

делились на переменах с классом опытом во всех его деталях подробностях.

Был у нас Миша Баскин. Занятия в классе он расценивал как некое препятствие, мешающее ему решать женский вопрос. Огненно-рыжий, с жесткими спиралями торчащих вверх волос, он очень переживал по поводу своей внешности. Однажды рыжий попытался стать черным, но дело успехом не увенчалось. Смеялся весь класс, а преподаватели с трудом сдерживали улыбку. Шевелюра нашего красавца приобрела цвет навозного жука, отливающий ядовитой зеленью. Мишка смеялся вместе со всеми. Он не умел унывать и в этом своем качестве вызывал симпатию. Как-то он рассказал, что влюбился в славную девчонку, которая отвечает ему взаимностью. У нее есть подруга, симпатичная умная девушка, круглая отличница, играющая на рояле сонаты Бетховена. Она как-то видела меня во Дворце пионеров. Узнав, что Мишка — мой одноклассник, попросила нас познакомить. Откровенность меня заинтриговала. Такое было у меня впервые.

Свидание состоялось в Михайловском саду. Ее звали Иветта Веремецко. Невысокое, хрупкое создание с грустно-задумчивым взглядом серых замутненных глаз и тихим голосом. Она стала называть нас с Мишкой «братиками». В полутемной комнате коммунальной квартиры на улице Халтурина (ныне Миллионная) нас приветливо встретила бабушка Иветты, видно, очень добрая и влюбленная в свою внучку. Они вместе составляли одно нераздельное целое. Таково было мое первое впечатление, и оно потом не изменилось. Мне несколько раз довелось бывать в этой комнате, слушать вдумчивую и довольно техничную игру на пианино, пить с подачи бабушки горячее молоко. Один раз вдвоем с Иветтой даже побродили по Петергофу. Не знаю, почему я все это совершал, так как никаких положенных в подобных случаях чувств не испытывал. Возможно, мной руководило тщеславие, нашептывавшее, что это здорово, если такая «тургеневская девушка» проявляет к моей особе интерес.

К встречам с Иветтой моя мама тоже проявляла любопытство. Я более или менее держал ее в курсе наших отношений. Ей, по-видимому, нравилось, что девочка умная и способная к музыке. Хотя, как мне кажется, основная ориентация родителей, касающаяся будущего для сына, заключалась в том, чтобы найти богатую невесту. Один раз меня повели в гости к какой-то мадам, с которой была знакома тетя Рива как с женой директора магазина. В увешанной дорогими коврами квартире было напихано много мебели из карельской березы и красного дерева. А еще была девица — дочка, которая без дополнительного грима могла бы сниматься в кино в роли Бабы-яги, но молодухи. О чем за чаем шел разговор, не помню. Уходил я из этого распухшего от богатства дома с большим чувством облегчения.

Однажды появилась Иветтина мама. Она работала тюремным врачом где-то на Севере. Со мной состоялся деловой разговор, в ходе которого было обещано содействие в приобретении профессии инженера по автодорожному делу. Об университете, мол, нечего и мечтать, так как евреям туда очень трудно пробиться. Было объяснено, что отец Иветты с семьей не живет, но материально ее поддерживает. Он — начальник большого строительного объекта за Полярным кругом. И ежу было бы ясно, что на меня имеют виды. Ситуация озадачила. Пришло понимание, что, сам того не желая, я морочу голову хорошей девчонке. Решение было однозначным: надо сматывать удочки. Больше мы не встречались.

В конце учебы на первом курсе у меня появилась Риточка Петрова, от которой я не хотел и не мог оторваться всю последующую жизнь. Как сказал Игорь Губерман:

Все может быть, все в жизни может быть.

Я сам, наверно, сильно изменился.

Но первую любовь не позабыть.

Забудешь тут, когда на ней женился.

Однажды, когда мы с Ритусей сидели за одним столом в Публичной библиотеке, ко мне подошла девушка и сказала, что ей надо о чем-то поговорить. Мы отошли в сторону, и она представилась подругой Иветты Галей. Речь шла о том, что Иветта волнуется, здоров ли я, не понимает, почему так долго не даю ничего о себе знать, и была бы рада вновь со мной встретиться. Мне ничего не оставалось, как прямолинейно изложить свою позицию, исключаящую возможность нашего дальнейшего общения.

Как-то около Эрмитажа я заметил Иветту, шедшую под руку с высоким курсантом военно-морского училища, у которого на поясе угрожающе болтался черный палаш. Кажется, жизнь все расставила по своим местам.

В этом месте стоит прервать хронологию и поделиться эпизодами нашей совместной жизни.

Рассказ шестой
ОНА СО МНОЙ И ВО МНЕ

6.1. Знакомство

Карл Либкнехт начинает свои воспоминания о Карле Марксе с описания его внешности. Оказывается, у великого ниспровергателя капитализма ноги были непропорционально короче туловища, что вроде бы свойственно многим евреям. Если не головой, то ногами я походил на автора «Капитала». Сидя на подоконнике, я покачивал ими вперед-назад и с удовольствием взирал на двигающиеся в ритме танцевальные пары.

Зал дворца Меншикова, т.е. Ленинградского юридического института имени М. И. Калинина (ЛЮИ), студентом первого курса которого мне довелось тогда быть, казался переполненным. Только что закончился концерт студенческой эстрады, которая получила признание далеко за пределами *alma mater*. За несколько месяцев учебного года удалось уже провести пару подобных вечеров, самодеятельные артисты каждый раз превосходили самих себя, а их старания породили молву, распространявшуюся по городу, что ЛЮИ — это то место, куда стоит сходить, чтобы от души повеселиться. А тут еще и майское опьянение, усиливающее влечение двух полов потереться о третий: белые ночи, цветение сирени, призрачные красоты набережной Невы. Кто-то из студентов сочинил песню, предугадывавшую будущую тоску по этому времени. Она была популярна. Запоминающийся мотив, романтический текст.

Вспомню город наш прекрасный над Невой,
Вспомню встречи и прощания с тобою.
Для тебя я каждый день
По садам ломал сирень,
Но не мог лишь объясниться я с тобою.
Не забуду никогда про эти встречи.
Не забуду никогда прощальный вечер.

Пусть дороги далеки.
Для друзей они близки.
Если сильно любишь,
Значит, не забудешь.

Она подошла ко мне как-то незаметно. Робко спросила, танцую ли я. Так как был объявлен «белый танец», а отказываться от женского пожелания в силу традиции не позволялось, то я спрыгнул с подоконника и не очень уверенно начал шевелить ногами, повинуюсь музыке и используя руки для соединения с партнершей.

Я, ранее обучавшийся в мужской школе, девчонок не то чтобы боялся, но остерегался. Начитался всякой литературы о женском коварстве, безумии любовной страсти и поломанных из-за любви человеческих судьбах. Пушкин («Евгений Онегин»), Стендаль («Красное и черное»), Л. Толстой («Анна Каренина», «Воскресенье»), Золя («Нана»), Мопассан («Милый друг»), Куприн («Яма», «Поединок»), А. Толстой («Хождение по мукам») Шолохов («Тихий Дон») и т. п. Это впечатляло.

А тут еще монашеские табу, культивируемые комсомолом, маленьким функционерчиком которого мне доводилось неоднократно бывать. Ведь на заседании комитета института заставили одного бедолагу под угрозой исключения из комсомола дать клятвенное обещание взять в жены девчонку, которая заявила, что забеременела от него во время какой-то студенческой вечеринки на ее квартире. Отношение с девочкой как с товарищем — будьте любезны. Но чтобы целоваться — ни-ни. Разумеется, я знал, что поцелуй не является способом оплодотворения, но к этому времени ни к одному девичьему личику я губами не прикоснулся. При этом гордился воздержанием, считая себя волевым человеком, хотя временами о женщинах все-таки думал и фантазировал.

Танцую, познакомились. Ее звали Ритой. Меня осветил взгляд ее больших карих глаз. Так на меня еще никто не смотрел, кроме мамы. А еще две наивные девчачьи косы,

толстые и плотные, то ли выставленные наружу ради нежелания расставаться с недавним детством, то ли впечатляющие знаками улетучивающегося из нашей теперешней жизни целомудрия.

О чем могут говорить делающие первые шаги на пути знакомства юные создания? О своих самых непосредственных впечатлениях в неосознаваемой надежде найти некий мостик, соединяющий умонастроения друг друга.

Мы же со спутницей, идя по набережной Невы, вспоминали прошедший вечер, концерт. Естественно, у нее возник вопрос, почему я не танцевал, как многие другие парни. Неужели этому не обучен? Пришлось признаться, что танцевальное искусство дается мне плохо, но также сообщить о другом векторе своих интересов. Тут рассказ пошел о пионерлагерях, связанных с ними увлечениях, восторгах, переживаниях. Когда я проводил напарницу до ее дома, она уже услышала декламацию пролога театрального монтажа, с которым наши лагерные «артисты» с успехом выступали в Театре юного зрителя города.

В бурях рожденный,
В боях закаленный,
За партией твердо идешь ты и шел.
Славься отважный,
Краснознаменный,
Ленинский, сталинский наш комсомол!

Могу себе представить, какие ощущения возникли бы у современной девушки, если бы познакомившийся только что с ней молодой человек декламировал ей не любовную лирику, а политически ангажированный пропагандистский текст. Но у девушки мой монолог не вызвал никакой негативной реакции, потому что шел 1952 год, когда для какой-то части молодежи такие настроения были еще вполне естественными.

6.2. Родной человек

Много времени для того, чтобы возникло ощущение родства и душевной близости, мне не потребовалось. Любопытно, что наше единение кое-кому было очевидным значительно раньше, чем его понимание пришло ко мне. Один однокурсник еще в самом начале студенчества обратил мое внимание на то, что есть девчонка, которая прямо создана для меня. Рита потом мне рассказывала, что примерно то же самое (уже обо мне) он говорил и ей. А мне все больше и больше хотелось быть рядом со своей Риточкой.

Что это было за чувство, как раньше, так и теперь объяснить затрудняюсь. Тут встречаются разные понимания. Может быть, точнее всего его объясняют малыши. Исследователи как-то попросили мальчиков и девочек в возрасте от 4 до 8 лет ответить на вопрос «Что такое любовь?» Приведу некоторые ответы.

Когда бабушка заболела артритом, она больше не могла нагибаться и красить ногти на ногах. И мой дедушка постоянно это делал для нее даже тогда, когда у него самого руки болели артритом. Это любовь.

Если кто-то любит тебя, он по-особенному произносит твое имя. И ты знаешь, что твое имя находится в безопасности, когда оно в его рту.

Любовь – это когда папа видит маму в туалете и он думает, что это не противно.

Наше общение обогащалось увлекательными занятиями и встречами. Зимой мы ходили на каток в ЦПКиО им. С. М. Кирова. Проникали без билетов через лазейку в заборе. По радио звучали популярные мелодии зажигательных песен, масса мальчишек и девчонок скользила группками и врозь по льду, освещавшемуся прожекторами. К Ритусе-студентке часто пристраивались школьни-

ки отнюдь не старших классов, принимая ее косички за пропуск в их клан. Почему-то у нее появилось прозвище «Дочь Марии Исаковой» (знаменитой в то время покорительницы конькобежных дистанций), хотя конькобежным мастерством она не блистала. Устанем, посидим, перекусим хлебом с солью, прихваченным из дома, и снова кружим по льду до изнеможения.

Часто занимали друг для друга места в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, где было не только много полезного, но и занимательного в смысле книг, журналов, подшивок газет и просто общения. Чтобы попасть в Публичку, нередко приходилось выстаивать длинную очередь, Наконец продвинешься к вешалке, а там такой вежливый гардеробщик скажет «Будьте добреньки!», повесит твоё пальто, улыбка до ушей, а при уходе из библиотеки подаст тебе пальто, поможет его надеть и все с той же подобострастной улыбкой. Как тут из последних грошей не дать ему на чай?

Ленинский читальный зал Публичной библиотеки. 1950-е годы

Кажется, в библиотеке Ритуся и познакомилась с некоторыми моими бывшими одноклассниками. Так что

когда нас с ней позвали на встречу Нового года к школьному товарищу, который жил с родителями в доме Толстого на улице Рубинштейна, она без колебаний согласилась.

Мы смастерили подобие елки, поставив ее щеткой вверх и прикрепив защипками для бельевых веревок планочки со свечками. Стол был скудный: вареный картофель, репчатый лук, селедка с душиком, традиционный студенческий винегрет и много водки. Последнее обстоятельство имело свои последствия. Вдруг исчез один из весельчаков. Вслед за ним пошел другой. Я вышел на лестничную площадку и увидел первого в бесчувственном состоянии, неудобно лежащего прямо на ступенях лестницы, и второго, укладывающегося рядом с ним. «Для друга все!» — сказал второй, снял с себя пиджак, прикрыл им первого и в белой рубашке лег прямо в грязь, оставленную растаявшим снегом с чьих-то сапог.

Другой случай свел Риту с моими школьными приятелями, когда кто-то из них проявил инициативу пойти в ресторан гостиницы «Европейская». Зачинщиком был явно не я. К ресторанам, как раньше, так и теперь я отношусь с предубеждением. Тебя там неизбежно облапошат, хотя, может быть, и сделают это элегантно. К тому же ты не знаешь, что происходит до того, как официант поставит на стол заказанное блюдо. Чувство вроде бы не обманывало.

В Эстонии как-то в газетах появился материал о скандале, разгоревшемся в одном из ресторанов Таллина. Клиент выразил недовольство поданным по его заказу бифштексом. Официант отнес блюдо на кухню, отдал его разогреть, а потом на глазах коллег, видно, рассчитывая на их солидарность, трижды плюнул на мясо и с улыбочкой доставил блюдо довольному клиенту. Солидарности не получилось, а хулигана выгнали с работы. Но гарантии, что в другое время и в другом месте подобное не повторится, никто дать не может.

Все же четверо экс-школяров инициативу поддержали, Рите тоже, видимо, хотелось новых впечатлений, и я сломался. Помещение оказалось шикарным. Мы заняли кабинет на втором этаже (точнее говоря, это были антресоли), откуда открывался вид на большой зал, столики которого лишь в незначительной части были заняты клиентами. Кстати, за одним из них мы заметили одиноко поглощающего водку известного в то время комедийного артиста Филиппова. Камерный оркестр тихо играл популярное танго. Разумеется, наш заказ был скромным. Но Ритуся просто потрясла. На мой вопрос, чем бы она хотела побаловать себя в ресторане, она ответила без кокетства и юмора: «Макаронами с котлетой». Наше чувство праздника резко уменьшилось.

Мы стали слушателями лектория Эрмитажа об истории изобразительного искусства итальянского Возрождения. Хотя билеты в театры и на концерты были по ценам вполне доступны для людей среднего достатка, но мы были ниже этого уровня. Использовали контрамарки, доставаемые знакомыми, или уж покупали такие билеты, по которым довольствовались самыми никудышными местами.

Как-то папа провел нас на эстрадный концерт в саду театра Буфф, что на набережной Фонтанки. Зрелище оказалось веселым и поучительным. Конферансье Муравский, высокий грузный мужчина с бархатистым голосом, вышел на сцену с маленькой гитарой и начал напичканный анекдотичными ходами рассказ о том, что он собирается на ней сыграть. Сказано было много, да так и не сыграл. Вместо того чтобы указывать пальцем на злободневные факты эзоповым языком, который, как некоторые считали, стал нам в те времена дороже языка Пушкина, артистично клеймились болтуны, но мне тогда даже в голову не пришло, что к их числу могли быть отнесены и правители страны, постоянно обещавшие народу светлое будущее, которое все не наступало.

Удалось побывать на спектаклях Театра эстрады, где элегантно, но в то же время сатиричным юмором бли-

стал незабвенный Аркадий Райкин, а куплетисты Рудаков и Нечаев веселили народ острыми частушками.

Аркадий Райкин в Театре эстрады

В Михайловский театр (Малый оперный) нас пропустил по благу дядя Ося, папин двоюродный брат, виолончелист оркестра, заслуженный деятель искусств, кавалер ордена Знак Почета, который был гордостью семейства Лившицев

Музыка была с нами. С замиранием сердца мы слушали в Большом зале филармонии Чайковского, Бетховена, Шостаковича. В лучших оперных, балетных, симфонических, песенных, танцевальных вариантах она часто звучала из репродуктора. Или пойдём в Летний сад, и там духовой оркестр исполнит то увертюру к «Сороке-воровке» Джакомо Россини, с самого начала взбадривающую слушателя упругой барабанной дробью, то сделает душевно-мелодичное попурри на музыку оперетт Ильмара Кальмана.

Не стал исключением и драматический театр. С этим видом искусства у меня сложились сложные отношения. К сожалению, получалось так, что в ту пору, о которой

идет речь, мы как-то попадали на невзрачные представления.

Пошли на «Дочь прокурора», повинуюсь профессиональному интересу будущих правоведов. Спектакль привез украинский театр. Звучала украинская речь. Из того, что мы поняли, а поняли мы мало, складывалось впечатлительное какого-то серого действия. Ушли, так и не досмотрев до конца,

В Театре комедии смотрели «Софью Ковалевскую». Сидели на приставных стульях далеко от сцены. Было скучно, я чуть не заснул. Чтобы этого не случилось, решил подшутить над Ритой, находившейся передо мной. Ножку стула можно было сложить. Это я и сделал своей ногой. Раздался грохот. Рита на меня рассердилась, но со временем простила.

*Николай Черкасов в роли
Маяковского*

В Александринском театре (Академический драматический театр им. А. С. Пушкина) оказались на драме Василия Катаняна (отца) «Они знали Маяковского». Попали туда в составе представительства питерской студенческой молодежи. В зале была избранная публика. В том числе автор и его жена Лиля Брик — бывшая дама сердца Владимира Маяковского. Рыжеволосая, с рыжей лисой на плечах. Главного героя играл Николай Черкасов — один из самых знаменитых актеров того времени.

Пьеса явно не удалась. Но когда я вместе с несколькими другими студентами после закрытия занавеса был приглашен в артистическую уборную всесоюзной театральной звезды, сказать ему правду не смог. Черкасов, сидя перед зеркалом, снимал грим с лица. Он, естественно, поинтересовался нашим мнением. Кто-то от имени студентов

заверил его, что это чуть ли не гениальный спектакль, а актер в роли Маяковского был бесподобен. Остальные, и я в том числе, не произнесли ни звука, всем своим видом показывая, что молчание есть знак согласия. Зато все были награждены рукопожатием знаменитости.

Не сомневаюсь, что встречаются драматические шедевры. Но драматический театр в принципе берет на себя большую ответственность перед зрителем и редко справляется с этой миссией. Человек, читая книгу, повинуется таланту автора, но зрительный образ героев создает для себя самостоятельно. И в этом качестве он становится как бы соавтором, наделенным свободой воображения, переводящим авторский текст на почву индивидуально-личностного восприятия, что, в конечном итоге, и требуется. На спектакле же он этой свободы лишен и должен все воспринимать так, как решил не только автор, но режиссер и актеры с учетом скромных (по сравнению с кино и телевидением) ресурсов сценической площадки. В опере, балете, оперетте, мюзикле недостатки либретто или артистичности могут быть с лихвой компенсированы музыкой и вокальным (танцевальным) мастерством исполнителей, что чаще всего и бывает. В рассматриваемом же случае таких подпорок нет (хотя и драматические режиссеры все чаще прибегают к поддержке других искусств, но в своей основе это ничего не меняет).

Подобного рода соображения сыграли свою роль. В последующей жизни мы с Ритулей отдавали предпочтение музыкальным жанрам, а не драматическим.

Наши радости имели свою окраску. У нас было чувство локтя, потребность часто видеться, вместе заниматься делом (учебой), желание вдвоем окультивироваться (музеи, лектории, театры, библиотека). Это была данность. Что же касается будущего, то о нем не только не говорили, но и не думали. По крайней мере я.

Рита окончила институт на год раньше меня (1954) и получила государственное распределение на работу в исполком Совета Калининской области (ныне Тверь). Как

видно, для молодого специалиста не было точно определено не только место труда, но и не был вообще обозначен характер профессиональных занятий. По закону отказаться от распределения было нельзя, даже если тебя не устраивало такое решение. Три года надо было отдать государству там, где тебя поставят, а далее решай сам. Были, конечно, и ловкие ребяташки с разворотливыми родичами, деньгами, связями. Они устраивались в Ленинграде на работу в разных областях практической юриспруденции, кажется, чаще всего — в адвокатуру.

Но Рита являла собой пример осознанного послушания, тем более что брат ее покойной мамы, живший в Москве армейский офицер в чине майора (дядя Маня), сообщил ей свое категорическое мнение: комсомолка должна быть там, где прикажет Родина, как бы далеко эта Родина ее ни послала.

Интересно, что мы ни разу не обсуждали, что же в такой ситуации будет с нашим единением. Подспудно приходили мысли, что новое место для моей девушки не так уж и далеко и жизнь подскажет, каким образом мы сможем видеться. Кажется, в начале июля мы двинулись в путь. Именно мы. Мне очень хотелось увидеть своими глазами, как Ритуся устроится. К тому же такое желание совпало с приглашением от школьного товарища Левы Аншилевича и его мамы погостить у них неделю-другую на даче в Подмосковье, а путь в Москву пролегал через Калинин.

Молодая специалистка упаковалась основательно. В мешке с вещами даже нашлось место для пуховой перины, на которой девочка собиралась отдыхать после трудов праведных. В плацкартном вагоне сложилась веселая компания. С нами ехала еще одна девчушка — туда же и по той же надобности. Не было ни малейшего ощущения, что предстоит разлука, а может быть, кто знает, в силу новых жизненных обстоятельств, — и расставание.

В Калинин все решилось просто. Увидев двух «кадринок» с полудетской внешностью, чиновник сказал, что в

самом исполкоме им места не найдется, но можно устроиться на селе в качестве заведующих сельскими клубами. Если такое предложение их не устраивает, то им могут быть выданы справки о том, что по месту назначения их трудоустроить не представилось возможным. Остановились на последнем варианте. В тот же день молодые специалистки вернулись в родной город, а я оказался в Москве. Невольно вспомнились слова Уинстона Черчилля: *«Успех — не окончателен, неудачи — не фатальны: значение имеет лишь мужество продолжать»*.

Естественно, у Риты были собственные друзья и знакомые. Почти со всеми ими сблизился и я. Расскажу об одном из них.

Захар Гинзбург вошел в нашу жизнь чередой запоминающихся событий. Летом, что было для меня привычным делом, мы с Ритой занялись обслуживанием малышей в пионерлагере. С начальником лагеря моя подружка была знакома с предыдущего сезона, так как ей тогда была доверена должность старшей пионервожатой (правой руки начальника). В этот раз нам, каждому в отдельности, а не вместе, были отданы под чуткое руководство самостоятельные отряды мальчишек и девчонок.

Захар как начальник вызывал более чем уважение, скорее всего, любовь своих подчиненных. Причем не только детей, но и взрослых. Он был прирожденным педагогом и фактическим лидером всего находящегося под его руководством сообщества. Строгий, справедливый, инициативный, решительный и в то же время — с искрящимся чувством юмора. Чего уж в лагере не было, так это скуки. Дети веселились, трудились, закалялись, учились добру и ответственности. Спартакиады, карнавалы, сильные соревновательные работы в помощь соседнему колхозу, дальние (на двое-трое суток) походы с кострами, палатками, песнями.

Однажды ночью весь лагерь во главе с начальником, осилив несколько километров пути, бесшумно подошел к дому одинокого престарелого лесника, родившегося в

этот день много десятилетий назад. Раздался сигнал горна, сдобренный барабанной дробью. На крыльце появился ничего не понимающий заспанный виновник торжества. Более ста детских глоток выкрикнули здравицу в его честь, исполнили под аккордеон задорную песню, девочки станцевали зажигательный танец, и красивый торт, испеченный умельцами лагерной столовой, был водружен на табурет в самом освещенном месте. В учебное время Захар дирекствовал в школе.

Основатель The Beatles Джон Леннон заметил: *«Жизнь — это то, что происходит, пока вы строите другие планы».*

Я не решусь утверждать, что обстоятельства играют в жизни меньшую роль, чем наш осознанный выбор. Рита по окончании ЛЮИ не смогла устроиться на работу по государственному распределению за пределами Ленинграда, вернулась в родной город и стала трудиться старшей пионервожатой в школе у Захара. При поддержке директора она с увлечением занялась практической детской педагогикой и добилась таких успехов, что была признана лучшей пионервожатой одного из самых крупных районов Ленинграда (Московского), а ее фотография красовалась на Доске почета райкома комсомола. Тогда же началась и ее учительская стезя, что предопределило профессиональный выбор на всю последующую жизнь. Любимица детей и педагогов, она, естественно, стала таковой и для своего патрона. Поэтому контакты с Захаром и его семьей стали вполне естественными. По понятным причинам на этой орбите стал крутиться и я.

В гостеприимном доме Гинзбургов было весело. Ирина, жена хозяина, накрывала на стол, иногда к нам присоединялся их сын Фаддей, а также любимая (так утверждал Захар) теща по имени Фрося. Она была связана с Ленфильмом, сочиняла киносценарии и настаивала на том, что такое занятие посылно каждому, было бы желание и впечатляющий жизненный сюжет. Спорили, пели песни, рассказывали анекдоты и занимательные истории.

6.3. Таллиннская семейка

Наш дуэт сложился по прежним нормам семейного бытия и существует уже 65 лет. Потом было многое, что положено на роду совместной жизни.

Но первое знакомство обошлось без страстных объятий, обжимов, залезания руками в засекреченные места и тем более — без пролового секса. Этика освещалась факелами, зажженными Павкой Корчагиным, героями войны в их

литературном или кинематографическом воплощении, персонажами Джека Лондона, Этель Войнич, Фенимора Купера, Льва Толстого и т. п. Многое что изменилось.

Вся наша семейная жизнь прошла в Эстонии. О том, как судьба с связала нас с этой землей, я подробно расскажу дальше, а пока — о семейных радостях и горестях.

Официально семья появились 22 октября 1955 года, когда Куйбышевским районным отдела ЗАГСа Ленинграда в наши паспорта был поставлен штамп, удостоверяющий возникновение нового брачного союза.

Носить супружеские кольца комсомольцам было запрещено. Обошлось без них. Есть такой анекдот:

– Симочка, можно вас на минутку спросить? С чего это вы носите обручальное кольцо не на той руке?

– Смешно сказать! Я вышла замуж не за того человека.

У нас все получилось в противовес изложенной ситуации. Свадьба светилась шутливыми песнями, танцами, эстрадными миниатюрами, мудрыми и забавными тостами бывшей студенческой братвы, а также, конечно же, родителей и родственников. Через пару дней поезд уже вез молодоженов из Питера в Таллинн.

Нас временно поселили в служебном корпусе Таллиннской школы милиции (ТШМ), где мне посчастливилось в последующем трудиться преподавателем юридических предметов. Мы имеем хоть какое-то жилье! Находящаяся на третьем этаже здания милицейской школы комнатка без каких-либо коммунальных удобств с покрытыми плесенью обвислыми обоями, куда с трудом влез главный предмет нашей собственности — тяжеленный диванище, привезенный из Питера. За стеной — экран кинотеатра «Võit», открывший громкие тайны звуковой составляющей всех идущих кинокартин, в том числе популярного в то время индийского фильма «Бродяга» с Раджем Капуром в главной роли. Мы вдвоем! Это очень много и важно. Не надо стесняться ни моих родителей, ни Ритиной тети, вдвоем с которой они жили в одной комнате большой коммунальной квартиры.

Не может быть, чтобы и моей дорогой подружке со временем не нашлось что-нибудь по душе в столь цивилизованном месте, как Таллинн. Так и случилось. Уже в декабре состоялся первый урок по истории для прикованных тяжелым недугом к постели детей в костно-туберкулезном санатории Таллинна, который провела новая учительница Маргарита Дмитриевна.

В одной довоенной песне были такие слова: *«Нам нет преград ни в море, ни на суше»*. Для подобного ощущения были и внешние основания. Проявляла себя хрущевская оттепель, дышалось воздухом перемен. По радио почти

каждый день звучал чуть ли не новый гимн «Партия — наш рулевой» Ваню Мурадели (это уже о коллективном, а не вождистском руководстве страной). Песни о Сталине исчезли. Осудили Берию и его сподвижников. Год спустя на XX съезде партии досталось по первое число покойному Сталину. Маленков обеспокоился тем, чем питаются и что носят управляемые им граждане и неграждане, что вылилось в указания заняться развитием легкой промышленности. В прессе появились намеки на разработку программы жилищного строительства. «Смелые» публикации смущали души и вселяли ожидания лучшего завтрашнего дня.

Тем не менее, проблемы, поглотившие наш быт, оказались нешуточными. Символичен возникший у меня в то время вопрос: «Откуда берутся тряпки для мытья пола и других дел?» Ничего из того минимума старых вещей, которыми мы обладали, использовать на эти цели было нельзя, так как денег для приобретения им замены не было. В материальном аспекте, по современным меркам, молодой преподаватель с супругой были почти нищими. Это «почти» означает, что на пропитание нам хватало, а новой одеждой для меня стала бесплатная милицейская форма. Ритусе же приходилось довольствоваться скудным скарбом ее девичества.

Все-таки с учетом наших более чем скромных витальных потребностей некоторое время жить так было терпимо. Столовая для курсантов, где мы на первых порах обедали, находилась тут же, на первом этаже, унитаза с раковиной — на втором, под нами. Азарий Гусин был поселен этажом выше. Но приближалась зима, и кто знает, какие последствия для здоровья от проживания в заплесневевшем и холодном каменном мешке могли бы сделать наш оптимизм воспоминанием о собственной дурости.

Неожиданно пришла помощь. Спасительницей стала моя коллега преподаватель Евгения Михайловна Тарасова (Евгеша). Энергичная, толковая, приветливая, разговорчивая — это первое впечатление от преподавателя

цивилистических предметов капитана милиции Е. М. Тарасовой.

Мы бывали в ее доме. При первом посещении познакомилась с супругом. Он был тяжело болен и предложил Рите занять его рабочее место. Так Ритуся стала учительствовать в костно-туберкулезном санатории. Вскоре Алексея Тарасова не стало. Не буду говорить о женской привлекательности Евгеша, на которую отреагировало немалое число представителей сильного пола.

Меня в данной ситуации волновало, как понятно, совсем другое. Случайно заглянув в наше жилье, она ужаснулась, сказала, что так дальше жить нельзя, и тут же приняла решение о нашем переезде в дом, где она обитала с маленькой дочкой Ирочкой. Всякие наши колебания и сомнения самым решительным образом были пресечены.

Деревянный дом, которым пользовалось семейство Евгеша, находился рядом с ТШМ. Кроме гостеприимной хозяйки с дочкой там обнаружили и другие живые люди. Часто бывала сестра Евгении Михайловны Сима — серьезный врач-гастроэнтеролог с мужем, милицейским опером Женей Лепневым. Еще проживала повариха нашей столовой Фаина, к которой часто на ночь заглядывал некто Анатолий (обе персоны рослые и страстные, что сказалося на звуке, который издавала металлическая кровать). Ночная полифония создавалась также с участием еще одного Анатолия, ходока до нашей хозяйки. За проживание с нас не брали ни копейки, но включили в общее хозяйствование под названием «коммуна». Зимние месяцы запомнились общим веселым застольем и очень ограниченными для застенчивых молодоженов возможностями по части побыть вдвоем.

Во втором каменном многоэтажном корпусе ТШМ размещалась казарма для курсантов, кабинеты начальника школы и его заместителя по политработе. К этому зданию примыкала двухэтажная дощатая пристройка с большим лекционным залом внизу и жилым помещением на втором этаже. Над залом был чердак, а по соседству с

ним — неизвестно как созданное жилье из четырех небольших комнат и общей кухоньки. К весне часть этого помещения освободилась, так как занимавший его подполковник уехал из Эстонии на Украину. Мы обрели новое жилье.

Соседями оказались майор Федор Гаврилович Комаров (ФГК), его супруга Татьяна и маленькие дети — Тамара и Саша. ФГК подкупил меня еще в те дни, когда я, будучи курсантом двухмесячных курсов, присутствовал на его занятиях по военному делу. Сухощавый, подтянутый, аккуратный, он напоминал штабного белогвардейского офицера, каким он с формальной стороны был представлен в ряде советских фильмов о Гражданской войне. Он был добросовестным и талантливым преподавателем, по-доброму и заботливо относившимся к своим ученикам. От этого впоследствии и погиб. На занятиях по радиационной защите для убедительности показывал объект, излучающий пусть малую, но все-таки дозу радиации. От частого использования этого устройства получил смертельное облучение. Но тогда о таком исходе никто не думал.

С соседями у нас сложились более чем миролюбивые отношения.

Несколько лет спустя, когда мы и Комаровы стали обитателями хрущевок в центре Таллинна на улице Вирмализе (мы на втором этаже, а соседи — на пятом), а Игореша посещал детский сад, находившийся во дворе дома, сынок поставил меня в тупик, попросив что-то сделать, чего я делать не умел. Услышав мой ответ, он заявил, что вот дядя Федя такое смастерит сходу. Меня заявление малыша, не скрою, уязвило. Ну и ступай к своему дяде Феде, услышал сын в ответ. В детском садике Игореша сказал воспитательнице, что теперь у него новый папа — дядя Федя. Вечером, когда мама пришла забрать сына, она была ошарашена вопросом о своем обновленном семейном положении, взбудоражившим работников садика, знавших нашу семью. Но мечта сына так и не осуществилась.

Рассказ седьмой
ЮНОШЕСКИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ

7.1. Виж

Вернемся в школьные годы. Ученики прозвали педагогов Диж и Виж. Оба имели фамилию Жуков. У обоих отцы были Иванами. Только разнились именами: Дмитрий и Виталий. Никаких слухов о том, что у них был общий отец, по школе не ходило, тем более никто никому не сообщал, что располагает достоверной информацией об их родстве. Дмитрий Иванович Жуков вел в параллельном классе математику. Виталий Иванович Жуков учил меня и моих одноклассников разбираться в художественной литературе.

Виж, которому в то время, если судить по его внешности, было где-то под пятьдесят, являл собой образ одутловатого грузного мужчины, спокойно взирающего маленькими, заплывшими жиром глазами на окружающий мир. Но ни у кого в классе не возникало сомнений, что свой предмет он знал и старался раскрыть своим ученикам глубинный смысл литературных творений.

Тем не менее, мне сначала казалось, что литературе надо учить иначе, чем этого требовала учебная программа тех лет, которой педантично следовал преподаватель. Юношей, открывающих для себя сложность человеческих отношений, этот предмет должен был как бы заразить болезнью чтения и научить в прочитанном отличать добро от зла, красивое от безобразного, полезное от вредного. Воздействовать на умы и сердца прежде всего через эмоциональное возбуждение. Поэтому на каждом уроке хотелось бы слышать отрывки из прозаических произведений, музыку стихотворной строки и рифмы. И только после прочитанного и услышанного первоисточника производить его анализ, следуя не только сложившимся литературоведческим догматам, но и собственному разумению.

После бала по поводу получения аттестата зрелости наш уже несуществующий класс двинулся толпой по набережной Фонтанки в сторону Невы. Была прекрасная

белая июньская ночь. Дорогу пересекла другая толпа, в центре которой выделялся высокий красавец, артистически читавший стихи Есенина. Оказалось, с бывшими учениками одной из школ праздник отмечал их учитель литературы. Ребята смотрели на него с таким восхищением, что, еще не успев разобраться что к чему, мы интуитивно замерли на месте и более уже не могли что-либо делать самостоятельно. Число поклонников таланта чтеца резко возросло. Потом, уже на набережной Невы на фоне разведенных мостов, наш обворожитель произносил строки из «Медного всадника» Пушкина, стихов Тютчева, Байрона, Ахматовой. Казалось, его память неисчерпаема. Кто-то рассказал, что таким же образом в школе проходили уроки литературы. Учитель заражал учеников своим восторженным преклонением перед предметом изучения и тем самым плодил плеяду ценителей литературного слова.

Виж не позволял себе такой роскоши, как делать из урока представление. Но все-таки какой-то элемент театральности иногда возникал.

Прозвенел звонок. Все уже за партами. Распахивается дверь, и, пролетев метра два, на учительский стол с грохотом падает толстенный портфель. Появляется еще более круглое пузо, прикрытое черным галстуком, обтянутое темной рубашкой, такого же цвета жилетом и пиджаком, застегнутым на одну, с трудом сдерживающую напор естества пуговицу, и громкий голос вопрошает:

– Роз-гард!!! Что Влич грил?

Наученный опытом, класс догадывается, что, во-первых, это, конечно же Виж, а во-вторых, он хочет узнать у сидящего на первой парте отличника Розенгарда, что говорил Владимир Ильич Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература». Вальяжный Розенгард, который много лет спустя, как мне кто-то рассказывал, стал членом-корреспондентом Академии наук СССР по химии, вставать не торопится. Он ждет, пока Виж поместит свое грузное тело на стул, облокотится на стол и раскроет портфель. И только лишь тогда, слегка

приподнявшись, начинает излагать содержание домашнего задания.

У меня складывается такое представление, что Виталий Иванович ставил своей главной целью не только научить школяров литературе, по отношению к которой в те годы существовало много абсурдных запретов, нарушать которые он не рисковал. В программе, например, не предусматривалось изучение творчества Достоевского, который официальной идеологией считался упадническим писателем. Нам не были известны многие знаменитые прозаики (например, Бунин, Бабель). Запрет распространялся на стихи Есенина, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Гумилева, Северянина и других в нынешнем понимании классиков Серебряного века. Очень куце в программе была представлена западноевропейская и американская литература (в плане борьбы с космополитизмом).

Конечно, русскую классику мы прорабатывали. Заучивали фрагменты из «Евгения Онегина», «Медного всадника» Пушкина, «Мцыри» Лермонтова, «Мертвых душ» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, «Железной дороги», «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, прозаические стихи Тургенева, вступления к поэме «Во весь голос», поэмы «В. И. Ленин» и «Стихов о советском паспорте» Маяковского и кое-что еще. Даже делали спектакль по гоголевскому «Ревизору» (мне досталась роль городничего).

Но главный нажим производился не на эмоционально обусловленный всплеск интереса, а на развитие способности каждого ученика к мыслительной деятельности. Тогда можно понять, почему так много внимания уделялось литературной критике в лице Белинского и Добролюбова. Статьи первого о творчестве Пушкина и Гоголя нам было велено законспектировать, причем эти конспекты надо было защищать и доказывать идентичность твоего понимания тому, что писал критик.

На уроках часто обсуждались проблемы, обозначенные вопросом «почему?» Почему, например, Пушкин ре-

шил револьвером Онегина убить Ленского на дуэли? Не одобрил ли поэт тем самым торжество надменности, цинизма (ведь в романе Онегин характеризуется как «молодой повеса») над искренностью, чистотой помыслов и личностью в целом наивного поэта Ленского? Не призыв ли это к социал-дарвинизму: слабое должно уступить дорогу сильному под давлением необходимости естественного отбора? Или автор не стремился ни к какой символической цели, а ставил перед собой цель просто показать нравы своего времени? Или еще проще: оказалась ли нужной сцена дуэли для развития сюжета и усиления образности персонажей?

Возможно, я ошибаюсь, но тогда, придя к определенному умозаключению, решил, что преподаватель подталкивает нас на такую стезю, пойти по которой было бы заманчиво. Надо больше думать, анализировать, сравнивать, делать выводы из прочитанного, соотносить слово с собственными наблюдениями и пусть маленьким, но все-таки уже имеющимся житейским опытом. Стали возникать вопросы, над которыми я ломал голову.

Зачем человеку вообще нужна художественная литература? Ведь, как известно, есть такие люди, которые ею совершенно не интересуются и, может быть, не прочитали ни одного произведения, что не помешало им стать состоятельными и влиятельными персонами. Таких темных, но богатых купцов любил изображать в своих пьесах драматург Николай Островский.

Говорят, что настоящий писатель сочиняет потому, что он не может не писать. Но он так же, как и любой человек, не может не есть, не пить и т. д. Причем он ест, пьет для себя лично, а не для других. Но когда он пишет, то рассчитывает все же на то, что у его произведения будут читатели. Творил бы лишь для самовыражения и этим ограничился. Так нет же — нужны издания, тиражи, почитатели, успех.

А читатели? Среди них встречаются разумные и эмоционально зрелые люди, способные к мыслительному со-

участию и сопереживанию с героями литературного произведения. Таких людей литература духовно обогащает. Но еще больше тех, кто глотает книги, скользя по поверхности, не задумываясь, не допуская проникновения художественного произведения в свой внутренний мир, лишь забавляясь и развлекаясь прочитанным. Прочитал, время убил, ну и порядок. С таким же успехом, но, может быть, еще с большим удовольствием он мог бы провести часок-другой на рыбалке или в пивном баре с приятелями. Причем подобного рода конкурентов у художественной литературы более чем достаточно, многие из них весьма влиятельны и сильны.

Мысль двигалась примерно в таком направлении. В ходе эволюции *homo sapiens* смог создать собственную среду обитания, отличающуюся от природной. Осознание себя в этом мире неизбежно предполагало сравнение с другими людьми. В силу пространственной и временной ограниченности индивидуального опыта возможности такого сравнения были очень скромными. Возникла потребность не только научного, но и образного отображения действительности через воздействие на мыслительно-чувственную область. В текстах аккумулировалось и то, что было у индивидуума, и то, чего у него не было, но могло бы быть.

Кроме того, в реальности встречалось много такого, что не поддавалось пониманию и разумному объяснению, но каким-то образом на эти загадочные явления требовалось отреагировать. Художественная литература стала одним из вариантов такого реагирования наряду с религией и устной мифологией. Человеческое сознание оказалось способным даже к большему: к фантазии, созданию не связанных с реальностью образов и миров. Это направление присутствовало в литературных произведениях изначально.

Писатели, поэты, драматурги, сценаристы — это особая каста. Они выбрали путь сочинительства. А он подготовлен изначально предрасположенностью к этому заня-

тию, талантом. Таких людей мало. Они творят, не только реагируя на социальный заказ, а реализуя свою индивидуальность. Они заняты делом, которое требует от человека каких-то выдающихся качеств. Их ум и воображение проникают в такие области и пласты материального и духовного мира людей, которые многим недоступны для самостоятельного понимания и чувственного восприятия.

Художественным талантом создается и такое, что само по себе представляет эстетическую радость, вызывает желание любоваться им, восторгаться, переживать чувство прекрасного, что, впрочем, не исключает и противоположного реагирования: негодования, омерзения, презрения, если произведение склоняет к таким переживаниям.

Читатель, увлеченный художественной литературой, субъективно проживает множество жизней, а не только свою одну, набирает множество жизненных опытов, получает дополнительный и сильный источник, помимо реальных жизней, переживания разных оттенков — от радостных до трагических. Причем, в отличие от сценической или киношной образности, создаваемой актерами и навязываемой зрителю, читатель имеет возможность, исходя из текста произведения, самому конструировать мыслимо-зрительные образы, менять их в зависимости от своей субъективности данного момента. Человек, оставивший себя вне литературы и художественной культуры в целом, малоинтересен для окружающих. Он зациклен на самом себе или узком круге родственников и знакомых, о чем и может вести бесконечные разговоры, перемывая кости жертвам своей ограниченности.

Возник и такой вопрос: зачем нужна поэзия? Ответ на первых порах родился элементарный. Чтобы выразить то, что не поддается прозе. Ведь проза первична. Не будем уподобляться литературному персонажу, удивившемуся, узнав, что мы разговариваем прозой. Но потом я понял, что такой остаточный метод для характеристики столь сложного и многогранного литературного жанра явно не подходит. Если им руководствоваться, то от реальной поэ-

зии мало что останется. Скажем, тогда «Евгений Онегин» должен быть признан ошибкой А. С. Пушкина, который придал сюжету поэтическую, а не прозаическую форму. На такой вердикт я оказался неспособен.

Спустя несколько десятилетий пришло понимание, вылившееся в такие строки (ведь, оказывается, где-то в подсознании отложился пласт, заложенный Вижем: я давно уже стал юристом, но школьные идеи продолжали тревожить).

Как рождается проза?
 Так же, как и стихи.
 Так расцветает мимоза,
 Так проявляются сны.
 Ветер в окно врывается.
 Что-то шуршит в тишине.
 Солнце в реке купается.
 Рондо скользит по струне.
 В сердце вошла заноза.
 Сладкая боль в груди.
 Как рождается проза?
 Так же, как и стихи.

7.2. Публичный дом

К урокам я готовился в Ленинградской Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Она называлась публичной в том смысле, что считалась общедоступной. Возможно, таковой библиотека и являлась при ее создании. Хотя посетители не были обременены какой-либо платой за библиотечные услуги, но в советское время некоторые другие проявления общедоступности можно было поставить под сомнение.

В этом учреждении культуры существовал специальный фонд, который располагал литературой, изъятой из обращения. Попасть туда можно было только по специальному разрешению.

У библиотеки имелись два корпуса, находившиеся на расстоянии друг от друга. Один — на углу Невского проспекта и улицы Садовой, рядом с Екатерининским сквером, где красовался величественный памятник императрице, и Большим академическим театром драмы им. А. С. Пушкина (Александринка). Другой — на набережной Фонтанки, по другую сторону от Аничкова моста, всего в сотне метров от 206-й школы, если двигаться от Невского проспекта. Попасть и в тот и в другой корпус библиотеки было не всегда просто. Нередко у парадных подъездов выстраивались очереди, стоять в которых приходилось довольно долго.

Обстановка в первом корпусе была не только функциональной, но и изысканной. Стены, облицованные плитами из темного дерева, большой читальный зал с антресолями, отороченными изящными деревянными перилами коричневого цвета. Высокие книжные шкафы с дореволюционными книгами в рельефных переплетах. Настольные лампы с зелеными стеклянными абажурами. Но были и притягивавшие к себе заманчивым уютom небольшие кабинеты, рассчитанные на элиту, где стояли мягкие ко-

жанные кресла и диванчики, полумрак, если не считать письменных столов, освещенных светом настольных ламп. Этот корпус предназначался только для тех читателей, которые занимались научной работой или связанной с ней деятельностью.

Корпус на набережной Фонтанки держал свои двери открытыми для всех иных читателей, в том числе и для школьников. Обстановка тут была намного проще и непритязательнее, чем в главном здании. Дом был предоставлен читателям спустя некоторое время после окончания войны. Когда у меня, учившегося в семилетке, возникла идея делать уроки в библиотеке и эта идея началась реализовываться, этого помещения для библиотеки еще не существовало.

Понятно, что сконцентрироваться на приготовлении уроков было не очень просто. С одной стороны, происходили встречи со знакомыми ребятами, а с ними было о чем поболтать, с другой — велик был соблазн погрузиться в журнал или книгу, а то и в старую газету (в корпусе размещался газетный зал) и забыть про домашние задания. Но, как говорят, нет худа без добра.

Однажды я нарвался на книжку с изложением диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Она прорабатывалась соседом по столу. Когда он вышел в буфет, я открыл книгу, прочитал предисловие и узнал, что эта диссертация в свое время вызвала сенсацию, ее защита происходила в переполненном публикой зале, а содержание породило обширную дискуссию. Такое заинтриговало. На следующий день я уже штудировал это произведение.

Через пару недель на уроках литературы стали изучать роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», а попутно — всю деятельность писателя. Неожиданно в самом начале урока Виж вызвал меня к доске и предложил рассказать, что мне известно о творчестве революционного демократа. Ответ длился сорок минут. В классе стояла гробовая тишина, которая была нарушена только звонком на перемену.

На родительском собрании Виж сказал маме, что мой рассказ произвел на него сильное впечатление и он поздравляет родителей с успехом сына. Правда, при этом почему-то обратил внимание на странную для школьника одежду, которую успел рассмотреть, слушая мои рассуждения. Действительно, внешний вид старшеклассника мог ассоциироваться с образом члена банды батьки Махно, каким он был представлен в советском кино. Морской китель, не застегнутый на верхнюю пуговицу, благодаря чему открывался вид на фрагмент застиранной тельняшки, суконные черные брюки, заправленные в хромовые сапоги, голенища которых собраны в гармошку. Если бы Виж встретил ученика на улице, то увидел бы еще у него на голове морскую фуражку, козырек которой путем реконструкции чуть ли не прилипал ко лбу, как у адмирала Нахимова на известном портрете, где герой нарисован в профиль. А если бы он велел снять сапоги, то увидел бы выпавшую из-за голенища трофейную японскую финку.

Секрет такого облачения открывался просто. Как уже ранее пояснял, я носил то, что получал от родственников. Ян Кирнос — муж двоюродной сестры Ляли, был врачом, морским офицером, имел примерно мой рост, что и позволяло донашивать его форму. Сапогами же меня одаривал дядя Соломон. Для пацанов с Пушкинской улицы в моем наряде не было ничего ненормального. Дети войны часто выглядели не очень цивилизованно и даже делали такую внешность стигматом своего общественного положения.

Замечание Вижа имело последствия. На толкучке мне была приобретена серая шерстяная кофта, одеваемая поверх рубашки. Черные клеши я стал носить поверх сапог. Вместо фуражки на голове весной, осенью и зимой закрасовалась папина зеленая шляпа. Так возник образ пай-юноши.

Библиотека являлась лишь одним из инструментов учебы, она все же была способна выполнять не только роль транслятора знаний, но и стимулировать процесс их приобретения. Как-то Виж сообщил о конкурсе сочине-

ний старшеклассников, организуемом городским Союзом писателей, на тему «Образ коммуниста в советской художественной литературе». Победителям полагалось три премии.

Если бы не Публичка, такая информация едва ли заинтересовала бы меня. Тема предлагалась самая что ни на есть банальная, и заняться ею, значит, заработать у наших классных умников не очень лестное мнение о себе. Но манил газетный зал библиотеки. Там можно было бы найти много статей на тему конкурса, правильно, без сдвигов вправо и влево раскрывающих то, что от конкурсантов ожидало жюри. Принималось во внимание и то, что схожая тема должна была быть, по идее, предложена для сочинения на аттестат зрелости. В конце концов, в случае удачи от премии тоже никто не собирался отказываться.

Ко мне подключился школьный товарищ Лева Аншилевич. Одно сочинение решили подать на конкурс за двумя фамилиями. Работа закипела. Мы перелопатили все центральные и ленинградские газеты за последние три года, набрали большой материал, систематизировали его. Обсудили, поспорили, уточнили кое-какие детали по литературным источникам и написали работу объемом около 60 страниц. На все это ушло около трех месяцев каждодневного труда по несколько часов в день. Увы! Никакого ответа получено не было. То ли потому, что мы взялись за работу, руководствуясь только полученной от Вижа устной информацией об условиях конкурса и что-то сделали не так, как надо, то ли еще почему — не знаю. Но все-таки на успех экзаменационного моего сочинения «От Павки Корчагина до Олега Кошевого» этот труд повлиял.

Библиотека притягивала к себе разными магнитами.

Подросткам и юношам, отделенным системой образования от особ противоположного пола, было очень интересно понаблюдать за девчонками, а то и познакомиться с ними. Был распространен такой прием. Под стол как бы случайно падал карандаш или ручка. Собственник вещи вынужден был опуститься, чтобы ее поднять. Таким обра-

зом он обозревал милые девичьи ножки, а если везло, то и более того. Зарождались романы и романчики.

Соблазнительно было окунуться в особую интеллектуальную атмосферу библиотеки. Она создавалась одним видом многих людей, склонившихся над книгами при свете настольных ламп, шелестом переворачиваемых страниц, томами на полках, тематикой разговоров в коридорах, буфетах и курилках.

Уже студентом, находясь в главном корпусе Салтыковки, я спустился из читального зала на первый этаж покурить. Для этого удовольствия была предназначена особая комната. Там сидели трое парней, причем двое из них держали раскрытые книги. Прислушавшись к их разговору, я понял, что идет интеллектуальная игра, причем, по всей видимости, на спор. Проводилась проверка дословного знания третьим участником спора «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова.

Первый спрашивал:

— У меня издание такого-то года, выпущенное таким-то издательством. Страница такая-то, второй абзац сверху.

В ответ третий произносил цитату, точность которой первый проверял, глядя в книгу.

Включался второй, который называл другой год издания и другое издательство, номер страницы и проверяемый абзац.

Он получал абсолютно точный ответ.

Проверка шла уже четверть часа, а я все не мог поверить, что стал свидетелем демонстрации феноменальной памяти. Такая игра была к лицу Публичной библиотеке.

7.3. Подпольщики

Как-то ко мне на перемене подошел одноклассник Гриша Лаумберг и предложил издавать рукописный журнал под названием «Идиот» (Идеальный друг и отличный товарищ). Идея понравилась. Подключили еще одного творца из класса, и работа закипела. Через месяц рукописный журнал, заполнивший толстую тетрадь с цветной начальной страницей рассказами, критическими заметками и стихами был готов.

Экземпляр переходил из рук в руки. Каким образом он попал к Вижу, не знаю. Там была сатирическая пародийная страничка про него. Выяснив фамилии отцов-создателей, учитель вызвал нас на беседу и сказал, что обнаружил несколько орфографических и еще больше стилистических ошибок. За творческую жилку похвалил. Пародию на себя одобрил.

Но, главное, назвал нас глупцами, не соображающими, что наше детище может быть использовано врагами советской власти как доказательство существования в стране подпольной прессы. Он вел себя как истинный патриот, но в глазах его темнел испуг, который он не мог скрыть. Его совет сжечь наш труд был принят со всей серьезностью. Можно только благодарить случай, что эта история не вышла за пределы класса.

В этом же учебном году договорились, что одноклассники разобьются на две партии — партию пошляков и партию циников. Никто не хотел выглядеть пай-мальчиком. Надеялись что-то противопоставить бездумному конформизму. Пошляки считали нужным демонстрировать свою близость низшим слоям общества, культивировать гордость бедных, чтобы их не считали униженными и оскорбленными. Обладание дорогими вещами унижительно. Бедный человек свободнее богатого. Это может быть пошло, но правильно.

Циники, напротив, полагали, что материальное благополучие обеспечивает свободу, что надо жить в свое удовольствие и не делать себе проблем из того, что кому-то плохо. Индивидуальное удовольствие выше норм общезжития.

Пару раз после уроков встречались, спорили, но компромисса не находили. После же истории с «Идиотом» решили эти игры прекратить.

7.4. Яичница

По моим наблюдениям, душой школы можно было бы считать Ию Ивановну Воробьеву. (Когда я стал восьмиклассником, ее фамилия по мужу была Нейгауз, но позже, очевидно, была восстановлена девичья фамилия.) Заведующая учебной частью явно затмевала своей личностью маловыразительного трусливого бюрократа, каким мне казался директор школы. Не знаю, как к ней относились учителя, так как на педагогическом совете я присутствовал всего лишь один раз, а доверительных отношений ни с кем из педагогов не было. Но видно было, что ей есть дело до всего, что происходило в школе. Несколько раз по делам комсомола мне пришлось приходить задолго до начала занятий. К своему удивлению, там я уже находил Ию Ивановну, проверявшую работу уборщиц.

Но, видимо, характер у нее был не очень покладистый. Скупая на выражение эмоций, она знала, чего хочет, и шла напролом к решению поставленных задач. Показателен такой случай.

Перед весенними каникулами завуч пришла к нам в девятый «Б» класс и строго предупредила:

— Мальчики! Среди вас много таких, кто не следит за своим внешним видом. Ваши прически вызывают просто оторопь. На каникулах приведите себя в порядок. Кто этого не сделает, не будет допущен к занятиям.

После уроков мы обсудили ситуацию и пришли к выводу, что Яичница (такое прозвище было у натуральной блондинки по имени Ия с зализанной прической и округлыми формами тела, напоминавшими яйцо) посягнула на наше мужское достоинство и хочет от нас слишком много. Кто пойдет к парикмахеру, будет считаться предателем.

Каникулы пролетели быстро. Придя, как положено, в школу, я обнаружил на ступеньках лестницы очередь парней. Причиной задержки движения оказалась Яичница,

стоявшая на лестничной площадке. У каждого подходившего к ней старшеклассника она опускала волосы на лоб, измеряя таким способом их длину. Тех, кто не соответствовал установленному ею стандарту (не ниже уровня бровей), разворачивала и отправляла на обрезание.

Преодолев свой конформизм в нанайской борьбе, я как секретарь комитета комсомола школы обратился с призывом ко всем старшеклассникам провести акцию протеста. Призыв поддержали даже десятые классы. И вот целый легион пацанов двинулся по набережной Фонтанки, через Летний сад и Дворцовый мост на Петроградскую сторону. Там мы заполнили полупустой зал кинотеатра, посмотрели фильм, после чего приняли такое решение: направить делегацию из трех человек (секретарь комитета комсомола и два члена комитета) в районный отдел народного образования с жалобой на действия завуча школы. Делегация была принята, выслушана, и ей было обещано разобрататься в конфликте. Как уж там чиновники решили, нас не проинформировали.

Состоялся педагогический совет школы, решением которого мне была снижена оценка за поведение в годовой табели. В те времена с оценкой «4» за дисциплину нечего было и помышлять о приеме в вуз. Но в течение последнего года школьного бытия отношение ко мне изменилось в положительную сторону, и все обошлось.

Надо отдать должное Ие Ивановне. У нее из-за этой истории, очевидно, были какие-то неприятности. Но я от нее никогда не ощущал какой-либо предвзятости, тем более — злонамеренности, хотя в конфликте проявил себя весьма активно. Когда мне, ученику 10-го класса и секретарю комитета комсомола, пришлось в последний раз докладывать комсомольской организации школы о проделанной за прошлый учебный год работе (на собрании было более 100 человек), на трибуну передали записку из зала. *«Юзеф! Вы большой молодец! Ия Ивановна».*

7.5. Шкраб

Если два слова соединить в одно, получится название данного параграфа. Секретарем комитета комсомола школы меня избрали, кажется, в третьей четверти прохождения учебы в восьмом классе. Сменился весь состав комитета, так как его члены должны были перейти в 10-й класс, учащихся которого нельзя было отвлекать от подготовки к экзаменам на аттестат зрелости даже комсомольской работой. До меня комсомолом школы руководил Даниил Голубев, а его заместителем был Изя Малкин. Они были ребятами умными и авторитетными, Уже при первом знакомстве можно было определить, что имеешь дело со сложившимися руководителями.

Даниил Борисович Голубев

Впоследствии Даня, насколько мне известно, с отличием окончил военно-морскую медицинскую академию, служил на Камчатке, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, перебрался в США, откуда еще в советское время по радиостанциям «Свобода» и «Голос Америки» передавали его толковые научные комментарии в области медицины и микробиологии.

Как сложилась судьба Изи, не знаю.

Помню только одну с ним встречу на улице. Когда я ему сказал, что готовлюсь стать юристом, он, учившийся в техническом вузе, горько усмехнулся и заметил, что у нас для еврея все-таки предпочтительнее нейтральная по отношению к политике техническая специальность.

Руководить комсомолом школы после таких предшественников было и легко, и сложно. Легко в том смысле, что дело было налажено. Сложно из-за того, что надо было не сдавать позиции, завоеванные прежними лидерами. Однако дело пошло.

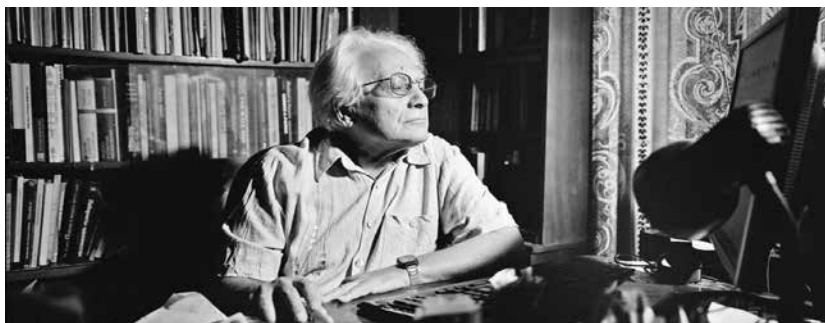
Нечастый случай: секретарь комитета комсомола еще не достиг совершеннолетия, а его, ученика девятого класса, с учетом предложения партийной организации школы, состоявшей из учителей, районный комитет комсомола рекомендует для вступления в партию.

Можно предположить, что райком располагал достоверной положительной информацией о моей деятельности. Источником таких сведений мог быть внештатный инструктор райкома, курировавший нашу школу, часто в ней бывавший и поддерживавший дружеские отношения с Ией Ивановной. Звали его Игорь Семенович Кон.

7.6. Кон знакомства

Сейчас, наверное, на всем постсоветском пространстве и более того нет такого профессионала философа, социолога или сексолога, которому не было бы знакомо это имя. Он — специалист с международной известностью.

Игорь Семенович Кон всю жизнь работал на стыке разных общественных и гуманитарных наук: социологии, истории, антропологии, психологии и сексологии. С его именем тесно связано рождение в России таких дисциплин, как история социологии, социология личности, психология юношеского возраста, этнография детства, сексология. Некоторые его книги ломали привычные представления и становились бестселлерами. В последней книге («80 лет одиночества»), написанной в своеобразном жанре интеллектуальной автобиографии, видный ученый порою весьма самокритично рассказывает о себе и своем времени, [...] как формировались его научные интересы, что побуждало его переходить от одних проблем и дисциплин к другим, насколько свободным был этот выбор в СССР и как его личные интересы пересекались с проблемами общества.

В то время, о котором идет речь, Игорь Кон притягивал к себе людей умными суждениями, толерантностью, заботливым отношением, умением слушать. Ему, как мне кажется, беседы с Ией Ивановной были интересны.

Еще раз встретиться со знаменитостью мне удалось восемь лет спустя после получения среднего образования. Как преподавателю юридического цикла Таллиннской школы милиции мне хотелось стать хорошим специалистом своего дела. Решил: надо писать и защищать кандидатскую диссертацию по юриспруденции.

Но прежде требовалось доказать квалифицированное знание четырех предметов, одним из которых была марксистско-ленинская философия. Для подготовки к экзамену мне выдали список основных вопросов и перечень литературы. От одного взгляда на эти требования становилось дурно. При годовой учебной нагрузке по пяти предметам в объеме 800 часов найти какое-то время для проработки философских вопросов было утопией. Оставался свободным лишь отпуск. Но это только 30 суток, в такой срок явно не уложиться. Надо было искать выход. И среди разных вариантов я его обнаружил.

У Карла Маркса имеется небольшое произведение «К критике политической экономии. Предисловие». Ценность его состоит в том, что в нем примерно на одной странице изложена сущность исторического материализма. Если бы удалось выучить этот текст наизусть, как актеры учат роль, то представилась бы возможность потрясти экзаменаторов дословным цитированием первоисточника, содержание которого имеет отношение к любому вопросу по важной части предмета. Сказано — сделано.

Когда соискатель ученой степени явился для сдачи экзамена на кафедру философского факультета ЛГУ, там была одна лаборантка. Она просила подождать профессора, который должен дать мне три вопроса для подготовки. Спустя непродолжительное время дверь распахнулась, и на пороге возник Игорь Семенович Кон (ИСК). Я не успел ни обрадоваться, ни смутиться, а он, не показывая виду, что встретил знакомого, поинтересовался моей специальностью и предложил записать три вопроса. Через час мне уже пришлось держать ответ перед комиссией, в состав которой входил ИСК. Рассказ по второму вопросу о по-

литической и правовой идеологии был начат с большой цитаты из Маркса. Как и предполагалось, после того как я выдохнул последнее слово цитаты, председатель предложил перейти к освещению следующего вопроса.

ИСК еще раз произвел на меня впечатление своей научной эрудицией. Начав ответ по первому вопросу о необходимости и случайности с замечания, что меня данная проблема интересует прежде всего как специалиста по уголовному праву, я начал излагать разные теории причинной связи в аспекте сделанного пояснения, против которого комиссия не возражала. Как же велико было мое удивление, когда философ ИСК попросил меня осветить точку зрения профессора Пионтковского, известного криминалиста, но отнюдь не философа, и по уточняющим дополнительным вопросам я понял, что вопрошающий знает юридическую литературу не понаслышке.

Прошло четверть века, когда произошла еще одна наша встреча. В пярнуском санатории «Раху». Вспоминали молодость, Ию Ивановну, мой кандидатский экзамен, на котором я был опознан, но ИСК не считал тогда корректным при посторонних раскрывать наше знакомство. Оба смеялись над тем, как мне удалось продемонстрировать знание Маркса. Состоялось его знакомство с Ритусей и Игорехой. Пофантазировали, как бы могли читать лекцию дуэтом: профессор И. Кон давал бы материал по сексологии, а профессор Ю. Лившиц как специалист, интересующийся хулиганством, пояснял бы, как сексологические понятия выглядели на матерном языке. Тут же я спросил знаменитого сексолога, могла ли его любимая наука адаптироваться к России, если бы она называлась по-русски, без использования английского слова *sex*. Найти ответ мы не смогли. После расставания переписывались, но со временем общение прекратилось.

7.7. Музкульт

Однако вернемся к Ие Ивановне. Убежден, что высокая планка, которую держала школа как образовательное учреждение, во многом была обеспечена стараниями заведующей учебной частью. Она и сама как преподаватель давала тому пример.

Ия Ивановна вела новую и новейшую историю. Обстоятельно, со знанием дела. Идеологической настрой был явно приглушен. Речь больше шла об исторических фактах и событиях. Война закончилась относительно недавно, и на уроках ей было уделено значительное внимание. Происходил разбор решающих сражений Великой Отечественной войны и анализ причин нашей победы. Когда преподаватель спросил у класса, кто пережил блокаду Ленинграда, поднялось несколько рук, но на просьбу поделиться воспоминаниями об этом страшном времени никто не откликнулся. Сделать это было тяжело. Зато всем классом побывали на Пискаревском кладбище и молча почтили память погибших блокадников.

Большое внимание уделялось истории русской культуры. Проводились экскурсии по Петропавловской крепости, Исаакиевскому собору, Казанскому собору. Мы классом получали обширную информацию в залах Эрмитажа, Русского музея, особняка Кшесинской, Музея мозга. Имена Доменико Андреа Трезини, Франческо Бартоломео Растрелли, Карла Росси как творцов архитектурных шедевров Петербурга сохранялись в памяти в единстве с образами зданий и сооружений, ими созданных, так как рассказ о родном городе мы часто слышали не в помещении класса, а во время экскурсионных вылазок.

Усиленно трудились над созданием альбома «Петербург — Петроград — Ленинград». В квартире Рейфе хранились старые экземпляры журнала «Огонек». Кое-что было передано мне. Благодаря такому ресурсу (и кое-чему

дополнительно к этому) я смог сделать иллюстрированный рассказ о родном городе, где каждой картинке было дано подробное объяснение. Работа была высоко оценена учителем.

Методика занятий нацеливалась на усиление познавательной активности учеников через проведение конференций с заслушиванием подготовленных докладов, написанию, как теперь говорят, эссе на различные исторические сюжеты. В частности, на мою долю среди прочих заданий выпало изучение, а по сути дела маленькое исследование, объединения русских композиторов под названием «Могучая кучка», жизни и деятельности его участников. Помня изрядное число мелодий, я часто не был сведущ в вопросах истории музыкальной культуры. Зная, что «Половецкие пляски» — это фрагмент оперы А. Бородина «Князь Игорь», я ничего не мог сообщить о самом композиторе. Также плачевно обстояло дело с другой информацией подобного рода.

Чтение книг и статей по теме работы, их обдумывание, систематизация материала, его изложение значительно расширили мой кругозор и понимание того, как происходило формирование русского музыкального самосознания. Трогали подлинно человеческие отношения, связывавшие композиторов, примером чему служила бескорыстная помощь Римского-Корсакова тяжело заболевшему Мусоргскому. Речь идет о той колоссальной работе, которая была проделана по редактированию и доделыванию партитур опер «Борис Годунов» и «Хованщина».

С большим пиететом я воспринял жизненный путь А. Бородина, являвшегося профессором химии и, как говорят, без отрыва от основной работы создавшего такие шедевры, как ранее названная опера, «Богатырская симфония», струнный квартет. Повеселил эпизод, связанный с профессорской рассеянностью химика, который однажды, отправляясь на работу в Петербургскую медицинскую академию, вышел на улицу в шикарном мундире со шпагой на ремне, но при этом без штанов.

Я узнал о большой роли в жизни и творчестве композиторов, которую сыграл музыкальный критик Стасов, о критике и композиторе Серове, любившем заявлять, что «его позиция в оппозиции».

По ходу изучения темы я не мог пройти мимо и встречавшегося другого материала, прямо к теме не относящегося. Так, для меня были открытием отношения П. И. Чайковского с почитательницей его таланта фон Мег. Оказалось, что подлинное название оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин» все-таки — «Жизнь за царя». Удивило, что в то время, которое по официальной оценке считалось периодом нагнетания антисемитских страстей, братья Рубинштейны смогли проявить себя не только на поприще музыки, но и стать основателями консерваторий в двух российских столицах.

Смущало одно обстоятельство. В источниках, которыми я пользовался, почти не было информации о западной музыке, хотя, как широко известно, русская классика возникла под ее большим влиянием. Но тут я получил информацию, что в актовом зале Педагогического института им. Герцена увлекательные лекции на интересовавшую меня тему читает музыковед Леонид Энтелис. Вскоре я был его слушателем.

Институт им. Герцена. Открытка. 1952 год

Вот уж о чем не пришлось жалеть, так это о времени, потраченном на посещение герценовского института. Лектор был великолепен. Видно было, что он не только знаток своего дела, но и влюблен в него. Натура артистическая, рассказчик позволял себе входить в образ того композитора, о котором говорил, переживал с ним радости и неудачи, сомнения и озарения, спорил с оппонентами, разоблачал фальсификации критиков.

Мне казалось, что я присутствую на спектакле театра одного актера. Прерывая рассказ, Энтелис бросался к роялю и исполнял фрагмент музыкального произведения, используя этот маневр как доказательство правоты своих слов. Время от времени он удалялся за кулисы, и тогда его место занимали исполнители, иллюстрировавшие своим талантом истории жизни и творчества великих композиторов прошлого. Так мне удалось получить некоторые представления о Гайдне, Глюке, Бахе, Моцарте, Бетховене, Шопене, Листе, Верди, Бизе, Гуно, Доницетти, Пуччини и ряде других корифеев западного музыкального мира

Под влиянием всех пережитых впечатлений музыка в ее классическом варианте представлялась мне высшим достижением человеческого гения. И так я думал долгое время. Но оказалось, что есть и другое мнение прямо противоположного направления.

«У немецкого философа Иммануила Канта был неважный музыкальный слух, тем не менее, его мнение о музыке цитируют довольно часто, – писал недавно в одной из своих статей известный итальянский писатель и семиотик, как он сам себя называл, Умберто Эко. – Так, например, Кант считал, что поскольку ценность произведения искусства заключается в духовной пище, которую оно дает, то музыка, которая играет только на эмоциях, должна стоять на самой низкой ступени иерархии прекрасных искусств».

В «Критике способности суждения», опубликованной в 1790 году, он писал: «Музыка переходит из чувств в неопределенные идеи, созидательное (изобразительное) искусство – из определенных

идей – в чувства. Последнее дает постоянное впечатление, первое – только преходящее».

Это спорная позиция. Но Кант продолжал: «Музыку характеризует определенное отсутствие тонкости манер – главным образом из-за характера своих инструментов она распространяет свое действие дальше желаемого (на окружение) и таким образом навязывает себя, нарушая свободу тех, кто не относится к музыкальному обществу. Искусства же, воспринимаемые визуально, этого не делают, поскольку тому, кто не хочет оказаться под их воздействием, достаточно просто отвести взгляд. Это почти то же, что и наслаждение парфюмом, который распространяется во все стороны. Тот, кто достает из кармана надушенную перчатку, дает знать об аромате всем вокруг себя, хотя бы они того или нет, и заставляет окружающих, которые хотят дышать, испытывать то же наслаждение, в связи с чем это и вышло из моды».

«Еще недавно, – продолжает Умберто Эко, – я бы не согласился с этим. Толковать музыку как эстетическое малоценное явление из-за того, что она мешает соседям, означало бы отрицать ценность оперы Верди «Аида» на сцене под открытым небом – ведь те, кто живет рядом, вынуждены слушать ее, хотя бы они того или нет. Но, с другой стороны, в Милане я живу в таком районе, где каждое публичное мероприятие сопровождается рок-концертом, который длится до раннего утра. Поэтому и я начинаю думать, что Кант даже мог быть в чем-то прав».

Что можно было раньше и сейчас сказать по поводу такой позиции? Мне кажется, что, соглашаясь с И. Кантом, я могу в то же самое время оставаться при своем мнении. Свойство музыки, о котором писал великий философ, объективно ей присуще, что не означает неспособность человеческого сообщества реагировать на это свойство в соответствии с актуальными запросами и возможностями. К тому же нельзя отождествлять музыку, под которую даже растения цветут, с той, которая вызывает увядание живых организмов. Мой разговор только о первой. Именно признавая высокую эстетическую ценность такой музыки, необходимо ее охранять от

ненадлежащего использования, чтобы не плодить музыконенавистников.

Такие возможности имеют технический и юридико-управленческий аспекты. Не стоит путать саму музыку с использованием технических средств и юридических правил ее распространения. Это вопрос экологической безопасности человека. По сути, мы имеем дело с беспредельной по своим масштабам психологической ситуацией, которая при определенных условиях может приобретать проблемный характер. Она заключается в воздействии на человеческую психику разных внешних источников. Музыка и произведения художественного искусства — только одни из видов таких источников.

Оперный театр «Лисео» в Барселоне 22 июня 2020 года дал первое представление после карантина. «Зрителями» были 2292 комнатных растения, их расставили по всем местам в зрительном зале. Струнный квартет сыграл для растений миниатюру «Хризантемы» Джакомо Пуччини. После концерта растения раздали врачам

Мой давний приятель Арнольд Балоян как-то рассказал об одной своей командировке, когда в гостинице ему удалось раздобыть место лишь в номере на двух персон. Войдя в помещение, он услышал вопрос находившегося там постояльца:

— Вы храпун?

— Нет, — ответил Арнольд, — я Балоян!

По своей природе боязнь храпа сродни неприятию музыки, если она в данный момент излишня или, тем более, если она раздражает и угнетает человека. Но искусственно могут быть созданы условия, при которых воздействие на психику человека через его зрительное восприятие может оказаться не менее навязчивым и раздражительным, чем испытание звуком. Во время Гражданской войны в Испании франкисты применяли такой способ пыток, когда человека помещали в камеру, стены которой были размалеваны абстрактными изображениями контрастных цветов, а электрическая лампа светила постоянно. Для жертв это было с трудом переносимым испытанием.

Рассказ восьмой
МОИ ЛАГЕРЯ

8.1. Рабис

Слово «лагерь» для советского человека контрастно многозначно. Используемое как существительное без прилагательных, оно может означать очень многое.

Моя судьба складывалась таким образом, что при опасности в ряде случаев оказаться за колючей проволокой мне все-таки удалось избежать личного пребывания в лагере как инструменте репрессивной системы государства. А ведь ходил, что называется, по лезвию бритвы. И тогда, когда освистал доклад Сталина на уроке конституции, и при изготовлении нелегального журнала. А возможно, пришли бы статью и за организацию акции протеста в школе. Известно, что сажали даже за менее значительные провинности.

Тот лагерь, о котором здесь пойдет речь, назывался пионерским и стал органичной частью моего бытия в течение многих лет не только в Ленинграде, но и в Таллинне. Общий срок по естественным причинам может быть разделен на две части: пребывание в роли подопечного и работа в качестве пионервожатого-воспитателя.

Мы знаем: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы заполняете его.

Эта мысль, талантливо ясно сформулированная Самуилом Яковлевичем Маршаком, не давала покоя каждый раз, когда наступала пора летних каникул.

После завершения учебы в пятом классе на вопрос, куда деваться, сначала ответа не было. Но вскоре папа сказал, что ему на лето предложили стать музыкантом в пионерском лагере профессионального союза работников искусств (Рабис) в городе Павловске. Он согласился за-

нять эту должность с весьма неопределенными обязанностями при условии, что ребенку будет обеспечена на все три смены бесплатная путевка. Готов ли я к такому варианту летнего времяпрепровождения?

Упоминание о Павловске уже вызывало надежду соприкоснуться с чем-то необыкновенным, о чем было известно из довоенных рассказов взрослых

Днем основания города Павловск считается 12 декабря 1777 года. В это день у великого князя Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны родился сын Александр (будущий император Александр I), и в честь рождения внука императрица Екатерина II подарила его родителям земли, расположенные вблизи Царского Села, по берегам реки Славянки. Вскоре здесь начались работы по строительству дворца и созданию парка. Среди работавших в Павловске архитекторов были такие знаменитые мастера, как Чарльз Камерон, Джакомо Кваренги, Андрей Воронихин, Карл Росси и Пьетро Гонзаго.

Еще до войны папа как-то брал меня с собой, когда ходил по делам в Рабис, контора которого размещалась на бульваре Труда. Там толпились люди, в основном мужчины, они громко разговаривали, курили, смеялись. Папу окликали какие-то знакомые лабухи, обнимали его, шутили, а увидев меня, сообщали, подмигивая, что сын подозрительно не очень похож на своего создателя. Мне такая атмосфера очень нравилась, поскольку чем-то напоминала персонажей только что появившегося фильма «Веселые ребята». От кино все, не только я, были в восторге. Детская фантазия тут же рисовала забавные сцены. Вот мужчины в шляпах достают ранее спрятанные где-то инструменты, зажигательно играют Дунаевского, потом ссорятся, дерутся, но все это происходит под непрекращающуюся музыку, которую исполняют лабухи, не участвующие в музыкальном побоище. Короче, слово «Рабис» ассоциировалось с чем-то взрывным, веселым и свободным.

У меня уже был лагерный опыт, полученный до войны в «Красных стругах» под Ленинградом и во время войны в каком-то местечке рядом с Казанью. Если не считать мокрых простыней и матрацев, то полученные там впечатления неприятных воспоминаний не вызывали и лагерные порядки меня устраивали.

Знаю, что есть ярые ненавистники пионерских лагерей. Они считают, что детей в лагерях духовно калечили, пытались делать из них идеологических роботов, заставляли непосильно заниматься физическим трудом на колхозных полях и по уборке лагерной территории. Более того, лагеря научали лексике и повадкам шпаны, так как состав детворы часто оказывался весьма разношерстным.

Не скрою, все это было или могло быть. Но ведь было и так, что многих тянуло к этим центрам детского общения. Романтика походов, костров, например. В песенке первых пионеров такой дух передавался довольно точно.

Расскажите-ка, ребята-бята-бята-бята,
Жили в лагере мы как, как, как
И на солнце, как котята-тятя-тятя-тятя,
Грелись эдак, грелись так-так-так.

Наши бедные желудки-лудки-лудки-лудки
Были вечно голодны-ны-ны.
И считали мы минутки-нутки-нутки-нутки
До обеденной поры-ры-ры.

Дым огня, углей сиянье-янье-янье-янье,
Белый пепел и зола-ла-ла
Дразнят наше обонянье-нянье-нянье-нянье.
Дух картошки у костра-тра-тра.

Здравствуй, вкусная картошка-тошка-тошка-тошка!
Низко бьем тебе челом-лом-лом.
Даже дальняя дорожка-рожка-рожка-рожка
Нам с тобою нипочем-чем-чем.

Ах, картошка объеденье-денье-денье-денье,
Пионеров идеал-ал-ал.
Тот не знает наслажденья-денья-денья-денья,
Кто картошки не едал-дал-дал.

Существовали, конечно, и другие аргументы в пользу пионерских лагерей. Понятно, что каждый лагерь имел свое лицо. Это зависело от очень многих обстоятельств и было, пожалуй, решающим в противостоянии сторонников и противников лагерного дела. У меня колебаний не было. Решение было принято сразу же: еду!

Когда первую смену автобусами доставили к месту назначения, оказалось, что не все помещения каменной школы, где должен был находиться лагерь, готовы к приему детей. Было велено часок переждать на солнечной полянке. Я держался поближе к музыканту, а он, устроившись на пеньке, заиграл популярный мотив, кажется, «Песню о веселом ветре» Дунаевского из кинофильма «Дети капитана Гранта». Вокруг собралась толпа ребят. Сыгран уже первый куплет, а никто не поет. Меня как прорвало. Обидно было за папины напрасные старания завлечь массу в какое-то занятие, в данном случае — в пение. Вскочив на ноги, я заголосил второй куплет и стал размахивать руками, как бы дирижируя несуществующим хором. К моей радости, раздались еще какие-то голоса, потом еще, еще и еще. Из аморфной молчаливой массы сложилось относительно организованное и подчиняющееся командам сообщество девочек и мальчиков, извергающее из себя требуемые звуки. Дело не ограничилось одной песней, а когда была дана команда разместиться в комнатах, ребята уходили «через не хочу».

Очевидно, моя стихийная активность была замечена кем-то из руководителей лагеря. Через пару дней при формировании пионерского актива начальником лагеря моя кандидатура была предложена на место заместителя председателя штаба пионерской дружины. Позже, во второй смене, меня приподняли на ступень выше и сделали

начальником. Возможно, учли информацию, полученную из школы. Не все три лагерных года мне пришлось «начальствовать». Был как-то одну смену заместителем Оли Пигулевской, девочки толковой и решительной. Командовать — не в моей натуре. Но лишь бы кому подчиняться я тоже не мог. Главное, что, занимаясь всякими общезначимыми делами, делаешь свое существование интереснее. Иногда же, когда что-то получается, приятно осознавать свою полезность.

Вспомнил забавный эпизод. Я в лагере второй год, торжественное построение всей дружины по поводу начала сезона. Начальник лагеря с трибуны через мегафон зачитывает свой приказ о назначении начальником штаба дружины Юзефа Лившица. Нахожусь в строю отряда № 2 (всего 10 отрядов, сформированных по возрастному принципу по убывающей степени от старшего возраста к младшему). Раздается команда:

— Юзеф Лившиц, три шага вперед!

Делаю, что приказано. Раздаются аплодисменты. Многие ребята знакомы по прошлогодним сменам. И вдруг — взрыв хохота. Из самого младшего отряда три шага вперед делает какой-то малыш. Начальник спрашивает:

— Как твоя фамилия?

— Лившиц (правда, «ш» плохо выговаривается).

— А имя?

— Юзик!

— Ты хочешь быть начальником дружины?

— Хочу!

— Ну, тогда подрасти немного, и мы посмотрим!

В паханах я не ходил, но отношение к себе со стороны ребят испытывал хорошее. Были эпизоды, явно способствовавшие закреплению авторитета.

Как-то в ленинградской газете «Ленинские искры» появилась статья ее корреспондента, в которой упоминалось мое имя. В ней рассказывалось о чрезвычайном происшествии в лагере. Все отряды и руководство находились в походе. Оставалась дежурная команда, которую я должен

был возглавлять. Неожиданно в коридоре второго этажа раздался звук, подобный взрыву, и возник сильный шум. Трое дежурных, включая меня, кинулись к этому месту и увидели поразившую их картину: из трубы стояка бурным фонтаном хлестала водопроводная вода, заливая все помещение. Деревянная пробка, ранее затыкавшая отверстие в трубе, не выдержала сильного давления и была выбита, отлетев к противоположной стене. Один из дежурных помчался сообщать о случившемся, оставшиеся же вдвоем предприняли попытку вернуть пробку на место.

Это не могло получиться по природе вещей. Требовалось сначала перекрыть воду, а потом восстанавливать *status quo*. Но как это сделать, мы не знали. Напор воды чуть не сшибал с ног. Мой напарник крикнул, что больше у него нет сил. Тогда я послал его в спальню за подушками, а сам, обливаемый холодным «душем Шарко», упрямо стремился воткнуть пробку в отверстие. Воды в коридоре было уже почти по щиколотку. Появились подушки. Ими мне удалось приглушить поток, но держать их было непросто. Пришлось налечь на них грудью, вцепившись двумя руками в трубу. Вскоре подоспела подмога из обслуживающего персонала, а потом и пожарники, ликвидировавшие аварию.

Заседание штаба дружины пионерлагеря

В лагере «Рабис» я провел три неполных лета подряд. Что в какой год происходило, сейчас различить не могу. Главное — это время оставило в душе глубокий след. Были походы, костры, военные игры, карнавалы, спартакиады, встречи с интересными людьми. Посчастливилось окунуться в творческий раствор, настоящий на семьях из мира искусства. Гостями лагеря были знаменитый художественный руководитель ленинградского театра юных зрителей профессор Брянцев, театральные режиссер Массинзон, педагог-балерина из Вагановского училища, приезжали на встречу с ребятами музыканты и актеры.

Часто попадались и дети из этого мира. Ученики музыкальных училищ, хористы Государственной капеллы (в учебное время они находились на государственном обеспечении и даже жили не в семьях, а в пансионе), ребята, уже побывавшие на сценических подмостках, в том числе ученики хореографического училища. Некоторые, став взрослыми, получили всесоюзную известность. Такая судьба сложилась, скажем, у Лени Кожевникова, который снялся во многих кинофильмах («Неподдающиеся» с Надеждой Румянцевой и Юрием Беловым и т. д.). Как-то во время московской командировки я встретил взрослого Леонида на улице. Он весь сиял — только что получил сообщение о присвоении звания «Заслуженный артист республики».

Начальник пионерлагеря Николай Владимирович Коротков привлекал внимание уже своей внешностью. Подтянутый, всегда гладко выбритый, мускулистый, загоревший, в белых, тщательно отглаженных брюках, такого же цвета сорочке и обуви, он появлялся на пионерской линейке как небожитель. От него нельзя было оторвать глаз. Начальник шел строевым шагом в сопровождении физрука, одетого в такой же стиль, дяди Миши Хохотая (кличку ему дали ребята за веселый характер), поднимался на трибуну, молча оглядывал замерший в почтении строй пионеров и произносил здравицу в честь начала нового дня жизни. Ему было, кажется, немного за

тридцать. За плечами — спортивное прошлое, гимнаст. Во время лагерных спартакиад они вместе с дядей Мишей, тоже гимнастом, устраивали показательное выступление по художественной и спортивной гимнастике, и это было впечатляющее зрелище. Руководил он лагерем как-то ненавязчиво. Кроме как на утренних линейках и лагерных мероприятиях он не был виден. Но дело делалось и весьма успешно. Очевидно, большую роль играл умелый подбор воспитателей, вожатых, обслуживающего персонала.

Вот уж кто был постоянно на виду, так это старшая пионервожатая. За три лета на этой должности побывал не один человек, но в памяти осталась лишь Роза Абрамовна Сирота.

Не могу сказать, чтобы она была красавицей. Еврейская девушка невысокого роста, остроносенькая, брюнетка, с вьющимися волосами. В области пояса — как в том случае, когда портной, обмеряя заказчицу, говорит: «Здесь 90, здесь 90, здесь 90. А где будем талию делать?» Но стоило ей заговорить, как она преображалась и хорошела до неузнаваемости. Умница, литературный слог, богатейший словарный запас, энциклопедическая эрудиция, четкая дикция, доброжелательность к собеседнику. Тогда она вроде бы училась на режиссера в Ленинградском театральном институте. Позже, как я слышал по радио и читал в газетах, стала сподвижницей Георгия Александровича Товстоногова — одного из крупнейших режиссеров того времени, имя которого сейчас носит Большой драматический театр (БДТ) в Санкт-Петербурге. Поставленные ею спектакли в ленинградском Ленкоме (когда там главрежем был Товстоногов), а позже — в БДТ, руководимом им же, снискали ей известность как талантливой ученицы Георгия Александровича.

В «Рабисе» от нее исходила инициатива практически всех художественных акций. Причем это был не тот вариант, когда инициатива наказуема. Она с удовольствием (это было видно невооруженным глазом) уходила в дело, будь это подготовка и организация проведения лагерно-

го карнавала или родительский день, к которому обычно ставился какой-нибудь забавный спектакль. Например, родители, аплодируя, долго не отпускали со сцены участников постановки пьесы Михаила Светлова о молодом красноармейце, участнике Гражданской войны, влюбленном в образы «Трех мушкетеров» Александра Дюма. По ходу действия мы там пели песню на слова автора пьесы:

Веселее, друзья, смотрите!
 Первым делом – не умирать!
 От студенческих общежитий
 До бессмертья рукой подать.
 Нам останется вечно дорог
 Этот круг молодых ребят.
 Старость нас не застанет в сорок,
 Лишь покажется в шестьдесят.

Сейчас, когда мне уже очень много лет, вспоминая светловскую песню, невольно думаю о том, что все-таки для многих моих современников, с которым общаюсь, возрастные вехи заметно сдвинулись намного вперед по сравнению с тем, что считалось нормой в послевоенные годы.

Пожалуй, самым большим творческим событием стала работа над спектаклем, сценарий которого сочинила сама «старшая». Он был посвящен истории комсомола. Никакого популяризаторства и конформизма, как сейчас может показаться многим циничным либералам! Клокотали искренние чувства, вера в торжество героизма и справедливости. Началась работа. Она велась почти каждый день и потребовала много усилий. Премьера в лагере прошла на ура. Когда наступила осень, с этой постановкой наш коллектив трижды выступал на ленинградских сценах, в том числе в Театре юного зрителя на Моховой улице, и всегда с успехом.

Название «монтаж», которым мы поименовали наше дело, не совсем точно отражало его сущность и уровень,

по крайней мере, в восприятии самих его творцов. Смонтировать можно что угодно. Поэтому слово «монтаж» ассоциируется больше со сборным концертом, по ходу которого ведущий соединяет вместе отдельные номера разных артистов, чем с уникальным творческим произведением. В данном же случае имела место постановка, созданная и вдохновенно исполняемая небольшой группой детей от начала и до конца. Мы рассказывали об исторических событиях, были драматическими актерами в инсценировках литературных произведений, выступали как чтецы, пели хором, участвовали в пантомимах, были танцорами.

Например, рассказчик говорил:

– В тихом украинском городке, куда едва докатывалась волна могучего революционного движения, рос босоножий мальчишка...

И дальше следовала сцена, созданная по роману «Как закалялась сталь» Н. Островского, о встрече гимназиста Лещинского с Павкой Корчагиным на берегу реки во время рыбалки. Оба они влюблены в Тонечку Туманову. На этой почве происходит столкновение. Но за ревностью скрывается классовая неприязнь, перерастающая в ненависть Павки к этой сытой, чужой для него жизни, которую олицетворяет Лещинский. Во время одной из репетиций Ленька Халифман (Павка), проникнувшись чувствами своего героя, так врезал в челюсть Лещинскому, что тот не театрально, а по-настоящему свалился в канаву. Роль Лещинского досталась мне.

(Хочу заметить, что, если бы при распределении ролей учитывалось социальное положение артистов, то все надо было сделать с точностью наоборот. Ленин отец был директором Ленинградской филармонии и по тем временам весьма состоятельным человеком.)

По ходу действия хором исполнялась написанная в трагедийном ключе очень мелодичная песня В. П. Соловьева-Седого «Это было в Краснодоне», которая предвзяла, исполняя роль пролога, сцену по роману Александра Фадеева «Молодая гвардия»: заседание штаба организа-

ции. Олег Кошевой (играемый мной) произносил монолог о маме, вставленный в основную сцену в виде, как говорят киношники, «наплыва». Звучала «Элегия» Массне, на которую органично ложился поэтический текст романа, что производило сильное впечатление, вызывая у зрителей слезы.

Лёня и Юзеф в лёжку

В родительской комнате на этажерке долгое время лежало несколько дорогих мне книг в красивых обложках, в которых на титульных листах были закреплены дарственные слова подписями начальника пионерлагеря «Рабис» Н. В. Короткова и старшей пионервожатой Р. А. Сироты и скрепленные печатями. За руководство пионерской дружиной лагеря, за создание образа Олега Кошевого в спектакле о комсомоле, за костюм мушкетера, получивший первую премию жюри карнавала.

В один из летних сезонов воспитателем отряда, где я числился, работал бывший фронтовик, которого мы звали Германом. Хотя он был инвалидом войны (один глазной протез и парализованная рука), но пользовался успехом у женщин. Такой опыт давал ему бесспорные основания вести просветительную работу среди мужского слоя отряда. Точнее говоря, приближенной к воспитателю части. Он был далек от чтения лекций по сексологии (о таковой едва

ли кто знал в те годы), а просто рассказывал эпизоды своей жизни, как фронтовой, так и после таковой. Причем ни намёка на пошлость. О женщинах речь шла в самых возвышенных и романтических тонах. Встречи же с дамами он ни в коей мере не преподносил как свои победы. Все, что мне по этой тематике было известно от алмаатинских воров и из отрывочной информации от других парней, преподносилось при помощи нецензурной лексики и похотливых образов. Тут же рассказ велся о существенной стороне жизни мужчины и о важности сохранения достоинства каждой из сторон отношений.

Другое, чем запомнился Герман, это рассказами о Павле I, его дворце, недалеко от которого находился наш лагерь, и о городе Павловске. Следы войны еще кричали о себе. Здание дворца беспомощно смотрело на нас разбитыми окнами, за которыми угадывались развалины дворцовых помещений. Туда ходить нам было категорически запрещено под страхом исключения из лагеря. Единственным напоминанием о прежней дворцовой роскоши служила беседка, стоявшая в парке на берегу речки Славянка. Это было излюбленное место встреч и отрядных мероприятий. Настоящее название этого изящного сооружения — Павильон трех граций.

Он был создан в 1801 году по проекту архитектора Камерона. Автор спроектировал павильон в виде античного портика, опоясанного шестнадцатью колоннами ионического ордера, которые поддерживают легкий кессонирован-

ный свод. Рельефы во фронтах, выполненные по рисункам известного скульптура И. П. Прокофьева, изображают Аполлона со стороны Собственного садика и богиню мудрости Минерву – со стороны городской улицы. Вскоре после сооружения павильона в 1803 году в центре его появилась мраморная скульптура «Три грации», созданная видным ваятелем тех лет Паоло Трискорни. Прекрасные женские фигуры поддерживают стоящую на колонне вазу; они стройны, полны поэзии и гармонии, как и весь павильон.

Если память мне не изменяет, в павильоне три грации еще не были восстановлены на своем месте, что и давало нам основание называть этот архитектурный уникум просто беседкой. Все колонны были испачканы надписями о любви кого-то к кому-то и извещениями о том, кто и когда в беседке побывал.

Еще одна старшая вожатая по имени Зарина (она видна на предыдущем фото) запомнилась своим отцом. Оба они были коренными ленинградцами, но кавказских кровей. Он — лектор-международник, дважды приезжал в наш лагерь. Рассказывал интересно, сталкивая лбами аргументы противоборствующих сторон международных конфликтов. Конечно же, «наши» позиции всегда были справедливы и благородны. Но такой метод чтения лекции с точки зрения тогдашней идеологии таил некую опасность, так как открывал простор для размышлений. Я слушал и думал, что, может быть, когда-нибудь и мне удастся таким же образом вызывать интерес людей к своей деятельности.

В лагере завязывались знакомства, которые могли бы иметь продолжение и в последующее время, но как-то не получалось.

Поступило приглашение в гости к Оле Пигулевской, которая была в «Рабисе» председателем совета дружины, а я считался ее заместителем. Она жила в отдельной большой квартире на улице Салтыкова-Щедрина вместе с братом, мамой и бабушкой. Бабушка — ученая, профессор-биолог, член-корреспондент АН СССР — была

предметом понятной гордости внучки. В квартире на день рождения Оли собрались какие-то пижонистые девчонки и парни. В пионерлагере разница в социальном статусе не чувствовалась. А тут мне показалось, что кто-то презрительно оглядывает мою одежду и обувь и удивляется, как такой тип мог попасть в их компанию. Пробыв полчаса, я с облегчением покинул этот дом, чтобы больше никогда туда не приходиться.

Другой случай свел меня с младшим братом знаменитого Марка Тайманова, шахматного гроссмейстера с мировым именем и профессионального пианиста. В квартире родителей, находившейся в доме рядом с Мариинкой и консерваторией, было много всякой всячины. Тут тебе и концертный рояль, и бильярдный стол, и детская, заваленная всевозможными заводными игрушками, и стеллажи с хорошими книгами. Опять возникло то же самое ощущение.

8.2. Воспитатель

Мое пионерское лето материально родителей не обременяло. Но когда тебе уже пятнадцать лет, прикидываться пионером, уже как год являясь комсомольцем, не к лицу. Можно попытаться сделать свой вклад в семейный бюджет. Пробыв две смены в лагере «Рабис», на последнюю смену я устроился отрядным пионервожатым в другой лагерь. Юридически заняться такой деятельностью было нельзя: ответственная работа с детьми предполагала, что их руководителями и воспитателями должны быть взрослые люди. По крайней мере, надо было обладать паспортом, который выдавался с шестнадцатилетнего возраста. Но папин знакомый аккордеонист Костя Орден, работавший в одном из лагерей, сказал, что им нужен вожатый и он все устроит. Так и получилось.

Мне достался отряд малышей. Ответственность за крох возлагалась на двух человек: воспитателя и вожатого. Вожатый был меня постарше — курсант-дипломник Высшего мореходного училища им. Макарова. Ему надо было готовить дипломный проект, делать чертежи, производить какие-то вычисления, писать текст, что отнимало много времени. К тому же его молодая супруга была поблизости, являясь вожатой другого отряда, а это обстоятельство увеличивало занятость моего коллеги еще в большей степени. Короче говоря, ему некогда было заниматься подопечными, и основная нагрузка свалилась на меня.

К этому надо было привыкнуть. Малышня была народом привязчивым. В буквальном смысле детишки часто повисали на мне, как гроздь винограда. Днем с удовольствием мы ходили в недалекие походы по окрестностям. Проводили время в состязаниях, играя в футбол, бросая шишки в цель, бегая наперегонки. Бывало, устраивали костры в отведенном для этого месте. Разучивали песни.

В лагерной военной игре младшему отряду было отведено свое место. Он шел в наступление на противника, рассыпавшись по поляне, с криками перескакивая через кочки, падая, поднимаясь, ползя по земле, шмыгая соплевыми носами, плача, смеясь, и вожатый делал то же самое. Потом другие воспитатели высказывали удивление, зачем была нужна такая непосредственность. Мне же очень хотелось, чтобы малыши получили удовольствие, но сердце сжималось от одной только мысли, что кто-нибудь из них получит травму. Я был обязан быть рядом.

Перед сном в палате я рассказывал им или читал сказки. Порядки были строгие. Тот, кто после сигнала отбоя начнет разговаривать, считался нарушителем дисциплины. Поэтому проходя по палате, вожатый тихим голосом командовал: «Кто спит, поднимите руки!» Лес рук. Меня душил смех, но его надо было подавлять и казаться строгим.

Самым неприятным делом оказалось самообслуживание. Надо было выносить на просушку подмоченные постельные принадлежности, заставлять детей тщательно заправлять свою койку, убирать отведенный нам участок территории. В этих занятиях энтузиазма замечено не было. Многие от работы отлынивали. Я им цитировал слова дагестанского поэта Сулеймана Стальского:

Гоните прочь злодейку лень!
Встречайте песней каждый день,
Чтоб тень от солнца, как олень,
Скакала к вам, резвясь, ребята.

Не помогало. Гонителей злодейки лени находилось мало. Как еще убедить или принудить заниматься неприятным занятием, я не знал. Поэтому убранные постели и чистая территория оказывались в значительной мере плодом моих собственных усилий. На это уходило много времени.

Конечно, вне забот об основном занятии тоже кое-что происходило.

Однажды в столовой скисло молоко. Сделали простоквашу. Начальник лагеря был любителем этого напитка. Я предложил ему пари. Он справился с десятью стаканами, я — с одиннадцатью. Хорошо, что у него был отдельный WC. Иначе пришлось бы соревноваться дополнительно по забегу на короткую дистанцию.

Завязывались какие-то амурные отношения. Две разнополые особи из преподавательского состава покувыркались в стоге сена, и она потеряла там головку для завода ручных часов. Я подключился к поиску, обнаружил искомый предмет и получил в благодарность маленькое фото хозяйки часов. На нем было написано, что изображенное лицо надолго запомнит нашу встречу на стоге сена. Папа, обнаружив это фото, перепугался, что может обзавестись внуком, и страшно на меня рассердился. Как мне удалось развеять его подозрения, не помню.

Другая воспитательница, лет на десять старше меня, высокая и длинноногая, вдруг как-то в частном разговоре назвала меня своим мужем и сказала, что я обязательно ночью должен к ней явиться. На мой ответ, что в это время лучше спать одному, чтобы избавиться от усталости, навалившейся на меня за рабочий день, она фыркнула и убежала. Потом я видел, что она ходила с каким-то подростком из старшего отряда и иногда ласково именовала его своим супругом.

Поскольку из всех работающих в лагере мой возраст был минимальным, то имевшиеся в лагере училки средних лет оберегали меня от соблазнов. За комнатой, где я жил, был установлен негласный надзор, и как только поблизости появлялась какая-то девица, на ее пути возникал грозный страж моей непорочности.

В родительский день, когда в лагере настоящий бедлам, в дверь моей комнаты раздается стук, и на пороге возникает красивая девчонка. Она приносит извинения за вторжение, но хочет узнать у меня о своей младшей сестренке. Попутно сообщает, что первые две смены пребывала в старшем отряде, а сейчас обо мне наслушалась

хороших отзывов. К тому же сестренка не сумела расправиться с привезенными ей продуктами питания и не хочет принимать новую партию. Поэтому пришедшая очень просит меня взять себе эту провизию как подарок. Не слушая возражений, деловито пристраивается на кровати, вскрывает банку сгущенки и, переходя на «ты», говорит, что любит кормить сестричку «с ложечки» и хочет проделать это со мной как с очень понравившимся ей парнем. Оказывается, сестренка во время кормежки кладет ей ручки на обнаженные колени, что следует сделать и мне.

Не успеваю опомниться от такого напора, как в комнату врывается одна из моих непрошенных охранниц. Ее глаза сверкают гневом. Выкрикивая грозные слова, она требует, чтобы потаскуха немедленно покинула комнату. Оказывается, «кормилица» за время нахождения в лагере успела оставить о себе дурную славу как нимфетка, совратительница парней. Правда, никаких жалоб от несчастных жертв разврата не поступало.

Невинный и невиновный, я выскакиваю из дома, чтобы подышать свежим воздухом.

8.3. Чекист системы Раппопорта

Следующая встреча с лагерем произошла год спустя. Мы устроились на работу вожатыми вместе слевой Аншилевичем. В общем, что касается предмета трудового договора, ничего особенно нового не произошло. Те же типовые мероприятия, то же отвращение от уборки постелей и территории, те же заботы и страхи, касающиеся детей.

Но, конечно, мы оказались в окружении других людей, занятых воспитательным трудом и трудом по обслуживанию, приобрели новый жизненный опыт и наблюдения.

Поселок Тарховка, где располагался лагерь, имел свою железнодорожную станцию, куда педсостав и иной состав время от времени наведывался. Причина заключалась не в непреодолимом желании встречать и провожать поезда, что в оные времена было свойственно, как показывают в кино, обитателям провинциальных поселений. Нас притягивало небольшое строение грязно-голубого цвета, которому народ поселка присвоил имя «Голубой Дунай». Там было накурено, шумно, но главное — продавались увеселительные напитки и полагающаяся к ним скромная закуска.

Войдя в зальчик, мы слевой заметили за одним из столиков лагерного физрука и подсели к нему. Спортсмен был уже хорош. Он стал повествовать о прошлой жизни, которая, как оказалось, у него была связана с контрразведкой. Себя рассказчик называл не иначе как «чекистом системы Раппопорта». Что это за система, понять было невозможно. Но выяснилось, что у «шефа» был свой метод приема на работу новых сотрудников. В частности, для него святы были слова Ф. Э. Дзержинского, что «у чекиста должна быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки». Способность всегда иметь холодную голову устанавливалась, в частности, через противоалкогольную закалку организма. Сколько бы и чего бы чекист ни вы-

пил, он должен сохранять способность, как говорят юристы, отдавать отчет в своих действиях и руководить своими поступками.

Экс-чекист предложил нам проверить свои ресурсы. Для этого надо выпить по три кружки пива, влив в них по сто грамм водки. Такой коктейль называется «ершом». Половину расходов он готов оплатить. Немного поколебавшись, мы все-таки решились на испытание. Оказалось, что для работы в органах ни тот ни другой неспособен. Результат эксперимента был катастрофическим. Особенно для Левки, в отличие от меня почти не имевшего опыта потребления алкоголя. Двое юношей двигались в сторону лагеря, заплетаясь ногами, падая, выползая из грязи, вставая на четвереньки, а когда выпрямлялись, то образовывали фигуру из двух пизанских башен, крышами опирающихся друг на друга. В комнате мне пришлось держать товарища за ноги, так как он не мог сделать ничего иного, как лечь животом на подоконник и извергать на природу все содержимое чекистского экзамена.

В этой комнате нас проживало трое. Третьим являлся воспитатель одного из отрядов Саша Попов. Боксер, кандидат в мастера спорта, он объяснял несмышленышам-соседям, чем хук отличается от апперкота. Но прославился он не этим. Если бы нормы приличия позволяли, то Сашка мог бы получать солидные гонорары как эстрадный актер. Но увы! Издавать звуки задним местом на людях непозволительно. А именно в этом деле наш сосед был виртуозом. Он мог устраивать концерт по заявкам в любое время. Звуки точно соответствовали рисунку мелодии, меломан-слушатель мог без труда отличить одну песню от другой.

8.4. Кое-что вдобавок

*Начальник пионерлагеря
Захар Гинзбург с любимой
старшей вожатой Риту-
сей*

Моя лагерная эпопея продолжалась и в последующее время. В студенческие годы мы вместе с Ритусей работали в лагере, находившемся в Прибытково, которым управлял педагог макаренского типа, обожаемый всеми управляемыми Захар Гинзбург.

Уже проживая и работая в Таллинне, мне трижды приходилось исполнять роль воспитателя в пионерлагере завода «Двигатель», который находился в Вяэна-Йыэсуу. Последний раз это случилось летом 1975 года, накануне защиты докторской диссертации.

Доцент Таллиннского политехнического института пребывал тогда в творческом отпуске как преподаватель, находясь на должности старшего научного сотрудника, готовящего докторскую диссертацию. Зарплата за мной сохранялась, но в меньшем размере. А деньги были нужны, поскольку защита связана с кое-какими расходами.

Я написал монографию по теме диссертации, которую отдал в республиканское издательство, а полученный гонорар намеревался использовать на диссертационные дела. Но случилась накладка. Формулировка темы публикации была включена в план научной работы кафедры, что лишало меня возможности получения платы за публикацию.

Чтобы заработать деньги, я нашел лишь один выход: пионерский лагерь, где и проработал две смены.

Уже осенью благородная завкафедрой Клара Халлик, узнав о моей проблеме, сделала документ, в котором плановая научная работа именовалась иначе, чем монография. Благодаря этому научная публикация дополнительно к зарплате воспитателя пионерлагеря позволила по достоинству отпраздновать превращение кандидата в доктора наук.

8.5. Армеец

Рассказ о «моих лагерях» был бы незавершенным, если бы я не вспомнил военный лагерь. Пребывание студентов в военном лагере входило в систему их обучения военному делу. Во многих вузах страны работали военные кафедры, готовившие будущих офицеров из числа студентов мужского пола.

Государство, в конституции которого закреплена обязанность службы в армии, сталкивается с противоречивой ситуацией. С одной стороны, коль такой обязанности придан конституционный статус, она должна быть всеобщей и лишь болезнь или другие очень особые обстоятельства могут претендовать на то, чтобы считаться основаниями для исключения из общего правила. Служба в армии становится обязанностью совершеннолетних мужчин.

Однако достижение такого возраста обычно означает окончание средней школы и использование в соответствии с конституционным правом на образование возможности продолжить обучение в высшей школе для приобретения специальности с высоким уровнем квалификации. Разные сферы жизнедеятельности общества не могут функционировать без специалистов с высшим образованием. Таким образом, в мужчинах одного и того же возраста нуждается и армия, и народное хозяйство, понимаемое в широком смысле.

В те годы срок армейской службы был довольно длительным (5 лет, а на морском флоте — 7). Если бы всех выпускников средней школы забирали в армию, то народному хозяйству был нанесен невосполнимый ущерб. Военное дело в вузах стало компромиссным вариантом разрешения указанного противоречия. Причем, на мой взгляд, не очень продуктивным.

В Ленинградском юридическом институте военную кафедру возглавлял генерал-майор Порчанский (фамилия

изменена). Он же и вел у нас занятия по этому предмету. Странно было видеть старика в генеральских погонах, делавшего то, с чем мог вполне справиться обычный сержант (например, разборка и сборка стрелкового оружия, его чистка). Вместо того чтобы на генеральском уровне объяснять будущим офицерам воплощенные в уставах концептуальные основы организации армейской службы, преподаватель заставлял нас бездумно зубрить параграфы этих законов армейской жизни. Вместо анализа на конкретных примерах прошедшей войны тактики отдельных операций в масштабах взвода или роты в лучшем случае сообщались известные по газетам фактические данные о некоторых крупных сражениях. Заметно, что при формировании преподавательского состава военных кафедр командование руководствовалось принципом «на тебе, Боже, что мне негоже». Потом, вспоминая уроки военного дела, я невольно примерял к ним высказывание одного из литературных персонажей романа Эльзы Триоле «Незванные гости», адресованное французскому генералу: *«За годы военной службы серое вещество его головного мозга превратилось в неразбиваемый гранит».*

После окончания второго курса студенты были направлены в военный лагерь в предместьях Ленинграда. На поле располагалось десятка три брезентовых палаток, каждая из которых вмещала порядка восьми-десяти человек. Моя палатка была не первой свежести, и, находясь в ней во время дождя, надо было бы прикрываться зонтом, если бы такой был. Одели нас в солдатскую амуницию, включая кирзовые сапоги, представили командира роты — старшего лейтенанта, командира взвода — сержанта, некоторых других начальников, имевших к нам косвенное отношение, и солдатская житуха началась. Общий срок закрепления военных познаний в полевых условиях и проверки способности переносить физические трудности составлял один месяц.

Первая треть этого времени, как и должно было быть, оказалась наиболее тяжелой. По утрам — физзарядка с

приличной нагрузкой, пробежка на пару километров в сапогах. После скудного завтрака начинались учения. По содержанию учеба была нацелена на подготовку солдата, а не офицера. Все, что ни делалось, предполагало лишь послушание, что в армии, разумеется, необходимо, но ни в коей мере не требовало сообразительности и умения управлять людьми, принимая решения в боевой обстановке.

Не бравый и правый

Однажды на завтрак вместо обычной перловки подали очень соленую вареную треску. Был объявлен марш-бросок в противогазах на пять километров. Командир роты в своих хромоных сапожках, бывших в тот момент предметом черной солдатской зависти, возглавлял несущуюся по пыльной дороге колонну чудовищ с круглыми стеклянными глазами и гофрированными хоботами. Правда, у некоторых бегунов конец хобота не был, как положено, прикручен к плоской металлической банке, помещенной в висевшую наперекос холщевую сумку, а прятался подмышками, открывая дорогу свежему воздуху к обтянутому резиной лицу.

К своему удивлению, испытание удалось выдержать, заняв по итогам броска некое среднее место. Когда на финише я снял гимнастерку, она имела белый цвет и была

похожа по твердости материала на рыцарские доспехи. Оглянувшись, увидел, что появилась выставка скульптур из белых гимнастерок, стоящих на солнечной поляне. Соленая треска сделала свое дело.

Во вторую часть дня шли теоретические занятия, после чего предоставлялась пара часов свободного времени. Кроме всего прочего, готовили концерт, выпускали стенгазету. Такая инициатива была одобрена командиром роты. Он стал присматриваться к группе из пяти-семи человек, которая создавала известность его роте. Оставшиеся две трети срока нам были созданы льготные условия.

Ко мне, солдату, в общем-то посредственному, внимание командира было привлечено одной рискованной выходкой. Когда рота передвигалась строем, мне время от времени приходилось быть запевалой. Песни были солдатские или патриотические. Командир не выбирал, что надо голосить, а только давал общую команду. В этот раз, услышав «Запевай!», я выполнил распоряжение на свой лад. Зазвучала знакомая большинству строя студенческая песня о жене.

Холостой, покуда не женился,
Не узнает, что такое ад,
Что такое бешеная львица
И какой есть у гадюки яд.
Я же претерпел все эти муки,
Знаю, что такое сатана,
У меня для этой самой штуки,
штуки, штуки, штуки
Есть своя законная жена.

Рота грянула припев:

Был холост я и жил, ей-богу, как дурак,
Теперь женат, имею дом и свой очаг,
Жена, она, она от Бога мне дана.
И с ней одной мне счастье и покой.

Скупости растут сегодня быстро.
 Спор на рынке из-за трех рублей.
 Я же без серебреника чистым
 Остаюсь в течение двух дней.
 Только получу получку в руки,
 Смотришь, а уж денежкам хана.
 У меня для этой самой штуки,
 Штуки, штуки, штуки
 Есть своя законная жена.

Припев:

У иных насчет детишек трудно,
 Нет у них детей своих родных.
 И берут себе их из приюта,
 Выдавая дома за своих.
 Я ж познал все хитрые науки,
 Помощь мне приюта не нужна.
 У меня для этой самой штуки,
 Штуки, штуки, штуки
 Есть своя законная жена.

Не скрою, я предполагал, что командир может остановить колонну, устроить нагоняй и вклеить какие-то взыскания. Но реакция была совершенно противоположной. Видно, человек не был лишен чувства юмора. Эту песню роте пришлось исполнять тогда трижды. Потом было приказано петь в строю (за пределами части) другие произведения студенческого фольклора («Лежат в тазу четыре зуба», «Коперник много лет трудился», «Ты б царицей Алжира была, если б шею помыла», «Там, где Крюков канал»). Мы кое-что знали. Я переписал командиру несколько студенческих песенок. Так мне удалось проникнуть в ротную элиту.

Экзамен по военному делу я чуть не завалил. Хорошо, что эта оценка не шла в итоговые показатели для документа о высшем образовании. Теоретические (уставные) во-

просы я раскрыл более или менее внятно, а вот с последним вопросом позорно не справился. Надо было чистить ствол винтовки. Как-то так случилось, что этим делом мне никогда не приходилось заниматься. Обмотав шомпол ветошью, вместо того чтобы запихнуть это сооружение в дуло, я сделал все наоборот, проникнув в казенную часть. Генерал аж взревел. Он гневно выкрикивал бессвязные слова, из калейдоскопа которых я смог только уловить, что на экзамене уничтожается казенное имущество и он меня «отмотивирует» как следует. Грозила очень низкая отметка и лишение повышенной стипендии, которую я получал как отличник. Но тут приоткрылась дверь аудитории и чей-то голос простонал:

— Товарищ генерал! Вы вон какую зарплату получаете, а студента лишаете крох для существования!

Немая сцена. И после этого:

— Давай зачетку! И чтоб я тебя больше не видел!

Выскочив в коридор, я открыл матрикул и увидел, что выставлена оценка «три». Один семестр все-таки семье пришлось обходиться без моей стипендии.

Рассказ девятый
БЕГ ЗА ПРОФЕССИЕЙ

9.1. Куда я попал?

Оказавшись по воле случая студентом Ленинградского юридического института им. М. И. Калинина (ЛЮИ), я окунулся в особую атмосферу, которая создавалась всей внешней средой.

Институт находился в длинном двухэтажном старом доме на берегу Невы во дворе Двенадцати коллегий петровских времен. В зале, где число стульев в ряду было десять-пятнадцать, а рядов насчитывалось около тридцати, спокойно размещался весь первый курс в составе чуть более двухсот душ. Хозяевами «коллегий» являлись ректорат и ряд факультетов того самого университета, куда я хотел безуспешно поступить, чтобы стать полярником. Но зато территориально оказался рядом, если не считать еще одного дома на набережной Невы, построенного для князя Меншикова, ближайшего сподвижника Петра Великого. Этот дом также занимал ЛЮИ, он располагался хоть и не вплотную к университету, но совсем близко. Спустя три года в районе Малой Охты на берегу Невы для *alma mater* возвели новое здание. Удивительно, что, как бы предвосхищая мою дальнейшую судьбу, к этому дому вела улица Таллинская.

Корпус дворца Меншикова

Директором ЛЮИ был Николай Иванович Бутин. Он руководил учебным заведением со знанием дела. Мастер компромисса и продуманных решений, директор не шел на поводу у партийного руководства, имел свой взгляд на пути развития своего детища, в том числе на преодоление конфликтов, то и дело возникавших в преподавательской среде. Его несомненной заслугой необходимо признать подлинный интернационализм в отношении студентов и преподавателей. Никаких ограничений для учебы в институте и работы в нем (в отличие от соседа университета) по национальному признаку не существовало.

Не могу сказать, что отчетливо понимал, куда я попал и кем меня выпустят из этого учебного заведения. Мне было ясно, что вуз должен дать знания по специальности «правоведение». Но не более того. Я воспринимал происходящее покорно, стыкуясь с массой учащихся, сидящих на лекциях, посещающих семинары и другие виды занятий. Мне было неизвестно, ни что такое юриспруденция, ни чем должен заниматься профессионал, называемый юристом. Образом последнего для меня был созданный фантазией Валентина Катаева в повести «Белеет парус одинокий» отец Пети Бачея, о котором было сказано, что он считался юристом-трудовиком, носил одежду коричнево-бежеватого цвета, с которым гармонировали его лайковые перчатки. Даже дедуктивный метод и вид занятий Шерлока Холмса по Конан Дойлю плохо ассоциировался с деятельностью правовика.

Все было новое, и многое — непривычное. Скажем, лекционная система, отличавшаяся от того, что было принято в школе. Записывать лекции помогала знакомая мне стенография. Но вслушиваться в звуки, образующие шумовой фон в зале, и выделять те, что несут существенную для твоего интереса информацию, оказалось довольно утомительно. Если лектор рассказывал монотонно, а то и вообще не рассказывал, а читал, не отрывая глаз от конспекта, то в аудитории невольно вспыхивали посторонние разговоры. Призывы преподавателя их прекра-

тить могли иметь успех только на несколько мгновений, и вскоре все шло, как прежде.

Занятия по физкультуре вел легендарный человек, которому как герою прошедшей войны было уделено много места в популярной тогда книге Вершигоры «Люди с чистой совестью» (о партизанском соединении под руководством генерала Ковпака, действовавшем в Закарпатье). У партизан этот человек звался Артистом. Это был храбрый и смысленный разведчик. Как акробат, он мог выделывать невообразимые трюки. Маленький рост только способствовал его успеху, так как зачастую немцы воспринимали его как несовершеннолетнего.

В первые же дни занятий преподаватель потребовал от меня проплыть в бассейне положенную стометровку. Он мог с таким же успехом рассчитывать на скольжение по поверхности воды многопудовой гири. Плавать я не умел и очень стеснялся этого порока. Получив отказ, он спросил, кто мои родители. Ответ его развеселил, так как ему, выдавшему виды, картина стала ясной. В «лягушатнике», в котором барахтались в основном девчонки, я прислонился к стенке, даже не пытаясь изображать из себя некое подобие пловца. И тут увидел, что по воде, загребая руками под себя, ко мне движется существо женского пола. Крупное толстое тело, большая белокурая голова с выпученными глазами, бомбообразные сиськи, вываливавшиеся из неподходящего им по размеру лифчика. Добрая душа-девочка, с которой я оказался в одной учебной группе. Отреагировав на мой угнетенный вид, она предложила научить неудачника плавать по-собачьи. Увы! К такому подвигу психологически я не был готов.

Тем не менее, позже в гимнастическом зале кое с чем справлялся. Как и зимой — с лыжами. Но зачет по этому виду спорта сдал, схитрив. Требовалось одолеть по кругу в Центральном парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова дистанцию, кажется, в десять километров. Рядом со мной по лыжне шел высокий и длинноногий Мишка Шаталов. Ему зачетное задание было проще пареной репы. Посмо-

трев на меня и, видно, поняв, что низкорослому соседу задача окажется непростой, он сделал одно соблазнительное предложение. На пути лыжников рядом с лыжней стоит домик, где располагается кафе. Давай, мол, заскочим туда, выпьем по стакану чая, а потом пересечем трассу напрямик и выйдем близко от финиша. На мое возражение, что это опасная авантюра, так как на трассе находятся контролеры, он ответил, что знает такой участок, где их нет. Пакт «Шаталов-Лившиц» был заключен, и дело сделано. Посреди круга мы протерли головы снегом, чтобы образовывать влагу, и рванули на короткую дистанцию. Пришли в числе рекордсменов. Правда, подозрительный Артист заставил снять шапки и проверил, вспотели ли быстроходы. Мокрые головы нас спасли, зачет был получен.

Неожиданностью стал выезд студентов на уборку овощей. В школе такое испытывать не приходилось. Грузовые автофургоны, покрытые брезентом, развезли первокурсников по деревням Волосовского района.

Меня укачало, и, извергнув наружу все, что внутри накопилось, я долго отлеживался на земле. Взору горожанина, оказавшегося в селе через шесть лет после войны, открылась удручающая картина. Мрачные закопченные бревенчатые постройки с провалившимися во многих случаях крышами и завалившимися заборами. Грязь на улицах. Спасать могли только резиновые сапоги. Людей мало. Мужики почти все пьяные. Бабы грубые, крикливые, неприветливые. Студентов уложили в сараях на сено, посоветовав в случае дождя держать над «кроватями» раскрытые зонты.

Мы убирали мокрый картофель под руководством иногда появлявшихся колхозных бригадиров. Другие крестьяне на поле не наблюдались. Кормежка была за счет подножного корма. Тот же самый картофель, иногда соединенный с разжиженным мясцом. Правда, на завтрак выдавалось молоко. Выручали привезенные из дома консервы и разные копчености у ребят из состоятельных семей. Азарий Гусин, у которого родители трудились в

системе торговли, щедро угощал меня и Сашу Богорада «Московской» колбасой, считавшейся деликатесом.

Молодость брала свое. Особенно после работы. Многие парни пришли в институт с производства или из армии. Люди бывалые, они относились к девушкам с изрядной долей похотливого цинизма. Классификация девиц производилась по простому основанию: «давалки» и иные. Но все-таки разговоры на такую тему (а тем более практика) считались предосудительными и велись вполголоса. Была опасность вылететь из комсомола (у кого-то — из партии), а это «волчий билет» на всю оставшуюся жизнь. Рассказывали анекдоты, но я ни разу не слышал никакой антисоветчины. Пели песни. Впервые познакомился со старинным студенческим фольклором. Например:

Там, где Крюков канал и Фонтанка река
Серебристой струею сливаются,
От зари до зари там горят фонари,
Вереницей студенты шатаются.
Они горькую пьют, они песни поют
И еще кое-чем занимаются.

Припев:

Через тумбу-тумбу раз,
Через тумбу-тумбу два,
Через тумбу-тумбу три
Спотыкаются.

А Исаакий Святой с колокольни своей
На студентов глядит, ухмыляется.
Он и сам бы не прочь провести с ними ночь,
Но по старости лет не решается.

Припев:

Но соблазн был велик, и решился старик.
С колокольни своей он спускается.

Он и горькую пьет, он и песни поет
И еще кое-чем занимается.

Припев:

А Святой Гавриил в Небеса доносил,
Чем Исаакий по ночам занимается:
«Он и горькую пьет, он и песни поет,
И еще кое-чем занимается!»

Припев:

У святых был совет, и решил комитет,
Что Исаакий из святых исключается.
У студентов был совет, и решил комитет,
Что Исаакий в святых оставляется.
А Святой Гавриил по зубам получил
И с тех пор доносить не решается.

Припев:

Три недели в деревне для узнавания друг друга дали студентам не меньше, чем целый семестр учебных забот.

Это была не единственная встреча с советским селом. Следующая поездка для меня чуть не обернулась неприятностями. Когда сверху поступило распоряжение о направлении студентов на колхозные поля, было, как и положено, проведено общее собрание: сообщали инструкции и разогревали патриотический дух дармовых уборщиков овощей.

В числе других выступлений мы прослушали пламенную речь парторга курса из студентов, бывшего фронтовика по имени Миша. Он как бы клялся Родине, что мы отдадим ей свой долг (вечный и никогда не возмещаемый до конца), а потом начал стращать собравшихся суровой карой, если кто-либо из деревни сбежит, испугавшись трудностей.

Как и первый раз, учебные группы распределили по селам. Где и как работала группа, возглавляемая парторгом, не знаю. Но стало достоверно известно, что из-за неожиданно наступивших холодов и выпавшего снега работу на поле приостановили. Бригада же нашего «страшальщика» вообще самовольно снялась с места и вернулась в город во главе со своим командиром. Остальные, пару дней посидев без дела, после изменения погоды к лучшему продолжали собирать урожай.

К этому времени острая на язык институтская эстрада, к которой я имел отношение, собирала полные залы на свои концерты. Событие, о котором идет речь, не прошло бесследно. Я написал на актуальную тему басню, которую Зорик Гусин своим зычным голосом прочитал со сцены. Публика встретила басню горячими аплодисментами. Насколько помню, текст был таким:

Зверье лесное всполошилось.
 Нельзя сказать, чтобы беда случилась,
 Но все ж необычаен был вопрос:
 Всем срочно выехать в колхоз.
 И вот собранье началось.
 Вопросов уйма набралось:
 Куда? Зачем? Что взять? Откуда?
 И как бы не было нам худо.
 Но, если надо что сказать,
 Картофель будем собирать.
 В конце хотели песню спеть,
 А тут поднялся вдруг медведь,
 Прошел вперед – и ну реветь.
 «Зверье! Я вас предупреждаю!
 В лесу я всех отлично знаю.
 И вам замечу не спросонку –
 Не смейте, чурки, возражать!
 Есть у нас мелкие душонки.
 Хотят колхоза избежать.

Так пусть запомнят в назиданье,
 Что их постигнет наказанье!»
 Прошла неделя и два дня.
 И что б вы думали, друзья?
 Медведь, что громче всех кричал
 И всех до смерти напугал,
 Со всей бригадою рабочей
 С полей колхоза сам удрал.
 Мораль сей басни вы поймите.
 В нутро медведя посмотрите.
 А как? Советуем мы вам
 Судить о Мише по делам.

Миша подал в партийный комитет ЛЮИ заявление с ходатайством защитить его честь и достоинство как коммуниста и фронтовика от хулиганского оскорбления со стороны комсомольцев Лившица и Гусина, осмеявших его в басне, которая была прочитана со сцены при большом скоплении студентов института. Нас вызвали на заседание для объяснений. Азарию велели прочитать басню. Когда он умолк, в парткоме раздался смех и аплодисменты. Посрамленный жалобщик вынужден был удалиться ни с чем.

9.2. Погружение в теорию

Много учебного времени занимали предметы, не имеющие прямого отношения к будущей специальности. В их числе военное дело, физическая культура, иностранный язык, но особенно — марксизм-ленинизм. Имелись отдельные кафедры истории ВКП(б), марксистско-ленинской философии и политической экономии. Конечно, все преподаватели этих кафедр были идеологически зациклены, но личностно осуществляли свою миссию по-разному.

Сложность предметов обществоведческого цикла определялась многими обстоятельствами. Отсутствовали учебники, кроме «Краткого курса истории ВКП(б)», отредактированного Сталиным. Это была откровенно тенденциозная книга, искажавшая историю в угоду господствовавшей идеологии. Ее положения были директивны, и какое-либо отступление в сторону или сомнение влекли суровое наказание. Даже для изучения той истории, которой была посвящена книга, ее материала было явно недостаточно. Поэтому от студентов требовали усвоения многочисленных работ Ленина и Сталина, материалов партийных съездов, постановлений ЦК партии.

Преподаватель Полухин вел семинары по истории партии, постоянно наталкивая студентов на обсуждение насущных жизненных тем. Бывший подводник, капитан второго ранга, он носил орден Красного Знамени, не имевший колодки и прикрученный винтом к лацкану пиджака. Такой образец награды свидетельствовал о его получении еще до Сталинградской битвы. Было заметно желание руководителя семинаров раскрыться перед студентами. Чувствовалось, как он пытался рассказать нам такое, о чем в советских книгах не сообщали, но одергивал себя, переживая смущение от обязанности преподнести историю в соответствии с программой изучения предмета и книгой «Краткий курс истории ВКП(б)», которые осно-

вывались на лживой и тенденциозной информации. По этой ли причине или по какой другой, он крепко выпивал и опускался до того, что брал займы у студентов деньги на водку. Когда после окончания второго курса наш брат, проходивший военную подготовку, разместился в вагоне поезда для переправки в военный лагерь, там оказался и Полухин. Он проехал до очередной станции, дал нам советы, как переносить военные тяготы, и рассказал о своей горькой судьбе. Изливая душу, ложкой зачерпывал из тарелки водку с плавающими в ней кусками хлеба, смачно проглатывал пойло и жмурился от удовольствия.

Большой бум вызвало появление во время моей учебы двух брошюр Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР». Интересно, что даже в условиях господства партийной догматики преподаватели, не все, конечно, умудрялись объяснять идеи вождя несравненно глубже, ближе к реалиям и всесторонне, чем то, что значилось в оригинале. Таким, в частности, был доклад политэкономиста доцента Малинина на научной конференции по второй из названных работ Сталина.

Перечисленные в учебной программе первоисточники надо было конспектировать. Труд тяжелый. И по объему работы, и по содержанию. Когда, сидя за столом в Публичке, я открыл первый том «Капитала» Маркса и стал разбираться с текстом, напряжение оказалось довольно большим. Соседка по столу толкнула меня в бок и сказала, что мой храп мешает ей сосредоточиться. Все-таки с работой удалось справиться, и мой конспект по теории прибавочной стоимости и расширенному воспроизводству помог некоторым сокурсникам успешно сдать экзамен по политэкономии капитализма.

Еще большие сложности вызывало изучение политэкономии социализма. Даже у второкурсника складывалось представление, что никто толком не понимает, что это такое. Не спасали дело разные идеи большевистских вождей и ученых. Встречалось много противоречий в част-

ностях при отсутствии общей фундаментальной теории. Ссылки на Маркса положение не исправляли. Маркс, как я потом понял, вообще не создал никакого учения о социализме. У него были на этот счет отдельные, не до конца продуманные соображения, конспективно изложенные, как бы на полях программы германских социал-демократов («Критика Готской программы»). Были заявления о необходимости диктатуры пролетариата («Гражданская война во Франции»), но впоследствии их дезавуировал Энгельс, посчитавший необходимым согласиться с идеей парламентской демократии («Критика проекта Эрфуртской программы»). И только заявления Ленина в период назревания и осуществления НЭПа, а тем более Сталина в докладах на партийных съездах содержали практические наметки такой политэкономии.

Философия нравилась мне в большей мере своим историческим, нежели логическим аспектом. Последний опять-таки был представлен в «Кратком курсе». Там имелась глава «О диалектическом и историческом материализме», написанная лично Сталиным. Четыре закона материализма, четыре закона диалектики. Предшественник марксистского материализма — Фейербах, а диалектики — Гегель. В этих пределах находились объяснения всем явлениям бытия и сознания. Правда, полагалось еще руководствоваться рядом трудов Маркса («Тезисы о Фейербахе»), Энгельса («Диалектика природы» и «Анти-Дюринг»), Ленина («К вопросу о диалектике», «Материализм и эмпириокритицизм», «Три источника и три составные части марксизма»). Но философская мысль, не терпящая по своей сути догматических ограничений, в данном случае подвергалась такому насилию, что от нее оставался один скелет, и то больше похожий на муляж.

Хотелось бы вспомнить легшие на душу занятия по логике. Их вела Надежда Вениаминовна Рыбакова. Потом она приобрела известность в философских кругах как специалист по этике и долгое время работала на кафедре с соответствующим названием факультета филосо-

фии. Мы познакомились в пионерском лагере «Рабис», где она была воспитателем, а я — воспитуемым, задолго до студенческой поры. Полная, высокая с интеллигентным лицом, в черной свободно ниспадающей одежде, она при первой встрече могла показаться синим чулком. Но при более обстоятельном знакомстве ничего подобного не обнаруживалось. С ней можно было вести разговор на любые темы, встречая понимание и сопереживание, если беседа касалась болезненных проблем. На переменах в коридоре она нередко оказывалась окруженной студентами, обсуждавшими с ней философские, а то и бытовые проблемы. Предметом владела на профессиональном уровне. Думаю, что именно ей я обязан возникшей потребностью оперировать при спорах доказательствами, формулировать дефиниции, отыскивая ближайший род и видовые отличия. Ко мне она относилась с симпатией как к старому знакомому. Рита как-то сказала, что даже испытывала некое подобие ревности. Смею заверить, что никаких реальных оснований для этого не существовало.

В области правоведения мозги первокурсников сразу же стали насыщать знаниями, требующими немалой теоретической подготовки и способности к абстрактному мышлению. Это в первую очередь осуществляла кафедра теории и истории государства и права.

Пост заведующего кафедрой сначала занимал Борис Владимирович Шейндлин, а потом — молодой и франтоватый Джангир Алиабасович Керимов. Впоследствии его избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР, что для юриста считалось событием исключительным. К тому же Джангир Али Абас являлся академиком Академии наук Азербайджанской ССР. Те студенты, у которых он вел занятия, отзывались о них весьма пренебрежительно. Мне же наблюдать его в роли преподавателя не приходилось. О Керимове ходили разговоры как о карьеристе и женолюбце, но он надменно поднятой головой и презрительным взглядом прищуренных карих глаз показывал, что выше всяких сплетен и идет путем, который считает для себя

приемлемым. Джангир Алиабасович, как мне рассказывали его ученики, поставил рекорд по пропаганде труда Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (как теперь позволительно заметить, брошюрки некомпетентной и глупой). Приспособлением мыслей вождя об языкознании к особенностям своих наук (физики, биологии, географии, политэкономии и т. п.) занимались в те времена многие. Керимов делал это по отношению к юриспруденции, причем настолько виртуозно, что без языкознания не оставлял ни одного, даже самого куцевого вопроса теории государства и права. Рита мне рассказала, как в ее учебной группе, где занятия проводил Керимов, один студент, уловив настрой преподавателя, каждое свое выступление на семинарах начинал с работы Сталина, благодаря чему стал любимым учеником будущего академика.

Лекции по предмету «теория государства и права» читал доцент Борис Владимирович Шейндлин, семинары же вели другие преподаватели. В моей группе — респектабельная дама с легендарной фамилией Андерсен, чутко и уважительно относившаяся к участникам семинара, чем давала убедительный урок того, как можно ценить личность студента. Должен отметить, что особенности царившей в институте ауры во многом определялись именно этим обстоятельством. В отношениях преподавателей друг к другу наблюдалось всякое. Видно было, в частности, что молодая поросль, сформировавшаяся в основном из бывших фронтовиков, стремилась вытеснить старую профессуру. Но именно эта профессура и была источником того духа интеллигентности, который определял отношение преподавателей к студентам.

Случались курьезы. Один из молодых, роясь в архивах, нашел поразивший его документ. Это был приказ прокурора Временного правительства об аресте Ульянова (Ленина). Под приказом стояла подпись товарища (заместителя) прокурора Паволоцкого. Но профессор Паволоцкий читал нам лекции по гражданскому процессу и был широко известен как специалист в этой области юри-

спруденции. Что стало с беднягой профессором после обнаружения архивной находки, не ведаю. Он исчез, а мы так и не узнали, чем закончился его спор с профессором Абрамовым, с изложения десяти пунктов несогласия с которым начиналась каждая лекция опального профессора.

Когда доцент Б. В. Шейндлин рассказывал о понятии государства, его происхождении, функциях, формах правления и типах, кое-что еще можно было понять. Тем более что я немножко об этом слышал от Яичницы. Абсолютно правильной повелевалось считать только марксистско-ленинскую трактовку этих сложнейших понятий. Все остальные клеймились как ненаучные и вредные. Понимание же государства Лениным и Сталиным на самом деле было редуцировано и сведено к элементарной схеме, в которой под страхом уголовной ответственности нельзя было обнаруживать какие-либо спорные проблемы, а тем более изъяны. Студенту полагалось схему запомнить и на экзамене воспроизвести.

Но когда лектор перешел ко второй части курса, посвященной праву, опустился такой занавес из слов, пробиться сквозь который к смыслу сказанного было дано не многим. Получилось, как писал когда-то Никола Буало:

Немало есть умов, чьи путанные мысли
Как будто облаком густеющим повисли,
И солнцу разума его не разогнать.
Учитесь мыслить вы, потом уже – писать.

Понятие права выводилось из формулировки «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Эта интерпретация принадлежала Вышинскому, бывшему в то время, когда он это сделал, Генеральным прокурором СССР, академиком и государственным обвинителем в ряде сталинских экзекуционных процессов. Право, согласно такому пониманию, — это возведенная в закон воля господствующего класса, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса.

Московский профессор Стальгевич много позже рассказал мне, что в 1939 году он участвовал во всесоюзном совещании юристов, на котором из уст Вышинского прозвучала приведенная выше дефиниция. Профессор решился задать докладчику пару вопросов по поводу понятия права. Например, может ли законом устанавливаться бесправие и тождественны ли понятия права и закона, а также охватываются ли понятием права субъективные права граждан? В заключительном слове Генеральный прокурор заявил, что эти вопросы образуют состав преступления вредительства, сослался на статью Уголовного кодекса, после чего сомневающийся участник совещания был отправлен на семь лет в места не столь отдаленные.

Наш лектор, по-видимому, понимал, что «сакральное» понятие права оправдывает любой произвол со стороны «господствующего класса», и пытался путем толкования придать пониманию права менее политический и более юридический характер, увязать его с лицемерным тезисом Сталина о том, что главной особенностью Конституции 1936 года является гарантия основных прав и свобод трудящихся. Но сделать это было так сложно, что дилемма искать истину или спасти собственную шкуру была им решена в пользу второго варианта, но под прикрытием обильного слововыделения. Так я понимаю ситуацию сейчас. Тогда же, силясь понять, о чем идет речь, от напряжения я начинал уставать. Мне снились радостные картинки светлого коммунистического будущего, как будто я становился Верой Павловной из романа Чернышевского «Что делать?»

Не менее сложно было понять смысл юридической профессии. Над этим ломал голову не один теоретик. Вот, что, например, еще в XIX веке писал классик немецкой цивилистики Рудольф фон Иеринг:

Право не есть просто масса законов, а нечто совершенно иное. Законы может не-юрист также хорошо заучить, как юрист, но чтоб понимать и применять право, для этого недостаточно одного здра-

вого разума, а необходимы еще: 1) приобретаемая лишь многолетними усилиями и упражнениями своеобразная способность воспринимания, особая искусность отвлеченного мышления, юридическая интуиция, воображение; 2) умелости в обращении с юридическими понятиями, способность легкого перевода понятий из области отвлеченного в область конкретного, и наоборот, верный глаз, безошибочность при раскрытии правового понятия в данном правовом казусе (юридический диагноз) – словом, юридическое искусство. Оба эти условия мы обнимаем выражением юридического образования. Оно и есть то, что отличает юриста от профана, а не количество познаний, оно определяет цену юриста, а не степень учености. Поэтому можно при посредственном знании быть отличным юристом и, как показывает часто пример ученых-теоретиков, при большом знании – довольно слабым. Никакое другое занятие правом, как бы ценно оно ни было, как, например, историко-юридическое и юридико-философское, не может заменить недостаток в означенных условиях, как высоко ни ставить знания такого рода, юридическими их нельзя назвать.

Как видно, в приведенных рассуждениях степень ясности того, что отрицается, несомненно, больше того, что является предметом доказывания. Можно было составить еще более длинный перечень качеств, какими юрист не должен обладать, но от этого понятие профессии не стало бы более ясным. Юрисконсульт на предприятии и эксперт-трассолог в бюро судебных экспертиз, нотариус и прокурор, милицейский сыщик и консул за границей, следователь прокуратуры и служащий ЗАГСа, судья и адвокат – все это и многое другое можно было считать юридическими профессиями.

Об этом перечне мне стало известно значительно позже, чем на первом курсе. Решение же вопроса о моей профессии, которое было предложено комиссией по распределению на работу молодых специалистов, вообще могло создать впечатление, что юрист – это не профессия, а кличка. Мне вместе с Ритой было предложено ехать в Николаевск-на-Амуре исполнять обязанности ра-

ботников почты. Получалось так, что единое основание для профессии юриста выглядело настолько тонким, что при незначительном смысловом нажиме на какие-то разновидности занятий оно могло и лопнуть. Возможно, из такой посылки исходил и лектор, не давший никаких пояснений по данному вопросу.

Уже студентом выпускного курса мне вновь пришлось слушать лекции доцента Бориса Владимировича Шейндлина по общей теории права. Юридическое сознание студента к этому времени значительно развилось. Много из того, что на первом курсе слышалось как словоблудие, оказалось наполнено смыслом и свидетельствовало лишь о теоретической сложности предмета изложения. Правда, к этому времени Сталин почил в бозе, Берия был расстрелян, в связи с чем свобода слова чуточку расширилась. К тому же, возможно, и мысли у лектора более прояснились, так как он доверительно сообщил студентам о подготовленной им монографии, касающейся понятия права, которую он собирается опубликовать для защиты докторской диссертации.

Мой рассказ субъективен. Что же касается официальной оценки деятельности Бориса Владимировича, то она была дана в одном из журналов в связи со смертью профессора.

13 февраля 1963 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался известный теоретик права, один из старейших работников юридического факультета Ленинградского ордена Ленина Государственного университета имени А. А. Жданова, доктор юридических наук Борис Владимирович Шейндлин. Всю свою сознательную жизнь Б. В. Шейндлин посвятил делу строительства коммунизма. Б. В. Шейндлин родился в 1896 г. Окончив в 1923 г. правовое отделение факультета общественных наук ЛГУ, защитив в 1934 г. кандидатскую диссертацию в Институте красной профессуры, он много лет отдал практической, научно-исследовательской и педагогической работе. Вступив в ряды Коммунистической партии в 1920 г., Б. В. Шейндлин был активным и принципиальным членом

КПСС, беспредельно преданным ее великим идеалам. Б. В. Шейндлин неоднократно избирался в руководящие партийные органы, был, в частности, избран кандидатом в члены ЦК Коммунистической партии Узбекистана. Он всегда добросовестно, честно и безупречно выполнял любые партийные поручения. Участник Гражданской и Отечественной войн, Б. В. Шейндлин был пламенным патриотом нашей Родины. На протяжении ряда лет Б. В. Шейндлин занимал ответственные государственные посты: работал прокурором Узбекской ССР, заведующим гражданско-судебным отделом Прокуратуры СССР. В период Отечественной войны он был заместителем прокурора фронта. С 1939 г. Б. В. Шейндлин на педагогической работе в Ленинградском юридическом институте им. М. И. Калинина и на юридическом факультете ЛГУ. В течение ряда лет он заведовал кафедрой теории государства и права. Перу Б. В. Шейндлина принадлежит множество оригинальных научных исследований, в том числе широкоизвестная монография «Сущность советского права», явившаяся основой его докторской диссертации.

9.3. Зильбермаша

Другим сотрудником кафедры теории и истории государства права был доцент Исаак Борисович Зильберман. Его лекции по предмету «история политических и правовых учений» услаждали слух студентов второго курса.

Не могу утверждать, что Зильберман вошел в когорту ученых юристов. Мне неизвестна ни одна его книга, а статьи, опубликованные в «Ученых записках» института, не были ничем примечательны. Я слышал, как кандидат юридических наук Зильбермаша грозился в своей будущей докторской диссертации сорвать маску революционера с лица анархиста Михаила Бакунина, но до этого акта дело так и не дошло. Впрочем, массе студентов такая сторона деятельности преподавателя представлялась малозанимательной. Главное, что впечатляло, это мастерство лектора и искусство руководителя семинаров.

Попутно замечу, что сочетание качеств исследователя и педагога, которое в идеальном варианте считается для вузовского преподавателя имманентным, в реальности встречается редко. Более распространенное явление — это крен в ту или другую сторону. Идеальным сочетанием двух начал на юрфаке университета славился Олимпиад Соломонович Иоффе — один из классиков русской цивилистики, к сожалению, не работавший в ЛЮИ.

До сих пор идут споры о методике обучения в высшей школе. Крайние позиции обозначены достаточно четко.

Одна точка зрения состоит в том, что преподаватель, особенно уровня профессора, не должен заботиться о понимании его рассказа каждым более или менее средним студентом, не говоря уже о человеке, не подготовленном средней школой для получения высшего образования. Планка профессора должна быть на большой высоте. Студент, сталкиваясь на занятиях с такой ситуацией, вдохновляется образом обучающего его мыслителя, стремится

ся подтянуться, достичь заветного рубежа и тем самым оказывается не только эвристически, но и педагогически вовлеченным в процесс формирования личности профессионала с уклоном на самообучение и самовоспитание.

Но, часто наблюдая за известными теоретиками юриспруденции, я ловил себя на мысли, что они в качестве лекторов оказывались настолько увлеченными своими идеями, что для них не имело никакого значения, как воспринимает лекции аудитория. Не принимались в расчет ни возрастные особенности слушателей, ни степень их интеллектуальной зрелости, ни профессиональная подготовленность к пониманию тех сложных конструкций, о которых рассказывал автор. Студентов, которые инстинктивно считали бы для себя приемлемой первую позицию, оказалось не так уж и много, но иначе по природе вещей и быть не могло.

Другая точка зрения — противоположного содержания. Важно сделать максимум возможного, чтобы привить интерес к предмету, дойти до каждого обучающегося, помочь ему «выбиться в люди». Тишина в лекционном зале и внимание слушателей обеспечиваются в таком случае не столько статусом лектора и глубиной научной разработки им темы лекции, сколько живым и непосредственным интересом аудитории к излагаемому материалу и к тому, как это делается с использованием правил риторического мастерства. Со временем на методике преподавания стали обращать особое внимание. В пору моего студенчества были лекторы и руководители семинаров, хотя и не внесшие свой вклад в юридическую науку, но просвещавшие столь увлекательно и методически грамотно, что полученная от них информация надолго закреплялась в памяти, а образ этих людей оказался окутанным теплыми воспоминаниями. Таким и был Исаак Борисович Зильберман.

Курс истории политических и правовых учений сам по себе для меня оказался увлекательным. С одной стороны, он позволял внедриться в область эволюции политических и правовых идей разных времен и народов. С

другой — позволял мысленным взором увидеть творцов этих идей и связанных с ними событий в каком-то романтическом ореоле.

Манеру чтения лекций, как мне позже признался Исаак Борисович на одном из банкетов по поводу защиты кем-то докторской диссертации, он позаимствовал у академика Тарле, маститого историка, специалиста по Франции, особенно по наполеоновской эпохе. Зильберман учился у Тарле и был его большим поклонником. Фразы лекции звучали четко, отрывисто, с выдержанной смысловой паузой в нужных местах. Текст был хорошо продуман как с содержательной, так и с методической позиции и, по всей видимости, неоднократно перед зеркалом отрепетирован. Эффект, производимый на аудиторию, часто обеспечивался афористичным слогом и яркой образностью персонажей.

Назревание демонстрации трудящихся. Фото датировано 1 мая 1951 года. Завкафедрой истории ВКП(б) Малюкова, Ритина закадычная подружка Вика Диброва, И. Б. Зильберман, преподаватель истории ВКП(б) Полухин, Ритуся — студентка 1-го курса, пока что не обремененная знакомством со мной, Римма Конкина — еще одна подружка моей принцессы

Вот как, например, выглядел фрагмент темы о князе Талейране, знаменитом французском дипломате, умудрившимся занимать пост министра иностранных дел при столь разных политических режимах и формах правления, как монархия Бурбонов, власть Директории, республика и империя Бонапарта Наполеона и вновь реставрированная власть Бурбонов. (Далее цитирую по Тарле, что делал и Зильберман, забывая, правда, на минуточку, сообщить студентам, что это не его суждения, а размышления маститого историка.)

Что такое «убеждения», князь Талейран знал только понаслышке, что такое «совесть», ему тоже приходилось изредка слышать из рассказов окружающих, и он считал, что эти курьезные особенности человеческой природы могут быть даже очень полезны, но не для того, у кого они есть, а для того, кому приходится иметь дело с их обладателем. «Бойтесь первого движения души, потому что оно, обыкновенно, самое благородное», — учил он молодых дипломатов, которым напоминал также, что «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли».

Но предавая и продавая по очереди за деньги и за другие выгоды всех, кто пользовался его услугами, менявшийся, как хамелеон, не продавший на своем веку только родную мать (да и то, по выражению одного враждебного ему журналиста, исключительно потому, что на нее не нашлось покупателей), князь Талейран по существу не изменял только прочно победившему, чуждому ему лично буржуазному классу и именно потому, что считал победу буржуазии неокрушимо прочной. Даже когда он совершил в 1814 году очередное предательство и стал на сторону реставрации Бурбонов, он изо всех сил старался втолковать в эти безнадежные эмигрантско-дворянские головы, что они могут сохранить власть исключительно при том условии, если будут своими руками делать нужную новой послереволюционной буржуазии политику. И только изредка по мимолетным личным соображениям и он подпевал роялистским реакционерам. [...] Он знал, что все эти затейливые придворные и альковные интриги, все эти маскарадные послышки эмиссаров и негласных сотрудников, все эти расчеты на влияние такой-то любов-

ницы или на религиозное суеверие такого-то монарха, что все эти ухищрения и погрешности дипломатии XVIII столетия теперь хотя и могут быть с успехом пущены в ход, но что наступило время, когда нужно больше считаться и у себя, и в чужой стране с банкиром, а не с королевской фавориткой, с биржевыми облигациями, а не с перхваченными интимными записочками, с дуэлями, где дерутся при помощи таможенных тарифов, а не при помощи рапир.

Усиливая впечатление от создаваемого образа, лектор многозначительно замолчал, чтобы потом громко произнести:

– И вот в кабинете Наполеона распахнулись двери, в которые вошла Подлость, опиравшаяся на Предательство. Это был князь Шарль Морис Талейран-Перигор.

Во Всеобщей декларации прав человека нет такой статьи, но я уверен, что каждый человек имеет право на свои слабости. У Исаака Борисовича особенно были заметны две: претензия на комфорт и повышенный интерес к женскому полу.

По широко распространенному среди студентов мнению, одной из предпосылок успешной сдачи экзамена является хорошее настроение экзаменатора. Степень расположенности к экзаменуемому у Зильбермана зависела от обстановки в аудитории. Ему на стол, покрытый скатертью, ставили вазу с цветами, притаскивали мягкое кресло, обязательным реквизитом являлись бутылочки минеральной воды.

Но особый расчет на успешный экзамен имели симпатичные девушки. Часто красавицы были одеты в платья с модным в то время длинным разрезом, верхняя граница которого достигала уровня бедра. Сев на стул для ответа по экзаменационному билету, можно было закинуть ногу на ногу, благодаря чему открывалась картинка, способная вызвать у впечатлительного мужчины нужную реакцию. Побыв некоторое время визави проказницы в

мягком кресле, Исаак Борисович не выдерживал, вскакивал, начинал прохаживаться по помещению, разглядывая женские прелести. О чем думал тогда возбужденный Казанова, можно только догадываться, но когда студентка, прерывая загадочное молчание экзаменатора, говорила: «Я кончила, Исаак Борисович», он брал ее матрикул и выставлял положительную оценку, даже если ответ представлял собой, мягко говоря, не совсем точное освещение вопросов.

Легенда гласит, что пару десятилетий спустя студентка юрфака поинтересовалась у своей мамы, когда-то сдававшей экзамен Зильберману, как успешнее пройти испытание по объемному и сложному предмету. В ответ она услышала вышеприведенный рассказ. Была изготовлена мини-юбка «выше высшего предела». На экзамене, ослепляя престарелого экзаменатора своими стройными ножками, она несла какую-то чушь. После названной завершающей фразы отвечавшей Исаак Борисович подошел к ней и тихим, но внятным голосом произнес «Заберите свой матрикул, милочка. И годы не те, и Зильберман не тот». Так родился афоризм, который переходил от поколения к поколению студентов-юристов.

Мне удалось успешно справиться с экзаменом по этому предмету, впрочем, как и по другим, просто потому, что учиться было интересно. Но, чего греха таить, проработать основательно очень объемный курс я не сумел. В числе других вопросов в билете значился и такой: политические и правовые взгляды Христо Ботева. Нахлынули тургеневские образы болгарских революционеров, наполнившие роман «Накануне», вспомнилось, что Христо Ботев был большим поклонником Чернышевского. Сказав Зильберману об этом, я стал излагать учение русского революционного демократа, которое в общих чертах было известно со школьных лет. Экзаменатор никак не среагировал на совершенный подлог и поздравил с отличной оценкой.

9.4. Обучение профессии

Упомянутые юридические предметы, как и история государства и права СССР, лекции по которой читал доцент, а позже — профессор Гальперин, сыграли свою положительную роль в обогащении эрудиции и развитии интеллекта будущих правоведов. Но не они создавали основу специальных профессиональных знаний. Такое предназначение имели предметы государственного, гражданского и криминалистического блоков.

Государствоведение, включая государственное право, административное право, государство и право стран народной демократии, судеустройство, оказалось в числе тех аспектов юридического знания, которые меня интересовали в самую последнюю очередь. Какая-то польза от лекций, читавшихся тогда еще доцентами, а в последующем — профессорами, Петровым, Русиновой, Смирновым, Кожохиным, несомненно, была. Но слишком уж педантичным, осторожным, беспроблемным было изложение материала, обычно не сопровождавшееся разбором юридических казусов и жизненных ситуаций. Мне удалось, тем не менее, написать о расширении прав союзных республик курсовую работу, которая почему-то получила высокую оценку на кафедре государственного права.

Ярким исключением запомнился лишь доцент Аджаров, преподававший международное право. Он умело сочетал рассказ о регулировании отношений между государствами с учетом недавно возникшего механизма международного сотрудничества во главе с ООН и анализ конкретной ситуации в международных делах. Актуальные примеры больше походили на лекцию о международном положении, чем на характеристику юридически значимых норм и отношений. Но слушать лектора было интересно, а временами его рассказы об американском

госсекретаре Даллесе и его беседах с президентом Труменом или о китайском лидере Мао Цзэдуэ просто захватывали. Аджаров цитировал источники на английском языке, всегда был одет с иголки, курил дорогие сигареты «Друг» (два десятка штук которых компактно размещались в картонной коробке красного цвета с изображением головы немецкой овчарки), говорил тихо, но с хорошей дикцией, умалчивал о своих профессиональных пристрастиях. И тем самым казался студентам или титулованным дипломатом, или сотрудником внешней разведки, снизошедшим до преподавательской деятельности в институте.

Основу гражданского направления составляло гражданское право. Его преподавание велось обстоятельно, с ориентацией студентов на практическое применение правовых норм с пониманием их смысла и места в общей системе гражданского права. Не могу сказать, что лекционные курсы завораживали. Они были сухими, догматическими, но глубокими по содержанию.

С одним из классиков российской цивилистики профессором Борисом Борисовичем Черепяхиным, разъяснявшим неразумным студентам сложные смысловые понятия правового регулирования гражданского оборота, мое первое знакомство произошло отнюдь не на его лекции.

Группа романтиков-весельчаков в конце первого года обучения ездила в Волосовский район, чтобы своим концертом хоть чуточку скрасить беспросветно серую и тяжелую житуху колхозников. Обрато нас доставили в Питер очень рано, когда автобусы-трамваи-троллейбусы еще не начали развозить пассажиров, и шумная студенческая компания расположилась в вестибюле Меншиковского корпуса института в ожидании начала рабочего дня у транспортников. Вспоминали эпизоды поездки, рассказывали анекдоты, пели недавно сочиненные песенки.

Наш студент Семенов написал на мотив «Москвы майской» братьев Покрассов:

Холодок бежит за ворот
То пришла, лишив нас сна,
В Ленинград, любимый город,
Долгожданная весна.

Вдруг с шумом открылась дверь одного из внутренних помещений, и на пороге появился человек в накинутом на плечи домашнем халате и тапочках на босые ноги. Высокий, сухопарый, лысоватый, в круглых очках, сползавших на кончик острого красноватого носа. Он с криком обрушил на нас обвинения в хулиганстве и несоблюдении правил общежития. Это было совершенно неожиданно. Никто даже не мог предполагать, что в нашем учебном корпусе имеется жилье. Громкие разговоры, смех, песни, очевидно, нарушили покой в предрассветное время (была белая ночь, когда, по-Пушкину, «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса»), но чтоб такое воспринималось как хулиганство... Нет уж! Кричавшему старику был дан отпор. Арик Житловский выступил вперед и повышенным тоном потребовал, чтобы крикун протер свои очки и смог увидеть студентов, а не хулиганов. Мы, конечно, приносим извинения, но наивно полагали, что в столь раннее время в учебном корпусе должно быть безлюдно, а если кто-то тут устроил себе жилище, то это нарушает правила для нежилых помещений. И человеку, занимающему помещение у юридического института, следовало бы такое знать. Только осенью, став студентами второго курса, мы выяснили, кого Арик поучал насчет полезности знания законов.

Борис Борисович Черепяхин (1894–1969) переехал из Свердловска в Ленинград в 1952 году и стал преемником С. И. Аскназия на посту заведующего кафедрой гражданского права Ленинградского юридического института, а в 1954-м, после присоединения института к университету, возглавил юридический факультет ЛГУ и объ-

единенную кафедру гражданского права, сменив на этом посту А. В. Бенедиктова. Пост декана он занимал в течение трех лет, а пост заведующего – более десяти. В 1917 году Борис Борисович окончил Казанский университет. С 1920-го по 1931 год преподавал сначала в Пермском университете, позднее – в Саратовском, затем – в Иркутском. Уже в 1920-е годы Б. Б. Черепяхин активно печатался не только в отечественных, но и в зарубежных изданиях. В числе опубликованных в тот период работ особый интерес представляет монографический очерк «К вопросу о частном и публичном праве» (1926). Многие развитые в нем положения и сегодня весьма актуальны. В 1945 году в Свердловском юридическом институте Б. Б. Черепяхин успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Добросовестное приобретение права собственности от неуправомоченного отчуждателя». Эта работа оказала значительное влияние на все последующие исследования в области гражданско-правовой защиты права собственности. На ленинградский период жизни ученого приходится публикация многочисленных трудов о волеобразовании и волеизъявлении юридического лица, исковой давности, представительстве, перевозке, буксировке и т. д. Особое место занимает монография «Правопреемство по советскому гражданскому праву» (1962), повлиявшая не только на развитие цивилистической мысли, но и на труды по общей теории права и международному праву.

Как-то во время перерыва между занятиями группа студентов на лестничной площадке вовсю дымила папиросами. Тут появился невысокого роста щуплый паренек и властным тоном потребовал, чтобы курильщики отправились в отведенную для них комнату и не мешали прохождению на лестницу. Мы уже были старшекурсниками, и такой тон какого-то сопляка вызвал всеобщее негодование. Высокий и статный красавец Мишка Шаталов схватил наглеца за воротник и предупредил, что, если он еще раз посмеет нами командовать, то своими ребрами просчитает все ступеньки крутой лестницы. Лишь пару месяцев спустя, увидев паренька за кафедрой в лекционном зале, мы узнали, с кем имели дело. Отдельные лекции по «сво-

им» темам читал тогда еще очень молодой преподаватель кафедры гражданского права, Ю. К. Толстой. Тот самый академик Ю. К. Толстой, который сейчас признан ведущим российским цивилистом. Из информации, содержащейся на сайте юрфака Санкт-Петербургского государственного университета, ясно, что Юрий Кириллович Толстой начал работать на кафедре гражданского права с 1953 года.

Первые шаги на научном поприще он совершил под руководством А. В. Бенедиктова. Перу Юрия Кирилловича принадлежит более двухсот трудов, в том числе десять монографий по общей теории права и гражданскому праву. Наиболее известны: «Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР» (1955), «К теории правоотношения» (1959), «Основы гражданского законодательства» (1962), «Новый ГК РСФСР» (1965), «Советское жилищное право» (1967), «Гражданско-правовая охрана интересов личности» (1969), «Советское жилищное законодательство» (1974), «Жилищное право» (1996), «Наследственное право» (1999). Ю. К. Толстой – один из основных авторов и соредактор всех изданий учебника по гражданскому праву, на котором воспитано не одно поколение юристов.

Нельзя не отметить, что Юрий Кириллович более 25 лет был руководителем известного научно-теоретического журнала «Правоведение». Под руководством Ю. К. Толстого сложились как ученые и вышли на научную, политическую и хозяйственную арену многие известные юристы; некоторые из них уже стали докторами и профессорами. Профессор Ю. К. Толстой активно участвовал в законопроектных работах, в частности в подготовке Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., законов о собственности СССР и РСФСР, Гражданского кодекса РФ и ряда других нормативных актов.

Ю. К. Толстой с 2001 года является членом-корреспондентом, а с мая 2003-го – действительным членом Российской Академии наук. В 2002 году за заслуги в научной и педагогической деятельности и многолетнюю добросовестную работу он награжден орденом «За заслуги перед Отечеством».

Валентина Федоровна Яковлева сразу же, как только произнесла первые фразы своего курса лекций, завладела вниманием аудитории, особенно мужской ее части. Покорял не столько ход ее мысли или внешность, хотя она была хорошенькой, а голос. Бархатное меццо-сопрано ласкало слух, волновало, даже тревожило, вызывая какие-то смутные ощущения от женского обаяния. Изложение шло логично, содержало и теоретические обобщения, и систематизацию правовых норм, и иллюстрации, почерпнутые из судебной практики. После прослушанного в лекционном зале оказывалось достаточно просто работать на семинарах.

Их со знанием дела вела в то время доцент, а позже – профессор Е. А. Поссе. Она была лишена обеих рук, но мужественно переносила трагедию, показывая всем, что не испытывает никаких комплексов неполноценности. Ее волевой характер, сообразительность, житейская мудрость вызывали уважение у студентов, которые с удовольствием посещали ее занятия.

Яковлева часто ходила вместе с Поссе, помогая ей обслуживать себя в ситуациях, когда без посторонних рук было не обойтись.

Лекции и семинары по отдельным частям обширного курса гражданского права вел престарелый профессор Николай Абрамович Райгородский. Мне кажется, что в институте не было таких преподавателей, которые подобно Николаю Абрамовичу переживали из-за пробелов в знаниях студентов. Перед тем как начать лекцию, он обычно проводил беглый опрос по предыдущей теме. Заставлял конспектировать книги по гражданскому праву. Приглашал должников к себе домой, где в заваленном книгами кабинете долго и упорно разъяснял трудный для усвоения материал. Там же у нашей группы как-то был принят им зачет по авторскому праву.

Материал Интернета об этих преподавателях далеко не полностью освещает их деятельность и заслуги.

Доктор юридических наук, профессор В. Ф. Яковлева широко известна как специалист в области правового регулирования отношений материально-экономического снабжения. Идеи, которые она выдвинула и развила в своих монографиях – «Специализация и кооперирование промышленности» (1974), «Правовые проблемы перевозки и материально-технического снабжения» (1978), – по-прежнему представляют большой научный интерес.

Профессор Е. А. Поссе исследовала вопросы наследственного и семейного права, опубликовала двадцать шесть научных работ, в частности «Проблемы семейного права» (1976, в соавт. с Т. А. Фаддеевой).

Н. А. Райгородский известен как крупный специалист в области изобретательского и авторского права; в 1949 году вышла в свет его монография «Изобретательское право в СССР».

Почему меня потянуло к кафедре трудового права, определенно сказать трудно. Возможно, подкупил своим профессионализмом преподаватель Пруденский, руководивший в моей учебной группе семинарами по трудовому праву. Он был скуп на слова, но то, что говорил, было ясно, точно и убедительно. Решение казусов превращалось в напряженный поиск точных ответов, не допускавших каких-либо произвольных толкований трудового законодательства.

Кажется, память преподавателя хранила формулировки не только статей Кодекса законов о труде, но всего массива источников трудового права.

Не исключаю и такого объяснения: притягательным оказался царивший на кафедре дух взаимопомощи. Когда на работу, опубликованную доцентом Ф. М. Левиант, появилась вызывающе грубая рецензия, подписанная трудовиком Мамяофи, кафедра во главе с заведующим ошестинилась и чуть ли не объявила войну тенденциозному и хамоватому оппоненту.

Конечно, многое зависело от большого авторитета руководителя кафедры.

Кафедра трудового права и охраны труда была основана 10 сентября 1930 года. Функционировала она сначала в составе Ленинградского юридического института им. М. И. Калинина, а затем, после объединения института с юридическим факультетом Ленинградского госуниверситета – в составе университета. Основателем кафедры был доктор юридических наук, профессор В. М. Догадов, который считается одним из основоположников науки советского трудового права. С его именем во многом связаны становление и развитие трудового права как самостоятельной отрасли, научная разработка важнейших институтов этой отрасли: коллективного и трудового договоров, государственного социального страхования, правового положения профсоюзов и др. В. М. Догадов – автор более 70 научных работ, среди которых были крупные и оригинальные монографические исследования, очерки трудового права, учебники и учебные пособия

С рядом сотрудников бывали интересные беседы на профессиональные темы. Вспоминаются встречи с Ф. М. Левиант, лаборанткой Леной Магницкой, позже защитившей кандидатскую диссертацию, со ставшим к началу шестидесятых годов профессором А. С. Пашковым, чье имя вошло в историю факультета.

С 1961-го по 1992 год кафедрой заведовал лауреат Государственной премии, автор более ста научных работ доктор юридических наук, профессор А. С. Пашков. В 1966 году по его инициативе кафедра приступила к разработке правовых проблем научной организации труда, а также перспективного планирования социального развития коллективов. Деятельность кафедры в указанном направлении завершилась опубликованием коллективной монографии «Правовые основы научной организации труда».

А. С. Пашков даже побывал у нас с Ритусей в Таллинне (тогда он уже руководил Институтом конкретно-социологических исследований при ЛГУ), а вслед за этим тепло принимал нас у себя в кабинете директора (устроил целый пир с напитками и закуской).

Мне удалось после проработки ряда справочников, журнальных и газетных статей написать курсовую работу о правовом регулировании тарифных ставок, и этот труд был хорошо воспринят. Одну из практик студент пожелал проходить в юридической консультации областного Совета профсоюзов во Дворце профсоюзов на площади Труда под руководством известного специалиста Ионаса. Через неделю он уже самостоятельно принимал клиентов, разъяснял законы, составлял жалобы и заявления.

Скорее всего, криминалистическое направление априори вызывало интерес благодаря некоему псевдоромантическому ореолу, которым окутана деятельность по противостоянию преступности – разные детективные истории с закрученными сюжетами, погонями, стрельбой, допросами, очными ставками, опознаниями, прослушками и т. п. Противоположные по своему воздействию события как-то нейтрализовали мое первоначальное романтическое влечение к уголовщине.

Знаменитый ленинградский психиатр профессор Измаил Федорович Случевский завораживал уже своей личностью. Сухопарый, с шевелюрой седых вьющихся волос, опускавших до воротничка его рубашки, слегка сутулый, он имел привычку держать руки согнутыми в локтях и поднятыми до уровня подбородка, соединенными переплетавшимися пальцами. Разгуливая по сцене лекционного зала в такой позе, он объяснял нам симптомы психических расстройств, иллюстрируя их душераздирающими примерами из судебной практики. Его тихий голос производил гипнотический эффект. Было такое впечатление, что ты сам стал пациентом профессора и обнаруживаешь у себя признаки опасного недуга.

Впечатление усилилось от посещения психиатрической больницы на 5-й линии Васильевского острова. До слез пробивал вид несчастных пациентов, ряды которых, как казалось, по желанию врачей мог пополнить любой из студентов. Хотя информации о том, что творилось в государстве, у нас не было, но интуитивно от соприкос-

новения с психиатрией возникал животный страх. Грань между здоровой и нездоровой психикой выглядела подвижной, и этим обстоятельством без особого напряжения можно было воспользоваться в коварных целях. Спустя несколько лет стало известно, что сталинская репрессивная система использовала психушки с меньшей интенсивностью, чем другие карательные механизмы. Причем власти предрасположенные и после смерти тирана долгое время не считали нужным отказываться от применения психиатрии для борьбы с инакомыслием.

Скульптор и художник с мировым именем Михаил Шемякин в интервью Эльдару Рязанову вспоминал, как его преследовал КГБ за распространение копий с произведений старого немецкого мастера Маттиаса Грюневальда, «страшноватого немецкого художника Средневековья, оказавшего большое влияние на экспрессионизм». Шестнадцатилетний юноша был исключен из художественного училища. Молодого мастера предупреждали, чтобы он прекратил преклоняться перед Западом, а когда беседы своего действия не возымели, его насильно поместили в больницу им. Скворцова-Степанова, находившуюся на окраине Ленинграда. Персонал этого заведения нередко покорно выполнял роль внесудебного карателя. Не так уж сложно было при помощи медикаментов и всей обстановки здоровую психику человека превратить в больную.

М. Шемякин рассказывал:

Мое прощание с профессором Случевским (по всей видимости речь идет о сыне нашего профессора Федоре, возглавлявшем клинику, где пребывал Шемякин. – Ю.Л.) [...] было таково: я явился к нему в гражданском облачении, чтобы забрать свои оставшиеся после выставки рисунки (в больнице устраивались вернисажи работ пациентов. – Ю.Л.). Большую часть мне не вернули. Я ему сказал: «Прощайте, господин профессор», он мне ответил: «До свидания, Миша». Я говорю: «Нет, прощайте». Он: «А я думаю, до свидания». Я спросил его: «Почему?». Он сказал: «У меня есть точное чувство, что мы с вами еще увидимся здесь. Вы сами к нам вернетесь. К нам воз-

вращаются почти все». Я засмеялся. Однако психика освобожденного пациента позже дала сбой, и только ценой невероятных усилий Михаил Шемякин смог вернуть себе состояние нормального человека.

После первого курса нужно было пройти ознакомительную практику по уголовным делам в прокуратуре. Преподаватель криминалистики П. П. Цветков, являвшийся руководителем практики, составил программу, по которой кроме всего прочего мне предстояло участвовать в осмотре трупа. У следователя транспортной прокуратуры на Московском вокзале, с которым я работал в течение месяца, в производстве были всякие дела, преимущественно кражи у пассажиров поездов, но ни одного происшествия с трупом. Так мной в отчете о практике и было отмечено. Не мог же практикант совершить убийство ради последующего осмотра трупа!

Труп все же удалось осмотреть, но позже, на практике по судебной медицине в морге Мечниковской больницы. Там, кстати, произошел забавный случай. В помещении, пропахшем хлороформом и покойниками, студенты-юристы чувствовали себя, мягко говоря, не слишком комфортно. Лежавшие на столах под белыми простынями фигуры тоже не вызывали оптимизма и наводили на грустные мысли о бренности существования. Кое-кто из девчонок был в полуобморочном состоянии. Парни курили, но дым от папиросы даже спустя несколько дней вызывал запахи морга.

Прозектор, видно, наглотавшийся спирта, был в хорошем расположении духа. Возможно, для того, чтобы как-то скрасить впечатление от места своей работы, он решил пошутить. У трупа какого-то бродяги была вскрыта брюшная полость, и туда вложен каким-то образом попавший в богоугодное заведение и лежавший на соседнем столе человеческий выкидыш. Весельчак скрипучим голосом пояснил, что сейчас мы наблюдаем зарождение сенсации, которая через несколько десятков, а может быть, и сотен

лет перевернет все представления о различиях мужского и женского полов, так как в скелете мужчины будут обнаружены останки человеческого существа на ранней стадии его развития. Тем самым наука придет к заключению, что мужчина способен забеременеть. С той поры прошло почти шесть десятков лет, но кроме как в голливудском кинофильме с участием Арнольда Шварценеггера о беременности мужчин ничего не сообщается. Возможно, предмет патологоанатомического юмора еще не вытасчен из земли.

Другую практику я проходил в прокуратуре Куйбышевского района под руководством следователя по фамилии Беленькая. Ей, видно, нравилось раскрывать студентам секреты следственного ремесла. У нее стажировался не я один, и все в один голос утверждали, что получили достаточно ясное представление о профессии следователя. От «патронши» я впервые получил информацию, касающуюся взаимодействия следствия и милицейских оперативников. Был вместе с ней на площади Урицкого (позже — Дворцовой) в уголовном розыске. Там наблюдал психологические штурмы, превращавшие подозреваемого в беспомощное существо, которое давало нужные оперативникам показания. Участвовал в разработке плана раскрытия преступления, обсуждавшегося следователем и работниками уголовного розыска, допрашивал, проводил очные ставки, составлял постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительные заключения.

Занимаясь одним из уголовных дел о растлении дворником малолетней девочки, я попал в сложную ситуацию. Пока в поисках вещественных доказательств лазил в присутствии понятых по углам убогой дворницкой квартиры, мой дворник, сидевший на разобранной постели в кальсонах и ночной рубашке, сотворил над собой насилие: лезвием безопасной бритвы он надрезал свой яичник, вытащил одно яичко и проглотил его. Этим, по его замыслу, он должен был убедить следователя, что является психически больным человеком. Лужи крови, паника, поиск относи-

тельно чистых тряпок, чтобы закрыть ими рану, вызов скорой помощи — все это было для юного практиканта тяжелым испытанием. Беленькая сказала, что я действовал правильно.

Постучав в соседнюю квартиру в поисках свидетелей преступления, я обнаружил, что дверь не заперта, и зашел в помещение. Передо мной открылась та еще картинка. На диване сидела молодая раздетая до пояса женщина. Вид ее больших, но крепких на вид грудей ударил мне по глазам с такой силой, что от неожиданности на какой-то момент я вообще перестал что-либо видеть. Отойдя от стресса, заметил, что напротив грации сидит молодой человек и держит фотоаппарат. Лицо фотографа показалось знакомым. И действительно им оказался некто Фролов, который в период моей учебы в школе-семилетке числился в параллельном классе. Юноша смотрел на меня с явным смущением. Предъявив прокурорское удостоверение, я поинтересовался, что происходящее означает и не помешал ли я созданию порнографического фото. А с этим делом тогда было строго. В ответ окончательно перепуганный изготовитель фотографий дрожащим голосом пробормотал, что он выполняет работу по заказу мужа обнаженной махи, который, служа в армии, хочет получить картинку любимой беременной жены. Сделав вид, что сомневаюсь в правдоподобности сказанного, я велел девахе прикрыться и рассказать, что ей известно о дворнике-соседе. Она дала чрезвычайно полезные для дела показания, благодаря которым расследование было завершено в короткий срок.

В этой же прокуратуре под руководством помощника прокурора Смирнова я занимался вопросами общего надзора, бывал вместе с шефом на промышленных предприятиях, составлял справки, обзоры и представления. В конце срока практики Смирнов вообще отключился от изготовления документов, говоря, что ему надо подумать и покурить (а выкуривал он в день не меньше двух пачек папирос «Беломор-канал»). Такая школа пошла на пользу.

Была у меня и проба в народном суде, где я выступал в роли государственного обвинителя. Посмотреть на юного прокурора пришли мои школьные приятели Лева Аншилевич и Сеня Кноринг. Дело было плевое — хулиганство, совершенное крепко подвыпившим рабочим пареньком. Сломана дверь подъезда дома, разбито окно квартиры на первом этаже, грубая нецензурная брань, публичное освобождение мочевого пузыря от излишней жидкости. Доказательства бесспорные: есть потерпевшие и свидетели, фотографии места происшествия, да и подсудимый не утверждал, что он этого не делал и не мог сделать, а просто ничего не помнит. Готовясь к первому в жизни уголовному процессу, я начитался найденных в библиотеке речей А. Ф. Кони. Закатил речугу чуть ли не на полчаса. Судья-мужчина смотрел на меня с удивлением, и на его лице было написано, что все-таки из пушек по воробьям стрелять не стоит. Обвинительный приговор содержал наказание на треть меньше, чем требовал обвинитель.

Отнюдь не романтическим флёрром, а серьезным и глубоким проникновением в юридическую природу преступления и наказания были отмечены лекции по общей части уголовного права, прочитанные профессором Михаилом Давидовичем Шаргородским. Мне посчастливилось неоднократно с ним встречаться, даже быть у него дома, где происходил разбор первого проекта моей докторской диссертации.

О том, что уважаемый профессор стал легендарной личностью, говорит хотя бы тот факт, что на здании юридического факультета, который сейчас находится на 22-й линии Васильевского острова, в память о Михаиле Давидовиче красуется мемориальная доска.

Будущий президент России, а тогда — представитель своего предшественника на этом посту Д. А. Медведев, выступая на митинге по поводу открытия памятных досок трем профессорам юридического факультета, в первую очередь отдал дань светлой памяти А. А. Собчака. А после этого сказал:

«Два других уважаемых ученых, которых сегодня вспоминают, Михаил Давидович Шаргородский и Анатолий Васильевич Венедиктов, не были активными политиками. Они были сыновьями противоречивого времени. Анатолий Васильевич Венедиктов развивался как ученый еще до революции, Михаил Давыдович Шаргородский – в период НЭПа, и очевидно, что все их творчество неразрывно связано с российской историей. Некоторые правовые конструкции прошли сквозь огонь, воду и медные трубы и воплотились в новейшем законодательстве. Отдавая дань памяти нашим профессорам, мы восстанавливаем связь времен и мы горды тем, что эти люди работали на нашем факультете и создавали культурную и политическую историю Санкт-Петербурга и России».

Не менее красноречива и другая официальная информация.

С 1945-го по 1963 год кафедру уголовного права возглавлял ученик П. И. Люблинского, профессор Михаил Давидович Шаргородский. Он был широко эрудированным ученым. Кроме уголовного права, которое составляло для него основной объект исследований, его научными интересами охватывались вопросы общей теории права, этики и философии. Научное наследие М. Д. Шаргородского включает более 200 работ, 27 из которых были переведены и изданы за границей. В числе наиболее известных его научных работ следует назвать «Уголовный закон», «Преступления против жизни и здоровья», «Ответственность за преступления против личности», «Вопросы Общей части уголовного права (законодательство и судебная практика)», «Наказание по советскому праву», «Наказание, его цели и эффективность». Помимо своей научно-исследовательской деятельности профессор М. Д. Шаргородский получил известность и как опытный педагог. Под его научным руководством на кафедре было подготовлено 45 кандидатов юридических наук, 10 из кото-

рых в дальнейшем защитили докторские диссертации. Большую популярность имели лекции профессора М. Д. Шаргородского, которые он читал студентам и практическим работникам правоохранительных органов.

Когда я посещал в Ленинградском университете подготовительные курсы для поступления на географический факультет, то испытывал наслаждение от лекций по русской литературе, с которыми выступал доцент-филолог. Именно выступал. Стилистика, образность, голос и дикция – все было так совершенно, что я забывал, где нахожусь и по какой причине. Содержание и смысл передаваемой лектором информации казались малозначительными по сравнению с тем, каким образом об этом говорится. Не могу утверждать, что Михаил Давидович был подобным красочным оратором. Но для меня, уже опытного студента, эстетичная риторика преподавателя в то время не была таким навязчивым ожиданием, как в начале студенческого пути. Выступления маститого профессора привлекали другим. Предмет каждой лекции был строго очерчен, он имел свою внутреннюю логику, изложение шло по четкому плану. Многим сюжетам предшествовала обстоятельная информация об истории вопроса в его научном аспекте. Потом, тем не менее, изучая труды профессора М. Д. Шаргородского, я пришел к выводу, что лектор не акцентировал должного внимания на вкладе в теорию уголовного права русских дореволюционных и западных криминалистов, о чем было рассказано в более поздних книгах автора. Оно и понятно. Шел 1952/53 учебный год.

Хотя на лекциях М. Д. Шаргородского было тихо, но на задних рядах порой проводились турниры в молчаливые игры типа крестики-нолики. Часть студентов слушала анализ норм уголовного права рассеянно, так как далеко не все в словах профессора было с первого раза понятно.

Главное, чем профессор подкупал меня, так это густой концентрацией самостоятельных идей и убедительными аргументами в пользу своих трактовок, противостояв-

ших мнению ряда других советских правоведов или даже Верховного суда СССР. Ясно был заметен богатый интеллект учителя и его энциклопедические познания в юриспруденции. Атмосфера, создаваемая такими лекциями, облагораживала слушателей, которые получали мощный импульс для собственного мыслительного процесса. Не знаю, для кого как, но для меня они сыграли большую роль. Стало интересно читать юридическую литературу. В библиотеке я испытывал искреннее желание погрузиться в каждый свежий номер журнала «Советское государство и право» и в появившийся спустя некоторое время журнал «Правоведение».

Увлеченный своей наукой и мыслями о ней, находившийся уже в возрасте профессор был способен превратиться в горячащегося юношу, отстаивающего право на собственное мнение, даже если это грозило тяжелыми последствиями. Кажется, в 1963 году на факультете состоялась теоретическая конференция, на которой мне довелось присутствовать вместе с некоторыми бывшими коллегами из Таллиннской школы милиции. Собралось много юридических знаменитостей. В том числе американский профессор-криминалист, проходивший стажировку на факультете как знаток советского права. С докладом выступал замминистра юстиции СССР Теребилов (впоследствии — министр и председатель Верховного суда СССР). После него — американец, а затем — М. Д. Шаргородский.

После догматического выступления Теребилова раздались жиденькие вежливые аплодисменты. Доклад гостя из другой страны, в котором поднимался вопрос о биологических причинах преступности, был встречен шквалом оваций. Неменьший фурор произвели идеи третьего докладчика, обосновывавшего тезис, что криминалистическая наука начинается там, где она говорит «НЕТ» практике. Собственно говоря, ничего крамольного в этом афоризме не было. Наука должна открывать практике глаза, быть, по выражению Иммануила Канта, ее слугой, но не таким, кто тащит вслед за господином его чемада-

ны, а тем, кто идет впереди с фонарем и освещает дорогу. Однако такая постановка вопроса, да еще в присутствии участника конференции из цитадели капитализма, да еще выступившего с немарксистскими идеями, да еще при игнорировании апологетической роли науки (в том числе и марксистско-ленинского уголовного права) вызвала категорические возражения со стороны Теребилова, о чем он и заявил в своем заключительном слове.

Не знаю, сожалел ли потом Михаил Давидович о своем докладе, в котором не посчитал нужным конформистски оправдывать существующие порядки, а сказал свое «фе». По доносу московского чиновника ЦК КПСС объявил знаменитому профессору партийное взыскание и рекомендовал снять с должности заведующего кафедрой, а также освободить от руководства всесоюзным юридическим журналом «Правоведение», издававшимся Ленинградским университетом.

Заведовать кафедрой стал Николай Александрович Беляев. Это событие между строк можно распознать путем сравнения текстов официальных справок о М. Д. Шаргородском и Н. А. Беляеве.

С 1963-го по 1989 год кафедрой уголовного права заведовал профессор Николай Александрович Беляев, научные интересы которого распространялись на уголовное право, криминологию, уголовно-исполнительное право. За время своей научной деятельности Н. А. Беляев опубликовал более 100 работ, наибольшую известность среди которых получили монографии «Предмет советского исправительно-трудового права», «Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях», «Уголовная политика и пути ее реализации». Являясь опытным педагогом, профессор Н. А. Беляев большое внимание уделил подготовке научных кадров. Под его научным руководством кандидатские диссертации защитили более 30 аспирантов и соискателей, многие из которых стали докторами наук. Основным направлением научно-исследовательской работы кафедры под руководством Н. А. Беляева становится написание коллективных научных трудов.

С будущим завкафом я познакомился уже в первый месяц свой студенческой жизни. Коля Беляев был главой комсомола института и аспирантом кафедры уголовного права. Он обладал харизмой, которая на одних, в том числе и на меня, действовала притягательно, но у других рождала неприязнь и даже категорическое неприятие его как лидера и человека. Наши встречи в основном происходили на ниве общественной деятельности, а после окончания вуза — уже на научной основе. Николай Александрович Беляев, к тому времени доктор и профессор, стал моим научным консультантом по докторской диссертации.

Это тема самостоятельного и важного для меня отрезка жизни, которому надеюсь уделить внимание в последующем рассказе. Сейчас же хотелось бы поблагодарить судьбу, что она свела меня с умными, талантливыми и отзывчивыми людьми — соратниками профессора М. Д. Шаргородского. С большой теплотой вспоминаю Иосифа Исааковича Солодкина — научного руководителя моей кандидатской диссертации. То же самое должен сказать о Нине Семеновне Лейкиной и Илье Григорьевиче Филановском.

Были, разумеется, многие другие предметы и преподаватели, создававшие из студенческого сырья профес-сионалов-правоведов. Всего не охватишь. Им я внимал, пыхтел, старался. Возвращаясь домой с очередного экзамена, слышал ставший стандартным папин вопрос: «Ну, что, опять пятерочка?» Если бы не последовал утвердительный ответ, то это было бы неправдой.

9.5. Народ

Профессура, доцентура и вся остальная «ура» имеют полное основание положить руки на свои сердца и запеть: «Вышли мы все из народа...» Только народом, чтобы все обошлось без ошибки, в данном случае правильнее всего было бы считать студенчество во всех его проявлениях и разновидностях.

Мое вхождение в народ началось с того, что не по собственному желанию я приобрел новое имя. На первом собрании группы № 62, где решался вопрос о старосте (им стал бывший армеец Евгений Григорьев — на групповом фото помещен слева от меня) я получил записку от какой-то девчонки (кажется, Жени Рысс): «Как тебя зовут»? Ответил: «Ю. Лившиц». Инициал имени был расшифрован по русскому стандарту — Юра. За мной такое имя закрепилось так прочно, что даже Рита долгие годы после нашего знакомства не могла перейти к паспортному подлиннику, причем то же самое случилось и с мамой, не желавшей прятаться от моих метаморфоз.

Учебное сообщество создавалось, очевидно, простым арифметическим делением массы первокурсников на относительно равные части. Поэтому группы образовались хотя и примерно схожими по числу студентов, но разными, если можно так сказать, по своему интеллектуальному и культурному багажу.

Мои симпатии произвольно сложились таким образом, что оказались не на стороне той учебной группы, в которую я был зачислен. Вот ребята из других групп — другое дело. Многие начитанные, с чувством юмора, инициативные в делах и развлечениях.

Николай Геллер, ставший впоследствии следователем прокуратуры, любимец курса, обаятельный весельчак, артист по натуре, мой большой приятель, с которым мы вновь повстречались на эстонской земле и были духовно

*Николай Геллер
четверть века
спустя*

очень близкими вплоть до его преждевременной кончины в 1979 году. Полноват, невысок, стекла очков делают маленькие карие живые глаза побольше, приятный тенорок, почитатель оперетты, легок в танцевальных прыжках. На студенческой эстраде — в паре с Азарием Гусиным, и всегда — оглушительный успех. Мы вдвоем тоже выступали, но уже на эстонских подмостках.

*Азарий Гусин чет-
верть века спустя*

Зорик Гусин начитан, увлечен театром, поступал в театральный институт, статный с мощным красивым голосом, гремящим со сцены, когда мы появляемся на ней в институтские праздники, волейболист, преферансист. Судьба нас связывала более полувека.

*Саша Богорад об-
разца 1955 года*

Саша Богорад пришел к юристам, пройдя пару курсов обучения в медицинском институте. Толковый, деловой. У него в большой цене профессионализм и знания. Мы с пониманием смотрим друг на друга, но он старше меня и более взрослый по ощущению жизненных благ. Близкого контакта не получается. Потом он успешно займется оперативной работой в одном из районных отделов милиции Питера, а в конце концов станет известным в городе адвока-

том. Мы с Ритой были у Саши на свадьбе, познакомились с его очаровательной супругой Олей, а также с большой черной псиной Варькой, из шерсти которой жена вязала мужу свитера и варежки. Но нахождение на разных территориях и какие-то иные, не понятные мне обстоятельства не дали хода продолжению сложившихся ранее теплых отношений.

Иосиф Ройтур и Бибка Володарская поженились еще в студенчестве. Иосик — увлекающаяся натура. Парашютист, в курсе спортивных, литературных и театральных событий. Впоследствии — преуспевающий ленинградский адвокат, а умница Бибка — квалифицированный арбитр.

Еще одна симпатичная супружеская пара: Виктор Савин с Ириной Новиковой. Виктор — толковый, деловой, практичный, грузный курчавый блондин, душа-рубаша. Потом сделает карьеру в ленинградской милиции, займет большой пост в ее транспортном подразделении, дослужится до чина полковника. Вспоминаю, как, находясь в военном лагере, мы горячо обсуждали с ним появившуюся сенсационную информацию об аресте Л. П. Берия. Единодушны в том, что если бы мерзавец-палач стал диктатором страны, мы бы ушли в леса и стали участниками партизанского движения за свободную Россию. Воодушевленно распеваем песню:

Нас в коммунизм без лишних слов
Ведет товарищ Маленков.
А от пройдохи Берии
Остались пух да перья.

На курсе имеются собственные красавицы. Если бы в то время советским студенткам можно было бы участвовать во всемирных конкурсах красоты, то, не сомневаясь, призовые места были бы нашими.

*Ритуса, я и Мара Кириллова
в Таллинне четверть века
спустя*

Вот пример — Мара Кириллова. Глаз от нее не оторвать. К тому же умна, деловита, верит в свое право быть свободной и жить по правилам, которые ее устраивают, не прислушиваясь к мещанской молве. Став специалистом, она успешно трудится научным сотрудником в НИИ социологии при ЛГУ. Бывала у нас с Ритой в Таллинне, где мы и сфотографировались.

Я мог бы назвать целый ряд других мужских и женских имен умниц и весельчаков, каждая встреча с которыми у меня вызвала очень теплые чувства. Но что даст простое перечисление? О том, как сложились их судьбы, почти ничего не знаю. Да и в студенческую пору мы общались не столь часто, чтобы было что рассказывать, основываясь на личных впечатлениях.

Моя же группа № 62 оказалась весьма разношерстной. Значительная часть мужского состава имела за плечами возраст, превышающий четверть века. А некоторым было и за тридцать.

Например, один из согруппников прошел службу в Военно-морском флоте, дойдя до чина капитан-лейтенанта. Желтый цвет кожи его лица и некоторые другие признаки указывали на проблемы со здоровьем. Человек он был компанейский: выпивал, играл американские блюзы на рояле, рассказывал всякие истории из флотской военной жизни, причем такие, которые детям лучше бы не слушать. На семинарах юлил, хитрил, пытаясь создать впечатление, что вопрос знает, но не может точно сформулировать. Всем своим видом показывал, что рассчитывает

из-за возраста на снисхождение со стороны преподавателей, был по отношению к ним заискивающе подострастен. После окончания учебы получил завидную должность в Мариинском дворце (Городской исполком), превратившись в неприступного и заносчивого чиновника.

По возрасту от него не намного отставали еще человек шесть. Они прошли испытание армией и производством. По сравнению с этой братвой, знавшей, почем фунт лиха, трое мальчиков, только что окончивших школу, могли кое-кому показаться попавшими не на свое место. Все-таки юриспруденция — дело зрелых и деловых людей. Но жизнь разнообразнее априорных схем. Наш выпускник из «стариков», не успев проработать следователем прокуратуры в Архангельской области и года, попался на взятках и оказался за решеткой. Я слышал, что кто-то спился и был уволен. Известно, что в поисках теплых мест «старрики» становились торговцами, вплоть до пивных ларьков. «Мальчики» же оказались успешными «трудягами» по приобретенной в вузе специальности. Один получил место штатного инструктора юридического подразделения обкома комсомола (Олег Буянов), другой стал чтимым оперативником в уголовном розыске (Валентин Постников). Мне повезло заняться преподаванием в школе милиции.

Представительницы слабого пола в своем составе тоже имели как зрелых, много познавших женщин, так и наивных недавних школьниц.

Не обошлось без девиц очень самостоятельных и наглых. Рано выскочив замуж за военных и пользуясь свободой от далеко находящихся супругов и относительным материальным достатком, появившимся по этой же причине, они гуляли напропалую. На занятиях, не разобравшись в обсуждаемом вопросе, скандальным голосом и «жизненными» примерами, не укладывавшимися ни в какие юридические рамки, пытались уложить на лопатки преподавателя. Никогда не наблюдал у них ни тени переживаний из-за проваленного экзамена или несданного зачета.

В то же время злые языки сообщали, что наша пухлощекая девочка в очках и с косичками, став студенткой, не перестала пользоваться заботой своей мамы, которая по утрам убирала за дочкой постель, натягивала на нее чулочки, помогала чистить зубы и мыться в ванной, кормила ее чуть ли не с ложечки. При этом дочь позволяла себе кричать на маму-адвокатессу, капризничать и строить из себя принцессу на горошине. Но в студенческой группе она ничем не выделялась, редко говорила на семинарах, пугливо замолкая при всяком возражении против ее решения казуса или теоретического ответа.

Справедливости ради необходимо упомянуть и наших добросовестных скромниц, тружениц, которые хотя звезд с небес не хватало, но пользу из института извлекли: Пролетарова, Рысс, Мезенцева, Гусева, Виноградова, Гуреева, Федосова и др. Как сложились их судьбы — не ведаю.

Встречались, разумеется, исключения.

Группа № 62 на момент окончания университета вместе с преподавателями В. Ф. Яковлевой (гражданское право), Н. А. Райгородским (гражданское право), К. И. Авдеенко (гражданский процесс), И. И. Мухомовым (уголовный процесс)

Заметен был контраст в бытовой и художественной культуре. Большинство приехало из разных регионов страны и пребывание в Северной Пальмире рассматривало с чисто прагматической точки зрения. Надо было устраиваться в жизни, а остальное — это интеллигентская блажь. Не требовалось много времени, чтобы такое понять.

Марик Резников оказался в нашей группе на третьем курсе. Год учебы он пропустил из-за болезни и таким образом переместился со старшего курса на младший. Пропущенные занятия создали проблемы. Многие из того, что он изучал ранее, оказалось позабытым, а на горизонте неумолимо маячили государственные выпускные экзамены. Он обратился ко мне с просьбой помочь наверстать упущенное. Встречи проходили у Марка, благо его дом располагался близко к моему жилью. Первый раз, подойдя к дверям квартиры подопечного, я был удивлен обилием дверных звонков — двенадцать штук. В квартире проживало соответствующее количество семей. У каждой был не только свой дверной звонок, но и свои лампочки в местах общего пользования, и свои электросчетчики. Но зато, как пояснил Марик, — полное отсутствие конфликтов на почве расходования электричества. В комнате кроме всего прочего внимание привлекло старое пианино. Оказывается, Марик окончил музыкальную школу и очень прилично владел инструментом. Он интересовался живописью, поэзией, что сделало наши встречи, по крайней мере, для меня, весьма интересными.

Иногда шалили. По радио временами исполнялась мелодичная оптимистическая песня, авторы которой утверждали, что государству по плечу самые сложные задачи, так как «каждый молод у нас, в нашей юной прекрасной стране». Марк предложил встречный вариант:

По аллеям тенистого парка
С пионером гуляла вдова.
Пионера вдове стало жалко,
И вдова пионеру... дала.

Почему же вдова пионеру дала,
Объясните, пожалуйста, мне?
Потому что у нас каждый молод сейчас
В нашей юной прекрасной стране.

Однажды, сев за инструмент, Марк спел попури из советских песен, которое мне так понравилось, что позже было включено в наш с Гусиным и Геллером концертный репертуар. Переход мелодии одной песни в мелодию другой был созвучным и естественным, а кусочки текста контрастно стыковались друг с другом, вызывая улыбки теплым юмором. Такое может восприниматься просто как веселящий душу треп под музыку. Не подвластная мне возможность воспроизвести сейчас мелодическую составляющую этого песенного ералаша не исключает того, что все-таки текст удастся сохранить.

Маленькая, невзрачная, но с железным характером, Нина Леонтьева оказалась одной из немногих, кто интересовался литературой, театрами, художественным творчеством. Мы с ней стали сотоварищами в интеллектуальных состязаниях и развлечениях. Я стал бывать у нее дома, но ровно до того дня, когда ее многодетная мамочка стала намекать на устройство будущего ее старшей дочери через замужество. Тем не менее, наши встречи в институте продолжались. Однажды, когда надо было сдавать экзамен по уголовному процессу, устроили соревнование, кто больше выучит наизусть статей Уголовно-процессуального кодекса. Судила вся группа. Я победил с преимуществом в две статьи (117 *contra* 115). Но это произошло позже. А на первом курсе, вскоре после возвращения с колхозных полей, организовали для всей группы экскурсию по достопримечательностям города, в Эрмитаж и Русский музей. Явились далеко не все, в основном девчонки.

Такие инициативы неожиданно подняли меня на высшие этажи институтской комсомольской иерархии. Не могу сказать, что на этот счет горел каким-то желанием. Так уж получилось.

9.6. Деятельность

Понятно, что самодеятельность — не более чем разновидность деятельности. Но многое распознается в контексте. Если ты оказываешься, с одной стороны, в ситуации, когда надо действовать, а с другой — когда действие есть лишь результат твоего добровольного выбора, то понимаешь, что соотношение рода и вида недостаточно, чтобы понять и почувствовать каждую ипостась.

Общеинститутское комсомольское отчетно-выборное собрание состоялось примерно месяца через полтора-два после завершения первой колхозной эпопеи. Большой зал Меншиковского дворца был забит до отказа. Доклад комитета комсомола о работе в прошлом учебном году длился долго. Из слов Коли Беляева можно было понять, что под руководством партийной организации управление комсомолом института осуществлялось успешно. Некоторые члены комитета своими выступлениями дополнили доклад секретаря. «Большевистская скромность» не позволяла оценивать проделанную работу как хорошую, и проголосовали за балл «удовлетворительно».

После этого началась процедура избрания нового руководящего органа. Зачитали список кандидатов, который, по всей видимости, получил одобрение партийного комитета. Из президиума собрания для соблюдения демократической проформы все же прозвучал вопрос, имеются ли какие еще предложения относительно кандидатов в новый состав комитета комсомола. Умиротворенная атмосфера, царившая в зале, когда большинству было до лампочки, кто будет возглавлять институтский комсомол, обуславливала исключение инициативы с мест. Но произошло неожиданное, что вызвало шум и оживление.

Слова попросила Нина Леонтьева и звонким от волнения голосом предложила включить в список для голосования мою кандидатуру. Она аргументировала свою идею

примерами из жизни недавно возникшей 62-й группы, где якобы я (о своей роли она умолчала) уже успел кое-что сделать для сплочения коллектива и его просвещения по части культурных ценностей нашего города. По залу прокатился одобрителный гул. Разумеется, то была реакция не на кандидатуру никому не известного первокурсника. Массе импонировало нарушение скучного порядка, основанного на принципе «одобрямс». Раздались голоса «Включить в список!»

Не только для президиума собрания, но для меня такое предложение стало полной неожиданностью. Может быть, стоило бы взять самоотвод. Но бывший школьный комсомольский вожак уже знал, что за «отказниками» по жизни тянется шлейф подозрений в нежелании нести ответственность за общее дело, а это плохой помощник в движении по жизненной стезе. Кроме того, поступок Нины для многих выглядел как вызов отлаженной партийно-комсомольской бюрократической системе. Отказываться было нельзя. Получив много голосов участников собрания, первокурсник подозрительной национальности стал членом комитета комсомола ЛЮИ.

В составе этого органа я пробыл два года, а в оставшееся до завершения учебы время руководил комсомолом своего курса.

Коля Беляев командовал комитетом не все время. Вскоре он стал секретарем партийной организации института, а его место занял Олег Введенский.

Николай обладал талантом оратора. Даже когда он докладывал на заседании комитета о такой банальщине, как проект плана работы на учебный семестр, слушать его было удовольствие. Высокий, стройный, голубоглазый блондин, бывший в свое время в воевавшей армии комсоргом полка, он умел создать впечатление о себе как о лидере не только по статусу, но и по факту данных ему природой и жизненным опытом возможностей влиять на людей. К тому же подкупала его самоорганизация и деловитость. Можно было позавидовать энергии этого

Николай Александрович Беляев

человека, которой хватало на много одновременно выполняемых дел. Его кандидатская, а еще в большей степени докторская диссертации оставили след в правовой науке того времени. Неслучайно впоследствии Н. А. Беляев как проректор всего университета руководил самым главным направлением — учебной работой. Делал это успешно и долгое время. Ко мне как к младшему коллеге шеф относился с симпатией и заботой. Мы встречались и беседовали не только в официальной обстановке, но и у него дома, где я бывал неоднократно.

Я знал девчонок, которые были очарованы главным комсомольцем до глубины души. Марина Каськович, появившаяся на нашем курсе где-то в середине учебного года, не могла скрыть своего выразительного взгляда, когда находилась рядом с обожаемым мужчиной. Если же кто-то говорил о Коле плохо, она свирепела и превращалась в настоящую фурию. В скором времени Каськович кооптировали в состав комитета, где она стала заниматься финансовыми вопросами.

По институту ходили разговоры, что Коля Беляев — человек конфликтный и карьерист, и по этой причине его надо остерегаться. Но мне известен только один случай, когда по настоянию секретаря парткома из института был изгнан преподаватель.

Доцент Генинг читал нам курс лекций по Особенной части уголовного права (в частности, о преступлениях против личности). Анализируя состав преступления мужеложства, лектор привел список знаменитых мужчин и женщин нетрадиционной сексуальной ориентации. Перечень содержал имена многих известных людей: Платон, Августин Блаженный, Адриан, Александр Македонский, Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, Жорж

Санд, лорд Байрон, Эдгар По, Лоуренс Аравийский, Оскар Уайльд, Эдвард Григ, Андре Жид, Ромен Роллан, Василий Жуковский, Константин Батюшков, Зинаида Гиппиус, Кузьма Петров-Водкин, Анна Ахматова, Петр Чайковский, Грета Гарбо, Марлен Дитрих. Особенно задело за живое упоминание русского музыкального гения Петра Ильича Чайковского. По правилам признанной в то время этики доцент Генинг раскрыл чуть ли не государственную тайну, охранявшую чистоту знаменитостей от всяких пересудов и колкостей. Если учесть ленинские слова о том, что коммунизм развивался не вдали от дороги, по которой шла мировая цивилизация, то можно понять негативную идеологическую реакцию на безрассудный, хотя и эффектный прием, который использовал лектор.

Олег Введенский оказался человеком другого уровня, чем его предшественник. Не связанный ни с научной, ни с преподавательской деятельностью, он не был и нашим студентом, который учился бы стационарно, а не заочно. Секретарь казался человеком, нарушившим завет драматурга Островского «не в свои сани не садись». Таких людей, выполняющих управленческие роли больше по форме, чем по содержанию, принято называть функционерами. Он обычно изображал хорошее настроение, подтрунивал над зависимыми от него людьми, каждый свой шаг согласовывал с Колей. Ушел из жизни, не успев посидеть в кресле секретаря и двух лет. В каком-то питейном заведении поужинал рыбными консервами, отравился, да так сильно, что медицина помочь не смогла.

Членство в комитете комсомола свело меня с разными людьми.

Серьезно к своему поручению содействовать развитию физкультуры и спорта относился Володя Орехов. Он сам был человеком спортивного склада, хорошо играл в волейбол и баскетбол, но избрал карьеру, никак не связанную с юношескими увлечениями. Руководил группой исследователей в Институте прикладной социологии при ЛГУ, защитил кандидатскую и докторскую диссертации

по уголовному праву, стал профессором, заслуженным деятелем науки, принял заведование кафедрой уголовного права юридического факультета от Николая Александровича Беляева. Пользовался большим успехом у девочек. Когда я был студентом первого курса, Володя уже дорос до третьекурсника. Женился на моей однокурснице Орешкиной.

Со старшекурсниками, бывшими фронтовиками Кормилицыным и Тимофеевым контактов не получилось. Они, особенно первый, как мне казалось, были пропитаны духом карьеризма, особенно и не скрывали этого мотива своей комсомольской деятельности. Я тоже, конечно, по-своему, был хорош. Однажды в мужском туалете завел с Кормилицыным разговор о новой работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». С позиций сегодняшнего дня, может быть, такое место для обсуждения такого произведения стоило бы признать подходящим. Но тогда этот позыв мог вылиться в большую неприятность. Мой собеседник так резко оборвал попытку обсуждать у писсуара «гениальный» труд вождя, что я почувствовал себя сущим духовным пигмеем рядом с бдительным коллегой. Очевидно, неслучайно Кормилицын ушел работать в министерство государственной безопасности. Игорь Тимофеев стал видным сотрудником обкома комсомола. Когда мы с Ритусей жили в Нымме под Таллинном, Игорь как-то у нас гостил, но никаких общих воспоминаний о деятельности в комитете комсомола не оказалось, и эта тема в разговорах не затрагивалась.

О других «комитетчиках» остались смутные воспоминания. Помню, что завидовал одному из них, в обязанности которого входила организация студенческих вечеров и художественной самодеятельности. Позже он стал отвечать за сбор членских взносов и в какой-то момент исчез вместе с этими взносами. Было ли раскрыто это преступление, не знаю.

Моим первым участком комсомольской работы стало студенческое общежитие. Оно находилось на Петро-

градской стороне в доме, где размещалось общежитие Педагогического института им. Покровского. По долгу «службы» бывать там приходилось неоднократно. Быт общежития оказался примитивным и сложным одновременно. Студенты жили бедно. Кто-то кому-то был постоянно что-то должен. При появлении каких-то денег начинались мужские водочные тусовки, к которым присоединялись и девушки. Пока не перепивали, пели и рассказывали анекдоты. Благодаря походам в общежитие заметно пополнилась моя коллекция старинных студенческих песен. Некоторые из них читателю уже известны из предыдущих параграфов. Приведу текст еще одной – «Четыре зуба».

На солнце цилиндром сверкая,
По Летнему саду гулял.
И на остановке трамвая
Я девушку Марусю повстречал.
Гулял я с ней четыре года,
На пятый я ей изменил
И в злую сырую погоду
Свой зуб коренной простудил.
Страдая мучительной болью,
Я сон и покой потерял.
Утратив совсем силу воли,
К зубному врачу побежал.
Врач грубо схватил меня за горло
И в кресло свое усадил.
Четыре здоровые зуба
В единый момент отхватил.
Лежат в тазу четыре зуба.
А я, как безумный, рыдал.
Но девушка-врач хохотала.
Я голос Маруськи узнал:
«Тебя я безумно любила,
А ты изменил мне, палач.
Теперь я тебе отомстила,
Бездельник и глупый трепач.

Пшел вон с мово кабинету!
Бери свои зубья в карман.
Носи их с собой при жилету
И помни про гнусный обман»!
На шолнце шилиндром шверкая.
По Летнему шаду хожу.
Марушку швою вшпоминаю
И жубья в кармане ношу.

Превышение нормы горячительного питья приводило к конфликтам, доходившим до рукоприкладства. Жертвой подобного рода разборок нередко оказывался Борис Ритер (фамилия изменена). Могу предположить, что в городе Куйбышеве (нынче – Самара), откуда он приехал в Ленинград для учебы в ЛЮИ, Ритер пользовался авторитетом, по крайней мере, в кругу своего общения. Он, как я уже ранее рассказывал, обладал разносторонними интересами, и многое у него получалось, вплоть до прыжков с парашютом. Он, видно, с удовольствием читал, а обладая хорошей памятью, и немало знал. Это выделяло его из массы жителей общаги. Видимо, он привык к тому, что в провинциальной среде с его мнением считались и принимали без возражений. Однако в общежитии хватало авторитетов и без него. А напористость и упрямство в споре, сочетавшиеся у Бори с некоторой надменностью всезнайки по отношению к «серому» контрагенту, вызывали озлобление. Возможно, еще раздражало произношение, отягощенное грассированием звуков речи. Почему-то принято считать, что такая особенность характерна для евреев. Короче говоря, когда у озлобленного общежитника аргументов не хватало, в ход шли кулаки.

Мне приходилось выступать в роли третейского судьи. Доводить дело до передачи его в комитет комсомола института или, по крайней мере, до его разбора на бюро комсомола курса мне не казалось полезным. Потому что на таких обсуждениях можно было ожидать очень кру-

тых решений, способных начисто поломать человеческую судьбу.

По инициативе секретаря бюро комсомола четвертого курса юрфака университета (ЛЮИ уже перестал существовать), которым я в то время являлся, был организован диспут на тему «Есть ли среди нас обыватели»? Не буду раскрывать все детали этой акции. Важен один сюжет.

С однокурсником Ариком Житловским произошла неприятная история. В маршрутном автобусе, переполненном пассажирами, за то, что случайно, при резком торможении машины Арик, не удержавшись на ногах, толкнул стоявшего рядом мужика, тот нанес ответный удар и обозвал студента жидовской мордой. Защищая свое достоинство, Житловский ударил оскорбителя ладонью по щеке. Пара пассажиров скрутила молодому человеку руки и доставила в милицию. Оттуда поступила информация в университет с предложением принять меры в отношении автобусного хулигана. Такой мерой ректорат посчитал исключение студента последнего курса из учебного заведения.

Я выступил на диспуте и, используя данный пример, поставил вопрос, а не является ли мещанской реакцией на случившийся конфликт позиция, которую занял ректорат. По его мнению, надо считаться, оказывается, не со справедливостью и моральным императивом о приоритете человеческого достоинства, а с правом сильного, подпитанного антисемитским духом? Возможно, студент повел себя не очень корректно, но исключение его с последнего курса университета продиктовано не воспитательными мотивами, а злобной местью непонятно за что.

Как только при звенящей тишине в зале я выдохнул последнее слово, как из задних рядов раздался громкий голос: «Прошу слова!» Почти бегом к трибуне направился чернявый мужчина с франтоватыми усиками, в строгом костюме-тройке, из верхнего кармана пиджака которого выглядывал белоснежный платочек. Когда он начал

свое выступление, я понял, кто тайком решил посетить студенческий диспут юристов. Это был ректор университета, член-корреспондент Академии наук СССР, доктор физико-математических наук профессор Александр Данилович Александров. Подобных слов, адресованных лично мне, ранее слышать не приходилось. Гремели утверждения, что моя оценка происшествия — это полное непонимание политики партии, что это потакание сионизму, что так рассуждать может только хлюпик-интеллигент и далее в таком же духе. Диспут завершился на грустной ноте, а вопрос, содержащийся в названии этой встречи, так и остался без ответа. Через неделю член комитета комсомола университета мой знакомый Марат Перфильев сказал, что на последнем заседании комитета присутствовал ректор. Он просил передать мне свои извинения за столь резкие слова, которые он на диспуте произнес в мой адрес сгоряча.

Спустя два года после завершения учебы мне еще раз довелось повстречаться с Александром Даниловичем. В деканате факультета я не получил разрешения сдавать экзамены кандидатского минимума в качестве соискателя ученой степени. Насколько я был информирован, такая возможность законом не исключалась. Записавшись на прием к ректору, я явился к нему в назначенное время. К моему удивлению, ректор вышел из-за стола и тепло со мной поздоровался. Мое объяснение сводилось к тому, что в конституционном плане я имею право на образование и отказ деканата в моей просьбе расцениваю как произвол университетских чиновников. Александр Данилович со мной согласился и на листе заявления начертил разрешение быть мне соискателем.

Сейчас можно каяться сколько угодно, но, как говорят, из песни слова не выкинешь. Смерть Сталина на многих, в том числе и на меня, произвела ошеломляющее впечатление. Было большое искреннее горе. Не буду объяснять происхождение этого чувства. Кое-что о моем отношении к Сталину было уже сказано ранее. В ЛЮИ

прошел митинг. После выступления штатных ораторов Коля Беляев, сидевший за столом президиума, спросил, имеются ли еще желающие выступить. Я, находившийся в самом конце зала, поднял руку. Это произошло бессознательно. Скорбные эмоции перехлестывали через край. Почти бегом проскочив сквозь ряды, я поднялся на трибуну и сквозь слезы стал выдавливать из себя слова. Я клялся, потрясая комсомольским билетом, хранить верность светлой памяти великого вождя. Потом за мной гонялся редактор газеты, чтобы опубликовать речь, но я ничего из сказанного вспомнить не смог.

Однокурсники — кажется, это были Савин, Курдов и Володарская — пробрались в Москву и поучаствовали в сумасшествии, творившемся на похоронах отца народов. Их рассказы совпали с той страшной картиной, которую позже нарисовала Галина Николаева в начале своего романа «Битва в пути».

Похороны Сталина

Русский поэт Н. А. Некрасов, рассказывая о своем детстве, писал:

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Прошло не так уж много времени, как мне стало известно о сталинских злодеяниях. И кроме стыда за свой эмоциональный всплеск я ничего испытывать не могу.

Заботы «бытовика», занятого проблемами общежития, мне осточертели. Хотелось чего-то творческого. Предыдущим опытом я был подготовлен к тому, чтобы внедриться в зону художественной самодеятельности.

На первом курсе я соприкоснулся с драматической студией ЛЮИ, которой руководил артист театра им. Ленинского комсомола Герман Дмитриевич Хованов. Ленком приобрел большую популярность благодаря тому, что с 1950 года им руководил Г. А. Товстоногов, вошедший в историю российской культуры как классик драматической режиссуры. То, что студию ведет артист известного театра, само по себе привлекало внимание студентов и как возможных участников театральной постановки, и как ее зрителей.

Почти целый календарный год готовилась пьеса Афиногенова «Машенька». Мне досталась эпизодическая роль какого-то подростка-оболтуса, которая и нужна была драматургу, очевидно, только для того, чтобы контрастно оттенить привлекательный нежный образ главной героини, именем которой названа пьеса. Роль оказалась маленькой, никаких чувств самодеятельного актера она не затрагивала, но я все-таки держался пусть за скромную, но все-таки возможность пребывания в творческой обстановке.

Герман Дмитриевич работал обстоятельно. Каждому актеру объяснял смысл исполняемой им роли, учил навы-

кам сценического движения, пытался при помощи разных упражнений избавлять исполнителей от каши во рту. Он казался человеком интеллигентным и скромным. Общение с ним само по себе вызывало приятные ощущения. Когда мы с Ритусей уже крепко обосновались в Таллине, Герман Дмитриевич был у нас в гостях, и эта встреча осталась в памяти.

На мой взгляд, труппа состояла в основном из студентов, обладавших какими-то способностями к лицедейству. Исполнительница главной роли Тамара Суханова была под стать своей героине. Роль деда Машеньки профессора Окамова досталась моему старому знакомому Евгению Половинкину, с которым мы встретились впервые еще в хоре старшеклассников Дворца пионеров. Он был увлечен создаваемым образом, много мне рассказывал о своих мыслях и наметках, как исполнять интересную роль. В спектакле были заняты Елена Магницкая, Белла Заславская (впоследствии наша с Ритой очень близкая подруга) и другие. Премьера состоялась, кажется, в декабре 1952 года на сцене нашего Меньшиковского дворца и была тепло встречена публикой.

В связи с таким событием Тома Суханова предложила участникам спектакля собраться у нее дома и вместе отметить Новый год. Собственно говоря, своего не только дома, но и комнаты у инициатора празднования не было. Суханова прибыла в Питер издалека, поэтому комнату в коммунальной квартире арендовала. Там гоп-компания и собралась. Были парни, девушки, в том числе и мы с Ритусей. Стол оказался скудным, но недостатка в водке не испытывали. Последнее обстоятельство сыграло плачевную роль. Один из гостей, совершенно мне не знакомый парень, приглашенный Тамарой, настолько увлекся питием, что полностью утратил над собой контроль. Начал он с битья рюмок, но так разошелся, что разгромил чуть ли не всю мебель в комнате, в том числе шикарное зеркало в старинной резной раме, возвышавшееся до самого потолка. Ритуся была в шоке. А я испугался за себя. Никог-

да прежде я не ввязывался в драки, так как к кулачным аргументам испытывал презрение. А тут вдруг возникла животная страсть и радость от удовлетворенной потребности, когда от моего удара из носа дебошира брызнула кровь, он застонал от боли, а руки вандала, поваленного на пол усилиями нескольких человек, были заломлены за спину и связаны поясным ремнем. Бедная Тома. Теперь она должна была возмещать хозяйке комнаты большой материальный ущерб. Каково продолжение этой истории, не знаю.

Постановка театральной студии в содержании студенческих вечеринок почти ничего не изменила. Получилось вроде бы по формуле счастья, о которой написала Эльза Триоле в романе «Незванные гости»: счастье похоже на вкусный обед — его долго готовят и очень быстро съедают.

Оставаясь в комитете комсомола ответственным за общежитие, я стал потихоньку участвовать в подготовке студенческих вечеринок, которые раньше главным образом заключались в трении двух полов о третий, т. е. в танцах. Возникло желание сделать из этих встреч в стенах института нечто большее и привлекательное. Идея заключалась в том, чтобы каждый раз перед танцами радовать студентов сборным концертом по образцу популярных в те годы эстрадных представлений: с концерансом, вокалом, танцами и другими номерами разных жанров, какие удастся подобрать.

Среди студентов нашлись таланты.

Алик Гротель, владевший искусством пианиста, взвалил на себя тяжелую ношу аккомпаниатора. Ему порою помогал Арик Житловский, но тут уровень мастерства был ниже. С Аликом нас связывала тяга к музыке и веселому тексту. Его старший брат уже приобрел известность среди молодежи как автор забавных и сатирических рассказов. Наш же Гротель обладал чувством юмора и умел ценить острое слово. Получив диплом юриста, он продолжил образование в консерватории, после чего долгое время работал главным хормейстером Ленинградско-

го театра музыкальной комедии. По старой памяти пару раз он снабдил нас с Ритой контрамарками. Мне довелось бывать у женатого Алика дома. Его красивая, под стать мужу жена (припоминаю фамилию — Тютюнникова) тоже имела музыкальное образование, и они производили впечатление гармоничной пары.

Однажды мы встретились в Сочи. Вместе дурачились на пляже. Не умея плавать, я все-таки решил попробовать одолеть по воде небольшое расстояние. Когда оказался у места, где по моим расчетам на дне должен был находиться валун, на который можно было встать, начал тонуть. Под ногами была морская глубина, но не более того. Плывший рядом со мной Гротель схватил беспомощного авантюриста за волосы (тогда их у меня на голове было много, в отличие от сегодняшнего дня) и доставил на берег. Себя я видеть не мог, но лица супругов окрасились в цвет капустного листа. К сожалению, красивый по внешнему виду брак распался. Гротель, вновь женившись, переехал в Нью-Йорк, где при посещении Америки с ним встречался Азарий Гусин.

Оказалось, что моя Ритуся — эффектная танцовщица. В школьное время она всерьез занималась хореографией. Ей прочили балетное будущее, но тяжелая болезнь и преждевременная смерть мамы перекрыли эту дорогу. Ритин танец каждый раз вызывал всеобщий восторг. Под музыку русской песни «Во саду ли, в огороде» в кокетливо повязанной на голове косыночке, торчащие под подбородком концы которой она элегантно придерживала пальчиками, исполнительница выплывала на сцену, вызывая умиление уже своим внешним видом. Музыка набирала темп, движения становились все более энергичными, ее длинные при небольшом росте ноги взлетали по очереди ввысь, оказываясь чуть ли не над головой, и у публики первоначальное умиление перерастало в наслаждение мастерством исполнительницы.

Должен признаться, что этот танец, увиденный мной еще в раннем студенчестве, сыграл далеко не последнюю

роль в том увлечении девочкой, которое вылилось в наше супружество.

Но это еще не все. Ритуся своим энтузиазмом и примером заразила несколько сокурсниц-подруг, разучила с ними танец «Молдаванеска», который тоже стал концертным номером. В отличие от хореографа, танцовщицы были рослыми и тяжелыми, их стремительные движения по кругу сопровождались топотом больших ног, что могло вызвать опасение, как бы не провалилась сцена. Но публике нравилась такая демонстрация мощи женского естества, и выступление ансамбля завершалось под бурные аплодисменты.

Среди студентов обнаружилось два баса. Один из них классно пел арию Дона Базилио «Клевета» из «Севильского цирюльника» Россини. Другой (Володя Шевляков) с успехом исполнял песню варяжского гостя из оперы «Садко» Римского-Корсакова.

Наиболее сложные вопросы были связаны с конференсом. Его вели в основном Коля Геллер с Азарием Гусиным, а иногда Колю подменял я. Со временем в компании «трепачей» появился и четвертый — Борис Устинов, который поступил в институт на год позже нас.

На сцене Лившиц и Гусин. Четверть века спустя после первой попытки заинтриговать студенческую публику

Первая половина пятидесятых годов прошлого века в стране не была лишена парадоксов. Идеолог режима А. А. Жданов провозгласил, что нам нужны гоголи и щедрины, и это в то время, когда за нечаянно оброненное критическое слово можно было оказаться на архипелаге ГУЛАГ.

Горести послевоенного времени не стали препятствием для подъема эстрадного искусства, в том числе и на сценических площадках нашего города. В зените своей славы был Аркадий Райкин и его Театр миниатюр. В самодеятельных выступлениях стало нормой подражание райкинской манере, впрочем, так же, как и имитация Леонида Утесова. Миниатюры и интермедии, созданные талантом Владимира Полякова и тогда еще совсем молодого Михаила Жванецкого били не в бровь, а в глаз, но с поправкой на то, что язык Эзопа публике стал дороже языка Пушкина. Привились парные конферансы, созданные Мирковым и Новицким, Шуровым и Рыкуниным, Рудаковым и Нечаевым. Они превращали эстрадное действие в искрящееся весельем представление, в котором острое словцо органично вписывалось в общую композицию концерта. Эстрада славилась своими аншлагами. Публика рвалась на такие концерты, где можно было на часок-другой забыть о тяжелых проблемах, от души нахототаться, усладить свой взор и слух красивой музыкой и зрелищем, а после такой инъекции поверить, что еще не все потеряно.

Студенческая самодеятельность чутко реагировала на веяния извне. В Ленинградском электротехническом институте имени В. И. Ульянова (Ленина) шла работа над самодеятельным спектаклем «Весна в ЛЭТИ».

Идея исходила от парткома, профкома и комитета комсомола и была исключительно советская – собрать все интересное в институтской самодеятельности и сделать нечто глобальное. Сюжет спектакля «Весна в ЛЭТИ» был незамысловат. Трое студентов – баллабол-активист, зубрила-отличник и бездельник-стиляга – пытаются

добиться взаимности от одной девушки, которая ставит им условие – они должны попытаться стать нормальными людьми.

Сценарий писали М. Смаришев и И. Трегер (они же исполнители главных ролей), М. Гиндин, Г. Рябкин и Ким Рыжов. Музыку писал студент второго курса Саша Колкер. А музыкальным руководителем был молодой Анатолий Бадхен. Премьера пьесы состоялась 11 мая 1953 года на сцене ДК «Выборгский».

Зрелище действительно получилось масштабным. Самодеятельный оркестр, хореографическая группа, кинозаставки ко всем отделениям. В спектакле было задействовано около двухсот человек.

Слухи о готовящемся спектакле всюду ходили в студенческой среде, так что аншлаг был обеспечен. Но такого успеха не ожидал никто. Вспоминает Александр Колкер: *«Я потом пережил много премьер в своей жизни. Но честно скажу, такого успеха не знал никогда. Зрители неистовствовали. И это продолжалось на всех последующих концертах. Почему? Ну смело, наверно, было, небесталанно. И главное - такого нигде больше нельзя было увидеть».*

Уже со следующего спектакля вокруг него начинается настоящее безумие. Очередь к кассам ДК «Выборгский» выстраивается до самой Невы. Слава спектакля растет. Вот уже деятели профессионального театра, среди которых и Товстоногов и Акимов, считают должным посетить спектакль и дают ему высокую оценку. Вот уже слава докатывается до Москвы, и труппа в 200 человек отправляется покорять столицу.

А ЛЭТИ с этого момента и на долгие годы начинает расшифровываться как «Ленинградский эстрадно-танцевальный институт с легким электротехническим уклоном».

На студенческих концертах стали появляться способные конферансье, сами создававшие для концертов тексты, учитывающие особенности своей аудитории. Одним из них был Борис Блехман, с которым подружился наш Азарий Гусин.

Воплотить наши намерения в жизнь пытался помочь тогда еще молодой преподаватель театрального института Аркадий Иосифович Кацман, который был приглашен профсоюзным комитетом ЛЮИ. Он раскрывал тайны

провокации у публики смеха посредством так называемого ходильника, т. е. неожиданного и забавного хода в развитии сюжета. «Ходильник» — это метод анекдота. В качестве примера Аркадий (так он просил себя называть) приводил интермедию польского театра миниатюр, когда-то гастролировавшего в Союзе.

На сцене — шикарная комната вельможного дворца, из которой несколько дверей ведут в другие помещения. У каждой двери навтыжку стоят красавцы-слуги в ливреях. Хозяин дома мечется по комнате, заламывает руки и срывающимся от волнения голосом сообщает о постигшей его беде. В одной из соседних комнат рожают жена. Муж — человек суеверный, переживающий за успех родов, обратился к гадалке. Та предсказала, что при рождении девочки умрет мать, а если появится мальчик, то смерть настигнет отца. Открывается дверь комнаты роженицы, выходит акушер и поздравляет вельможу с рождением мальчика. Вельможа от испуга вскрикивает, и в этот момент... один из слуг падает замертво.

Надо признаться, что сочинить нечто подобное тому, что советовал Аркадий, не удалось. Наше творчество получилось весьма упрощенным. Оно в основном сводилось к текстам для песен на музыку популярных произведений, известных публике. Но вдохновляли аплодисменты, которыми зрители вознаграждали артистов и сочинителей за стыковку известного мотива или текста с болезненной проблемой студенческой жизни, о которой не всегда решались и говорить. А тут на тебе, проблема обнародуется прямо со сценических подмостков и во всеуслышание, да еще в рифмованном виде и под музыку! Такое нравилось. Но это можно было признать в большей мере примитивной сатирой, чем тонким юмором, который суждено рождать особо талантливым сочинителям. Их среди нас не нашлось.

Какая-то часть текстов имела ко мне лишь косвенное отношение. Эти сочинения добывал Азарий, используя свои знакомства с эстрадниками за пределами нашего ин-

ститута. Мне же оставалось только приспособить чужие задумки к «местным» условиям.

Кто из студенческих авторов сотворил песенный коллаж «Пороки студенчества», не знаю. Материал я получил от Азария и взялся за его приспособление к нашей жизни. Что-то вроде бы получилось, так как исполнение этой вещицы для студенческой публики всегда проходило на ура.

В репертуаре ведущих конференс были, конечно, и другие музыкальные вещи. Но не только. Была и проза, причем

далеко не в единичном варианте. Под влиянием спектакля университетского театра «Ревизор», в котором впервые блеснул талантом будущий народный артист, а тогда — студент Игорь Горбачев, исполнивший роль Хлестакова, я написал монолог этого персонажа, построив его как сатиру на факультетские порядки. Устинов с таким блеском сыграл гоголевского героя, что спустя неделю после концерта, на котором начальство не присутствовало, Бориса вместе со мной и Азарием попросили показать Хлестакова и другие номера в кабинете декана. Собравшийся там управленческий персонал от души смеялся и дружно аплодировал своим артистам.

Рассказ десятый
МЕНТ, НО НЕ СОВСЕМ

10.1. Новая социальная роль

Когда началась окончательная распределительная процедура, обнаружилось, что выпускникам предлагает работу милиция города. Мне досталась должность сотрудника группы по борьбе с карманными кражами.

Чем занимается милиция, в общих чертах было понятно, но методы и способы работы мне виделись в свете «Записок следователя» Льва Шейнина или произведений Конан Дойля. Правда, однажды студенты внимали с раскрытыми от удивления и восхищения ртами повествованию о хитроумных оперативных разработках, проведенных Уголовным розыском Ленинграда. Рассказчик стал сразу же кумиром многих слушателей, вызвав у них желание попасть на оперативную работу. Это был начальник Ленинградской милиции, Герой Советского Союза генерал-майор Иван Владимирович Соловьев.

Студентов таким премудростям не учили. Поэтому совершенно оправданным выглядело решение направить новых молодых сотрудников на курсы для приобретения знаний об основах профессии. Это место находилось в Таллинне (Эстония), а точнее, в той его части, которое называется Нымме.

Все, что происходило вокруг, было необычно ново. Прошло еще слишком мало времени, чтобы из Эстонии исчез тот уклад жизни, который формировался столетиями. Таллинн покорила меня с первого знакомства. Западный мир был мне известен по советским книгам и кино. Для рядового труженика он представлялся тяжелым и противным. Правда, такое ощущение кое в чем размывалось некоторыми впечатлениями от прочитанных книг западных авторов и просмотра трофейных фильмов, заполонивших кинотеатры Ленинграда в послевоенные годы. Но все равно победу одерживало мироощущение идейно воспитанного советского человека.

А тут я в натуре узрел нечто иное.

Общество, относительно недавно избавившееся от треклятого капитализма, выглядело довольно прилично. Естественно, впечатляли памятники старины, характерные для западной средневековой цивилизации, причем не музейные, а наполненные каждодневной жизнью. Но еще больше трогали чистота и порядок на улицах, вежливое обслуживание в кофиках и магазинах, какая-то непривычная тишина в автобусах и трамваях. Кофик «Perl» на улице Пикк притягивал к себе кофейным ароматом и свежей выпечкой вкусных сдобных булочек, кренделечков, пирожных, пирожков. Вся эта кондитерская благодать находилась на столах молочного зала, и, заказав стакан молока или взбитые сливки, можно было беспрепятственно взять с блюда и положить себе на тарелочку любое из свободно красующихся на столе изделий. Такое впечатляло. Многие в этом городе мне чудилось красивым, вкусным и ароматным.

До Нымме из центра Таллинна можно было добраться на поезде или автобусе минут за 15-20.

Август в том году выдался солнечным и жарким. Курсанты несколько раз ездили купаться на пляж Пирита. Грех было в такую погоду не исходить и не облазить всю центральную часть поселка. Дивились развалинам замка Глена, странным скульптурам Калевипоэга, крокодила. Аккуратненькие дома, часто с большими окнами без перегородочных реек, разделяющих стекло рамы, выглядели уютно и комфортно. За выкрашенными заборами сквозь листья и хвою желтели и краснели наливающиеся соком фрукты. Завораживали тщательно подстриженные на многих участках газоны сочной травы, приковывали к себе взор альпийские цветочные клумбы. Было очевидно, что здесь живут хозяйственные и заботящиеся об удобствах существования люди, которые на поколенческом опыте убедились в том, что труд есть бог.

Пусть на ныммеских улицах и базаре русская речь слышалась не очень часто, а негативная реакция на эту

речь как-то мне не встречалась, но приедем, особенно говорящим по-русски, не следовало обольщаться, что коренные жители примут их в свою среду с улыбкой и распростертыми объятиями.

Как потом стало понятно, в такой ситуации не меньшую роль, чем поведенческая культура, играл страх перед пришельцами, навеянный многими печальными для эстонцев событиями, связанными с третьим присоединением их земли к Российской империи. Отсюда и анекдоты, рожденные реальностью.

Путник спрашивает по-русски шофера-эстонца:

– Не скажешь, до Таллинна далеко?

– Близко.

– Подбросишь?

– Садись.

Едут. Русский спрашивает:

– Еще далеко?

– Нет. Близко.

Едут. Русский спрашивает:

– Еще далеко

– Нет. Близко.

Едут. Пассажир беспокоится:

– Еще далеко?

– Вот теперь далеко.

Школа милиции занимала два самых высоких дома в малоэтажном Нымме на центральной площади возле Дома культуры и базара. Говорили, что бывший собственник этих зданий время от времени появлялся поблизости и визуально проверял состояние, в котором они находятся. В одном из этих домов шел учебный процесс, а во втором, через дорогу, была общага для курсантов. В первом корпусе кроме школы были кинотеатр «Выйт» и аптека.

В то время Таллиннская школа милиции (ТШМ) являлась одним из всесоюзных учебных центров по переподготовке работников милиции (в нашем случае — ра-

Таллиннская школа милиции в Нымме

ботников уголовного розыска), где срок обучения был установлен в полгода (позже — 10 месяцев). Поскольку в Питере одновременно пустовало более 120 милицейских рабочих мест, то наше пребывание в Таллинне было сокращено до двух месяцев.

О занятиях на курсах в ТШМ на полном серьезе говорить не приходится. Известным из широко доступной детективной литературы обстоятельствам милицейской (полицейской) деятельности придавалась такая таинственность, а то и секретность, что создавалось впечатление об избранности людей, которым доверяется особая информация, запретная для простых смертных. Обучение практике раскрытия преступлений подменялось догматикой приказов и инструкций. Требуемое для оперативной работы развитие аналитических способностей замещалось привитием умения подчиняться и беспрекословно выполнять приказы начальников. Не буду уже говорить о времени, бессмысленно потраченном на изучение материалов высших пар-

тийных органов. На мой взгляд, польза была лишь от криминалистических практикумов и огневой подготовки.

Кстати, у школы имелся приличный арсенал стрелкового оружия, что, как поговаривали, указывало на то, зачем вообще в столице молодой советской республики, где еще недавно шли локальные бои с «лесными братьями», потребовалось создавать такое своеобразное учебное заведение с большим числом курсантов.

Реакция нашей братвы, только-только наслушавшейся лекций маститых профессоров юриспруденции, прошедшей через горнило споров на семинарах и коллоквиумах, привыкшей к вежливому и тактичному отношению к своей персоне со стороны обучающихся, на условия пребывания в ТШМ была, мягко говоря, не очень приличной. Мы задавали каверзные вопросы, вгоняя в краску молоденькую педагогиню, делали язвительные замечания по поводу подчас бессмысленных комментариев приказов и инструкций со стороны преподавателей, по-своему реагировали на требования дисциплины и порядка.

Начальник курса майор Кейза выводит на площадь перед зданием школы взвод курсантов для занятия строевой подготовкой. Сначала все маршируют, как положено. Вдруг слышится чей-то тихий шепот: «Пацаны, а слабо станцевать маленьких лебедей?» Не разжимая ртов, курсанты гнусавят знаменитый мотив из балета Чайковского. Строй вздрагивает и в такт мелодии начинает делать какие-то несогласованные па, подпрыгивает на одной ноге. Глаза майора полны ужаса. Прохожие на площади смеются, может быть, впервые в жизни видя танцующих строем милиционеров. Майор срочно загоняет нас во двор школы и устраивает разнос.

Начальник школы полковник Оскар Янович Юргенсон был человеком образованным. Окончив Институт стран Азии и Африки Московского госуниверситета, он владел даже японским языком. Как он попал на работу в милицию, не знаю. Но в ее интерьере он выглядел как-то слишком интеллигентно. Даже оплачивал рабо-

ту руководителя драматического кружка, полагая, что мент должен быть человеком культурным. Когда же мы с Азарием Гусиным затеяли создание по образцу нашего студенческого увлечения самодеятельной эстрадной труппы, то получили со стороны начальника школы всяческую поддержку.

Несколько концертов, данных в ныммеском Доме культуры, имели большой успех. Мы вдвоем со своими миниатюрами, скетчами, куплетами, сопровождаемые талантливым аккомпанементом пианистки Хельги Йоала (мамы будущей всесоюзной знаменитости певца Яака Йоала), пели, декламировали, шутили на многих площадках города — в школах, Таллиннском политехническом институте, Таллиннском педагогическом институте и др.

Оказывается, в это время проходил городской конкурс творческой молодежи. И мы, к своему удивлению и радости, были признаны его победителями, за что удостоились «золотых» медалей и публичного рукопожатия, которым нас удостоил первый секретарь горкома комсомола Дмитрий Брунс, впоследствии прославившийся как архитектор и глава соответствующего городского ведомства.

Репетиция перед концертом. А. Гусин и Ю. Лившиц, 1957 год

Этот успех породил далеко идущие последствия. Накануне завершения срока курсов Оскар Янович пригласил нас к себе в кабинет и сделал сногсшибательное предложение: стать преподавателями юридического цикла школы милиции.

По сравнению с той работой, которая меня ожидала в Ленинграде, новая перспектива была не просто соблазнительной, а ошеломляющей. Обучая других, обогащаться знаниями самому, уйти в науку, защитить диссертацию... Ух ты! Хотя, с другой стороны, возникли и сомнения. Питер — родной город, там родители, многочисленные и дружные родственники, товарищи. Его менять пусть на красивый, но чужой Таллинн довольно боязно. Если же предпочесть этот вариант, где жить? У родителей только небольшая комната в коммунальной квартире, а я уже не ребенок. К тому же собираюсь жениться на любимой питерской девушке.

Мои однокурсники, по крайней мере, не в единичном представительстве, оказавшись на курсах, веселились, как могли.

Естественно, важное место в свободном времяпрепровождении занимали женщины. Один, кстати, женатик из моей университетской группы, закрутил бурный роман с заведующей школьной столовой. Другой симпатяга, курчавый голубоглазый блондин, напевая песенки под собственное гитарное сопровождение, охмурил по очереди сразу несколько девиц. Я их лицезрел через окно вагона отъезжавшего в Ленинград поезда, когда они пришли провожать своего любимого мужчину. Год спустя одна из них показывала мне фотографию младенца, уверяя, что он — копия папы, и просила помочь найти производителя или, в крайнем случае, сообщить ему о появлении копии.

10.2. Мент-педагог

Я начал преподавать довольно взрослым людям. Их собрали с разных мест большой страны для повышения в течение полугода (а следующий набор — аж 10 месяцев) квалификации в качестве работников уголовного розыска. Мне легче было иметь дело со слушателями, которые часто бывали старше преподавателя на несколько лет, на занятиях по общей теории государства и права, а также по государственному праву, чем по такому предмету, как уголовный процесс. Все эти юридические дисциплины в их теоретическом аспекте я неплохо знал со студенческих лет, хотя, как понятно, знать и прочитать лекцию или провести семинар — это далеко не одно и то же. Поэтому приходилось тратить много сил и времени на подготовку к занятиям. Но уголовный процесс оказался еще более крепким орешком, чем два других предмета. Он требовал практических навыков расследования уголовных дел, которых у начинающего трудовой путь педагога не было (если не считать пары месяцев студенческой практики в прокуратуре).

Идет семинар по стадиям предварительного расследования. Вызванный для ответа по обсуждаемому вопросу слушатель разъясняет соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса. Я готов уже подводить итог, как вдруг один из участников семинара заявляет, что он как следователь неоднократно поступал не так, как велит закон, потому что положение закона устарело и нуждается в замене.

Я растерян, но виду не подаю и моментально отфутовываю вопрос на растерзание всей группе. Начинается острая дискуссия, чем пользуется руководитель семинара. Выделяя при подведении итогов наиболее аргументированные соображения, создаю видимость своей компетентности. После такой встречи ноги ватные и хочется скорей

ползти в специальную библиотеку школы, где хранятся секретные приказы министерства, практические пособия и старые уголовные дела.

Тем не менее, должен заметить, что позже, когда я сам стал здесь работать и школа превратилась в подобие классического учебного заведения с двухлетним сроком обучения, мое мнение (ранее высказанное о слабом преподавании на курсах повышения квалификации) круто изменилось на противоположное.

Люди, обучавшиеся в ТШМ, были заметно разными. Встречались энтузиасты уголовного розыска, с увлечением рассказывавшие о своей работе и выражавшие полное неприятие криминального образа жизни. Другие, если судить по их рассуждениям, были более игроками, чем принципиальными борцами. Им нравилась власть над людьми, интеллектуальное напряжение при распутывании сложных узлов криминальных ситуаций, погони, обыски, задержания, стрельба и т. п. Немало встречалось трудяг за зарплату. Их помыслы были сосредоточены главным образом на карьере, чинах, окладах. У меня уже тогда возникали подозрения, что такого опера какой-то криминальный авторитет без особых усилий может перекупить, сделав своим платным агентом.

Но попадались люди и с другой судьбой. Бывшие уголовники, завербованные милицией, помогавшие раскрывать тяжкие преступления. Их перебрасывали с места их прежней деятельности в другие районы страны, легализовали и присваивали милицейские звания. Мне таких встретилось несколько человек в чине младших лейтенантов. Обнаружились они случайно. На одном из занятий мне пришла идея создать словарь блатного жаргона («блатная музыка», «феня»). Это сейчас имеется несколько изданий по данной тематике, а в то время о подобных пособиях для оперативной работы я ничего не знал. Раздав учебным группам чистые тетрадки, я попросил заполнить их соответствующими терминами с пояснениями. Выявилось несколько эрудитов. С каждым из них у меня

состоялась индивидуальная встреча. Там и выяснилось, кто кем был и кем стал.

В моей душе все-таки таилась тревога, что перековка человеческого материала могла оказаться незавершенной. Кто его знает, что у этих людей на уме?

Проходя положенную преподавателю стажировку в таллиннской милиции, я допрашивал вора в связи с предъявлением ему обвинения в крупной краже. В университете учили, что в преступнике надо видеть человека и относиться к нему подобающим образом. Обращаясь на «вы» к допрашиваемому, спрашиваю, признает ли он себя виновным. В ответ получаю презрительный взгляд и гробовое молчание. Разъясняю ему собранные на момент предъявления обвинения доказательства и вежливо предупреждаю, что его молчание может дорого обойтись при вынесении судом приговора. Никакой реакции. Бился я с ним около часу, и все безрезультатно.

Тут в кабинет заходит начальник следственного отдела. Сразу раскусив ситуацию, он обкладывает моего дяденьку трехэтажным матом, переходит на блатной жаргон, грубо загибает вверх подол рубашки, обнажая шрамы на животе в виде креста, бьет кулаком в ухо. Ответная реакция меня потрясает. Подследственный расплывается в улыбке, говорит, что наконец-то имеет дело не с пионером, а с настоящим ментом, и начинает давать показания.

Любой оперативный сотрудник уголовного розыска родом своих занятий поставлен в такие условия, что ему не до аристократических изысков. Тут нередко требуется не вежливое и уважительное отношение к другому, а грубая сила, напористость и даже хамство, т. е. то, чем отличается большинство «клиентов» милиции. Иначе может возникнуть полное непонимание друг друга, что сводит на нет усилия по раскрытию преступления.

Начальником следственного отдела милиции города был человек по фамилии Мянни. Имени и звания его не помню, но внешний образ врезался в память. До зеркального блеска выбритый череп, тонкая ниточка поджатых

губ, тихий голос, сверлящий тебя насквозь взгляд маленьких глаз. По его распоряжению заместитель начальника Павел Бейлинсон дает мне, стажеру, поручение доставить подследственного, содержащегося в Батарейной тюрьме, в городскую милицию на улице Вакзали.

Я растерян. Поручение, как понятно, невыполнимое по целому ряду причин. Машину не дают, о наручниках даже речь не идет, боевым единоборствам я не обучен и физически не силен, к тому же и опыта нет никакого. Что, везти арестованного, как туриста, в общественном транспорте? Делаю вид, что готов выполнить любое задание грозного начальства, хотя понимаю: надо мной издеваются.

По дороге соображаю, что делать. Перекладываю выданный мне документ во внутренний карман пиджака, да так, что сверху он прикрыт носовым платком, какими-то записочками. Возвращаюсь назад и сообщаю, что документ случайно потерял. Разражается искусно разыгранный скандал. Мянни заставляет вывернуть все карманы и, обнаружив документ, покрывает меня десятиэтажным матом. Больше мне никаких поручений не дают.

Что ж? Как говорят, каждому свое. Можно быть отличным оперативником и никуда не годным педагогом, а можно и наоборот. Конечно, встречаются идеальные сочетания того и другого, но это не про меня. Спустя более чем полвека получаю приглашение в эстонский клуб ветеранов МВД, и бывшие курсанты, а теперь уже седые пенсионеры, вручают старику почетную грамоту, а еще и две медали как знаки признания прошлой преподавательской деятельности.

Позже на смену слушателям пришли курсанты, срок обучения которых был определен в два года. Это были парнишки, как правило, прошедшие службу в армии, но в роли будущих сотрудников МВД не имевшие ни малейших представлений ни о юриспруденции, ни о милиции. Количество часов, отводимых на изучение большинства предметов, резко возросло, что способствовало усилению

интереса к своему делу и волей-неволей — к развитию преподавательского мастерства. Достаточно сказать, что на изучение такого предмета, как уголовное право, отводилось более 200 часов, что не уступало университетской норме.

Во время экзаменов в ТШМ

Мне пришлось быть куратором одной из курсантских учебных групп. При первой встрече я сообщил, что отныне являюсь их «классной дамой». В ответ услышал громкий смех, положивший начало нашим добрым и доверительным отношениям.

Появились и любимчики. В первую очередь — Юра Шарик, а также Сережа Богданов. Они зацепили меня своим внимательным и заинтересованным взглядом, устремленным на лектора. Юмор воспринимали с полуслова, реагируя на мои реплики искренне и с пониманием. Главное, что была адекватная реакция. На семинарах время от времени они ставили интересные вопросы. Видно было,

что не лыком шиты, а начитаны и задумываются над своим жизненным опытом.

Особенно Юра Шарик. В дальнейшем случилось так, что с Юрой и его женой Юленькой мы семьями сдружились и провели в веселье и радости много праздничных встреч.

У Юры – казацкая фамилия, вызывающая шуточки и порождающая недоразумения. Однажды он, оперативный уполномоченный милиции Таллинна, пришел к начальнику отдела попросить для операции служебный автомобиль. Шеф вызвал шофера и приказал отвезти Шарика на указанное место. Шофер пришел в замешательство. Он только что провел уборку салона машины, пропылесосил его, а тут приказывают снова везти собаку, с которой сыпется шерсть. Говорят, хохот был слышен в соседних помещениях.

Не знаю, как фамилия влияет на человека, но подозреваю, что тут что-то есть. В комнате Шариков на старинной улице Олевимяги мы с Ритой никогда не скучали. Юра был остряком по натуре и зводился, как говорят, с пол-оборота, а Юленька творчески создавала желанную атмосферу гостеприимства с распахнутой душой.

*Юра Шарик и
Сережа Богданов
полвека спустя*

Мы с А. Гусиным стали преподавателями цикла юридических дисциплин. В той же роли выступали Е. Тарасова, А. Романов, К. Мялло, В. Липп и ряд других педагогов, находившихся в штате и вне его. Через пару лет Азарий перешел в учебный отдел и стал его руководителем. В. Витюшова как начальник цикла никакой инициативы не проявляла, выполняя лишь функцию передаточного механизма распоряжений учебного отдела

школы к нам об организации открытых занятий, об отобразении в лекциях материалов всесоюзных партийных и государственных документов, о текстах лекций.

По каждой теме требовалось полностью письменно изложить ее содержание. Работа, особенно вначале, казалась изнурительной и формально-бессмысленной. Но все-таки если ты по каким-то причинам не смог учительствовать, то твой «заменщик» имеет представление, в каком ключе ты раскрываешь тему. К тому же и пропустивший занятие ученик получает источник нужной информации. Работавший на цикле после моего ухода из ТШМ мой друг Вадим Гужов обрадовал меня сообщением, что, ведя курс советского государственного права, пользовался моими лекциями.

Рассказ одиннадцатый
СЫН РОДНОЙ

11.1. До рождества Игорева

Он по внешности и темпераменту более мамин сын, чем мой, что может породить неопределенный ответ на определенный вопрос: а кто же его папочка?

Его мама Ритуся признавалась мне, что в девичестве привлекала внимание корейцев, которые откровенно ухаживали за ней, показывала даже фото, где она запечатлена купающейся с симпатичным азиатом и нежно опирающейся на его руку.

Конкурент

Но это было за несколько лет до появления младенца, а черты его внешности никак не обнаруживают монголоидные признаки. Он ни разу не выставлял претензии, чтобы его считали родственником Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, хотя и считает, что в идеологии чучхе есть рациональное зерно — опора на собственные силы. Такое кредо было им взято на вооружение для движения по жизненному пути.

Привожу старые фото, где мы с сыном в примерно сходном зрелом возрасте в чем-то смахиваем друг на друга не только по своей телесной организации ниже пояса, но и выше оного.

Генетика

Наконец, и самое главное, — Ритуся. Она мне ни разу не дала повода усомниться в искренности своих чувств и верности сделанному в девичестве выбору. Какие-либо сомнения и подозрения насчет отцовства просто смехотворны, а повеселиться я большой любитель.

Заканчивался 1956/57 учебный год, и мне выделили путевку в дом отдыха на берегу Черного моря в Геленджике. Мы решили воспользоваться этой удачей, хотя вопрос, где в этом курортном месте будет проживать Ритуся, оставался открытым. Конец мая выдался прохладным, но когда мы прибыли поездом в Москву, нас накрыла удушающая летняя жара. По рекомендации Евгеша мы были приняты на двухдневный постой ее племянницей москвичкой. Квартира в новостройке типа хрущевки показалась реальным раем. А когда я первый раз в жизни погрузил свое тело в ванну, то вытащить меня из объятий этого чуда смогли только по истечении не менее двух часов.

Курорт Геленджик впечатлил пестрыми красками растений, головокружительными запахами юга, теплыми объятиями морской волны, яркими звездами на черном ночном небе и множеством демонстрирующих свое великолепное оперение павлинов. Познакомились с двумя супружескими парами отдыхающих и довольно-таки беспечно провели отпуск. То ли потому, что по старой при-

вычке опасались политических разговоров, то ли из-за различия в культурных потребностях, а может быть, по причине курортной атмосферы разговоры за общим столом нередко сводились к ценам в магазинах и на рынках или к эротической тематике. Крупный блондин обэхаэс-эсник из Москвы, раздражаясь на всю столовку громким смехом, рассказывал, как вечером в сумерках, проходя по парку, наткнулся на влюбленную парочку. Он перешагнул через них, дал наставление мужской особи по части технологии секса и пожелал перепуганным «кустотерапевтам» больших сил для их приятного занятия до самого восхода солнца.

Единственное, что первоначально омрачало нам существование, так это некомфортный статус Ритуси. Но в конце концов ей удалось устроиться и с жильем, и с питанием.

Эту страницу нашей жизни важно особо выделить, так как именно на южном курорте случилось то, что привело к знаменательному событию 31 января 1958 года — появлению Игореси. Подозреваю, что его нынешнее приращение к теплу и отдыху на Средиземноморье может быть как-то связано с только что раскрытым интимным фактом.

Будущая мама заказала портному Падурскому стильное бежевое, с клетчатым широким воротником расклевшенное демисезонное пальто, которое успешно скрывало изменения ее фигуры. Решили так: когда подойдет срок, надо будет ехать в Питер, пусть страна пополнится еще одним ленинградцем. Но все случилось иначе. Вдруг преждевременно, как говорят в народе, «пошли воды». Перепуганная Ритуся, не зная, что это такое, доверительно рассказала о случившемся Евгеше, а потом еще и Татьяне Комаровой. Обе потребовали, чтобы она немедленно отправилась в родильный дом. Разговор с доктором Портновой, крупной женщиной с грубым мужским голосом и с дымящей папирсой в уголке рта, оказался коротким: в клинику и готовиться к родам! Когда наивная девочка с

животом сквозь слезы сообщила, что у нее уже имеются билеты на завтрашний ленинградский поезд, доктор лишь снисходительно улыбнулась, всем своим видом показывая удивление от недопонимания пациенткой серьезности стремительно надвигающегося события. До появления нового лившиченка оставалось несколько дней.

11.2. Он родился

Наша радость

У Владимира Маяковского крошка-сын — развитый толковый малый, спросивший отца о том, о чем не смог бы дать четкие разъяснения даже философ, так как на этот один вопрос существует неисчислимое множество ответов. Нашему крохе еще предстояло дорасти до подобных вопросов. Как и положено по законам природы, возник он несмышленным, но оказался сразу же настолько привлекательным, что воистину стал желанным подарком судьбы.

Для любого человека вызывать своим внешним видом у окружающих симпатию — это уже приятно. А когда маленький человечек не может проявить себя в делах и словах, а сам собой, того не сознавая, воздействует на других людей притягательно — это совсем неплохо для складывающейся в будущем хорошавости. (Не собираюсь писать педагогический трактат. И без того ясно, что крайности сходятся. Заласканный без меры ребенок способен превратиться в махрового эгоиста и нарцисса, вызывающего отвращение.) На оценку, конечно, могут влиять и устоявшиеся стандарты восприятия, связанные с половой принадлежностью младенца. Напомню вопрос, сформулированный Михаилом Жванецким: «*Что это у вас? Хорошенький мальчик или безобразная девочка?*» Но и такое наблюдается не всегда. Кажется, что по отношению к нашему мальчику подобный вопрос оказался бы неуместным.

В день его рождения три мужика — его папаша, Азарий Гусин и Аркадий Волковицкий (наш товарищ и коллега по ТШМ) — стояли под окнами ныммеского родильного дома и, высказывая путем жестикуляции свой восторг по поводу случившегося, слали воздушные поцелуи блед-

ненькой мамочке, чье похудевшее и взволнованное личико виднелось за двойными рамами окна.

Среди других новых для нас фундаментальных забот волновала и такая, как имя ребенка. Предполагали, что имя надо искать в аспекте русской, а не еврейской традиции. Родители новорожденного — евреи по крови, получили русское воспитание и образование и в то время субъективно вопрос о своей национальной принадлежности склонялись решать более в русскую, чем в еврейскую сторону. Другое дело, что власть и те, кто с ней солидаризировался, однозначно признавали их евреями (точнее меня, так как Ритуся по паспорту, отцу и своей фамилии считалась русской), что образовывало существенную коллизию между самосознанием и социальной ролью. Положение усугублялось тем, что на такой же позиции стояли еврейские ортодоксы.

Несомненно, влияла еще и школа антисемитизма, уроки которой я ощутил на собственной шкуре. Как антисемитом распознается еврей? а) По его предкам, б) по самоидентификации, в) по отметке в советском паспорте, г) по фамилии (не всегда), д) по имени (не всегда), е) по внешности (не всегда). Назвать сына Абрамом — это не то же самое, что пожелать ему счастливой жизни в советском государстве. А ведь так хотелось, чтобы она у него была именно такой! Перебрав разные варианты, остановились на имени Игорь.

В звуках этого слова слышалась какая-то мужественность, твердость, уверенность в себе. Вот князь Игорь в опере А. Бородина хоть и попал в плен к половцам, а с каким достоинством держался и как красиво рвался к свободе! На выбор имени ребенку нередко влияют и поверхностные мотивы, а то и совсем дурацкие. Мы, например, как люди, склонные к меломании, находились под впечатлением талантливой игры скрипача Игоря Ойстраха, сына Давида Ойстраха — скрипичного гения советской эпохи. А вдруг и нашего молодца ждет изумительное музыкальное будущее?

Я отсутствовал дома из-за работы днем, а Ритуся — вечером. Когда малыш засыпал после папиного усыпительного рассказа или песенки, я отправлялся встречать мою учительницу, боявшуюся темных и безлюдных мест на пути с работы домой. Это делалось почти ежедневно. Первоначально на помощь приходили соседи Комаровы, реагиовавшие на детские звуки, доносившиеся из нашего жилища. Но эта система срабатывала не всегда.

Ко всему прочему неизбежно случилось такое, что начало социализации человека было лишено общения со сверстниками. Детей Комаровых в расчет можно было не брать — даже младший из них был намного старше нашего героя. В комнате — только взрослые, боящиеся пропустить каждое неосторожное движение малыша, какую-то его оплошность, чреватую испугом и тем более травмой. Они постоянно занудствуют на эту тему, покрикивают, посягают на такую соблазнительную для маленького человека свободу познания методом проб и ошибок.

Тем не менее, однажды малыш, воспользовавшись увлеченностью родителей и гостыи Софьи Волковой (фамилия изменена) болтовней, приложил два пальчика к отверстиям электрической розетки и получил серьезный ожог ладошки (спас белок сырого яйца, использовать который подсказала гостыя). Другой раз, когда у нас гостила бабушка Галя (моя мама), две женщины не заметили, как кроха на слабо держащих корпус ножках вылез на край ведущей со второго этажа лестницы и кубарем свалился вниз. Хорошо, что ступени были из дерева, а не камня или цемента. Игореша тихонько всхлипнул, встал на ноги и двинулся ко мне, мчавшемуся через двор ему навстречу. На этот раз все обошлось. Малыш вел себя так, будто прошел обучение карате и знал, как надо падать без ущерба для здоровья.

Упоминание Софьи Волковой требует разъяснений. Названо было имя мамы того самого Аркадия Волкова, который в день рождения крохи вместе со мной и Гусиным прыгал под окнами родильного дома и слал воздушные поцелуи роженице.

Аркаша стал работать в ТШМ по приглашению Оскара Юргенсона. Они познакомились в купе ленинградского поезда. Курчавый молодой парень с живыми голубыми глазами излучал такие волны симпатии, что начальник школы не выдержал и решил перетащить его из Нымеского отдела милиции, где тот трудился, борясь с расхитителями социалистической собственности, к себе в учебное учреждение. Не знаю, как Аркадий справлялся с ролью преподавателя, я ни разу не был на его занятиях. Он привлекал к себе явно не эрудицией и методическим мастерством. Достаточно сказать, что, учась заочно на юрфаке Тартуского университета, он, дойдя до последнего курса, бросил эту канитель, не сумев написать итоговую работу. Позже, когда мы подружались, я ему продиктовал текст, который и был успешно защищен в качестве диплома. Но с ним было весело, и тебя не покидало ощущение какой-то новой, ранее неведомой, пусть беспардонной, но безграничной свободы. Он был начисто лишен застенчивости и многих других комплексов, которые насквозь пронизывали мою натуру.

Только один пример. В сентябре 1992 года, когда мы были в Питере, неожиданно скончалась одинокая ленинградка. Все хлопоты, связанные с этим печальным событием, легли на Ритусины плечи. Для скончавшейся она была очень близким человеком, но родственницей ее ни с какой стороны не являлась. Кроме того, приехала в Питер на короткое время из Эстонии. Все это создавало, казалось бы, с трудом преодолимую бюрократическую проблему оформления похоронной документации.

Помочь нам взялся уже преуспевающий в те годы ленинградский адвокат Аркадий Волков. У него все моментально получилось. Не где-нибудь там, в районе города, а в городском отделе ЗАГСа, находившемся в шикарном особняке на берегу Невы, у входа нас встретила сама начальница этого богоугодного заведения. По ее распоряжению все было сделано как надо и очень быстро. При расставании нас проводили до выхода и обещали в дальнейшем

при необходимости всяческую поддержку. Казалось, что в ход событий вмешалось какое-то доброе волшебство. Но все было более чем прозаично. Аркаша позвонил начальнице ЗАГСа, найдя ее телефонный номер в справочнике. Железным голосом сообщил, что он является помощником мэра Петербурга Анатолия Собчака. Мол, надо оказать содействие личным друзьям мэра, приехавшим из Эстонии. А дальше, как говорят, все по тексту.

Софья бывала у нас неоднократно. Не столько ради помощи в обслуживании крохи. У нее случилась большая беда. Ее муж и Аркашин отец, ранее занимавший важный пост представителя Эстонской ССР в Ленинграде, был осужден к длительному сроку лишения свободы за участие в групповом хищении трикотажа с фабрики «Марат». Наказание отбывал в Таллинне. Софья привозила много провизии, теплых вещей, предметов быта. Все это порциями передавалось осужденному. Мы, чем могли, помогали. Аркаша лишился работы в ТШМ, его бросила жена, и он в конце концов перебрался в Питер.

Разнообразие в нашу жизнь и в ранние впечатления крохи вносили и другие гости. Я уже не говорю о моей маме, что само собой разумеется. Мой двоюродный брат Шурик Городинский с женой Галочкой, Ритусина родственница из Кинешмы тетя Аня, мой студенческий коллега по работе в комитете комсомола института Игорь Тимофеев, Ритина закадычная школьная подруга Лорочка с мужем, детьми и родителями. Правда, последние снимали номер в гостинице, но общение происходило каждодневно.

Начало. Символическое фото. Первое прикосновение к автомобильному рулю. Много лет спустя Игореша и авто стали неразлучными

Он овладел искусством вождения, используя первую, единственную и неповторимую мою машину по роду «Запорожец» и по кличке Яшка (ЕАШ 98-23). Это было племейское средство передвижения, работавшее на самом дешевом бензине и очень ограниченное в своих возможностях, например, в смысле максимального предела скорости.

Однажды, когда новое семейное приобретение проходило стадию обкатки, а узлы механизма еще не успели притереться друг к другу, произошло следующее. Мой друг Габриэль Хазак на своем жигуленке, машине более высокого уровня, чем Яшка, торопился по делам в Тарту. Авто шло на максимально допустимой скорости. Вдруг его обгоняет красный «Запорожец» со знакомым номерным знаком, причем это происходит так стремительно, что водитель едва успевает заметить, кто устраивает запрещенные законом гонки. Его удивлению не было предела, когда в лихом гонщике он распознал Игоря Лившица. Похоже, что у Игоря были более весомые причины для скоростной езды, чем у Габи.

Разумеется, потом состоялся серьезный отцовский разговор на банальную тему о том, как соотносятся понятия доверенности, доверия и уважения к данному им обещанию. Но, с другой стороны, надо было признать высокий класс водителя, сумевшего на примитивном драндулете обставить «Жигули».

А потом у Игоря оказалось много сменявших друг друга машин, современных, красивых и разных марок. Наш мальчик, как видим, — шофер почти от рождения, и это мастерство у него отлично получается.

Когда сын чуть подрос, ему стало можно самостоятельно гулять во дворе. Территория находилась под охраной. Проскользнуть на улицу незамеченным мальчик не мог. Родителям это было удобно, но ребенок оказывался помещенным в вольеру. На улице он, может быть, и состыковался бы с малышней, но здесь его уделом были встречи только со взрослыми.

Наше общее существование вплоть до 1963 года так или иначе связано со школой милиции: с ее учебным процессом и досуговым временем, с ее помещениями и территориями, с тем, что происходило внутри этого учебного заведения и вне, но было связано с его деятельностью. Малыша, естественно, нельзя было клеймить как некое подобие сына полка. Но первые годы его жизни проходили в особой обстановке закрытого полувоенного учреждения.

Игореша в песочнице во дворе школы милиции

Слушатели, а позже курсанты, в перерывах между лекциями, большой толпой вываливались из зала во двор, и тут происходила встреча с малышом. Было замечено, что в летние дни ему негде играть, и по чьей-то благородной инициативе была сооружена песочница. Правда, в песке обнаруживались окурки. Общение было стереотипным. Какой-нибудь обалдуй в десятый раз спрашивает малыша, как его зовут и сколько ему лет. Игореше так все это обрыдло, что он стал отвечать невпопад. Спрашивали о возрасте, он называл фамилию, интересовались его именем, а он говорил о том, сколько ему лет.

Не знаю, что чувствовал Игореша, но мне казалось, что у него стал вырывать протест против условий его очеловечивания. Мы с Ритусей решили найти для сына няню. В наше отсутствие она будет кроме всего прочего составлять ему компанию для общения, занимать его всякими рассказами и разговорами, выводить на прогулку за пределы территории школы, может быть, поможет соединиться с другими малышами для игр и развлечений.

По рекомендации знакомых наняли бабулю по имени Степанида. Крупная бесформенная деревенская женщина, от которой пахло кислым хлебом. Но зато дешевая и свободная от других занятий. Она была няней прихо-

дящей. Сын к этому времени уже обладал изрядным запасом слов и выражений. Степанида же еще больше пополнила его лексику. Как-то ребенок, устроившись на ночном горшке, прокричал на всю квартиру «Мамуля! Жопу-то подотри!» На этой ноте сотрудничество с няней завершилось.

Однажды приходившая к нам знакомая заразила малыша коклюшем. Лечение амбулаторным путем успеха не принесло. Коклюш у нашего крохи стал перерастать в астматический бронхит. Возникли удушья, которые маленькому больному, как было видно невооруженным глазом, причиняли большие страдания. На наше счастье, в развитие событий вмешалась доктор Цецилия Александровна Устинова.

Рита познакомилась с ней в костно-туберкулезном санатории. Доктор тогда была заместителем главного врача. Рассказывали, что ранее ей довелось быть замминистра здравоохранения Эстонской ССР. Но ее сын, служивший в пограничных войсках, на политических занятиях неосторожно рассказал анекдот с антисоветским душком, за что был осужден к длительному сроку лишения свободы. По этой причине доктор Устинова переместилась из министерства в больничное учреждение. К моменту заболевания Игореша доктор Устинова уже была главным врачом детской городской клиники. Она запомнилась сердечным и разумным человеком, снискавшим любовь и уважение не только пациентов, но и своих коллег, будь то врачи высокой квалификации, медсестры или нянечки.

Впоследствии мы сдружились, бывали на ее семейных торжествах и не переставали удивляться и радоваться, как много людей хотело отдать ей дань благодарности за ее талант быть настоящим человеком и руководителем.

По указанию главврача ребенок был срочно госпитализирован и помещен в отдельный бокс детской клиники, находившейся в центре Таллинна, там, где сейчас блистает корпус отеля «Tallink». Лечение шло трудно. Я бегал по аптекам в поисках кислородных подушек, так как больни-

ца испытывала в них дефицит. Рита с раннего утра приезжала в клинику и оставалась там до позднего вечера. Игореша вел себя мужественно. В глазках слезы, а рот растягивается в улыбке. Мол, не волнуйтесь, мне плохо, но я с этой заразой справлюсь. Ему стали вливать плазму. Кажется, эта акция была нестерпимо болезненной. Больной кричал, а мама, переживавшая за дверью помещения, откуда доносился голос сына, потеряла сознание и упала в обморок. Ее вместе с крохой уложили на веранде дома больницы, а я сидел между ними и мучился от невозможности чем-либо помочь.

Одним из важных признаков успешного руководителя является умение создать свою команду. Доктор Устинова эту задачу, по-видимому, решала профессионально. В числе ее сотрудников наше внимание привлекла педиатр Эсфирь Уманская, с которой в последующие времена нас связывала искренняя дружеская симпатия. Опытный и грамотный педиатр, она пользовалась известностью и долгое время руководила детской поликлиникой. Нас она неоднократно выручала грамотными терапевтическими советами и своими знакомствами в медицинском сообществе.

В моей книжке, посвященной нашей золотой свадьбе, имеется фото, на котором запечатлен женский юмористический хор. Солидные дамы в платочках, одетых по-деревенски, поют, как видно, что-то веселое. Среди них — Фира Уманская. Она любила и умела повеселиться, станцевать цыганочку, спеть озорную песенку. Мы многократно бывали в ее мустамязской квартире, были знакомы с ее семьей и участвовали в общем веселье под музыку, которую на пианино исполняла ее дочка Оля, а то и сама Фира.

Ее муж Семен Уманский не отставал от супруги ни в делах, ни в веселье. Заметна была одна его особенность — неугасающая ненависть к нацизму и вытекающий из нее советский патриотизм. До получения ученой степени кандидата медицинских наук он прошел сложный

жизненный путь. Его детство совпало с трагедией войны. Вместе с мамой он оказался узником нацистского концлагеря. Маму немцы расстреляли, а малышу каким-то чудом удалось спастись. Об этом Семен написал книгу, изданную на немецком языке в Германии. Посол этой страны в Эстонии прислал автору трогательное письмо с личными извинениями за то, что творили изверги фюрера. Понятно отношение Семена к национализму современного толка в стране его проживания. Как он полагал, это первый шаг к тому, во что превратили нацисты свою нацию.

Вернемся к нашему малышу. Болезнь удалось победить. Но память об этом испытании зловещей тенью омрачала наше последующее существование вплоть до сильной тревоги из-за того, что взрослый сын пристрастился к курению, которое могло бы дурно повлиять на его дыхательную систему, пережившую в раннем детстве суровое испытание недугом. Больница сделала свое доброе дело, успех требовалось закрепить. Последствия болезни были непредсказуемы, и на их пути нужно было возводить заслон. Нам порекомендовали отвезти малыша на Черноморское побережье Крыма.

Черноморская тема весьма многообразна. Этот вектор летнего отпуска был использован нами многократно: два лета в Евпатории, потом дважды в Феодосии, следующим оказался Гурзуф, причем также не единожды.

С какой-то стороны к тематике черноморья подключилась и другая — круг новых таллиннских знакомств. Если направление передвижения с севера на юг в общих чертах казалось понятным, то многие существенные детали были покрыты пеленой неизвестности. Путевки в санаторий или дом отдыха раздобыть было непросто, и поначалу нам это не представлялось возможным. Остро стоял и финансовый вопрос. Двигаться в неведомые жаркие края семейным трехчленным коллективом даже с учетом чуть ли не юношеского максимализма («нам нет преград ни в море, ни на суше») все-таки представлялось решением

легкомысленным. Было бы хорошо создать племя неунывающих дикарей и вместе покорять юга.

Встречая и провожая свою женушку с работы домой, мне приходилось часто наведываться в туберкулезный санаторий. Там стали завязываться новые знакомства. Помнится, между делом я создал для персонала драмкружок. Был инсценирован какой-то чеховский рассказ и представлен на суд больничной публике.

Однажды я был приглашен на застолье по поводу встречи очередного Нового года. Главный врач санатория доктор Вановская, открывая праздник, предложила в качестве тамады товарища Петрова. Оказывается, я такую фамилию заслужил как муж своей жены. Мне пришлось громогласно согласиться с лестной ролью, но с условием, чтобы меня считали не Петровым, а Петуховым. (При этом замечу, что хотя в завязывании приятельских отношений национальный фактор нами никогда в расчет не принимался, но как-то так получалось, что эта тема витала в воздухе, а евреи попадали в друзья без очереди.)

Здание костно-туберкулезного санатория находилось на окраине города в Хийу. Сначала старый деревянный, а потом новый большой каменный дом окружал сосновый парк. В его глубине затерялся скромный, чуть ли не фанерный флигелек, состоящий из одной комнатухи и помещения под кухню. В домике проживала анестезиолог Нелли Юдейкина с мужем преподавателем математики Иосифом Юдейкиным. У них сначала появился сын — малыш Аркадий, а позже возникла и Любочка. Семья оказалась славной. Мы довольно-таки часто вместе отмечали те или иные события, продолжая веселиться и позже, когда Юдейкины обрели квартиру в центре города, а еще позже — в Мустамяэ.

Первая поездка в Евпаторию произошла с помощью юдейкинового займа и вместе с ними. Что случалось и в какое конкретное целительное посещение югов, сейчас разобратся трудновато. Могу и перепутать. Но это не столь важно. Рита с Игорешей, не дожидаясь моего

отпуска, двинулись в дальний путь вместе с Юдейкиными. Вскоре в Евпатории оказался и я, правда, не один, а с большим керогазом — рудиментом нашего тогдашнего быта, работавшем на керосине. Его мне вручила мама Нелли. Эту вещицу я должен был привезти дочке, которая, по предположению сердобольной мамы, будет кормить детишек горячей пищей. Надо было быть полным идиотом, чтобы согласиться тащить на себе эту хреновину на юга, да еще с пересадкой! Тем более когда Нелли ее узрела, особого восторга я не заметил. Что поделаешь? Таким уродился.

Не могу сказать, что отдых оказался беспечным. При скудных финансовых ресурсах снять приличное жилье было утопично. Ютились в маленькой комнате рядом с другими приезжими из разных уголков Союза.

В мое отсутствие Ритусе доставалось. Чтобы требуемое время побыть с ребенком на море, приходилось вставать в пять утра, готовить пищу, потом сходить на базар, провести уборку помещения и прочее. Хозяйка тетя Женя сжалилась над молодой мамочкой и спустя какое-то время ей и малышу стала готовить супчики.

А тут еще эксцесс. Пока я читал лекции курсантам ТШМ о борьбе с преступностью, моя жена чуть не стала жертвой насильника. Дачник из соседнего помещения проник ночью к ней в комнату с понятными намерениями. Ритка — талант по части криков. Ее вопль поднял на ноги чуть ли не целый квартал, а потаскун, бросившись наутек, чудом избежал инфаркта.

Вообще в вечернее и ночное время нам везло на развлечения. Вдруг малыш Игореша начинает ночью кричать, упоминая какую-то восточно-европейскую овчарку. Возникает паника, поиск проникшего в дом пса. А это всего лишь впечатление из детского сна.

Как-то вечером у ребенка возникли боли в животе. Взрослые с участием тети Жени посчитали нужным лечить методом, который фельдкуратор Отто Кац рекомендовал bravому солдату Швейку. Игореша имеет дело с

клизтиром категорически не хотел, но его сопротивление взрослыми было сломлено и дело сделано. Реакция, кстати сказать, эффективная и эффектная, была почти мгновенной. Сидящий на горшке малыш пылал гневом. С криком «Гады!» он под громкий смех инквизиторов обещал в будущем расправиться с ними и в этот миг произвел очередной спасительный выстрел.

А южное солнце творило загары, теплое море обволакивало негой, малыш креп, мы были молоды и вместе. От всего этого на душе прыгали зайчики.

Однажды Ритина ученица, оказавшаяся к тому же племянницей моей коллеги по ТШМ, случайно в разговоре узнав, что нам необходимо вывозить ребенка на черноморское побережье, предложила поселиться на квартире ее родителей в Феодосии. Переговоры прошли успешно, и мы тронулись в путь.

На поезд, идущий в Симферополь, садились в Ленинграде. Когда открыли дверь купе, обнаружили, что на наших законных местах лежат увесистые рюкзаки. Пришедшая на помощь проводница выяснила, что чужие вещи принадлежат американцам. Большая группа

студентов из цитадели капитализма заняла почти целый вагон. Кто-то из них по ошибке устроил свои манатки не там, где им положено было быть. Недоразумение удалось быстро разрешить. Но тут обнаружилось, что исчез Игореша. Не успели мы начать его поиски, как из соседнего купе раздался взрыв смеха. Выскочив в коридор, мы увидели сынулю в соседнем помещении. Его окружили смеющиеся молодые люди. На вопрос, что у них делает наш отпрыск и чем вызвано их веселье, нам рассказали советскую патриотическую историю о том, как отодвинулась дверь их купе, на пороге возник малыш и громко выкрикнул: «Гады американцы!» Оказывается, иностранцы владели русским языком и все прекрасно поняли. Выкрик младенца соответствовал их ожиданиям — в хрущевском Союзе с ними что-нибудь в подобном роде должно было случиться.

Состоялось знакомство. Руководитель группы, высокий грузный человек далеко не студенческого возраста, назвал себя Берни Коттенем. Путь до пункта назначения растянулся почти на двое суток, и все это время заняли рассказы о жизни по ту или другую сторону железного занавеса, споры, приколы, стихи. Берни пояснил, что отличное владение русским языком является следствием его длительного проживания в Советском Союзе. Его отец — американский инженер — участвовал в строительстве ДнепроГЭСа. Сын учился в русской школе, вступил в комсомол. Спустя много лет стал директором одной из нью-йоркских библиотек, обучает студентов русскому языку и сейчас привез их в качестве стажеров на родину этого языка.

Я с жаром защищал советский образ жизни, доказывая, что американские ценности подобны жевательной резинке (кстати, впервые в жизни попробовал этот эрзац жвачки на вкус). Снаружи он сладкий, а чуть разжуешь, так связывает рот противной горечью.

В Курске вагон пополнился новым пассажиром. Молодой человек подключился к нашим разговорам, попытался обострить тематику споров, рассказывал антисоветские

анекдоты, выражал непринятие советской власти. Может быть, он был искренен, но последующие события заставили в этом усомниться.

Мы с Берни тепло распрощались на вокзале в Симферополе. Он, подводя итог нашим беседам, сказал, что такую семью можно встретить только в Советском Союзе. Обменялись адресами и разъехались в разные стороны. Американцы — в гурзуфский молодежный лагерь, а мы — в Феодосию.

Под Новый год из Нью-Йорка пришла поздравительная открытка, на лицевой стороне которой в цвете была изображена впервые увиденная нами пикассовская «Герника». Теплые слова текста говорили о том, что его автор не изменил своего мнения о нас. Возникла даже мысль заключить открытку в рамочку и поместить на видное место в комнате. Но не тут-то было.

Однажды под вечер в квартире раздался звонок. Открыв дверь, я увидел человека, лицо которого показалось знакомым. Вспомнил: этот человек был жильцом соседнего дома. Наш дом заселен сотрудниками МВД и их семьями, а тот, что находится визави, — КГБ. Мужчина потребовал открытку из Штатов и вручил повестку на допрос. Там мне сообщили, что Коттен — американский шпион, рассказали о содержании наших с ним разговоров и все выпытывали, не было ли в них чего такого, что органам неизвестно. Оказывается, они владели информацией лишь о том, что происходило после остановки поезда в Курске.

Отдых в Феодосии не заслуживает того, чтобы его вспоминать. Жара, пляж, до предела переполненный страждущими соседства с морем (нам с Игорешей удалось застолбить место лишь на бетонной плите, прикрывавшей выгребную яму общественного WC), с трудом перевариваемая столовая пища (типа пшенной каши с вареной пересоленной треской) и однообразие впечатлений как следствие наших дырявых карманов.

11.3. Гурзуф

Поездка в Гурзуф обещала встречу со школьной подружкой Ритуси и ее семьей. Лора Бергман (Аксельрад) с мужем (Эрнестом) и двумя детьми уже переместилась туда на лето из Ленинграда. Добравшись до желанного места, мы стали искать жилье. Чемоданы под охраной Игореши оставили на обочине пыльной дороги, с которой открывался вселяющий надежды вид морского пейзажа с горой Аю-Даг.

Место нашего нахождения казалось малообжитым. Редко встречающиеся дома, холмы, явно не окультуренная растительность. У кого из редких прохожих мы ни спрашивали о возможности снять комнату, ничего не прояснялось. Когда расстроенные неудачей мы вернулись к Игореше, он обрушился на бестолковых родителей с упреком: мол, где вы шляетесь, когда я уже успел без вас найти жилье.

Оказалось, что какая-то женщина, увидев малыша около чемоданов, поинтересовалась, что он тут делает. Услышав его объяснение, она предложила поселиться у нее. Под предводительством сына мы прошли несколько десятков метров и оказались у подножья холма. Жилье находилось в пещере. От этого открытия мы поначалу растерялись. Но хозяйка, моложавая женщина, встретила нас приветливо, цену назвала подходящую, других вариантов не было, и мы решились здесь остановиться. К тому же, подумалось, почему бы во время отпуска не позволить себе такую экзотику. Постепенно приспособились, так как минимально необходимые условия для непродолжительного существования все же имелись.

Потом произошла встреча с семейством Аксельрадов. Излюбленным местом общения стала вертолетная площадка, где Эрнест обучал своих мальчишек игре в бадминтон. Мы стали привыкать к новому существованию.

Спускались с нашей высоты к морю, изучали окрестности, ездили в Ялту. Вроде бы отдых получался.

Но тут случилось непредвиденное. У меня ни с того ни с сего поднялась температура. Никаких болевых ощущений — только 40 градусов. В субботний вечер вызвали «скорую помощь». Дежурный врач гурзуфской больницы уложил меня в отдельную палату на первом этаже, выдал пижаму, мои вещи были помещены в здесь же стоящий шкаф. Пристально посмотрев на меня, он заявил, что хорошо заметна желтизна белков и ушных раковин. Это дает основание предположить, что у меня желтуха. В понедельник, скорее всего, будет принято решение поместить больного в ялтинские инфекционные бараки, нахождение в которых может растянуться эдак дней на сорок.

Когда совсем стемнело, я достал из шкафа свое одеяние, пижаму сложил под одеялом по образу человеческого тела, выпрыгнул из окна и был таков.

Нет нужды описывать то изумление и тревогу, которые вызвало у Риты мое неожиданное появление. Но почему-то была не только удивлена, но и смущена хозяйка. Вскоре это обстоятельство прояснилось. У нее в гостях в этот момент находилась подруга — главный эпидемиолог Ялты. Когда все чуть-чуть успокоились, а опасный для меня специалист женского полу подверг наблюдению оказавшуюся по ее просьбе в ночном горшке мочу больного, она заявила, что допускает ошибочность поставленного диагноза. Однако это не облегчает моей участи. Эпидемиологи имеют право заразного, по их мнению, пациента насильственно изолировать от общества. Если мы этого не хотим, надо срочно покинуть Крым.

Ранним утром следующего дня мы втроем уже мчались на такси в Симферополь. Игореша был предупрежден, чтобы в пути о моей болезни ни слова. Но когда малыш вдруг услышал звук сирены и заприметил на дороге что-то опасное, он закричал: «Папа, спрячься! За тобой гонится «скорая помощь»! К счастью, шофер сделал вид, что тревожная ситуация его не касается.

В Симферополе Ритуся проявила чудеса предприимчивости. Несмотря на скопившуюся у кассы толпу желающих достать билет на поезд, который вскоре должен был отходить, она сумела получить места в двухместном купе, предназначенном для проводников. Поезд шел не в Таллинн, а в Ленинград. Но такое стечение обстоятельств пошло на пользу. В Питере Ян Кирнос, муж моей двоюродной сестры, поместил подозрительного пациента в отдельную палату больницы, которую возглавлял. Диагноз поставили быстро: воспаление легких. Через пару недель мы, здоровые и счастливые, двинулись по направлению к Таллинну.

Юготерапия получилась для малыша полезной, но все-таки уверенности, что его дыхательная система в полном порядке, не было. А вот когда он подрос, стал детсадовским ребенком и вместе со всеми ребятами летом в Клоогаранд прошел курс закаливания организма в наших климатических условиях, все сдвинулось в лучшую сторону кардинальным образом.

Какую-то короткую часть летнего времени, когда сын, уже находясь в среднем школьном возрасте, резвился в пионерском лагере на берегу Балтики, мы с Ритой еще раз провели часть лета в Гурзуфе. Удалось стать обладателями двух путевок в международный молодежный лагерь «Спутник», тот самый, куда когда-то направлялся «шпион» Берни Коттен со своими американскими студентами.

Жизнь в лагере оказалась значительно свободнее и веселее, чем можно было бы предполагать. Это было, выражаясь современным языком, нечто похожее на реали-шоу. Понятно, кто мог находиться у руля управления и контроля в поселении, где разместились не только свои учащиеся и трудящиеся, но также юноши и девушки из-за бугра. Но внешняя сторона выглядела весьма игриво — для фиктивного руководства лагерной жизнью было создано свое правительство, в составе которого Ритуся стала министром общественного питания, а я — министром иностранных дел.

Наш премьер — русский парень из Узбекистана, по которому страдала не одна девица, — читал отрывки из своей поэмы «Голубая Азия». Красавицы из всемирно известной «Березки», в том числе и наша новая очаровательная знакомая Сонечка, сливались в танцевальном марафоне с танцовщиками-виртуозами из не менее знаменитого ансамбля Игоря Моисеева.

Громкий репродуктор источал на всю округу зазорные песни, стихи лагерных авторов об Аю-Даге, синем море, первой любви и неизбежном расставании. Днем — пляж, купание, экскурсии, спорт, с наступлением сумерек центром становится танцевальная площадка.

Среди массы людей обращает на себя внимание Ритуся, сидящая возле Нептуна (это я) с упрямо опущенной головой. Она кричит: «Не позволю русалкам совращать Нептуна!»»

В День моря меня удостоили чести импровизационно исполнять роль Нептуна. Вот ладья с морским царем и его свитой причаливает к берегу, который густо заполнен ликующим полуодетым людом. Правитель усаживается на троне, а две едва прикрытые полосками бикини русалки пытаются пристроить свои шоколадные попки на его коленях.

Но не тут то было! Разгневанная министр общественного питания хватает их за руки, стягивает с облюбованного местечка и поучает, что ноги царя негоже путать с табуретками, а вести себя надо прилично.

Импровизация вспыхивает как залпы салюта, порождая всеобщее веселье.

Спим в зданиях, именуемых бочками. Они похожи на мини-ангары, где стоят по пять-семь кроватей для однополых персон. Здоровенный сибиряк Вася, сраженный непомерной порцией сухого вина, начинает храпеть так, что тонкие стены бочки оказываются под угрозой разрушения. В ответ все остальные члены спального сообщества под руководством Левы Садура начинают в такт цокать языками. Подсознание сибиряка не выдерживает и дает команду Васиной гортани заткнуться. Ура! Наше дело правое, а также и левое. Спать могут теперь и те и другие, невзирая на расположение коек по отношению к Васиному телу.

Лева Сагур из Витебска — душа компании. Он — свободный человек, веселый оптимист. Здравые суждения, точные афоризмы. У него уже имеется любимая женщина — Дануточка из Польши. Они ходят, держась за ручки, и не собираются скрывать увлеченность друг другом. Впрочем, романы и романчики — не такая уж редкость в лагерном молодежном сообществе.

По прошествии нескольких лет Лева приезжает в Таллинн. Ввожу его в нашу компашку, когда мы собираемся в доме Поповых. Он нравится, особенно хозяйке дома.

Пролетает еще много разных годков. Вдруг Лева возникает вновь. Начали довольно часто общаться через Skype. Переслал ему свои «Мемуары» и песни. Первые им переплетены и хранятся на почетном месте, а о песнях сказано много, как мне показалось, искренних комплиментарных слов. Вдруг у Левушки случается трагедия — умирает бывшая супруга. Они были в разводе и жили отдельно. Лева обвиняет себя в преждевременной кончине жены, кается в грехах своих и, видимо, находясь в стрессовом состоянии, заявляет, что в Таллинн больше — ни ногой, и прекращает всякое общение. Почему-то мой город и я попали в зону его греховных походов. В чем дело, не ведаю.

11.4. Ступень эволюции

В первую половину шестидесятых годов обстоятельства начали складываться для нас весьма удачно. Важным событием стало обретение отдельной квартиры на улице с романтическим названием Вирмализе (Северное сияние), в доме-новостройке рядом с центром города. Ритуса с Татьяной Комаровой несколько раз записывалась на прием к заместителю министра внутренних дел. Они смогли его убедить, что в доме, построенном зэками для своих контра, наши семьи имеют право на получение жилья. Типовой проект, названный в народе хрущевкой, не был рассчитан на шик. Планировка исходила из минимума удобств. Согласно анекдоту, ночной горшок в ванной комнате мог разместиться лишь при условии, что его ручка будет помещена вовнутрь.

Но радости не было предела. В нашем пользовании — отдельная квартира с ванной, газом, а позже — и с телефоном! Такое еще недавно трудно было себе представить.

Об удачных изменениях в своей жизни расскажу ниже. Ритусе тоже судьба улыбнулась. Высшее юридическое образование предлагало ей не тот профессиональный путь, по которому она пошла и который был ей по душе. Ее удачей стала преподавательская стезя в школе. Однако работа с детьми-инвалидами по-своему была мучительной. Поэтому когда стараниями новой подружки Авивии Вишневецкой, работавшей преподавателем в Таллинском педагогическом училище, Рите открылась возможность для работы в этом учебном заведении, она с радостью этой возможностью воспользовалась. Весь последующий ее долгий трудовой путь пролегал через аудитории педучилища.

К тому же естественным образом возник вопрос о необходимости приобретения базового педагогического образования. Упорно преодолевая трудности совмещения

ролей хозяйки дома и учительницы, она решилась на заочную учебу в педагогическом вузе, причем не в Таллинне, а в Ленинграде. Успешно пройдя обучение на трех курсах по специальности «русская филология», она перевелась на исторический факультет Педагогического института им. Герцена, который впоследствии и закончила. Так что моя героическая женушка заимела два с половиной высших образования. Не могу скрыть, что в связи с этими событиями Игореша некоторое время именовал меня «мапой».

Повезло и в другом отношении. Рядом, почти во дворе, находился детский сад того же министерства, к которому относился и пятиэтажный дом. Удача не сводилась лишь к удобствам территориального свойства, хотя и это оказалось немаловажным. Игореша мог попасть в новое пристанище, минуя двор и не выходя на проезжую часть улицы. Поэтому если сначала он ходил в детский садик с мамой или папой, то позже с удовольствием пробежал эту спринтерскую дистанцию самостоятельно.

По всей видимости, детское учреждение, о котором идет речь, называлось садиком лишь потому, чтобы его

не отождествляли с детским домом, хотя это все-таки дом, а не сад. Никакого садика на территории, залитой асфальтом, с двухэтажным строением из силикатного кирпича не существовало. Чахлая растительность никак не позволяла все это вместе называть садом. Тем не менее, это хотя и было важным, но не являлось самым главным. Существо дела определялось отношением сотрудников садика к своему делу и контингентом посещавших садик малышей.

Мы видели, что Ижке все в детском саду по душе. Он попал в руки добрых и умелых женщин, впервые соединился с малышней для игр и развлечений. Заметно было, как в компании сверстников раскрываются свойства его характера, для которых родной дом не мог создать условия.

Еще когда он только научился говорить, мы пришли на праздник новогодней елки в ныммеский Дом культуры. Артист Пауль Варанди, великан с бархатным баритоновым голосом, заставлял любоваться Дедом Морозом даже взрослых. Он сделал все, что положено, потом обратился к главным гостям с предложением поделиться с ним своим умением читать стишки, петь или танцевать. Каково же было наше с Ритусей удивление, когда одним из первых откликнулся наш крохотный герой.

В другой раз на аналогичном празднике в детском саду сын громко прочитал для Деда Мороза стишок, который вызвал восторженную реакцию у всех взрослых гостей.

К нам на елку, ой-ой-ой,
Дед Мороз идет живой.
Ну и дедушка Мороз!
Что за щеки, что за нос!
Борода-то, борода!
А на шапке-то звезда!
На носу-то крапины!
А глаза-то папины!

Дед Мороз скромно прижался к стенке, слушая выступление своего чадушки

Похоже, что роль Деда Мороза мне удалась, если сын, вопреки тексту стиха, не распознал отца родного, хотя декламировал уверенно и бодро.

Появились первые друзья. Заиметь их было не очень сложно, поскольку многие детсадовцы жили или в нашем доме № 5, или в однотипном доме напротив (№ 5а). Соответственно: для сотрудников МВД и КГБ. Как малыши общались, о чем вели разговоры, в какие игры играли, нам неизвестно. Но, например, имя Урмас Вedom («Урмасеха») стало упоминаться часто.

Не успели оглянуться, как сын стал первоклассником. Школа № 26 тоже была близко от дома. Класс вела чудесная учительница Людмила Андреевна. О сыне нам удалось кое-что узнать из ее юмористических рассказов.

Рита как-то достала дефицитные апельсины. Малыш захотел взять один из них в школу. Мамочка сказала, что этого делать не стоит, так как может вызвать у других детей, которым родители не могут дать такое лакомство, горькое чувство. И все же Лившиц пришел в школу с фруктом. На перемене, сидя за партой в первом ряду, он расправлялся с плодом, отправляя ломтик за ломтиком в рот. Звонок дал сигнал к началу урока. Малыш с набитым ртом положил недоеденный апельсин на скамейку и случайно сел на него. По классу пошел аромат. Учитель-

ница смотрит на выпученные от переживаний глаза и не может начать урок от давящего ее смеха. Решила подождать. И когда, как ей показалось, Игореша справился со своей заботой, она начала урок. Но не тут-то было. На обращенный к нему вопрос школяр ответить не смог, так как кое-что у него во рту, вынутое из-под заднего места, еще находилось в стадии пережевывания. Картинка была столь забавной, что учительница, чтобы еще раз не рассмеяться на глазах у детей, выскочила за дверь, предоставив возможность незадачливому страдальцу наконец-то вынуть из-под себя раздавленные остатки фрукта.

Может показаться странным, что рассказ о школьных годах героя повествования обходится без информации об учебе, прочих занятиях и свободном времяпрепровождении. Разумеется, насколько мне известно, за 17 лет этого пути бывало всякое. Учеба в принципе шла успешно, и школьный, а также университетский след в личности мужа, отца и профессионала-юриста Игоря Лившица, работающего в Финляндии на трех языках, весьма заметен.

Адвокат Игорь Лившиц

Тем не менее, сейчас проводить анализ прошлого было бы абсурдно. Человек состоялся, и он успешен. Ретроспективный взгляд едва ли способен выявить, какие причины обусловили такое следствие: школьное ли образование, мамина ли ласковая забота и нравоучения, или папины рассказы и образ поведения, телевидение ли, прочитанная литература ли, круги ли общения, генетически обусловленная предрасположенность быть таким и сяким или что то иное.

Во всей этой круговерти Игорь, который знает о себе несравненно больше, чем я, мог бы начать разбираться самостоятельно, если бы такое желание у него возникло.

Рассказ двенадцатый
ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ С ПЕРИЛАМИ

12.1. Кандидат в кандидаты

Работа в ТШМ была хоть и интересной, но напряженной и утомительной, особенно в первый учебный год. Лишь постепенно появилось время для продолжения собственного образования. Кроме аспирантуры подготовиться к защите кандидатской диссертации можно было и путем так называемого соискательства. Тебя прикрепляли к избранной кафедре с правом самостоятельно готовиться к экзаменам высшей категории, но без возможности посещения занятий для аспирантов.

Еще в студенчестве меня всерьез заинтересовало уголовное право, а потом — и криминология, которые многие последующие годы я изучал, как это ни парадоксально звучит, в порядке хобби. В ТШМ мне выпало одновременно вести три предмета: теория государства и права, советское государственное право и советский уголовный процесс.

На момент моего появления в школе уголовное право преподавала начальник юридического цикла Валентина Николаевна Витюшова, заменить которую мне представилась возможность на короткое время лишь единожды. Даже кандидатская и докторская диссертации спустя годы были защищены в условиях, когда у меня не было до этого ни одного месяца преподавания этих предметов, а зарплату я получал совсем за другой свой труд.

Тем временем пришел день сдачи кандидатского экзамена по специальности. В помещении кафедры уголовного права юрфака ЛГУ мои ответы на экзаменационные вопросы, сформулированные профессором Шаргородским, слушали несколько профессоров и доцентов. Сложилось впечатление, что присутствовавшие заинтересовались трактовкой экзаменующимся проблем соотношения понятий преступления и состава преступления, акцессорной теории соучастия и уголовно-правовых взглядов

И. Канта, Г. Гегеля и Ч. Беккариа. Отличная оценка стала тому подтверждением.

К концу 1958 года все экзамены были сданы. Эти высоты приходилось брать с большим напряжением сил. Соискателю никакого специального отпуска для изучения экзаменационных материалов не полагалось, а число источников, подлежащих штудированию, было внушительным. Скажем, по философии — более 130 наименований трудов классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС, монографий, учебников, статей в философских журналах. Основная нагрузка ложилась на очередной отпуск. Как-то мы с Азарием Гусиным по путевкам, полученным на работе, летом пребывали в сочинском доме отдыха МВД. Он на солнечном пляже увлеченно играет в волейбол, а я, пристроившись в тени куста, пытаюсь разобратся во взглядах Людвиг Фейербаха.

За время работы в Таллиннской школе милиции я еще дважды пытался стать аспирантом, чтобы получить свободное время для написания кандидатской диссертации.

Однажды, листая журнал «Советская милиция», я обнаружил в нем объявление о приеме в адъюнктуру Высшей школы МВД СССР в Москве, в том числе и по специальности «советское уголовное право». Направив документы по указанному адресу, вскоре получил приглашение на вступительные экзамены. В связи с тем, что соискательство не прошло бесследно, мне предложили сдать экзамен только по уголовному праву. Пытали меня больше часа, в конечном итоге, не объявив результата, велели возвращаться восвояси и ждать письменного решения. Сердобольная пожилая лаборантка кафедры сказала по секрету, чтобы я не питал никаких надежд, так как на ее памяти еще не было случая, чтобы человек моей национальности был принят в адъюнктуру. Через пару недель пришло сообщение об отказе в приеме из-за отсутствия стажа оперативно-следственной работы, хотя приводились данные, что мной было набрано 19 баллов из 20 возможных при отсутствии конкурентов на одно

конкурсное место по теоретической специальности. Успокоение пришло лишь в виде анекдота:

Антисемитизм – это зависть к потомкам Адама и Евы от всех, кто произошел от обезьяны.

Признавать этот эпизод окончательным поражением не хотелось, еще не все возможности были исчерпаны. Дорога вела обратно на юрфак ЛГУ, но теперь уже в аспирантуру. Кроме иностранного языка (немецкого) экзаменом, который мне надо было сдать, была история КПСС.

Знать иностранный язык будущему правоведа крайне необходимо. Это простая истина. Но образ жизни и воспитание делали такой взгляд проблематичным. Приоритет закреплялся за патриотизмом и идейностью, ко всему прочему признававшим, что русский язык способен выручить в любых сложных ситуациях.

Кандидатский экзамен по иностранному языку можно было попытаться сдать только на филологическом факультете. Из окон старинного голубого дома петровских времен, все помещения которого давно уже были приспособлены для учебного процесса, была видна величественная панорама Невы. Не исключая, что такое зрелище вселяло в меня уверенность, что этот экзамен мне сдать по силам. Организация дела была простой: надо было показать документ, подтверждающий твое право на испытание, и паспорт.

Узнав, в какой аудитории проходит процедура, я зашел туда, взял билет с заданиями и сел готовиться к ответу. Подобных мне чудаков было около двух десятков. Мою уверенность как рукой сняло, когда я прочитал задания (изложенные, слава богу, по-русски, а не по-немецки).

1. Перевести указанную экзаменатором часть толстой книги по специальности (не менее 500 стр.) Книгу ты должен принести. Устанавливался лимит времени.

2. Перевести со словарем текст, предложенный на экзамене.

3. Рассказать о себе.

Не говоря уже о том, что у меня с собой не было никакой книги, решиться отвечать на два других вопроса при моих тогдашних знаниях языка было бы слишком самонадеянно. Принеся извинения за беспокойство, я положил билет на стол и покинул помещение.

Прошло несколько месяцев. Без отрыва от основной работы я пытался сделать все возможное, чтобы расширить знание немецкого языка. Приобрел толстый немецкий учебник по уголовному праву Германской Демократической Республики. Честно со словарем перевел более половины гроссбуха, заполнив новыми для меня словами и фразами объемную ученическую тетрадь. Нашел старую дворянку по фамилии Борщевская, для которой немецкий язык был как родной. Раз в неделю посещал ее дышащую на ладан хибарку в районе Кадриорга. Написал автобиографию, которую учительница перевела на немецкий, а перевод выучил наизусть. Когда же подошел срок поездки в Питер, я понял, что моя подготовленность к экзамену была недостаточной. Палку в колеса вставляла основная работа, отнимавшая много времени.

Пришлось придумывать спасительную хитрость. Я исходил из того, что экзамен будет принимать лингвист, а не юрист. Для первого содержание текста для перевода не имеет никакого значения. Он может просто листануть томик и предложить перевести случайно открывшуюся страницу. Если это так, то надо, чтобы книга открылась на нужном мне месте. Книгу я решительно несколько раз перегнул на одном и том же листе, а этот текст попытался запомнить (и оригинал, и перевод).

На экзамене все прошло по моему сценарию. Для подготовки ответа на первый вопрос время не потребовалось, а на второй увеличилось. О себе я тоже успешно рассказал заученный перевод. Экзаменатор сказала, что готова поставить мне отличную оценку, если отвечу на пару во-

просов по грамматике. Я отказался — оценка моих знаний как хороших меня вполне устраивала.

Испытание по истории КПСС проходили несколько человек, претендовавших заняться научной юриспруденцией по разным ее отраслям. Среди вопросов, которые мне надо было осветить, оказался и такой, как критика теории перманентной революции Льва Троцкого. Когда ответ был окончен, экзаменатор поинтересовался, читали ли я публикации этого уклониста в подлиннике. Естественно, я ответил, что не читал, так как они многие годы находились под цензурным запретом. Информацию для экзаменационного вопроса я получил из статьи И. В. Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», где данная теория и ее критика изложены довольно подробно. В ответ услышал, что человек, идущий в науку, должен изучать первоисточники.

Когда после экзамена я вышел в коридор, ко мне обратилась замдекана факультета. Назвав меня по имени, она попросила о помощи. По ее мнению, мой рассказ на экзамене был блестящим, а вот девушка, которую она опекает и которая готовится к ответу, ничего не знает. Не мог бы я написать ей шпаргалку? Эта просьба очень быстро была мной выполнена с использованием листа, положенного на подоконник мужского туалета.

Слушая объявление о результатах экзамена, я был потрясен: девушка, которой я помог, оказалась моей конкуренткой в аспирантуру по кафедре уголовного права. Ей поставили оценку «отлично», что позволило занять единственное вакантное место на дневном отделении. Мне же выставили «удовлетворительно» и предложили заочную аспирантуру. Ничего другого не оставалось, как согласиться. Пару лет спустя кто-то рассказал, что молодая аспирантка не выдержала испытание учебой и добровольно ее прекратила.

Вскоре события развернули мою тропу в другую сторону. Случайно на одной вечеринке в Таллинне я познакомился с Валентином Анатольевичем Рянжиным, ко-

торый, узнав о моей заочной аспирантуре, предложил занять место в секторе права Института экономики Академии наук ЭССР. Там можно будет спокойно писать диссертацию и получать за это зарплату. Так и было сделано. Шел 1962 год.

В Интернете я встретил о В. А. Рянжине такую информацию:

Валентин Анатольевич Рянжин родился в селе Важино Подпорожского района Ленинградской области 7 июля 1938 года. Большая часть его жизни связана с юридическим факультетом Ленинградского Государственного университета имени А. А. Жданова, где он прошел путь от студента до

всемирно известного профессора, автора более 120 научных трудов, в том числе фундаментального учебника «Конституционное право», выдвинувших его сразу же в число наиболее выдающихся советских юристов, специалистов в области государственного права.

В начале 90-х годов усилиями В. А. Рянжина и его учеников был организован юридический факультет в Санкт-Петербургском Государственном университете водных коммуникаций, где впервые в России были восстановлены исторические традиции русского национального государственного права при чтении соответствующих курсов. Главная его любовь и боль — Россия. Он был строг и беспощаден к ненавистникам России, умел защитить Родину и в наше время, как защищал ее подростком во время Великой Отечественной войны от первого до последнего дня, будучи «сыном полка» на фронте. Валентин Анатольевич как истинно русский человек любил людей. Его большое сердце принимало всех, кто хотел служить отечеству, а его доброй широкой души хватало на каждого, кто приходил к нему со своими заботами. Не раз в русской публицистике последнего времени звучал его грозный голос в защиту Правды и Права, от которого вздрагивали враги русского народа. 10 ноября 2006 года В. А. Рянжин после тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни.

Обстановка в секторе права, руководимым доктором юридических наук Бенционом Левиным, была спокойной и, я бы сказал, дружелюбной. Не помню, были ли какие-либо заседания, обсуждения, дискуссии. Вроде бы не было. Каждый занимался своими делами, не информируя об этом других.

В. Рянжин, бывший ленинградец, был на несколько лет младше меня. Энергичный, самоуверенный человек, чувствующий себя, как говорят, на коне, был способен на многое. Говорили, что именно от него исходила инициатива создания сектора права и он добился, чтобы коллектив возглавил Б. Левин, уроженец буржуазной Эстонии, удачно приспособившийся к условиям советской действительности. Поскольку Валентин был государствоведом, то моими делами, относящимися к уголовному праву, заниматься решительно не хотел. Его руководство моей работой свелось к способствованию публикации одной моей статьи в «Известиях АН ЭССР».

Любимой темой его рассказов, изобиловавших пикантными подробностями, были победы на любовном поприще, в чем ему не уступал и другой сотрудник сектора Яков Теппер. Их сюжеты успешно конкурировали с увлекательными эротическими историями, которые содержал «Декамерон» Джованни Боккаччо. В дальнейшем В. Рянжин защитил в ЛГУ докторскую диссертацию о политических и правовых аспектах становления советской власти в Эстонии и стал профессором кафедры государственного права юрфака Ленинградского Государственного университета. Скромность явно не была его украшением. На факультете Валентина недолго любили, что вылилось в ряд конфликтов. А тут еще и трагическое событие в его личной жизни.

Я был в его ленинградской квартире, расположенной рядом с тем местом, где случилась губительная для А. С. Пушкина дуэль. Там меня познакомили с новой красивой женой Валентина, его бывшей студенткой, которая оказалась младше мужа более чем на четверть века. У Рянжина

от первого брака остались двое сыновей, младший из которых связался с ворами и попал в тюрьму. После отсидки он переехал из Таллинна в Ленинград и поселился в трехкомнатной квартире отца.

Однажды Валентин приехал в Таллинн, где мы с ним встретились, а его жена и сын остались вдвоем под одной крышей. Что там произошло, в подробностях установить не удалось. Молодая женщина исчезла. Валентин и раньше подозревал, что у нее есть любовник. В семье по этому поводу случались скандалы. Похоже, что дело шло к разводу. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт, что супруга передала своему отцу украденные ею у мужа материалы архива, содержащие опасный для карьеры компромат (в частности, эмигрантский журнал «Посев» со стихом, в котором КПСС характеризовалась с использованием нецензурной лексики).

Версия «Любовник» просуществовала недолго. Вскоре в районе нескольких трамвайных остановок на Петроградской стороне были найдены упаковки, в которых находились части тела и голова расчлененного трупа женщины. Сын Валентина был осужден за убийство, а его отец исключен из партии, лишен степени доктора юридических наук, звания профессора, уволен из университета за хранение антисоветских материалов.

Валентин меня уверял, что сын имеет лишь косвенное отношение к гибели мачехи, так как допустил ее встречу с мужиком в квартире отца. Имеются материалы экспертизы, что незадолго до гибели она имела интимную связь с любовником, а расчленение тела произведено профессионалом-патологоанатомом, которым его сын никогда не был.

С Валентином связано несколько других историй. Вот одна из них. Однажды мы с ним прибыли из Таллинна в Ленинград (разными поездами) для участия в научной конференции, проводившейся на юрфаке. Моему шефу надо было вернуться в Эстонию раньше меня. Я пришел на Варшавский вокзал его проводить и обнаружил, что

он занимает место не в обычном вагоне, а в вагоне-электростанции, примыкающем к дизельному локомотиву. Как объяснил провожаемый, он познакомился с работником этого спецвагона, который предоставил пассажиру за полцены двухместное купе, предназначенное для персонала. Теперь он возвращается домой этим же способом.

Мы разговаривали, находясь в купе, как вдруг Валентин засуетился и выпрыгнул из вагона. Оказывается, в окне он увидел двух контролеров, направлявшихся к нам. Я был схвачен, обвинен в намерении воспользоваться запретным способом проезда без билета. Для выяснения деталей меня препроводили в служебное помещение вокзала, где на видном месте красовались фотографии ранее задержанных «зайцев». Меня спасло только то, что я заблаговременно попросил канцелярию юрфака сделать в командировочном удостоверении отметку об окончании его срока с указанием более поздней даты, чем та, когда случилось это происшествие.

Выйдя вместе с бдительными контролерами на перрон, я увидел, как в последний вагон вскакивает Валентин. Контролеры закричали «Держи жулика!», но виновник происшествия помахал им рукой, в которой был зажат только что купленный билет, а поезд начал набирать скорость.

Все это случилось гораздо позже, чем происходили события, о которых ведется основной рассказ. К осени 1964 года изготовление диссертации было завершено. Благодаря таланту чертежника и рисовальщика, она даже была оформлена красочными схемами и диаграммами, выполненными моим товарищем подполковником милиции Юрием Алексеевичем Шариком. Пять статей, опубликованных в научных журналах России и Эстонии, подкрепили готовность к рывку. (Кстати, как рассказала мне доцент кафедры ЛГУ Н. В. Лясс, профессор М. Д. Шаргородский высказал на заседании кафедры одобрение моей статье «Материальное содержание основания уголовной

ответственности», опубликованной во всесоюзном журнале «Правоведение».)

Но вопрос о защите диссертации обернулся в проблему. Как ленинградский аспирант-заочник я взаимодействовал с назначенным мне кафедрой научным руководителем доцентом Иосифом Исааковичем Солодкиным. В дальнейшем он стал доктором юридических наук и профессором.

В связи со смертью И. И. Солодкина в издании «Юридическая Россия» был опубликован такой некролог.

1 июля 1972 г. на 61-м году жизни скончался член КПСС, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Ленинградского университета Иосиф Исаакович Солодкин. И. И. Солодкин около сорока лет учился и работал в коллективе ленинградских юристов, снискав глубокое уважение и любовь товарищей. Прошел путь от рабочего-станочника, журналиста, студента и аспиранта юридического института, участника двух войн, награжденного многими орденами, до профессора факультета.

Перу И. И. Солодкина принадлежат более 50 работ, в том числе фундаментальные исследования по истории русской уголовно-правовой мысли. Он всегда был в курсе современных проблем уголовно-правовой науки и много сил отдавал практике, занимаясь проблемами применения уголовного законодательства. По учебникам, написанным с участием И. И. Солодкина, обучаются студенты юридических вузов страны. Ряд его работ издан в зарубежных социалистических странах.

В числе учеников И. И. Солодкина – практические работники и кандидаты юридических наук. И. И. Солодкин пользовался заслуженным авторитетом среди своих коллег, многочисленных учеников и всех, кто его знал.

Об Иосифе Исааковиче у меня сохранилась самая добрая память. Не то чтобы он подсказывал какие-то идеи

или помогал редактировать текст рукописи диссертации и автореферата, но своим беспокойством о ходе моей работы и участливым отношением ко мне вселял уверенность, что у меня что-то должно получиться. Несколько раз я бывал в его доме, был знаком с его супругой и дочерьми.

Иосиф Исаакович посоветовал не представлять работу Ученому совету юрфака ЛГУ из-за распространенных там антисемитских настроений. Надо было искать другой вариант. Его нашел в Таллинне Бенцион Левин. Созвонившись с заведующим кафедрой уголовного права и процесса Тартуского государственного университета профессором Х. Кадари, он получил его согласие на прием моей работы к защите на экономико-юридическом Ученом совете университета.

Процедура защиты диссертации происходила по правилам, установленным свыше. Одним из двух официальных оппонентов оказался знаменитый московский профессор, заместитель директора исследовательского института прокуратуры Союза Владимир Николаевич Кудрявцев (во времена раннего «горбачевизма» он, являясь академиком, занимал пост вице-президента Академии наук СССР). Так как большую часть Ученого совета составляли экономисты, а не юристы, разбирающиеся в уголовном праве, то потребовались особые усилия, чтобы доказать научную значимость работы и диссертательность темы. Это удалось сделать не только благодаря моим стараниям, но и, как мне кажется, влиянию на членов совета выступления официального оппонента. Он не стал подвергать диссертацию критике, что позволило бы установить ее недостатки и в то же время обнаружить в споре интеллектуальные возможности диссертанта. Он просто, как бы читая лекцию студентам-несмышленикам, разъяснил наиболее существенные места работы.

По итогам голосования диссертант единогласно был признан достойным ученой степени кандидата юридических наук.

Зал заседания находился рядом с кабинетом ректора университета. Не исключаю, что хозяин кабинета слышал, что происходило в соседнем помещении. Академик Федор Дмитриевич Клемент вышел из кабинета и крепко пожал мне руку, пожелав успехов на научном поприще.

Спустя несколько месяцев решение Ученого совета было утверждено Высшей аттестационной комиссией (ВАК) СССР.

Много лет спустя моя хорошая знакомая, знавшая В. Н. Кудрявцева, судья Нонна Викторовна Радутная рассказала, что у него возникла идея перетащить меня на работу в Институт прокуратуры СССР, находящийся в Москве. Однако в отделе науки ЦК КПСС ему ответили отказом, пожурив за покровительство еврею.

Хотел бы подробнее рассказать о Нонне. Материал Интернета дает такую информацию.

Нонна Викторовна Радутная родилась 11 апреля 1929 года в городе Бахчисарай Крымской области РСФСР (ныне Республика Крым). В 1951 году окончила юридический факультет Ленинградского Государственного университета, затем двенадцать лет работала народным судьей в городе Таллине. В 1964 году Радутная перешла на научную работу во Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (ныне Академия Генеральной прокуратуры РФ), работала младшим, а затем – и старшим научным сотрудником в этом же институте. В 1968 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Осуществление принципа коллегиальности по уголовным делам первой инстанции». С 1976 года работала завкафедрой уголовно-правовых наук, а после ее разделения в 2001 году заведовала кафедрой уголовно-процессуальных дисциплин и криминалистики Всесоюзного института усовершенствования работников юстиции (ныне Российская правовая академия Министерства юстиции РФ). В 1990 году ей было присвоено звание профес-

сора. После основания Российской академии правосудия Радутная стала заведующей кафедрой уголовно-процессуального права. Читала лекции на факультете подготовки специалистов для судебной системы и на факультете повышения квалификации судей. Являлась членом научно-консультативного совета при Верховном суде СССР, а затем – и Верховном суде РФ. Умерла 6 июня 2009 года.

Кафедра уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной является одним из ведущих учебных и научных подразделений Российского Государственного университета правосудия. Неслучайно кафедра названа именем Н. В. Радутной, которая возглавляла данное структурное подразделение с момента образования Российского Государственного университета правосудия до июня 2009 года. Нона Викторовна Радутная была не только идейным организатором кафедры, но и ее душой. До конца своих дней она была примером для всех, ее принципиальность и бескомпромиссность как ученого сочетались с удивительной добротой и терпением к людям. За свою научную и преподавательскую деятельность Нона Викторовна была удостоена званий заслуженный юрист РСФСР, почетный работник юстиции Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования.

С Нонной Радутной я познакомился благодаря роли народного заседателя районного суда, в штате которого значилась судья. Мы с Азарием Гусиным оказались за судейским столом как представители народа, которые по идее должны были усилить влияние нравственных начал на правосудие. При этом закон предоставлял народным заседателям в судебном процессе права, равные правам профессионального судьи, разве что не руководство судебным заседанием.

В нашем случае все получилось не по стандарту. Народными заседателями оказались два юриста-преподавателя, знающие законы не понаслышке. Они не сидели на судейских креслах безмолвными куклами, а нахально участвовали в заседании, задавая вопросы участникам процесса, при вынесении приговора спорили с судьей, отстаивая свое мнение. Однажды вынесли оправдательный

приговор, против которого возражала судья. Ведь над ней возвышалось судебное начальство, которое могло плохо оценить ее работу, а заседателям было хоть бы хны. Казалось бы, таких людей следовало возненавидеть, а Нона Викторовна сделала своими приятелями, в первую очередь меня. Мы с ней не раз встречались за пределами суда, вели душевные беседы, обсуждая разные житейские вопросы. Однажды летом Нонна, захватив с собой гитару, побывала в нашей с Ритой дачной съемной комнатке в Кейла-Йоа. Гостья обладала мягким сопрано, так что слушать ее было одно удовольствие. Мы хором мурлыкали фривольные студенческие песенки. Она знала их множество.

А вокруг была суета сует. Шли съемки фильма «Гамлет» режиссера Григория Козинцева. Неподалеку над обрывом, с которого открывался вид на залив, впечатляюще смотрелся декоративный замок «Эльсинор». В столовой, куда мы пришли перекусить, было много артистов в гриме и театральных костюмах, в том числе и гениальный Иннокентий Смоктуновский в обличии принца Датского. Он довольно-таки громко жаловался на усталость, но выглядел шикарно. Все это придавало еще более праздничное ощущение нашей встрече.

Замок «Эльсинор» на обрыве под Кейла-Йоа

Со своим мужем Нонна рассталась и одна воспитывала сына. Ее подружка стала уличать меня в том, будто я стал любовником Нонны. Но это были ее домыслы. Ничего такого между нами никогда не было, хотя я знал мужчин, которые высоко ценили ее эротическую привлекательность. На мой взгляд, представители разных полов имеют право на дружеские отношения не в меньшей степени, чем однополые. Кстати, долго работавшая с Нонной секретарь судебного заседания, женщина в зрелом возрасте, так была в нее влюблена, что готова была пожертвовать всем ради благополучия обожаемой шефини. Знаю об этом с ее слов.

В Таллинне как-то проходила конференция о борьбе за законность и правопорядок. Собралось много участников со всего Союза. Из Москвы приехал крупный партийный чиновник, заведующий отделом административных органов ЦК КПСС Николай Романович Миронов. После выступления судьи Радутной с ним случилось что-то трудно объяснимое. Вечером того же дня в квартиру Нонны явился помощник Миронова и сообщил растерявшейся хозяйке, что его шеф мечтает о встрече с ней. Что уж там было дальше, я не знаю, хотя можно предполагать.

Спустя пару месяцев Нонна сказала мне, что получила приглашение переехать в Москву, где ей будет предоставлена квартира и престижная работа. Как ни странно, она интересовалась моим мнением. Я сказал, что если у нее возникло чувство к этому человеку, а у него — к ней, то могу только порадоваться за нее. Позже во время наших редких встреч Нонна каждый раз благодарила меня за поддержку поворота в ее судьбе.

Где-то через год самолет, летевший в Югославию с советской делегацией, в которую входил Николай Романович, разбился, врезавшись в окутанную густым туманом гору Авала рядом с Белградом.

Через десять лет мне пришлось решать сложные вопросы, связанные с защитой докторской диссертации.

Нонна оказала мне неоценимую помощь, сумев уговорить знаменитых московских профессоров Бориса Сергеевича Никифорова и Нинель Федоровну Кузнецову взять на себя миссию официальных оппонентов по защите диссертации малоизвестным претендентом на ученую степень доктора юридических наук.

Светлая ей память!

12.2. Коммунизм выручил

В СССР для спецов, занимающихся наукой, было предусмотрено два уровня квалификации — кандидат наук и доктор наук. Достигнуть их имело смысл из-за престижа, но в каком-то смысле — и для улучшения своего материального положения. Последнее обстоятельство автоматически не срабатывало, а только открывало возможность для роста материального достатка. Кандидат наук как преподаватель вуза мог рассчитывать на получение должности и ученого звания доцента, а доктор наук — профессора. А за эти звания уже полагалась более высокая зарплата.

Считается, что оповещать мир о своих доходах не очень прилично. По-видимому, это правило создано в тех кругах, где раскрытие источника дохода может увенчаться скамьей подсудимых. Но ведь они же причастны к управлению миром. И мир воспринял такой запрет. Я тоже ему подвластен, но одно замечание не в личном плане, а в социологическом хотелось бы сделать.

В нынешние дни по каналу РТР российского телевидения идет передача «Судьба человека», где ведущим выступает Борис Корчевников. Однажды у него состоялась встреча с маститым кинорежиссером Владимиром Александровичем Бортко. Гость, отвечая на вопросы тележурналиста, рассказывал, что ему не свойственно испытывать эйфорию от успеха своей новой кинокартины. В ответ последовала просьба сказать, что же можно рассматривать в качестве субъективного критерия удачи. В. А. Бортко не смущаясь молвил: большой гонорар. Он, очевидно, имел в виду, что деньги являются не только показателем обогащения, но и наиболее точным образом указывают на положительную оценку проделанной работы, открывая новые возможности для радостных ощущений и достижения новых высот. С такой позицией трудно не согласиться.

Вспомнил к тому же одесский анекдот:

Как говорит Изольда Марковна, мужчина без денег — это подруга.

Не буду подробно объяснять, почему мне хотелось, защитив кандидатскую диссертацию, стать преподавателем института. Помимо желания пришлось считаться и с реальным положением дел. В ТШМ мое место было занято другим человеком, а сектор права не внушал доверия не только из-за мизерных окладов, но и потому, что не было понятно, за что там платят зарплату. Собственно говоря, одно обуславливало другое.

Человеку, не владеющему эстонским языком и занимающемуся юриспруденцией, в Таллинне, рассчитывать было не на что. Юристов с высшим образованием готовили только в Тартуском университете. Я был на сто процентов уверен, что туда меня бы не взяли, к тому же и моя жена едва ли выразила бы восторг от перспективы замены Таллинна на Тарту.

Размышления на данную тему привели к заключению, что надо менять профессию и вместо юриста стать обществоведом. Какие-то знания в области обществоведения мной были получены в студенческие годы и при подготовке к кандидатским экзаменам. Смущало, конечно, пропагандистко-идеологическое содержание будущей профессии. Но, как я понимал, благодаря собственным усилиям можно будет уменьшить идеологический акцент. Если решение реализуется, то ко всему прочему откроется возможность вернуться в родной Питер. Обществоведческие предметы преподаются во всех учебных заведениях города, чего не скажешь о предметах юридических.

Странные ощущения: живя в советской Эстонии, я ни разу не встречался с юдофобией, а ленинградский дух был совсем иным. И все-таки туда тянуло. Тем не менее, при встречах с эстонцами я как русскоязычный не раз ощущал душевный дискомфорт.

В первую очередь мое внимание привлек Таллиннский педагогический институт. Это было единственное из четырех высших учебных заведений города возможное пристанище, имевшее понятный и доступный мне гуманитарный профиль. Без всяких рекомендаций и предварительных уведомлений я пришел на кафедру марксизма-ленинизма института, где меня весьма холодно встретил ее заведующий — кандидат исторических наук Игорь Дмитриевич Янковский. Хотя он сидел в кресле, а я стоял, тон его голоса не оставлял сомнений, что человек хочет показать, насколько его статус выше моего. Эта моя партия завершилась проигрышем. Через пару лет, когда я работал в другом вузе, на кафедре появился новый преподаватель, которого я сразу узнал. Это был он. Совсем уже другой — спокойный, лояльный, коммуникабельный. Игорь стал моим закадычным приятелем на долгие годы совместной работы. Со второй своей женой Лулу, ранее учившейся у него студенткой пединститута, и очаровательной дочкой Мари он обитал в отдельном уютном доме в Нымме. К дому примыкал огороженный забором участок, на котором цвели яблони и кусты смородины, зрели в маленьком парничке помидоры и зелень, тут же стоял аккуратно сделанный гараж.

Однажды мы решили сочинить книжку о диалектике (противоречиях) социализма. На лужайке положили бараньи шкуры, наполнили фужеры вином, разбавленным водой, разделись до трусов и, лежа, стали обмениваться мыслями по теме, фиксируя сказанное в тетради. Книга была издана на эстонском языке. Такое запоминается.

К Игорю меня тянуло. Он много читал и общался на четырех языках. Наши дискуссии случались захватывающими. Правда, было заметно, что мой собеседник не всегда говорит то, что думает. Не потому, что руководствуется правилом, согласно которому умный знает, что говорит, а дурак говорит, что знает. Как-то уже на закате нашего общения он пооткровенничал и объяснил свою мимирию.

Он, мягко говоря, не был влюблен в советскую власть, хотя служил ей, как мог (но не верой и правдой). В годы войны являлся сотрудником армейской контрразведки, диссертацию посвятил так называемой социалистической революции в Эстонии 1940 года, занимал пост заведующего кафедрой марксизма-ленинизма, занимался исследованием международного коммунистического движения. При этом скрывал, что его отец, поляк, был членом российской Государственной Думы последнего созыва, примыкал к кадетам, а следовательно, с позиции ортодоксального большевизма мог считаться контрреволюционером. Если бы эта тайна оказалась раскрыта, сын был бы обречен стать очередной жертвой советской карательной системы. Неудивительно, что после восстановления эстонской государственной независимости он приветствовал все деяния новой власти, в том числе и те, что были направлены на вытеснение русскоязычного меньшинства с территории государства. На этой ноте наша общая песня оборвалась.

Борис Тамм

Бенцион Левин посоветовал мне обратиться с вопросом о работе к заведующему кафедрой марксизма-ленинизма Таллиннской консерватории Борису Тамму. Он произвел впечатление интеллигентного и отзывчивого человека. Чернявый, высокий, стройный, в твидовом пиджаке с трубкой во рту, он показался похожим на одного из персонажей романов Ремарка в их киношном воплощении.

Информация, которую я получил, оказалась занятной. Оказывается, год назад по решению ЦК КПСС во всех вузах страны было введено изучение нового предмета, названного «научный коммунизм». До этого уже давно на студентов легла нагрузка по усвоению истории КПСС, диалектического и исторического материализма (марк-

систская философия), политической экономии. Ситуация была непростая. Наверху полагали, что создан эффективный способ идеологического насыщения мозгов. Внизу не могли понять, зачем это надо и что с этим делать. В те годы ходил анекдот.

- В чем различие между матом и диаматом?
- Мат все знают, но притворяются, что не знают. Диамат никто не знает, но все притворяются, что знают.
- А в чем сходство?
- И то и другое является мощным оружием в руках пролетариата.

Поскольку последовательность предметов была таковой, что новый предмет завершал весь цикл, степень сложности ситуации удвоилась. Надо было не только разобраться с сущностью и содержанием новинки, но и сделать ее преподавание таким, чтобы не дублировать предыдущие курсы.

Мой собеседник сообщил, что ему предложили возглавить соответствующую кафедру в Таллинском политехническом институте (ТПИ), он — историк, а в чем специфика нового предмета, представляет с трудом. Если я готов преодолевать барьеры, то он может предложить мне полставки преподавателя, а потом при успешной работе зачислить в штат.

Предложение было непростым. Что делать? Как преподавать то, к чему внутренне не подготовлен?

С моего согласия началась новая полоса жизни, длившаяся 28 лет. Срок значительный. В него уместились многие и разнообразные события. Обо всем не расскажешь, может получиться слишком занудно. Поэтому задержу внимание лишь на некоторых эпизодах этого отрезка моей истории.

Допускаю, что каждый человек может разграничить две сферы своего существования — внутреннюю и внешнюю. Мир субъективности очень объемён и многогранен. Ему присуща безграничная свобода мыслить, фантази-

ровать, переживать, наслаждаться, ограниченная лишь стрессовыми ситуациями. Источником этих свойств не обязательно являются импульсы, пришедшие из внешнего мира, поскольку внутренний мир способен воспроизводиться и расти и на собственной основе. Восприятие внешних воздействий нередко происходит через так называемые фиксированные установки, т. е. сформировавшиеся позиции, ценности, предпочтения: что более или менее стабильно, приемлемо, нравится и т. п. Но возможно и противоположное. Ради достижения каких-то важных целей принимается то, что субъективностью отрицается. Под влиянием жизненной необходимости или конформизма (приспособленчества).

Я сжился с советской властью — при ней появился на свет, социализировался, приобрел профессию. К тому же после смерти Сталина и отставки Хрущева кое-что изменилось в лучшую сторону. Но многое было неоднозначно.

Например, советская наука. Когда известного физика академика Гинзбурга интервьюер попросил охарактеризовать ее состояние, то получил такой ответ: «Не надо идеализировать советскую науку! Действительно, она в некоторых областях типа физики и математики была на очень высоком уровне. Ну это и понятно: от физики коммунистам нужна была бомба, поэтому и деньги были большие у физиков. Помню, когда американцы впервые взорвали атомную бомбу, у меня зарплата сразу же выросла раза в три. Но были в советской науке области совершенно провальные, ярчайший пример тому — биология, кибернетика. Другим колоссальным недостатком была закрытость советской науки — почти отсутствие связей с границей, а это приводило к трудностям в обмене научной информацией. Одна из причин тому — засекреченность. Я, например, был совсекретным. Часовой около двери стоял. Такая секретность была, что мне однажды не разрешили даже собственные записи посмотреть, потому что они были засекречены — в том числе и от меня. До абсурда доходило. Жили, конечно, бедно. Зато у этой бедности были свои преимущества. В 1955 году в первый раз к нам приехала

группа иностранных ученых. Мы на них жадно набросились с горящими глазами. И потом один из тех приехавших, известный физик, вернувшись к себе домой, написал статью, в которой удивлялся: живут русские ученые плохо, в стране тоже далеко не рай, а какие редкостные энтузиасты! Почему? И тут же дал ответ: а у них больше ничего нет!.. Это было глубоко сказано, замечательно правильный диагноз! Наука была единственной радостью жизни».

Влияния каких-то оппозиционных сил я не испытывал, а то, что иногда возникало (скажем, звучание по радио антисоветских «голосов»), воспринимал скептически. Хотя компрометирующие нашу систему факты нередко приводились впечатляющие, но слишком предвзятыми были их толкования. Другое дело, что долго не решаемые проблемы реального социализма (плохое снабжение населения продовольствием и промышленными товарами), незavidные у большинства моих знакомых жилищные условия (хотя было положено начало массовому жилищному строительству, многие семьи продолжали свое существование в коммунальных квартирах), массовые репрессии сталинского времени и хрущевский, как тогда говорили, «волюнтаризм», включая выпады против творческой интеллигенции, венгерские и чехословацкие события, постоянное вранье о наступлении эпохи развитого социализма и близости рая на земле в виде коммунизма, нарциссическая наградомания Брежнева и кое-что еще — все это вызывало разброд мыслей и колебание фиксированных установок.

Что касается капитализма, тоже не все было ясно, даже на житейском уровне. Железный занавес приподнялся. Туристические группы стали выезжать на Запад. Почему-то почти все, что относится к потребительским ценностям, привезенным оттуда, было качественнее и красивее, чем наш ширпотреб. Вызывали восторг бытовые инновации. То, что рассказывали туристы, мягко говоря, не очень совпадало с тем, что сообщала советская пресса. Из их информации, из художественной ли-

тературы (скажем, журнала «Иностранная литература») и западных кинофильмов, иногда демонстрировавшихся в кинотеатрах, можно было понять, что простой труженик и в смысле материального обеспечения, и в смысле свободы поведения мог позволить себе то, что нам и не снилось.

Решив стать преподавателем научного коммунизма, я постарался побольше опираться на свою субъективность, факты жизни, известные социологические откровения и философские размышления, которые мало использовались при преподавании идеологических предметов, предшествовавших научному коммунизму. Где-то вычитал суждение, что советским людям язык Эзопа стал ближе, чем язык Пушкина. И этот способ передачи знаний я тоже попытался использовать в меру своих способностей. Не обошлось и без того, на что намекает одесский анекдот.

Сара Абрамовна всегда говорила только правду! А иногда ее даже сама и выдумывала.

Надо признать, что для личного благополучия путь был выбран рискованный. На моей лекции как-то побывали двое коллег из Ленинградского политехнического института, для которого наш институт считался побратимом. В личной беседе они высказали удивление, какая свобода слова в Эстонии, добавив, что в Питере меня бы за такую лекцию не только выгнали бы с работы, но и посадили. Насчет свободы слова коллеги допустили некоторое преувеличение. Мне пришлось несколько раз стоять в кабинете секретаря парткома института и выслушивать грозные предупреждения понятно какого содержания.

По собственным впечатлениям могу утверждать, что многие мыслящие студенты (они уже дошли до пятого курса) меня поняли. Вот доказательства.

Идет банкет в связи с получением студентами дипломов о высшем образовании. Факультет радиоэлектрони-

ки. Событие вместе отмечают обучавшиеся на эстонском (3/4) и русском (1/4) языках. Я — в числе приглашенных. Тост провозглашает староста русскоязычного потока. Он благодарит руководство института и преподавателей двух особо любимившихся предметов. Вторым он называет преподавателя научного коммунизма, т. е. меня. Ко мне подходит декан факультета и, не скрывая удивления, пожимает руку. Его зовут Андрес Кеэваллик, это будущий ректор Таллиннского технического университета.

В 2001 году, уже после восстановления государственной независимости Эстонии, на заседании Ученого совета института тайным голосованием (с участием более 20 эстонцев) по предложению ректора меня, тогда уже пенсионера, русскоязычного еврея, бывшего коммуниста, избирают эмерит-профессором (почетным профессором) института. Надо оценивать этот факт с учетом случившихся на рубеже веков исторических перемен. Вот вам и научный коммунизм!

Сейчас я рассказал об итоге, когда же моя деятельность начиналась, возникло много трудностей.

Мне было как-то неловко из-за самого названия предмета. Начиная вводную лекцию, я задавал аудитории вопрос, приходилось ли кому-то на первой лекции слышать, что будет изучаться наука, называемая, скажем, «научная физика», «научное сопротивление материалов» и т. п.? Конечно, нет! Как же тогда воспринимать предмет, который обозначается как наука научного коммунизма? Не скрывается ли за этой удвоенной научностью нечто такое, что приходится скрывать из-за неполноценности предмета? И далее шло пояснение, что создатели пролетарской идеологии очень хотели противопоставить свое учение утопическому социализму, но удалось ли им и их последователям достичь этой цели, мы должны решить сами, делая выводы из изучения материалов курса. Так что пока названием предмета будем пользоваться весьма условно, имея в виду те критерии, опираясь на которые научные знания можно отделить от ненаучных.

Когда последовательность тематики курса приводила к разговору об антикоммунизме, я предупреждал, что есть смысл поубавить идеологический накал и обратить «анти» себе на пользу. Может быть, стоит отделить зерна от плевел, так как критики реального социализма, обращая внимание на наши проблемы и ошибки, нередко указывают на то, что мы сами у себя не хотим или боимся выявлять, а для успешного развития такие проблемы надо решать, а ошибки исправлять. Для объективности критики «анти» неплохо бы заставить себя сравнивать наши успехи с успехами реального капитализма, а его провалы с нашим. Чтобы не получилось так: «наш балет самый лучший в мире, а у вас негров линчуют».

Хотя спущенная сверху программа курса должна была стать руководством к действию, содержащиеся в ней понятия частично поддавались разному толкованию, а одобренных министерством учебников к моменту начала моей деятельности не было. Я стал писать свой курс лекций и методичек семинаров, менять которые после появления учебников не считал нужным. Правда, дважды побывал в Киеве и Москве на полугодовых курсах повышения квалификации. Они частично помогли понять, чему надо учить, а чему нет. Как сказал какой-то одесский умник,

Моня, как ты мог подумать, не посоветовавшись?!

Не единожды я сталкивался с ситуацией, когда легальная подцензурная информация вызывала несогласие обучаемых. Вот один из таких эпизодов.

Лекция завершена. Зал пустеет. Ко мне подходит юноша и говорит, что не согласен с тем, как я на примере Эстонии объяснил переход общества от капитализма к социализму. В моем рассказе была использована информация об этом процессе, взятая из разных официальных источников, но однообразная по своему содержанию. Эстония стала советской республикой и субъектом фе-

дерации по воле эстонского трудового народа и избранного этим народом парламента. Трое моих коллег (Б. Левин, В. Рянжин, И. Янковский) подкрепляли эту версию аргументами в успешно защищенных ими диссертациях.

Не могу сказать, что такая версия казалась мне бесспорной. По крайней мере, было два вопроса, на которые я нигде не мог найти ответа. Какая была очередность событий: сначала случилась революция, а потом появилась Красная армия или наоборот? Замечу попутно, что в то время у меня не возникало сомнений по поводу права советских людей нарушать суверенитет других государств в революционных целях. Вот и поэт М. Светлов в популярном стихотворении «Гренада» образно сказал об этом.

Я хату покинул, пошел воевать,
 Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать.
 Прощайте, родные! Прощайте, семья!
 «Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Второй вопрос рождался недоумением, как возможно, чтобы революционный процесс неожиданно охватил территорию трех прибалтийских государств и совпал с присоединением к Советскому Союзу Западной Украины и Западной Белоруссии?

То, что объяснил студент, меня просто ошарашило. Его рассказ был настолько детальным и убедительным, что не посчитаться с ним я не мог. К тому же в нем находились и ответы на мои вопросы. Сейчас в Интернете я обнаружил лаконичную публикацию, в которой по существу изложена версия моего критика.

Присоединение Эстонии к СССР (в Эстонии и некоторых других странах советская оккупация – политический процесс в истории Эстонии, приведший Эстонскую Республику к включению ее в состав СССР). Аннексия и советизация Эстонии стали следствием подписания СССР и нацистской Германией в августе 1939 года договора

о ненападении между Германией и Советским Союзом, секретный протокол которого зафиксировал разграничение сфер интересов этих двух держав в Восточной Европе. Этот процесс был частью общего процесса включения всех трех стран Балтии в состав СССР. В 1939-1940 годах СССР путем давления и угроз добился размещения на территории Эстонии крупного воинского контингента, а затем – и смены правительства страны. Руководимые представителями СССР эстонские левые провели выборы в парламент, который объявил Эстонию советской социалистической республикой и попросил о вступлении в состав СССР. Следствием этих событий стала инкорпорация Эстонии в состав Советского Союза, советизация и массовые репрессии. Различные политико-правовые оценки этих событий вызывают споры и конфликты до сегодняшнего дня.

В 1983 году на экранах кинотеатров появился фильм «На арене Лурих». Главную роль легендарного эстонского спортсмена Георга Луриха сыграл Тыну Луме, ставший потом президентом Эстонского союза дзюдо. Это и был тот самый студент, который решил открыть преподавателю глаза на события, приведшие Эстонию в состав Советского Союза.

С учетом ситуации, в которой оказалась крошечная страна, ее коренным жителям трудно принять объяснение патриотов России, что ввод советских войск был вынужденной мерой, предпринятой для оттягивания войны Германии с СССР. Даже если пофантазировать и признать, что Эстония могла выбирать, то это был выбор между плохим (СССР) и очень плохим (Германия). Третьего не было дано. Но эстонское население расставляло акценты наоборот. Последовавшие за российской оккупацией массовые репрессии и высылки в Сибирь ни в чем не повинных людей еще более аргументировали негативное восприятие последствий пакта Молотова-Риббентропа.

Состав кафедры и ее руководство время от времени менялись. Последовательно ею руководили Борис Тамм, Клара Халлик, Юзеф Лившиц, Габриэль Хазак. Впослед-

ствии Борис Тамм стал проректором нашего института и профессором. Клара Халлик при новой власти входила в состав правительства в качестве министра, Х. Таллига стал руководителем эстонских профсоюзов, И. Аймре долгое время проработал проректором Академии безопасности Эстонской Республики, Х. Вайну руководил редакцией журнала «Музыка», Й. Хейн после работы на кафедре освоил поприще дипломата.

По указанию министерства в масштабах республики кафедра считалась базовой по отношению к другим аналогичным кафедрам эстонских вузов. На заведующего

Кафедра научного коммунизма ТПИ. Сидят слева направо: В. Пароль, К. Халлик, Ю. Лившиц, Й. Хибус, К. Бондаренко; стоят: Г. Хазак, В. Прусакова, В. Архангельский, И. Яновский, Х. Таллига, Х. Вайну, В. Пономаренко, А. Пешков, Й. Хейн; отсутствуют: Р. Миккенберг, Г. Сотла.

14 сентября 1984 года

кафедрой это обстоятельство налагало дополнительную ответственность. Мои предшественники показали себя авторитетными и способными начальниками. Тем не менее, срок их нахождения на этой должности был заведомо ограничен. По закону кандидат наук мог руководить кафедрой, как правило, не более восьми лет. Мне, единственному в то время доктору наук и профессору, ректор института предложил занять этот пост в 1984 году. Мое согласие тайным голосованием санкционировал Ученый совет института.

Когда эта информация стала достоянием гласности, одна из моих коллег со слезами на глазах высказав мне свой упрек: зачем я согласился? Как человеку неэстонской культуры могут доверить управление эстонским коллективом? А ведь мы с ней без единого конфликта проработали вместе 14 лет.

С Габриэлем Хазакком я сблизился особо. Мы не стали единомышленниками, но наше общение было интересным. Габи появился на кафедре на десять лет позже меня. Кандидат юридических наук в области уголовного права, он сделал блестящую карьеру в прокуратуре республики и в начале своего четвертого десятка уже возглавлял аналитический отдел и имел чин старшего советника юстиции (полковника).

Его известность определялась, тем не менее, совсем другой причиной — хобби, которым стала комментаторская деятельность на телевидении по разъяснению сложных перипетий международных событий. Превращение популярного комментатора в преподавателя политического предмета представлялось событием логичным.

Габи показал себя по отношению ко мне человеком доброжелательным в дружеском ключе. Мы взаимно в чем-то друг другу помогали. Для меня он кроме всего прочего был окном в эстонский мир. Не только в смысле получения официальной информации, публикуемой на эстонском языке, но и мировоззренческой позиции, умонастроений интеллигенции.

Когда-то лозунгом большевиков было утверждение, что народ и партия едины, а партия выражает то, что народ осознает. Теперь, как мне показалось, с учетом разделения электората по партийным предпочтениям, то же самое можно было бы сказать об отношении рядовых людей к государственной власти. Она принималась и почиталась, в чем было существенное отличие от русскоязычного населения. В его среде сложилась ответная реакция на националистическую политику государства в отношении этих людей. Внутри нашего общества образовался чувствительный раскол по вопросу о правах неэстонцев, поселившихся на территории нынешнего государства в советское время. Дискуссии стали более жесткими, а встречи — редкими.

В квартире гурманы позволяли себе не только выпить по рюмке крепкого напитка и закусить только что умело поджаренным стейком. Мы увлеченно вслух анализировали разные политические конфликты, выдвигали свои объяснения и искали пути раздувания сложной ситуации.

Габриэль Хазак и Юзеф Лившиц – друзья

После убийства Патриса Лумумбы в бывшем Бельгийском Конго назрела гражданская война. Спорщики распределили между собой роли участников конфликта. Один был Чомбе и требовал самостоятельности провинции Катанга, другой — умеренным священником Музоровой, не соглашавшимся с таким радикальным призывом. Позже вместо священника пришлось озвучить позицию еще одной влиятельной персоны — Сесе Мобуту. Часа три мы провели в очень для нас увлекательном споре, чувствуя себя реальными политиками Африки.

Позже, когда мы состарились и превратились в пенсионеров, встречи не прекратились. Добавился еще один их участник — профессор из Художественной академии. Возник как бы клуб сениоров. К этому времени Советский Союз исчез.

Когда Габи исполнилось 80 лет, я посвятил ему песню с такими словами.

К тебе сегодня юбилей пришел, как ожидался, —
Красивый, мудрый, непростой, с улыбкой и слезой.
Былой мечты большой полет, как видишь, оправдался,
А прошлых юбилейных дней возник почетный строй.
Раз у тебя десятки лет восьмеркой увенчались,
То радость я в твоих глазах хотел бы увидеть.
Какой бы жизнь ни была, ей годы заполнялись.
Почтенный возраст ведь не всем судьба способна дать.
Плывут картины дел твоих, то тихих, то кипучих.
О тех, что гордостью цветут, сегодня вспомним мы.
Они не сплетены в венок из случаев везучих,
В них опыт, воля и талант твои заключены.
Позыв весны, волна любви влекли и потрясали.
Хотелось целый мир обнять, когда был чувств расцвет.
А может быть, что и сейчас влеченья не пропали?
Но ты молчишь, и ни к чему нам ведать твой секрет.
Теперь в компании твоей сеньоров элитарных
Возникнет в норме бытия как бы другой посыл.
За день один пять дней возьмешь, условно ему равных.
Но только, чтоб болезней смрад тебя бы не накрыл.
Какая цель во всем была, лишь божеству известно.
А для меня, как светлый путь, твой жизненный процесс.
Я пожелать тебе хочу, чтоб жилось интересно,
Чтоб свежесть мысли поощрять и верить в дар чудес.

Должность заведующего кафедрой каким-то боком подключила меня к элитарным кругам. Свидетельством тому стало приглашение в Кремль в составе эстонской делегации на Всесоюзное совещание заведующих кафе-

драми общественных наук. Это событие стало для меня неожиданным. Предыдущие планы формировались в связи с другим, тоже нестандартным предложением.

Летом 1986 года мы с Ритой, как и в прежние годы, проводили свое время в дачном поселке Вызу. В начале августа я приехал в Таллинн, чтобы захватить кое-какие продукты к предстоящему празднику моего дня рождения. Меня неожиданно вызывали в горком партии, и заведующая отделом пропаганды Галина Виноградова задала мне вопрос, от которого закружилась голова: как я отношусь к предложению поехать в Венецию в составе делегации нашего города? Венеция и Таллинн связаны договором о дружбе и сотрудничестве и почти ежегодно обмениваются делегациями. В прошлом году венецианцы были у нас. Мэр Венеции — социал-демократ. С его участием состоялась политическая дискуссия, но отдельные ее темы решили оставить для обсуждения на будущее. Мне предлагают объяснить нашу позицию, касающуюся роли Ленина в мировой истории, для этого в составе делегации запланировано место лектора. Зная, что я очень привязан к своей супруге, чтобы ей не было обидно, Галина предложила включить Риту в состав группы, отправляющуюся в Венгрию «поездом дружбы», что и было потом осуществлено.

Долго ждать моего согласия не пришлось. Путь в Венецию пролегал через Москву. И так, сначала Кремль, а потом — самолет и Венеция.

Первое пленарное заседание проходило в длинном зале, где ранее работал Верховный Совет. Стоявший за трибуной М. С. Горбачев казался мне, сидевшему далеко на балконе, крошечным. Содержание его речи можно было предсказать, зная, что происходило в стране. Созревала перестройка с непредсказуемыми последствиями. Из выступления М. С. Горбачева следовало, что его мечта — не поворот к капитализму, а создание общества социализма «с человеческим лицом», что пытались сотворить лидеры чехословацких коммунистов в 1968 году.

Эстонская делегация в Кремле. Сидят партийно-государственные боссы и боссихи, стоят — прочие. Самый низкорослый среди них — ваш покорный слуга

Я побывал на улице Горького недалеко от памятника Юрию Долгорукому. Там на щите вывешивалась свежая газета. Толпа шумящих, перебивающих друг друга людей. Достается и КПСС, и Ленину, и Сталину, и Хрущеву, и

Горбачеву. Ни одного голоса в защиту или оправдание советского строя. Такой разгул свободы вливал столько бодрости и надежды, какие раньше редко приходилось испытывать. Не скрою, одновременно возникало и чувство страха — во что такая свобода выльется?

В Эстонии сложилось четкое размежевание консерваторов (Интердвижение, в основном русскоязычные, апологеты советской власти) и либералов (сторонники свободы Эстонии и реституции довоенных порядков, в основном эстоноязычные, но частично и иные). Через год мы с Ритой ходатайствовали о гражданстве будущей самостоятельной Эстонии и участвовали в выборах Комитета граждан Эстонии. Отделение Эстонии от Советского Союза мы считали исторически справедливым и неизбежным, что позже и произошло, а мы обрели гражданство государства по льготной процедуре (без экзамена на знание государственного языка). Должен заметить, что эта льгота появилась и стала известной значительно позже, чем нам выдали документ, подтверждающий ходатайство и участие в выборах («зеленую карточку»).

На второй день Всесоюзного совещания работали секции, в том числе и научного коммунизма. Тут царил атмосфера, явно входящая в диссонанс с тем, что происходило на улице. Выступая на секции, я обратил внимание коллег на то, что теория коммунизма — это чистой воды утопия, не имеющая научного обоснования, а прогнозируя будущее даже методом линейной экстраполяции, мы бы получили значительно более худшее общество, чем, скажем, японцы, если бы они по каким-то причинам занялись тем же самым. Выступил и ушел. Потом ко мне подходили незнакомые мужики и рассказывали о реакции аудитории. Она была истеричной, а в мой адрес вылетел рой оскорблений.

Самолет приземлился в Милане. Автобусом до Венеции мы ехали по такой ровной дороге, какую я в жизни еще не видел. Это было первое сильное впечатление. Потом их было много. Венеция — для романтиков. Душа пы-

лает от ощущения того, что ты находишься в волшебном мире. Мы на острове Мурано. Голубизна неба сливается с бирюзой Венецианской лагуны Адриатики. Хрустальные изделия стеклодувов переливаются под лучами солнца всеми цветами радуги, а камерный женский хор Эстонской филармонии под управлением маэстро Тыну Кальюсте тут же, на берегу, исполняет произведения Вивальди, разложенные на шестнадцать голосов. Творец венецианского стекла плачет от ярких переживаний.

Или еще. Мы состыковались с сопровождающим группой сотрудником КГБ (он как бы из «Интуриста»). Знаю его как отца дворового приятеля Игореша Урмаса Ведома. Остров Лидо. Место проведения международного кинофестиваля. Южный солнечный день. Только что закончились спортивные состязания лодочников. Мускулистые, загоревшие, улыбающиеся победители-эстонцы в объятиях очаровательных красавиц. По радио озорно звучит увертюра из «Севильского цирюльника». Обращаюсь к собеседнику:

— Все, надо кончать. Возвращаюсь в Таллинн и распускаю кафедру научного коммунизма. Буду сочинять оперетту о Венеции.

Ведом смеется.

Вся наша шобла имела три слоя. Верхний — председатель Таллиннского горисполкома и другие руководящие работники. Средний — специалисты своего дела (артисты, спортсмены, повара, советники). Третий слой — туристы, оплатившие стоимость поездки. Двум первым от имени мэра Венеции выдали в конвертах денежное пособие, которое немного дополнило очень скромные валютные ресурсы, приобретенные по советским правилам. Я смог проехать на гондоле по Гранд-каналу и купить некоторые сувенирчики.

Мэр при встрече, отвечая на мой вопрос о его самом сильном желании, говорит о том, что население старого города сокращается за счет оттока главным образом молодежи. Преодолеть такое положение и есть его со-

кровенная мечта. Никаких политических дискуссий не было, если не считать тихого доверительного разговора за кружкой пива и пиццей с тремя деятелями итальянских профсоюзов в одном из венецианских кабаков.

Посещение Венеции было не первым моим выездом за границу, но каждый из них для советского человека (совка), привыкшего к замкнутому информационному пространству, ощущался крупным событием.

– Какое туристическое направление вы считаете наиболее бюджетным для вашей семьи?

– Прогулку в парке через дорогу.

Это про нас с Ритой. Покидать на время страну нам удавалось редко. Наши внуки, живущие сейчас в Финляндии, еще в детском и подростковом возрасте увидели разнообразие мира в разы больше нас. Поездки случались как частные (Югославия, ФРГ — три раза, США, Финляндия — многократно, Швеция), так и официальные (Италия, Венгрия — трижды).

Первый раз выехав за рубеж, я оказался в Югославии. Поездка сразу же обернулась приключением.

Эстонское отделение Всесоюзной организации «Юность», созданной ЦК комсомола, предложило мне и моему коллеге с кафедры политэкономии Оскару Нагельману, очевидно, как педагогам, связанным со студенчеством, поездку в молодежный летний лагерь на берегу Адриатического моря в окрестностях города Ровинь (Хорватия). Нас набралось 31 человек. Возглавляли группу лидер эстонских профсоюзов Мати Педак и пара активистов из ЦК комсомола Эстонии. И надо же такому случиться, что в стране, отмечавшей в 1970 году 100-летие Ленина, вспыхнула холера.

В скобках обращаю внимание на странное совпадение. Полвека спустя, когда в России коммунисты праздновали 150-летний юбилей вождя революции, Всемирной организацией здравоохранения во

всем мире была объявлена пандемия, связанная с распространением заразного коронавируса и страшной болезни COVID-19.

Членам группы сделали прививки и предупредили, что перемещение через государственную границу возможно только по истечении срока инкубации, где-то порядка десятидневки. В соответствии с этим указанием и была назначена дата отъезда. Когда поезд остановился на пограничной станции Чоп, появились люди в форме, представившиеся санитарным кордоном. У 11 участников поездки (в их числе оказались все руководители группы) все было в норме, другим же было велено покинуть вагон, так как вакцина у них еще не сработала. Оказывается, начальство привилось раньше, чем было доведено до сведения остальных. Нам предстояло ждать еще четверо суток.

Представитель организации «Юность» на станции Чоп заявил, что он может разместить на ночлег только несколько человек, а не всех. Его мест хватило лишь на девичью часть группы.

Посоветовавшись, парни решили переместиться в более крупный населенный пункт, где шансов найти жилье было больше, чем в поселке, к которому относилась станция. Настроение было унылое. Мы шли по улице Ужгорода, обвешанные эстонскими сувенирными значками, приготовленными в общем-то для Югославии, и громко обсуждали случившееся. По дороге на нас обратил внимание какой-то мужчина. Выслушав сбивчивый взволнованный рассказ, он представился фалеристом, коллекционером значков. Его заинтересовали наши эстонские украшения. Он готов их купить, хотя есть и другая идея. Фалеристика — его хобби, а работает он руководителем стрелкового клуба. У клуба имеется свое общежитие, где он может нас разместить в обмен на заинтересовавшие его значки.

Наше решение было понятно каким. Дни, проведенные в Ужгороде, обернулись сплошным весельем. Город всем очень понравился. Своими красочными домиками,

едва заметными из-за густой зелени, уютными барами, чистыми улицами он создавал приподнятое настроение.

В положенное время мы соединились с нашими девушками и сели в какой-то поезд, направлявшийся в Будапешт, где надо было сделать пересадку на другой поезд, идущий в Белград. Оказалось, что, не разобравшись в надписях, мы поехали несколько по другому маршруту. Прибыли на вокзал Келети, а нужно было Ньюгати. Будапешт никто из нас не знал. Время отбытия югославского поезда истекало. Что делать? Ответ возник внезапно. У привокзального тротуара остановился ведомственный автобус. Это был военный патруль советского коменданта города. Женский многоголосый плач убедил солдат, что беда-гам надо помочь. На белградский поезд группа успела.

Многое, что я наблюдал в Югославии, было впечатляюще. В Белграде и Загребе — завидные витрины магазинов. С нашей точки зрения, изобилие товаров и продуктов питания. Вид с горного перевала на белоснежную Риеку на фоне бирюзовых вод Адриатического моря, древнеримский Колизей в Пула выглядели великолепно. Если у газетного киоска в Загребе образовывалась толпа, то легко было догадаться, что это за люди. Ими почти всегда оказывались советские туристы, глазающие на эротический журнал. Вспотевшие от напряжения мужские лица с блестящими глазами — это тоже наши, впервые увидевшие стриптиз в рядовом ресторане. В том же ресторане гид переводит громкий взволнованный мужской разговор за соседним столиком, там выясняют национальные отношения хорват и серб. Маленький частный магазинчик, хозяин которого с трудом подбирает русские слова, чтобы объяснить, почему нельзя покупать какую-то вещь в магазине напротив. Конкуренция. Морские ежи на дне залива. Тьма-тьмущая. За операцию по удалению иголки из стопы надо платить большие деньги. Так что надо сразу плыть, а не ходить по дну, выбирая место, где бы нырнуть.

У нашего поселения имеется свой бар, там на стеллажах красуются бутылки с винами, коньяком, ликерами,

кажется, со всех концов света. Наклейки на бутылках — произведения оформительского искусства. Утром встаю очень рано, подхожу к дому, где бар, а там выставлены ящики с пустой тарой. Аккуратно снимаю наклейки с бутылок и складываю их в коробку. Набралось много. Дома по возвращении обклеиваю привезенной красотой стены и потолок крошечной прихожей нашей хрущевки. Старшеклассницы, обслуживающие бар в лагере, промышляют проституцией. Нас предупреждают: можно кое-что подхватить. Такой подарочек мог бы оказаться резонанснее, чем наклейки с бутылок.

Обратный путь должен был быть прямым: Белград — Ленинград, без пересадки. Но случилось непредвиденное и опять в столице Венгрии. По расписанию наш поезд должен был простоять в Будапеште около двух часов. Вся группа вышла погулять по привокзальным улицам. Я предпочел одиночество. Будапешт красив. Есть на что посмотреть. Потом мне еще трижды удалось побывать в этом городе для обмена опытом преподавания по приглашению Будапештского политехнического института, и с каждым разом город казался все краше.

На одном перекрестке было, кажется, шесть входов и выходов подземного перехода. Спокойно одолев этот мини-лабиринт в одну сторону, я не смог так же удачно вернуться обратно. Пошел по улице, как я был уверен, по направлению к вокзалу, а на самом деле стал удаляться от него. Повстречал двух наших парней. Оказалось, что до отхода поезда осталось менее четверти часа. Остановили такси. Форинтов уже не было, шофер согласился получить плату натурой в виде вина и конфет, приобретенных парнями на последние венгерские деньги. У меня их давно уже не было. Когда приехали на вокзал, поезда и след простыл. Он увез все мое имущество, в том числе кое-что из того, что легальному провозу не подлежало (журнальчик с веселыми картинками).

Трое — это уже предпосылка организации. Меня назначили премьером, секретаря комитета комсомола одно-

го из таллиннских заводов — министром общественного питания, третьего, как позже выяснилось, сопровождавшего группу сотрудника КГБ) — министром иностранных дел. Версия происшествия была принята такая: мне стало плохо с сердцем, я присел на уличную скамейку, двое проходили мимо и задержались, оказывая мне помощь.

А далее все пошло по ранее опробованному в Будапеште сценарию. Нашли советский комендантский патруль. Солдаты оказались понятливыми и сговорчивыми. Решили отвезти нас в расположение комендатуры. По дороге остановились, дали деньги и задание купить в магазине три бутылки «Сливовицы» (балканский бренди). Одну бутылку взяли себе, а две оставили нам (для повара и на всякий случай). Расположили нас в большом помещении, где стояло много солдатских коек. Мы приняли душ и, вкусно поужинав, посмотрели во дворе вместе со всеми американский фильм «Спартак». Была суббота. Офицеров, включая коменданта, на территории комендатуры не было.

Утром начались неприятности. Дневальный сказал, что прибыл комендант и требует, чтобы мы немедленно покинули расположение части. Мне ничего не оставалось как пойти к хозяину и убедить его изменить решение. Полковник встретил меня десятиэтажным матом. Но когда я вытащил припасенную бутылку и предложил обсудить ситуацию спокойно, выпив за нашу великую родину, которая не бросает своих людей в беде, хозяин кабинета изменился на глазах. Мы разлили «Сливовицу» по кружкам, закусили яблоком, после чего комендант по телефону связался с советским консульством. Я взял у него трубку и услышал в свой адрес и в адрес организации молодежного туризма много некрасивых слов. Оказывается, это не первый случай отставания от поезда молодых туристов. Тем не менее, была информация, что нужный нам поезд пойдет во вторник. Полковник сказал, что мы можем быть его гостями до конца. Шоферу своего авто он приказал провезти нас по всему Будапешту и показать достопримечательности города.

На знакомой станции Чоп мне из камеры хранения были переданы все вещи, в том числе и злополучный журнальчик «Wochehende», который я позже показывал своим кафедранцам как доказательство успешности поездки. Лаборантка кафедры Анне с моего разрешения вырезала из этого издания фривольные карикатуры и сотворила юмористический альбом с рассказом о моих действительных и выдуманных ею похождениях в двух европейских государствах.

Местом моей профессиональной деятельности являлись не только аудитории политехнического института. Довелось также читать лекции в Институте усовершенствования учителей, в Высшей партийной школе (Эстонский филиал), в Вечернем университете марксизма-ленинизма, в аналогичном университете для военнослужащих, а также в качестве члена общества «Знание» («Teadus») на площадках разных организаций и учреждений. В этих местах, где слушателями были взрослые люди, получалось как-то живее, чем на основной работе. Слушатели мыслили, задавали сложные вопросы, реагировали на юмор.

В роли лектора я неоднократно выезжал на Северо-Восток Эстонии, а также за ее пределы. В Узбекистане вместе с коллегой Владимиром Паролем мы просвещали слушателей Ташкента, Самарканда, Бухары, Ургенча. Выступал в Тынде перед создателями Байкало-Амурской магистрали. Эстонские труженики были привлечены к строительству дорог, ведущих к нефтепромыслам в Ханты-Мансийском национальном округе. Несколько преподавателей кафедры, в том числе и я, побывали в этих краях с лекциями для наших строителей. Кроме всего прочего там обнаружился повод гордиться тем, что мы из Эстонии. Эстонские рабочие жили в практичных и красивых деревянных домах, созданных комбинатом в Пярну. Чистые, светлые и главное — теплые помещения с паровым отоплением, с саунами. И это тогда, когда рядом в поселении ленинградских строителей люди бытовали в металлических соо-

ружениях в виде бочек, положенных на бок и отапливаемых каменным углем. Учтем, что речь идет о Сибири, где зимняя температура воздуха колеблется в пределах 30 – 40 градусов. Ленинградцам время от времени предоставлялась возможность помыться в наших банях.

Как-то нам предложили побывать в гостях у представителя номинальных хозяев этой земли — хантов. На вездеходах мы проехали пару десятков километров в глубь тайги и остановились около чума — конусообразного сооружения из жердей, покрытых оленьими шкурами. Хозяйка в национальном костюме, круглолицая, раскосая, одарила нас солнечной улыбкой и пригласила в жилье. Там топилась хилая на вид печь, труба которой все-таки выводила дым наружу. На стенке печи распластались на низанные на прутики рыбины, готовящиеся для нас как закуска после принятия водки. На низеньком столике стоял рижский транзисторный радиоприемник. Сидели на оленьих шкурах. Вскоре появился и поддатый хозяин. Кажется, его звали Васей. Он поблагодарил гостей за щедрые подарки (хлеб, ящик водки, овощи, сухопродукты). С гостями супруги общались на плохом русском языке, а между собой — на хантском. Я заметил взволнованные глаза нашей Клары Халлик. Так на эстонку повлияла хантская речь, в которой часто встречались слова, сходные с эстонскими. Языки двух народов относятся к одной финно-угорской группе. Ханты делились с нами своими горестями и печальями, а мы сочувственно кивали головами.

Командировки в Будапешт основывались на договоре между двумя институтами — эстонским и венгерским. Для меня это был праздник. Однажды даже удалась поездка вместе с Ритой. В аудитории я ощущал дружелюбие, понимание непростой ситуации, в которой находится вещающий за рубежом политолог, вопросы получал корректные, но нередко в эзоповом стиле. Выступая за пределами своей страны, я не позволял себе критику ее строя и политики, но от дифирамбов тоже отказался. Хотя мои

встречи состоялись в 1980-е годы, чувствовалось, что венгры отягощены памятью о событиях 1956 года. Тем не менее, по сравнению с Советским Союзом страна при Яноше Кадаре выглядела процветающей.

С некоторыми коллегами сложились дружеские отношения. Дьюла Гадзик (Gjula Gadzik) — профессор Будапештского университета, востоковед, вместе со своей супругой открыл перед нами двери своего дома, познакомил с родителями и детьми, пригласил в оперный театр на «Сказки Гоффмана» и на симфонический концерт в филармонию, водил по магазинам города в поисках сувениров и подарков.

Непосредственно в будапештском институте близкими для меня стали три Шандора. Встречи с ними происходили и в Будапеште, и в Таллинне.

Доцент Политехнического института Шандор Элакеш (Shandor Elakesh) сводил меня в шикарную баню, сделанную еще при адмирале Хорти в горе Геллерт в центре города. Пять разных видов парилок, большой бассейн с бирюзовой водой, которая мгновенно изменяет свой цвет в виде желтого пятна, если купальщик попытается выпустить в нее понятно какую жидкость. Закрывшись в кабинке для отдыха, мы приняли на грудь «Сливиовицу», закусили креветками и в ходе беседы пришли к заключению, что критерием развитого социализма может служить копченая колбаса на прилавках магазинов.

Другой Шандор, тоже с дружественной кафедры, оказался слепым. Это печальное обстоятельство не помешало ему владеть несколькими языками, быть эрудированным знатоком политической истории и современных политических процессов. С ним всегда было интересно. Слепой слепым, а когда Рита в другое, без меня, посещение Венгрии была гостьей его квартиры, он всерьез пытался ухлестывать за моей супругой.

Третий Шандор — экономист, менеджер администрации института. Познакомились с ним при встрече в Таллинне. Побывав у нас в гостях, он пригласил хозяев квар-

тиры к себе на Рождество. Мы откликнулись и чудесно провели праздник в его доме.

На нашей кафедре трудились три преподавателя, не владевшие эстонским языком. Когда мне было предложено место заведующего кафедрой, меня сразу на месяц освободили от работы и направили на курсы интенсивного изучения языка. Преподаватель Наталия Жураковская оказалась талантливым и трудолюбивым энтузиастом своего дела. Занятия проводились каждый день, кроме воскресений, по шесть часов. К каждому занятию она распечатывала для ученика задания на нескольких листах, заглядывая в которые как бы одним глазом, мы должны были беседовать и спорить друг с другом, сообразуясь с разработанным преподавателем сценарием. Довести до конца наш курс из двенадцати человек она не смогла — от перенапряжения попала в больницу. Но ее ученики уже что-то умели.

Проблема заключалась в том, чтобы языковую информацию, хранящуюся в оперативной памяти, закрепить в памяти глубинной. Один мудрец посоветовал мне найти любовницу-эстонку и год провести с ней на уединенном хуторе. И ни слова по-русски! Но моя супруга такой вариант почему-то отвергла. Интересно, что кафедральная эстонская интеллигенция не считала возможным в моем присутствии говорить на своем родном языке, чем толерантно способствовала моей безъязыковости.

Это обстоятельство послужило причиной тому, что я отказался от заведования кафедрой на второй срок полномочий. Последнее, что удалось сделать, так это переименовать ее в кафедру политологии. Корреспондент «Комсомольской правды» по Эстонии поторопилась сообщить через свою газету всему Советскому Союзу, что в Таллинском политехническом институте появилась первая в стране кафедра политологии.

Название важно, но, как понятно, не в нем суть. Знаю, что многие коллеги, особенно работавшие со студентами-эстонцами, никогда не стремились преподавать науч-

ный коммунизм в буквальном смысле слова. То, что они делали, все-таки больше походило на политологию. Изменение названия окончательно оформило существо наших занятий.

В 1992 году, когда я дожил до своего шестидесятилетия, т.е. пенсионного возраста, меня уволили. В институте было немало преподавателей и более старших возрастов. Инициатором расставания со мной стал доцент Пеэтер Лайдо, занимавший нелепую должность декана факультета общественных наук. Такой факультет не имел своих студентов; если бы таковые стремились получить обществоведческую профессию, декан должен был лишь как-то согласовывать работу кафедр. На самом деле декану заняться было нечем, кроме как высказывать свое мнение. То, что он получил философское образование в Московском университете и свободно владел русским языком, не мешало ему быть русофобом и антисемитом, что он особенно-то и не скрывал. Тем более при новой власти.

У меня начиналась новая полоса существования (замечу без стеснений — не менее, а может, быть даже более плодотворная, чем предыдущие; издано 16 книг, сочинено около 200 песен, но это далеко не все), о которой краткий рассказ пойдет дальше.

12.3. Переход на верхний этаж

Уверен, что многие молодые вузовские преподаватели мечтают защитить докторскую диссертацию и стать профессором. В советское время доктор наук — это следующая за кандидатом наук ученая степень, так сказать, самый высокий этаж дома науки, а профессор — ученое звание, присваиваемое на всю жизнь ВАКом и кроме того — должность в высшем учебном заведении. В сегодняшней Эстонии ученой степени доктора наук не существует. Бывшие кандидаты наук превратились в докторов философии (PhD), ими же становятся и новички, успешно завершившие обучение в докторантуре защитой докторской диссертации. В других государствах, где степень доктора наук признана, степень, которая ей предшествует, в народе называется «маленькой докторской». Профессор как ученое звание тоже больше в Эстонии не признается. Ты профессор, если занимаешь соответствующую должность и не более того.

Но вернемся в старое время. Превращение кандидата наук в доктора было процессом трудоемким, потому не всем удавалось. Свою роль играли не только слабые индивидуальные способности, но и внешние обстоятельства, которые могли благоприятствовать процессу или препятствовать ему.

По научному коммунизму я был главным образом лектором, а не исследователем. А поскольку ранее я приобрел ученую степень как специалист по уголовному праву, то и дальше логично было бы двигаться по этой колее, не говоря уже о том, что тут гнездились мои интересы и эрудиция.

Преподавательская профессия отнимала много времени, особенность предмета диктовала необходимость постоянно держать руку на пульсе политических событий, т. е. много читать, слушать и смотреть. Часовая загружен-

ность всеми видами лекций и иных занятий тоже была значительной. На юриспруденцию выпадало остаточное время как на хобби.

Правда, на заключительном этапе написания диссертации ректорат ТПИ пошел мне навстречу, хотя, как я понимаю, и сам был в этом заинтересован. Каждый новый доктор наук повышал статус учебного заведения. Меня освободили от преподавательской деятельности и на два года сделали научным сотрудником (докторантура). Денег стало меньше, а свободного времени побольше.

В ходе работы над докторской диссертацией значительное стимулирующее воздействие имеет насыщающая мыслями окружающая среда. Она двухслойна. С одной стороны, это обмен идеями с коллегами (в том числе на научных конференциях, где завязываются и личные контакты, столь необходимые для последующего успеха твоего дела). С другой — общение со студентами. Нередко в ходе изложения материала по ассоциации возникают новые мысли, а вопросы из аудитории подчас обращают внимание на проблемы, которые ранее не замечал. Ни первого, ни второго по понятным причинам у меня не было.

Причина, по которой защита мной кандидатской диссертации была перенесена из Ленинграда в Тарту, не исчезла. Защита же докторской диссертации в Эстонии произойти не могла: Тартускому университету право приема к защите докторских диссертаций предоставлено ВАКом не было.

Загруженный набором этих размышлений, рождавших не очень оптимистический настрой, я рискнул вынести первый вариант своей работы на утверждение кафедры уголовного права юридического факультета Ленинградского Государственного университета. Правда, удалось получить предварительное согласие двух именитых профессоров кафедры на ознакомление с текстом.

Михаил Давидович Шаргородский принял меня в кабинете своей квартиры, плотно заставленном стеллажами с книгами и пропитанном запахом пыли. Было ощущение,

что я оказался в жилище доктора Фауста в домефистофельское время. Хозяин кабинета, листая мой манускрипт, сказал, что не может дать какого-либо заключения, так как в рукописи есть много материала, не имеющего прямого отношения к уголовному праву и криминологии. С такой работой было бы адресно показаться на философском факультете.

Заведующий кафедрой Николай Александрович Беляев, согласившись числиться консультантом исследования, посоветовал получить мнение всех членов кафедры, а не только его.

Заседание кафедры прошло бурно. К тому же я сдурю попросил разрешения делать диктофонную запись, что разозлило некоторых участников обсуждения. В конечном итоге все согласилось с мнением М. Д. Шаргородского.

Мне потребовалось два месяца для переделки текста. Состоялось еще одно заседание кафедры. Новый вариант обсуждали уже по существу. Парторг кафедры доцент Павел Павлович Осипов предъявил мне обвинение в том, что в своей работе я защищаю фашистский общественный порядок: это видно уже из ее названия «Криминологические проблемы взаимосвязи общественного порядка и личности». Раз порядок поставлен впереди личности, значит, мы уже имеем намек на отрицание гуманизма. Я тогда подумал про себя, как фальшиво отражение нашей реальности! На деле — одно, а на словах — другое, мы же реагируем на должное, а не на сущее. Но промолчал, тем самым согласившись с критикой. Название потом изменил. Когда накал страстей дошел до предела и профессор Илья Григорьевич Филановский, поддержавший мой труд, заявил: «Чего вы набросились на меня? Мы обсуждаем Лившица, а не меня. А точнее, не Лившица, а его диссертацию», председательствующий предложил проголосовать. 9 человек отдали свои голоса за рекомендацию к защите, 3 против.

Кто-то сказал мне, что по традиции это дело надо обмыть в ресторане. Хотя мои финансы пели романсы, ка-

кие-то деньги я собрал и пригласил пивцов к определенному часу в ресторан «Садко». Когда я подошел к углу Невского проспекта и улицы Бродского, около ресторана колыхалась большая толпа желающих туда попасть. Я пробрался к дверям. Сквозь стекло была видна табличка «Резервировано». Холодок пробежал по спине — люди-то приглашены. Что делать? Стучу в дверь. Красная физиономия швейцара и его лексикон убеждают, что дело решаемое. Стоя спиной к публике, вытаскиваю из верхнего кармана пиджака уголок денежной купюры и говорю: «У меня пропуск!» Такой находчивости я от себя не ожидал.

Встреча шла нормально, если бы не случайное появление завкафедрой научного коммунизма философского факультета ЛГУ Оката Каллистратовича Белых (в студенческие годы он вел у моей группы семинары по философии). Положив руку на плечо Ильи Филановского, он изрек:

— Ты единственный в своем роде порядочный еврей! Наконец до меня дошло, кто я такой.

Рассказ тринадцатый
УЛЫБНИТЕСЬ ВМЕСТЕ СО МНОЙ

13.1. Докторская – не только колбаса

Когда о рекомендации моего труда для защиты я сообщил своей кафедре научного коммунизма, завкафедрой Клара Халлик попросила всех встать. Спасибо ей! Это счастливое мгновение я запомнил.

Ко дню защиты была опубликована монография «Личность и общественный порядок» и две обстоятельные рецензии на нее в академических журналах страны «Советское государство и право» и «Правоведение». Кафедра уголовного права Свердловского юридического института как ведущее учреждение прислала свое одобрительное заключение по работе. Пришло много позитивных отзывов на автореферат диссертации.

Официальными оппонентами стали крупные специалисты в области юриспруденции доктор юридических наук профессор Борис Сергеевич Никифоров (Москва, Институт советского государства и права АН СССР, почетный доктор Эдинбургского университета), доктор юридических наук профессор Нинель Федоровна Кузнецова (юридический факультет Московского Государственного университета), доктор юридических наук профессор Лев Самойлович Явич (юридический факультет Ленинградского Государственного университета, специалист в области общей теории и философии права). От них поступили отзывы с оценками и критикой отдельных положений диссертации.

Б. С. Никифоров приехал в Ленинград в день защиты. Я встречал его на Варшавском вокзале. Выглядел этот по-своему красивый пожилой седовласый человек неважно. По дороге я спросил его о самочувствии. Оказывается, он недавно перенес инфаркт. К моему ужасу, я не смог достать такси и вез еще не окрепшего человека на метро при отсутствии свободных сидячих мест, а он подшучивал, говоря, что таким способом удалось узнать, насколько он

выздоровел. То, что Борису Сергеевичу удавалось глубоко вникать в существо обсуждаемых вопросов, не мешало ему с юмором относиться к житейским ситуациям.

Как-то, уже после моей защиты, он приехал к нам в Таллинн погостить. Удалось заказать самые удобные места в кабаре на улице Харью. Сидели за столиком около самой сцены. А на ней — слегка одетые девицы, крепкие парни. Танцуют. Много поют на разных языках. Борис Сергеевич рассказывает, что побывал во многих кабаре и варьете, последний раз это было в Сингапуре. Таллиннское им ничуть не уступает. Но у нашего кабаре заметна одна проблема. И рассказал анекдот.

К жене известного французского фабриканта духов месье Коти во время отсутствия мужа пришел любовник. Чем они там занимались, не суть дела, но вдруг внизу раздались звуки открываемой двери и шагов на лестнице. С перепугу, что это явился муж, мадам спрятала своего гостя в платяном шкафу с ее платьями, надушенными фирменными духами. Муж провел дома довольно значительное время, а как только вновь ушел, дверцы шкафа распахнулись и наружу вывалился одуревший любовник с диким воплем: «Дайте кусочек говна»!

Чего не доставало, по мнению Бориса Сергеевича, певцам эстонского варьете, так это песен на русском языке.

Ко мне для поддержки на защите диссертации прибыла целая команда: Ритуся, Игорек, мои таллиннские друзья, жившие в то время в Ленинграде, капитан второго ранга Юра Вишневский и его супруга Авивия, таллиннский приятель полковник милиции Павел Анатольевич Бейлинсон, коллега по кафедре доцент (позже — профессор) Владимир Игоревич Пароль, бывший таллинец, мой приятель Аркадий Волковицкий с женой, Валентин Анатольевич Рянжин. Зал был полон.

Защита диссертации шла обычным ходом. Говорили диссертант, официальные оппоненты. Раздался даже голос неофициального оппонента профессора Георгия

Ивановича Петрова с кафедры административного права юрфака ЛГУ. Он поинтересовался, почему при таком наименовании диссертации не исследовалась личность законодателя? Я под хохот зала ответил, что для меня такая личность равнозначна личности Козьмы Пруткова, понятие которой весьма спорно.

Все закончилось благополучно. В пользу признания меня доктором юридических наук высказались все члены Ученого совета, участвовавшие в тайном голосовании.

На перроне таллиннского вокзала нас с Игорешей (Рита вернулась в Минск, где она занималась в институте повышения квалификации) нас ожидал сюрприз. Там выстроился хор из таллиннских друзей под руководством капитана дальнего плавания Эдуарда Попова. При нашем появлении хор заголосил эпиталаму из оперы «Нерон» А. Рубинштейна, но на поздравительный текст, сочиненный дирижером. Я поплыл, как мороженое на горячем солнце.

Эдуард Попов

В нашей компании я не замечал разговоров о доходах и расходах. Разве что женская часть внутри себя обменивалась информацией на потребительские темы. Но, несомненно, семья Поповых оказалась самой процветающей в материальном смысле. Это обстоятельство проистекало из карьеры главы семьи. Эдуард более десяти лет был капитаном то одного, то другого сухогруза, следовавшего маршрутами вплоть до Африки.

Потом он работал заместителем начальника Эстонского морского пароходства, представителем Минморфлота СССР в Скандинавском регионе и жил вместе с женой в Стокгольме. Мы с Ритусей по приглашению Эдика и Тани неделю погостили в этой загранице, наслаждаясь теплым и щедрым приемом.

Говорили, что на работе он был очень строгим начальником, но за ее пределами — душа-человек. Заботливый, отзывчивый, веселый, предприимчивый, к тому же еще

меломан, умеющий играть на аккордеоне. Дом — полная чаша, но без какого-либо выпендрежа. Когда капитан возвращался из очередного похода, для компаши устраивался праздничный прием. При нашем скудном достатке хлебосольный стол хозяев казался чудом.

Один раз мы кутили даже на судне «Ристна». В капитанской каюте царил дух безграничного веселья, иностранных вин и экзотической закуски. Как судно выдержало этот разгул, до сих пор удивляюсь. В доме Поповых я любил послушать хорошую музыку, которую издавал качественный импортный проигрыватель. Сейчас, когда слышу Вторую симфонию И. Брамса или Героическую Л. Бетховена, возникают ассоциации с домом Поповых.

Завершался 1975 год. Уже стало традицией, что каждый праздник Нового года отмечается компанией и творчески, с предварительной подготовкой. Юра и Юля Шарики, Юра и Виви Вишневские, Эдик и Таня Поповы, Марик Фурман (его замечательная жена Вандочка рано покинул нас из-за рака), Арнольд и Люда Балояны, мы с Ритусей — все вместе договорились о том, что в этот раз каждый должен отчитаться за предыдущую пятилетку, рассказав о самом впечатляющем событии. Уговор в праздник был выполнен.

Эта традиция зародилась давно, когда наше объединение состояло из шести энтузиастов.

*Юля и Юра Шарики,
Виви и Юра Вишневские,
Юзеф и Рита Лившицы*

Потом состав расширился. Он и был представлен на сборе, о котором идет рассказ.

Наша квартира могла вместить и больше гостей. В 28-метровой гостиной, где одна стена изгибалась дугой, обозначая поворот дома с одной улицы на другую, было свободно и светло. На столе разместились доступные нам в те времена скромные яства, отчего они не стали менее аппетитными. Там же привлекала внимание бутылка с крепким напитком (водка, настоящая на красном стручке перца и чесноке). Этот напиток мы называли «Поповка» по имени Эдика Попова, предложившего его рецепт.

Юленька Шарик прочитала свой стих, пояснив, что сочинительство доставило ей удовольствие. Арнольд Балоян, надев грузинскую кепку «аэродром», заявил, что если бы он откровенно рассказал о том, что было в последние пять лет, он смог бы получить все 25.

Слово попросил Юра Вишневицкий. Разумеется, за многие годы наших веселых собраний Вишня не первый раз просил слово, как бы отвечая нам за те выпады, которые были направлены в его сторону.

Все началось с того, как мы однажды поздравили его, офицера Военно-морского флота, родившегося 8 марта, с круглой датой. В небольшой комнате коммунальной квартиры на улице Крейцвальди уже был накрыт стол, и за ним сидели некоторые гости, включая родителей жены юбиляра. Хозяева, отреагировав на звонок, открыли дверь и обомлели. Первым стоял Эдик Попов — в тельняшке с аккордеоном, издававшим звук популярной блатной мелодии, за ним — Юра Шарик в надвинутой на уши кепочке с сигаркой во рту, а далее — принарядившиеся остальные.

Пришельцы после краткого перерыва выстроились в шеренгу перед столом, развернули начертанный на оборотной стороне обойного рулона транспарант со словами «Мы не можем тебе в день рождения дорогие подарки дарить». Наши жены, успевшие к этому моменту перео-

деться, в накинутых на плечи халатах выдвинулись вперед и начали петь, изображая канкан, песню про юбиляра, укравшего у них Женский день. Через проектор на стене комнаты демонстрировались слайды с обнаженными девицами (мое югославское приобретение). Не остались в долгу и наши дамы. Они сбросили халаты и оказались в купальниках в соблазнительных позах, а один из халатов был передан виновнику торжества в качестве коллективного подарка.

У Юры сложилась непростая судьба, связанная с военной службой. Они вместе с Виви оказались на Дальнем Востоке. Наступило очередное 8-е марта. Посылаем поздравительную телеграмму с подписью Ли-Ша-По-Ба. Телеграфистка говорит, что пересылать шифровки запрещено. Я поясняю, что это китайская фамилия. Принято. На самом деле подпись была составлена из первых слогов наших фамилий. Интересно, что у сотрудника почты не возникло никаких претензий к содержанию послания. А там был помещен стих, заканчивавшийся словами:

А юности ты пламя не задууй.
Пусть будет у тебя здоровым горло.

Так вот, при праздновании Нового года Юра захотел поделиться впечатлениями от пребывания на защите мной диссертации. Зачитанный им сатирический памфлет неоднократно сопровождался дружным хохотом и аплодисментами, а «Поповка» помогала реагировать на юмор. Приношу извинения читателем за то, что сочинение Юры займет много места. Я немного сократил, но на большее у меня не хватило духа. Привожу этот текст.

Перед отъездом из Ленинграда через два дня после защиты своей докторской диссертации ко мне обратился Ю. М. Лившиц с просьбой поделиться своими впечатлениями о прошедшей защите, на которой я с женой (своей) имел честь присутствовать. Находясь в полустрессовом состоянии до защиты и в полувменяемом на банке-

те, Ю. Лившиц, очевидно, не мог получить достаточно объективные представления о ходе этих двух, связанных определенной логической последовательностью, мероприятий. Если выражаться, мягко говоря, менее научным языком или, грубо говоря, проще: Юз захотел взглянуть на свою защиту со стороны, посторонним глазом.

Правда, кое-что, хоть и сбивчиво, ему рассказала его жена М. Д. Петрова (чисто еврейская фамилия от библейского святого Петра), но ее глаза, сначала круглые от страха и тревоги, потом той же формы, но больше по размеру от счастья, а еще позже – совсем огромные при виде счета за отдельный зал ресторана, где мы были приглашенными со стороны жены как человека, заинтересованного как в докторской степени своего мужа, так и еще в большей степени – в его профессорском окладе, так вот, ее глаза свидетельствовали, что без моей помощи не обойтись.

Чтобы больше не касаться темы «жена», несколько слов о М. Петровой, которая свою подкупающую простоту и обаяние на банкете и на защите использовала строго по назначению. М. Петрова сыграла большую роль как ускоритель процесса написания диссертации, так и сапога, подтолкнувшего мужа на трибуну Ученого совета. Во-первых, своим советским образом жизни поставила Ю. Лившица перед необходимостью срочно найти способ повышения семейного дохода, каким и явилась его научная деятельность как самый простой, надежный и совершенно безопасный способ получения хороших денег без нарушения неясных положений Уголовного кодекса.

Во-вторых, освободила его от различных видов и типов постоянной семейной нервозности и забот своей четырехмесячной командировкой в Б. университет Б. союзной республики, которая открыла диссертанту глаза как на личность своей жены и окружающие ее личности, так и на общественный порядок. Криминалогические проблемы взаимосвязи между первым и вторым настолько поразили Ю. Лившица, что он сразу захотел поделиться своими сомнениями с Ученым советом юридического факультета. М. Петрова спокойно могла бы жить на зарплату мужа и сына, но не понимаю, на что же тогда будут жить муж и сын. Короче, она понимает, что деньги – это еще не все в жизни, но считает, что они успокаивают нервы.

Возвращаясь к основной теме, напомним, что по этой причине потребовались другие глаза, и Ю. Лившиц обратился ко мне. Считаю, что его выбор пал на меня неслучайно по следующим причинам.

1. Я впервые присутствовал на защите диссертации (был только два-три раза на послезащитных банкетах), отчего на все смотрел непросвещенными глазами новичка – любителя-гинеколога, как говорит эстонский юрист Юхан Шарик.

2. Я – не юрист-криминолог и поэтому смотрел на дискуссию во время защиты без определенного груза объективных научных тенденций и субъективных симпатий и антипатий, накладываемых узким специальным образованием и полувращением в полунаучных полусферах.

3. Я принимал активное участие в пьянке после защиты кандидатской диссертации Ю. Лившица, поэтому считаю себя некоторым образом связанным с его научной деятельностью.

4. В течение всего периода написания и главное – обсуждения его работы – я помогал Ю. Лившицу советами в отношении придинок и поправок к названию его диссертации, советами типа: «Юз, пошли их всех на х..!» Или более по-научному: «Тов. Лившиц, пошли их всех в ж..!»

5. Перечисления. Прошу Ю. Лившица простить меня за несколько, быть может, субъективную позицию и оценку происходящих явлений. Мы все живем для того, чтобы помогать другим, для чего живут другие, я не знаю.

Итак, 11 декабря 1975 года в шестнадцать часов с небольшим (опоздание в пятнадцать-двадцать минут является необходимым для таких солидных ребят, как Ученый совет юрфака) началась защита докторской диссертации Ю. Лившица. Сразу хочу оговориться, я был уверен в благополучном исходе этого сомнительного мероприятия. Во-первых, Ю. Лившиц – не из тех современных ученых, которые видят источник дохода в том, что льют воду в источник знания. Во-вторых, он – не из тех, кто считает, что для того, чтобы стать большим ученым, достаточно сдать минимум. В-третьих, он – не из тех, кто меняет зуб мудрости на золотую коронку. И в последних и в главных, Ю. Лившиц – из тех людей, которые еще ни с кем не выпили, а их уже уважают.

Однако сборы Ученого совета, его заседание заставили поколебаться мою непоколебимую уверенность. Я предупреждал, что был впервые на защите, и был поражен той обстановкой, мягко говоря, невнимательности или, грубо говоря, наплевательности на диссертанта со стороны Ученого совета и присутствующих, кроме, разумеется, семьи и близких диссертанта. Вообще можно было подумать, что я попал на заседание товарищеского суда в мелкой автобазе или на обсуждение годового хозяйственного плана руководящими работниками ЖЭКа.

После первых минут растерянности я огляделся: женщин было мало и в основном все, не особо стоящие. Секретарь Ученого совета, молодая женщина, глухим голосом зачитала данные Ю. М. Лившица и, как оказалось, огромное число его печатных трудов и непечатных выражений, куда, к сожалению, не вошли песни и стихи, посвященные дням рождения и другим памятным датам его друзей, но в которых также не менее тщательно исследовались вышеуказанные личности и их связь с общественным порядком. Умышленно или нет, но секретарь пропустила «пятую графу» личного дела диссертанта, чем стала мне близка и желанна. Я старался разглядеть ее ножки, которые закрывала длинная зеленая скатерть ее стола. Я маялся дремучим воображением. Через некоторое время она встала и пошла к выходу мимо меня. Она была в широченных брюках, и я сразу успокоился.

Так как диссертант говорил о мало понятных мне вещах в еще менее понятных выражениях, кроме как об ущербных личностях, я стал наблюдать за Ученым советом. Из определения ущербных личностей я решил, что Ю. Лившиц рискнул защитить некоторую национальную группу с пятой группой инвалидности, которая в анкете против пятой графы «Национальность» пишет «Да». А в остальных случаях «Нет», «Не судился», «Не привлекался», «Не был»...

В общем впечатление: диссертанта не слушали, слушали только уважаемых оппонентов. Даже близкие, которые были недалеко. В. Рянжин, подсчитав ученых мужей из Ученого совета, заявил, что их всего половина, но волноваться не стоит – подойдут еще. Члены Ученого совета и присутствующие на защите специалисты вели себя безобразнейшим образом. Две женщины о чем-то громко разговаривали, две другие перешептывались и рисовали в блокноте

по очереди, судя по заинтересованным лицам, модели верхней одежды. В углу три мужчины, мало похожие на почтенных ученых, оживленно беседовали, жестикулируя так, что В. Пароль и я решили, что они соображают на троих, и на всякий случай приготовили по рублю.

Чтобы успокоиться, я начал подсчитывать «ущербных» в зале, оценивая по внешним и внутренним признакам, которые проявляются через внешние. Я насчитал одиннадцать с половиной человек, включая жену диссертанта.

Мы сидели у входа. Мимо нас входили и выходили разные люди и ученые. Казалось, им не было дела до происходящего, они решали свои вопросы, пользуясь тем, что удалось собрать вместе большое число нужных им людей. Это мне не понравилось. Я решил, что все отсутствующие или периодически выходящие члены Ученого совета должны голосовать только «За», так как им советую брать на душу сразу два греха: и отсутствовать, и бросить в Ю. Лившица черный камень, простите, черный шар. Конечно, гораздо опаснее были те, кто сидел сзади и слушал.

В это время Ю. Лившиц взволнованно читал свой доклад, намекая на то, что истина не нуждается в защите только от умных людей и если человеку свойственно ошибаться, то ошибки тоже бывают положительными и отрицательными.

Подсчитав, я спросил себя, кто из присутствующих будет на банкете, сколько тому или иному ученому надо выпить, сколько в суммарных литрах это будет означать и во сколько обойдется Ю. Лившицу. Зная его семейное финансовое положение и то, что кредит у Юдейкина не бесконечен, мне стало скучно и жаль семью диссертанта.

Но тут внезапно как раз стало тихо, все удивленно подняли головы. Оказывается, Ю. Лившиц кончил доклад и, поблагодарив за внимание, попытался сесть на место, не попадая ногами под стол. А на трибуне стоял уже первый московский оппонент, который привлек внимание присутствующих.

Сразу оговарюсь. Меня поразил выбор оппонентов. Все, за исключением одной, они имели ущербные лица и неущербные фамилии. Во всяком случае, я понял, что внешность обманчива, и в этом заключается ее функция. Московский оппонент мало говорил о дис-

сертации Ю. Лившица, а больше о своих мыслях. Почесывая голову, признавался в покупке ворованных автомобильных деталей и не захотел поддержать мысль диссертанта о моральной природе преступника и личности, совершившей преступление, боясь, таким образом, с трибуны сесть на другую скамью. Когда книги учат одному, а жизнь – другому, человек становится разносторонне образованным.

Я боялся, что оппоненты, как обычно, будут выяснять не истину, а отношения, нанося тяжкие повреждения личности, и общественному порядку, представленным в диссертации. Но, к счастью, этого не случилось.

Второй московский оппонент, симпатичная блондинка, хвалила криминологию и доказывала, что автор поставил перед собой двадцать две задачи, из которых ровно двадцать две и решил. Не так уж страшен закон, как его толкуют. Я подумал, что не ошибся в Ю. Лившице, который не ставит перед собой нерешаемых задач. Говорила она спокойно и весело, ее приятно было слушать.

Третий оппонент от факультета был немногословен. Пока я решал, ущербный он или нет, он закончил. Ущербных он не критиковал и вообще хорошо говорил о диссертанте. Поэтому я решил, что он «Да». После узнал, что я оказался прав.

Неофициальный оппонент проф. Г. И. Петров попытался поставить диссертанта в тупик. Но не тут было.

На трибуну быстро и легко поднялся Ю. Лившиц, всем своим боевым видом показывая, что в споре самое лучшее оружие – язык за зубами и что спорить с оппонентом бессмысленно – это всех раздражает. По тому, как Ю. Лившиц парировал доводы оппонента, было видно, что это самые главные и самые сильные места его работы. Он в пару фраз доказал Г. И. Петрову, что даже узаконенный бардак – это уже порядок и растягивать как бардак, так и порядок не следует. Нетрудно быть вежливым, когда ты прав, да и зачем спорить – все равно ваш противник ничего не расскажет.

Ю. Лившиц поблагодарил оппонента, присутствующих членов Ученого совета, родственников и друзей за их внимание и поддержку. Быстро сколотили интернациональную счетную комиссию. Всех выставили на лестницу.

Я слегка дрожал и не мог найти туалет. Когда я вернулся, все входили в зал. Председатель объявил: 24 – «За», против – нет. Все

выстроились в очередь поздравлять Ю. Лившица. Ущербные, как всегда, полезли без очереди. Все были довольны. Больше всех – Ю. Лившиц, на лице которого было написано: как удивительна жизнь, когда она прекрасна.

Коротко о банкете. Присутствующие ведущие ученые показали, что для них главное в вине – не букет, а убойная сила. Если кто их мог упрекнуть, что они здорово ели за чужой счет, так ведь они и пили не за свои деньги. Все было очень неплохо. Знаю, что Ю. Лившицу было радостно, а я думал, что же в нем качественно изменилось? Но ничего не нашел. Снаружи совсем не было видно – доктор наук или нет, все стали одеваться модно. Спутав модный клубный пиджак, сшитый И. Рахильчиком, с форменной одеждой швейцара, один посетитель ресторана просил вынести ему бутылку, давая за нее десятку. Юз отказался. Не ущербный. Несмотря на, мягко говоря, пошатнувшееся, грубо говоря, дрогнувшее финансовое положение.

Мы вышли на Невский, направляясь домой, с приятным ощущением, что Юз – молодец.

И все-таки подводить итоги и ликовать было рановато. В отличие от ученой степени кандидата наук, которая присуждалась Ученым советом, на заседании которого проходила защита диссертации, для присуждения степени доктора наук устанавливался иной порядок. По кандидатским диссертациям Высшая аттестационная комиссия лишь контролировала качество решений Ученых советов, а по докторским она сама выполняла роль инстанции, принимающей решение.

Надо было набраться терпения и ждать. Чтобы подразделения ВАКа и ее эксперты могли тщательно разобратся в представленном материале, требовалось время. Сколько его прошло, не помню. Все-таки однажды пришло извещение о заказном письме из Москвы.

Мне сообщали, что высылают отзыв на диссертацию рецензента, фамилия и имя которого не назывались. На трех пожелтевших листах корявым почерком излагались претензии к диссертации. Ощущение было такое, что

на меня вылили ушат помоев. После питерского успеха читать подобное было особенно горько. Оказывается, диссертант проигнорировал биологические причины преступлений, оспорил мысль В. И. Ленина, нечетко определил предмет исследования и др. Короче говоря, присуждать за такую работу степень доктора юридических наук нельзя.

Не буду детализировать, но то был навет. Успокоившись, я написал защитное послание, указав на недобросовестность «черного оппонента». При цитировании рукописи он менял местами слова, придавая фразе другой смысл, обвинял в том, чего в тексте работы вообще не было и т. п. Где-то через месяц я был вызван в Москву.

Тогда ВАК только-только поселился в здании, ранее принадлежавшем школе. В одном из классов, где школьные парты еще не были убраны, за ними сидело несколько серьезных мужчин. Один из них держал перед собой томик моей работы. Я узнал его. Мы не были знакомы, но я его где-то видел. Это был Александр Максимович Яковлев, человек известный и приметный. Красавец, умница, один из создателей советской криминологии, за что позже получил вместе с коллегами Государственную премию, а еще позже стал представителем президента России в Федеральном собрании.

Он спросил меня об отношении к рецензии, но при этом добавил, что на изложение содержания диссертации и ответ на рецензию мне дается всего 5 минут. Я так волновался, что не смог удержать на учительском столе свой массивный портфель, который дважды сваливался на пол. Если посмотреть со стороны, мое поведение могло показаться комичным. Разъяснить ситуацию я попытался в оставшееся ничтожное время.

На заседании экспертной комиссии приняли соломенно решение: чтобы не обижать своего рецензента и дать мне возможность доказать свою правоту, назначить повторную защиту диссертации в Научно-исследовательском институте Прокуратуры СССР (Москва). Кстати,

институт был местом работы А. М. Яковлева. Мелькнула озорная мысль – мол, моя речь так ему понравилась, что он захотел еще раз послушать мое выступление. Я вышел в коридор и у подоконника увидел седого мужика, принимающего валидол. Мне сказали, что эта картина типична для коридоров ВАКа.

Большой зал Института прокуратуры был заполнен до отказа. На этот раз времени для выступления было предоставлено несравненно больше. Кроме моего доклада были выслушаны заключения сектора общей теории права, сектора уголовного права, сектора криминологии, мои ответы на эти заключения и вопросы из зала. Решение Ученого совета было единогласным в мою пользу, а в ВАК направлено ходатайство о том, чтобы за допущенные инсинуации лишить моего «черного оппонента» права давать заключения по диссертациям.

Когда все закончилось, ко мне подошел человек, представившийся профессором Шляпочниковым, и попросил экземпляр автореферата. У меня такового не оказалось. Тогда он заметил: «Сейчас, молодой человек, вы упустили шанс стать узнаваемым персонажем истории советской криминологии, о чем я вскоре заканчиваю свою книгу». Увы, не судьба.

Само событие мы скромно отметили втроем в каком-то кабачке. Со мной праздновали победу Нонна Радутная и Алексей Игнатов. С Алексеем мы познакомились, когда он по делам приезжал в Таллинн. Доктор юридических наук, профессор, он был известен как один из ведущих специалистов в области уголовного права, принимавший участие в создании нового уголовного законодательства.

Потом я встречался с ним в Москве, где он жил и работал заведующим отделом НИИ МВД СССР. Наши взгляды во многом совпадали. Так и склеились на долгие годы. Бывал я у него дома, знаком с его супругой. Он был в курсе моих диссертационных баталий и по-дружески меня поддерживал.

Решением Высшей аттестационной комиссии при Совете министров СССР от 10 июня 1977 года мне была присуждена ученая степень доктора юридически наук.

Казалось бы, все. На этом участке жизненного пути поставленная цель достигнута. Однако на самом деле получилось не совсем так. Затягивалось решение вопроса о моем профессорстве. Оказывается, касающееся меня решение президиума ВАК было обжаловано в высшую инстанцию этой организации — пленум ВАК. Жалобщиком стал «черный оппонент», личность которого мне наконец-то стала известна: доктор юридических наук, профессор Саратовского юридического института Иосиф Соломонович Ной.

Опять я — в доме ВАКа. Пленум состоит из ученых разных отраслей науки, в данном случае жалобу рассматривали гуманитарии. Председательствовал философ и социолог член-корреспондент АН СССР А. М. Руткевич. Первым выступал Ной. Чувствовалось, что он — опытный полемист, но волнения, очевидно, и его не обошли стороной.

Я фиксировал не то чтобы каждое его слово, но и каждый вздох. «Ной — не ной, а жить-то надо», — подбадривал я себя. Вроде бы меня опять взял под свое крыло добрый ангел. Мой оппонент в своем выступлении допустил ряд таких ляпов, которые непростительны даже студенту. Этим я и воспользовался, обратив внимание коллегии на низкий уровень квалификации оппонента, что не позволило ему профессионально разобраться в моей диссертации.

Нас попросили выйти в коридор. Ной стоял метрах в трех от меня, демонстративно повернувшись ко мне спиной. По возвращении в класс он, услышав решение в мою пользу, разразился чуть ли не криком. Уже не сдерживая себя, заявил, что плевать хотел на диссертанта и его бумаги. Для него объектом нападения были более значимые фигуры и их научные взгляды как сторонников объяснения причин преступности социальными факторами, а

не биологическими. В рецензируемой диссертации проводилась именно эта линия. Вот он и решил на данном примере показать несостоятельность концепции сильных мира сего.

Мой аттестат профессора выдан на основании решения Высшей аттестационной комиссии при Совете министров СССР от 10 июля 1981 года.

13.2. Будущее, которое прошлое

С тех пор прошло много времени. Казалось бы, по логике вещей жизнь с увеличением пенсионного возраста должна постепенно угасать. Но такой процесс с трудом пробиравал себе дорогу, встречая сопротивление многих новых обстоятельств. Тектонический сдвиг формаций на территории громадной страны, ее распад на несколько самостоятельных государств, включая Эстонию, — все это не могло не отразиться на жизни людей, и моей в частности. Надо было не лежать на печке и греть свои старые кости, а шевелиться. Получилось так, что по степени своей интенсивности новая полоса жизни стала успешно конкурировать с прошлыми.

Подробно рассказывать о событиях нового времени не решаюсь. Вспомним название этой книги. У склеротика память, если нет патологии, полностью не исчезает, но к прошлому она относится благосклоннее, чем к настоящему и примыкающим к нему временам. Когда идешь из одной комнаты в другую, чтобы взять книжку, а возвращаешься с кружкой, то на многое рассчитывать не приходится. Могу лишь предложить информацию, изложенную конспективно.

К началу «эстонского ренессанса» сын решил перебраться в Финляндию. Ему удалось там закрепиться, но жена его бросила, уйдя к другому мужчине. Беспокойство об условиях его существования на чужбине стало одной из причин, побудивших нас с Ритой пойти по его пути. Год мы прожили у северных соседей на правах беженцев, но потом все-таки вернулись назад. Игорь, пройдя через тяжелые испытания, сумел подняться на социальном лифте. Второй раз женился на красивой и толковой Монике Виппер, у них появилось трое симпатичных потомков: Николь, Даниэль и Мишель. К Филиппу и Насте, возникших в первом браке, добавилось еще три источника боль-

шой радости и забот. Семья живет в собственном доме, в достатке, который в первую очередь создается главой семьи, преуспевающим адвокатом крупной юридической фирмы. Сейчас за сына мы спокойны и гордимся им. Кроме всего прочего, такого влюбленного в своих детей и заботливого отца мне встречать еще не приходилось.

Либеральная модель организации общественной жизни, превращавшаяся в реальность повседневного функционирования, меня подкупала. Появились частные высшие учебные заведения, где преподавание велось не только на эстонском, но и на других языках, в том числе и на русском. Это обстоятельство позволило мне более чем через четверть столетия вернуться к преподавательской деятельности как правоведа.

Международный университет LEX, Эстоно-американская бизнес-академия, Социально-гуманитарный институт — это основные вузы, где я упивался делом в качестве профессора, заведующего кафедрой, разработал и провел целый ряд новых курсов по разным отраслям юриспруденции. Было написано и издано 16 книг, целый ряд статей о новом эстонском законодательстве. Не могу сказать, что эта полоса была беспроблемной. Чистой воды либерализм не получился. Каждое новое правительство предпринимало усилия для того, чтобы прикрыть обучение на русском языке, что в конце концов к 2012 году и произошло, несмотря на успешные и неоднократные международные аккредитации этих вузов.

В 1920 году усилиями российских ученых, оказавшихся после Октябрьской революции на территории отделившейся от России Эстонии, была создана Русская академическая группа, просуществовавшая до самого конца Первой республики. Как бы ее наследником стало Русское академическое общество (РАО) Эстонии, образованное в 1999 году. Надо отдать должное доктору экономических наук и члену многих российских академий Ханону Барабанеру как руководителю этого объединения. Под его руководством как председателя РАО проводило насы-

ценные интеллектуальным содержанием встречи членов общества, к которым относился и я, но, как мне кажется, самой главной стала фундаментальная работа по созданию трехтомного издания «Русский след в Эстонии», где помещена и моя статья.

Из контактов с коллегами-правовиками особо следует выделить встречи с Павлом Анатольевичем Бейлинсоном и Вадимом Ивановичем Гужовым.

Знакомство с первым растянулось более чем на полвека. Начало положила моя стажировка в городском управлении милиции, о которой я ранее рассказывал. Выглядел он тогда, как актер, создающий в современном сериале образ успешного следователя. Карьера толкового профессионала, к тому же владевшего словом (член Союза журналистов Советского Союза) складывалась на моих глазах. Если еврей без эстонского языка смог стать начальником штаба МВД Эстонской ССР, заслуженным юристом союзной республики, то это о чем-то говорит. Мы оказались нужными друг другу. Он помог мне организовать социологический опрос заключенных, я — написать кандидатскую диссертацию, которую он защитил в Тартуском университете.

*Юбилеры в
Социально-гуманитарном
институте.
Павлу — 80,
мне — 75*

В новое время мы оба, занимая должность профессора, преподавали в названных частных учебных заведениях. Поскольку мы были связаны с тематикой уголовной юстиции, нам было о чем поговорить. Обсуждали, спорили, даже конфликтовали. Он стал автором трех больших книг, две из которых посвящены половым преступлениям. Их исследованием в свое время он был особо увлечен.

Вадим Иванович Гужов появился на моем горизонте, когда меня пригласили прочитать политологическую лекцию для сотрудников управления милиции. Встречал лектора сотрудник политотдела,

острый пронзительный взгляд которого привлек к себе внимание. После лекции состоялось знакомство: бывший следователь, преподаватель школы милиции, интересуется юридикой. В дальнейшем стал, как и я преподавателем, специализирующимся на частном праве (имущественные правоотношения и т. п.). Другие люди говорили мне, что с ним общаться непросто: человек принципов, въедливый, упертый, не признающий компромиссов, он был способен на решительные поступки.

Действительно, однажды перед началом учебного года мы с Вадимом сидели рядом на собрании преподавателей института. Выступал собственник заведения. Он, призывая преподавателей к добросовестной работе, начал сыпать в наш адрес угрозы. Я шепчу на ухо Вадиму: «Чувствую себя зком в строю, а не профессором». Он встает и говорит шефу что-то вроде того, что тому надо в колонии работать, а не управлять вузом, у такого хозяина работать стыдно. И ушел. И больше не вернулся.

У него получалось заставить студентов учить материал. Надо было видеть, в каком системном порядке хранились в его домашнем кабинете многочисленные разработанные им методические пособия! Владея эстонским языком, он мог и на нем работать с эстонскими студентами. Но учебник по обязательственному праву Эстонии, пользовавшийся большим спросом, он написал по-русски. Студенты его побаивались, но уважали, видя, с каким усердием работает этот энтузиаст юридической педагогики.

У меня как-то сломалась пишущая машинка, ранее списанная с учета городской прокуратуры как устаревшая и подаренная мне. Пришлось думать о покупке новой. Я ориентировался на инновацию с памятью. Вадим меня пристыдил, сказав, что надо решительнее овладевать новинками. Он имел в виду компьютер. Шел 1997 год. С помощью Вадима и его сына комп был приобретен, и меня начали упорно учить работе на нем. Часто бывало так, что Вадим на машине подъезжал к моему дому, отвозил меня к себе и после урока привозил обратно. Его симпатич-

ная супруга Ефросинья принимала меня с гостеприимной щедростью. Благодаря семейству Гужовых я овладел компьютером в такой мере, в какой мне это надо было для работы и развлечений.

У нас с Вадимом сложились теплые отношения, позволявшие именовать друг друга кликухами. Он меня называл моим e-mail адресом — Maksipoeq, а я его — Борода-тым Дядькой.

Вадим Гужов

Вадим ушел из жизни, пустив себе пулю в голову. Почему, не знает никто. Предполагаю, что из-за травмы позвоночника. Он носил корсет. Последствия таких травм часто оборачиваются дикой болью и параличом конечностей. Он имел право на свой выбор.

В последние годы у меня завязались дружеские контакты с кандидатом юридических наук Валерием Бабаком. Он — таллинец с эстонским языком, бывший сотрудник милиции и полиции, дорос до должности начальника районного отдела (Мустамяэ). Был адъюнктком Академии МВД СССР, где защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в Таллиннской школе милиции.

Валерий Бабак

Когда-то я помог ему оформить автореферат кандидатской диссертации, наши встречи участились в период его работы над докторской рукописью. Он — криминолог до мозга костей. Отменно владеет методикой опросов и методами анализа. Неоднократно проводил крупные социологические исследования. Встречи с ним интересны и содержательны. Через него я познакомился с известными российскими криминологами

профессорами Яковом Ильичем Гилинским и Михаилом Матвеевичем Бабаевым. Первый из них содействовал ознакомлению питерских криминологов с моими книгами, а также публикациям в России некоторых моих статей. Благодаря высокой оценке вторым моей последней из опубликованных работ, статья «Проблемы нормативного определения понятия преступления» нашла свое место в престижном журнале «Российское правосудие», куда попасть не так-то просто.

Нафтолия Басселя я узнал, когда стал работать в Эстонно-американской бизнес-академии. Казалось, что он уже родился профессором. Все его основные помыслы и частые рассказы были сосредоточены на любимом занятии — культурологии. Владея четырьмя языками, он внимательно следил за развитием европейской культуры и создавал свои труды в русле соответствующей тематики. На моей книжной полке стоят подаренные автором пухлые томики «История культуры Западной Европы», «История культуры Эстонии», «Диалог культур». Ему нравилось делиться впечатлениями об участии в международных конференциях за пределами Эстонии и тем самым давать знать новому знакомому, с кем он имеет дело.

Профессор Нафтолий Бассель

Иначе не понять, зачем меня «уголовника» надо было знакомить с зарубежными знаменитостями-филологами и содержанием встреч с ними. Однажды я шутя завел разговор о корифеях криминологии. Но шутка не прошла, наш профессор был человеком серьезным.

Руководство академии использовало Нафтолия как советника по международным контактам и переводчика. В городе он был известен в качестве ректора Университета культуры при Центре русской культуры.

Его супруга Ита, милая, тихая интеллигентная женщина, преподаватель в одном из колледжей немецкого языка, называла мужа Толей. Детей у них не было. Они любили путешествовать по миру и читать художественную литературу. Мы с Ритой неоднократно участвовали в семейных праздниках по поводу дней рождения. В разговорах за столом Нафтолий, хотя и произошел из местной еврейской семьи, вспоминая военное детство, благодарил советскую власть за эвакуацию из Эстонии, где фашисты уничтожили всех его родственников.

Вообще эта семья была чужда какому-либо национализму и мечтала о налаживании добрососедских отношений Эстонии с Россией.

13.3. Песни на закате

В одном современном философском трактате я встретился с мыслью, что у мужчины главное для самоутверждения — работа, у женщины — любовь. Утверждение на первый взгляд спорно и не схватывает все многообразие специфики половой принадлежности. Но если посмотреть на себя, то окажется, что такое обобщение оспаривать не хочется.

Я стал пенсионером в 60 лет, а перестал преподавать — в 80. Почувствовать себя безработным человеку, сидевшему долгие годы «в своих санях» (напомню: у Островского «Не в свои сани не садись»), довольно-таки тяжело. И потому, что нечем себя занять по велению души, и потому, что возникает ощущение твоей ненужности, кроме как семье и друзьям. Еще в советское время появился анекдот про пенсионеров.

- Знаешь, – говорит один пенсионер другому, – как теперь называет меня жена?
- Как же?
- Товарищ Тыбы: Ты бы сходил в магазин за картошкой. Ты бы помыл посуду. Ты бы вынес мусор.

Реагировать на домашние заботы, обслуживать себя и дом — куда от этого денешься? А как же быть с велениями души? Но случается и такое. Старость рождает новых садоводов, огородников, ремонтников, путешественников, артистов, филателистов и т. п. А я стал своеобразным бардом. В предисловии к сборнику текстов моих песен (второе издание) «Мой дом Эстония, а родина Питер» объясняется, что к чему.

Кто-то, прослушав мои первые опусы, заметил, что я – молодой бард 1932 года рождения, широко известный в узких семейных и дружеских кругах. Как это случилось, что человек, доживший до 78 лет, вдруг стал сочинять песни? Не знаю. Сейчас мне 87. Прошло девять лет, и своей самостоятельной жизнью зажило более полутора сотен произведений со своей музыкой, текстом, голосом, видеорядом, клипом. Сочинительство опьяняет сильнее водки, хотя его процедура (в моем случае) заметно сложнее, чем опрокидывание содержимого рюмки в рот. Сейчас у моего канала на ютьюбе 49 подписчиков и около 24 тысяч просмотров.

Мало, но не огорчаюсь. У меня — своя публика, которая в силу возрастных особенностей не проводит в большинстве своем время у компьютера. Стил моих новинок в музыкальном аспекте — ретромания. Конечно, я — безграмотный сочинитель, не имеющий права называться композитором хотя бы из-за отсутствия музыкального образования. Но моей душе дороги незабываемые шедевры песенной культуры прошлого века. Что-то, конечно, в профессиональном творчестве позволяет и сейчас сохраняться той традиции. Но все более ощущается его подмена наркотическими ритмами с фальшивой мелодией, опьяняющей толпы молодежи на больших площадках. Пусть меня считают ретроградом, но мне тошно от подобного рода хитов. И я пытаюсь изобрести мелодию, которая сама нередко приходит во сне. Коря себя за музыкальную безграмотность, я в то же время утешаюсь прецедентами. Вот, например, Ирвинг Берлин (псевдоним человека по имени Изя Бейлин).

Эмигрант из России, он вырос на Манхэттене в районе Нижнего Ист-Сайда, где в то время проживало много иммигрантов из Российской империи и Восточной Европы. Рано оставшись без отца, проучившись в школе только два года, И. Бейлин пошел работать. Будущий композитор успел поработать посыльным в лавке, разносчиком газет. В одном кафе нью-йоркского Чайнатауна заслужил репутацию «поющего официанта». По заказу хозяина кафе Бей-

лин написал свою первую песню «Мэри из солнечной Италии». Гонорар автора составил 37 центов. Систематического музыкального образования не получил. С 14 лет зарабатывал пением (на улице, в любительском хоре), самостоятельно освоил игру на фортепиано. В 1907 году Бейлин решил издать песню, и наборщики в типографии по небрежности исказили имя заказчика. В результате этой ошибки Бейлин стал Берлиным. Ирвинг Берлин умер во сне 22

сентября 1989 года. Президент Рональд Рейган прислал на смерть композитора соболезнование, а действующий президент Джордж Буш-старший на похоронной церемонии в Бостоне возглавил траурную колонну, певшую «God bless America», а затем выступил с речью, в которой назвал Берлина «легендарным человеком, чьи слова и музыка будут помогать пониманию истории нашего народа».

В конечном итоге процесс сочинительства и его результат нужны в первую очередь мне самому.

В мае 2010 года мы с Ритой плыли в гости к сыну на пароме «Baltic Prinzess». Штиль. Солнце. Красота. Под влиянием настроения написал стишок. Подумал о возможной песне. Игорь сказал, что в Таллинне у него есть знакомый композитор. Связались с ним по телефону, получили согласие на встречу. Встреча не состоялась. Таинственный музыкант на связь не выходил.

Но я уже загорелся. Случайно узнал, что у Виви Вишневской соседями по лестничной площадке в петербургском доме являются люди, у которых молодая дочка победила на городском конкурсе композиции на базе компьютерной программы. Написал этой девочке письмо с предложением: мои стихи, ее музыка. Она дала согласие. Выяснил, что она работает тонмейстером в фирме,

которая продвигает произведения искусства. Подумал, что на ловца и зверь бежит.

Написал стихи для песни «Сиреневый Петербург». В сопроводительном письме рассказал, что в процессе сочинения текста у меня родилась мелодия, может быть, она пригодится для создания конечного произведения. В ответном сообщении мой адресат поделилась сильным впечатлением от присланной ей мелодии и предложила мне заниматься и стихами, и композицией, а она готова аранжировать произведение. Песня действительно получилась удачной и в моей коллекции занимает одно из призовых мест. Наше содружество создало три произведения. А потом все расклеилось. Соучастница захотела за работу такие большие деньги, которые мне были непосильны.

Однажды благодаря подаркам у меня появились средства для покупки гитары. Возникла надежда хоть немного научиться себе аккомпанировать, как положено типичному барду. По Интернету нашел учителя. Это был Игорь Лашков. С гитарой дело не пошло — подвели руки. Они болели и дрожали. Но оказалось, что мой учитель может создавать аранжировки, используя компьютерную программу, как моя петербурженка. Прошло двадцать лет. С тех пор все, что удалось сочинить, увидело свет с музыкальным сопровождением, сделанным Игорем Лашковым.

Песни получились по обширной тематике. В папке, где они хранятся, имеется классификация по таким темам:

1. Мой дом Эстония, а родина Питер
2. Семья и друзья
3. Дорогой мой человек
4. Любви загадочные лики
5. Что-то не так
6. Еврейская сюита

Время от времени на разных площадках Таллинна и за его пределами проходят как бы презентации моих сочинений. После моего вступительного слова на большом экране в определенной последовательности появляются звучащие ролики, каждому из которых я даю пояснение

о причинах и прочих обстоятельствах его создания. Хотелось бы для приличия поскромничать, но заявление, что работы не удались или слабые, было бы искажением истинного положения дел. Не было ни одного провального представления. Скорее наоборот.

Мы с женой более тридцати лет проводили лето, снимая комнатку в дачном поселке Вызу. Его привлекательность определялась красивой природой (грибные и черничные леса с корабельными соснами на берегу Финского залива) и удобствами существования (дом, в котором мы жили, находился рядом с продуктовым магазином и лагуной с пляжем). Но действовали и другие обстоятельства.

Анечка Николаева (по мужу Агевнина) приезжает с семьей из Москвы много лет подряд. Мы были дружны с ее бабушкой и мамой, причем с последней настолько, что, открывая новый сезон, каждый раз одаривали друг друга заранее заготовленными подарками. Общаясь с Аней, мы сначала вели себя традиционно, но потом отказались от этого жеста внимания — и без него все ясно. Она вместе со своим братом Алешей выросла на наших глазах.

В последние годы живущий в США Алексей берет с собой двух маленьких детей, стыкуется с семьей сестры в Москве, арендует в Таллинне микроавтобус и таким образом оказывается на даче. На этом транспорте он и нас с вещами перевозит к месту встречи. Толковый человек, уважающий обстоятельность, он рассказывает о многих занимательных вещах, создавая впечатление, что мы посещаем научный лекторий. Очень помогает мне, когда начинает капризничать комп. Ему он подчиняется беспрекословно. При отсутствии Алеши со мной возится Анин муж Костя — мастер на все руки. У Анечки трое детей. Старшему Кирюше — за 20, а самой младшей — три, ее сестра — уже школьница-отличница. Мама с улыбкой справляется со всеми нагрузками. Улыбка — ее логотип.

Несколько сезонов наши хозяева сдавали помещение мужу и жене из Москвы. С Сашей, доктором из больни-

цы им. Склифосовского, и с его Наташей у нас сложились теплые отношения. В подтверждение этого мнения достаточно привести слова из стихка, созданного Сашей к моему дню рождения.

Кто не знает Юза
С бывшего Союза?
Знает Юза вся моя семья.
С головы до низу
Юз родился в Вызу,
Ну, по крайней мере, для меня.

В Вызу мы сдружились еще с одной москвичкой — Ириной Анастасьевой — профессором Гнесинки по классу фортепьяно. Симпатичная блондинка, одинокий человек, нуждающийся в простом человеческом общении. Ритусина душевность для нее в самый раз. Длительные разговоры о нуждах, интересах, надеждах. В зимнее время по скайпу. Она — наш человек.

О Вызу мной была создана песня, диск с фонограммой которой я подарил волостному старейшине. Через пару дней на мою электронную почту приходит письмо от волостной управы с просьбой дать согласие на одну акцию. В летний сезон из динамика, установленного на здании управы, каждый вечер в 22 часа раздаются голоса Георга Отса и ряда других известных деятелей эстонской культуры, имевших в этом поселке свои дома. Рядом построена специальная веранда для слушателей. Готов ли я дать согласие на включение моей фонограммы в эту систему? С тех пор вот уже шестой год после песни, исполняемой легендарным эстонским баритоном, раздается мой голос с русской песней об эстонском Вызу.

Живущий летом в своем доме в Вызу бывший вице-спикер эстонского парламента, ставший позже мэром города Раквере, наградил меня памятным знаком, по форме напоминающим наградной платиновый диск в рамке, со словами благодарности за песню о его городе.

Как-то я получил приглашение от своего двоюродного брата Евгения Рейфе (создавшего два частных вуза в Петербурге, успешно действующих много лет) показать студентам свои песни. Акция была тщательно подготовлена и прошла с большим успехом. Вот, что сообщалось на сайте Балтийского института экологии, политики и права (БИЭПП).

26 ноября 2013 г. в БИЭПП состоялся творческий вечер авторской песни профессора Юзефа Лившица

Балтийский институт экологии, политики и права стал организатором и участником интереснейшей международной встречи – БИЭПП принимал у себя в гостях уважаемого в научной среде человека, доктора юридических наук, эмерит-профессора Таллиннского технического университета.

Вообще господин Лившиц – разносторонняя и творческая личность. Нашему институту посчастливилось увидеть Юзефа Максевича как в профессиональном качестве лектора, так и в другом амплуа – композитора, автора и исполнителя бардовских песен.

Нашему слуху и взору (песни сопровождалась видео-презентацией, иллюстрирующей содержание каждой песни) было представлено более 20 песен. Автор по ходу выступления знакомил слушателей с предысторией своих сочинений. Это были курьезы из детства, эмоциональные переживания, события настоящего. Стихи песен, естественно, индивидуальны, но содержат общую основу – они подлинны, они о том, что дорого, что согревает и волнует душу и что не хочется забывать.

Вместе с песнями нам удалось поплавать на пароме, погулять по питерским улочкам и совершить экскурсию по Таллинну. Юзеф Максевич, словно связующий мост между Ленинградом, теперь уже Питером, и Таллинном, а если угодно, то и между Россией и Эстонией. Этот факт подтверждается и присутствием на презентации консула Эстонии госпожи Тийны Таркус.

Нужно заметить, что аудитория, присутствовавшая на встрече, была разнообразной и по интересам, и по возрасту, но несмотря на это мастеру удалось удержать ее внимание и увлечь за собой.

Больше всего представлений было организовано Еврейской общиной Эстонии (ЕОЭ). Это сообщество людей, являющихся евреями по происхождению и признающих себя таковыми, было признано мною тем местом, где надо и хочется быть.

Должен заметить, что не все евреи, проживающие в Эстонии, являются членами общины. Одни не видят себя в общине из-за того, что, по их представлению, большинство членов общины составляют люди, приехавшие из других мест Советского Союза. Эти люди перестали быть носителями еврейских традиций, языка и культуры. Они общаются на русском языке, они атеисты, а не иудеи, из чего следует, что по сути своей общину, состоящую из таких ее членов, с большой натяжкой можно считать еврейской. Такое отношение выработалось у части эстонских евреев, сравнивающих сегодняшнее положение дел с тем, что было характерно для первого объединения евреев после создания эстонского государства.

В противоположность такому подходу другие люди (их мнение я узнал из частных бесед) не хотят быть членами общины из-за страха выпячивания своей еврейскости, которую их предки, живя в советское время, приучились скрывать. При этом не забывают и о том, что творили с евреями при немецкой оккупации местные нацисты, давшие основание доложить Гитлеру, что Эстония свободна от евреев. В Эстонии сейчас к власти прорвались ультраконсерваторы, устраивающие факельные шествия по нацистскому образцу. И где гарантия, что прошлое не станет настоящим? Тогда для своих грязных дел наци смогут воспользоваться списком членов общины.

Более прозаический аргумент формулировался таким образом: антисемитизм никуда не исчез, он сидит в головах. Нередко латентно. Любой ли работодатель, зараженный этим вирусом, захочет иметь у себя работника еврея, да еще члена еврейской общины? Тем более что в идеологии правящей элиты принято отдавать предпочтение принципам по сравнению с ценностями.

Я не смог принять ни ту, ни другую позицию. Первая просто опасна, так как ее сторонники иницируют раскол, вместо того чтобы способствовать сплочению. Люди остаются людьми. Для меня важнее их размышления и предпочтения, чем узколобая этничность. Если я считаю себя евреем и мои предки были ими, чужое мнение ничего не значит.

Что касается невладения ивритом, это, конечно, плохо, но бывает, что обстоятельства жизни сильнее, чем собственные желания. В советское время за групповое изучение этого языка привлекали к уголовной ответственности. А моя связь с общиной возникла, когда я был в пенсионном возрасте. Тут забываешь и русские слова, а не то что овладеть таким сложным языком, как язык далеких предков. Таких, как я, много. Если бы не русскоязычные евреи, общины скорее всего не было бы.

Нацистского будущего я тоже не опасаясь. Все-таки буду верить в благоразумие большинства электората и просвещенного человечества, помнящего уроки истории. Кроме того, о национальности каждого жителя страны властям уже давно известно, а общинный список для узнавания твоего еврейства ничего нового не дает.

Антисемитизм работодателя — это одна из случайностей, через которые мы пробиваемся на простор желательного существования. В советское время гуляла такая поговорка:

Пока ты устраиваешься на работу, ты жид, а когда работаешь — еврей.

Речь, как понятно, идет о том, что покуда твои личные качества не проявили себя в деле, тебя воспринимают как носителя свойств общности людей, о которой у работодателя сложились антисемитские представления. Когда же тебя узнали как хорошего и нужного работника, к тебе относятся на равных основаниях с отношением к грузинам, узбекам и т. п. Получается ситуация, при которой

надо быть умнее, находчивее, изобретательнее другого ее участника, а потом стать лучшим. Такова участь евреев. Община здесь не при чем.

Я сочинил и исполнил для еврейской общины двенадцать песен. Уже в тексте первой из них «Еврейская община» раскрывалась моя позиция, о которой шла речь выше.

Даже если нет иной причины,
Хмурым днем, спеша домой к себе,
Загляни в Еврейскую общину,
Чтобы стало легче на душе.
Вновь поймешь, что значит быть евреем,
Чтить каноны знаний и добра,
Почему мы, предками болея,
Верим в чудо завтрашнего дня.

[...]

В синагоге молит Бога раби.
Часто ждет гостей накрытый стол.
Увлекает юношей «Маккаби».
Мальчик в школу, как домой, пришел.
Праздники обрядно отмечают.
Помощь бедным от души идет.
Песни бодрость духа поднимают.
Так Община мыслит и живет.

Община представляется мне мастерски налаженным механизмом по удовлетворению многих человеческих потребностей и интересов в аспекте еврейских традиций и культуры, а также, и это не менее существенно, по формированию еврейского самосознания и патриотизма.

Надо пояснить, что община разделена на две части, точнее, их две: религиозная и светская. Многие мероприятия проводятся совместно, но специфика все-таки со-

хранятся. В одном жилом комплексе находятся синагога (новое здание в стиле модерн, признанное одним из лучших в городе произведений современной архитектуры), дом светской общины и еврейская школа. Отдельно, на другой улице, размещается детский сад. С давних пор сохраняется ухоженное еврейское кладбище. Образование, культура, спорт, медицина, социальное вспомоществование, противодействие юдофобии, международное общение по еврейской тематике — кажется, это основные вехи общинной деятельности.

Нашей семье престарелых супругов оказывает помощь направленная из общины молодая женщина Анечка. Два раза в неделю она убирает квартиру, покупает в магазинах и на рынке необходимые продукты и вещи, отвозит на своей машине белье в стирку, приносит из аптеки лекарства. Причем для нас ее услуга безвозмездна. Рите частично оплачиваются лекарства, за три месяца в году частично возмещаются расходы по квартплате.

Мне бы хотелось, чтобы мои песни воспринимались как посильная благодарность общине за все хорошее, что она делает для людей. Пусть это не еврейские песни с восточными напевами, традиция звучания которых складывалась веками. Чтобы такое делать, надо быть искусственным профессионалом. Мои сочинения иные. У них европейская мелодика, а содержание сводится к размышлениям и наблюдениям, относящимся к современной жизни евреев.

Более глубоко понять и почувствовать жизнь общины нам с Ритой удалось благодаря знакомству с Цилей Лауд, одним из создателей еврейской общины и ее экс-председателем. Она в государстве — человек заметный: орденосец, почетный гражданин Таллинна, принимаемая во многих иностранных посольствах. Кода-то персонаж, изображаемый Аркадием Райкиным, предлагал энергию делающей фуэте балерины использовать для выработки электричества. Если на место балерины поставить Цилю Лауд, все должно получиться. Энергии хоть отбавляй.

При этом для близких ей людей она искренний и душевный человек.

Вместе с мужем Рейном Пладо они создали красивый гостеприимный дом, в котором мы время от времени с большим удовольствием проводим свой досуг.

Циля Лауд и Рейн Пладо

В нашем возрасте трудно приобрести новых друзей, а тут получилось. Это немалое украшение верхнего этажа. Нам не удалось побывать на последнем юбилее Циля Лауд, тем не менее, мы поздравили ее через электронную почту.

Как же мы жили когда-то без Циля?
С кем-то дружили, кого-то любили.
В гости к кому-то охотно ходили.
Даже знакомства как-то водили.
Только без Циля, только без Циля.
Было такое давно и уж тленно.
Циля! Вот это звучит современно!
Буря энергии, к людям порыв.
В Циле генетики сильной разлив.

Выиграть множество с трудностью гонок.
Рейн переплыть, избегая воронок.
Принципы чтить, поклоняясь еврейству.
Жизнь любить, ненавидя злодейство.
Старых и новых друзей приютить.
Много за что можно Цилю любить.
Циля! Душой мы с тобой в юбилей!
Стопку для нас хоть условно налей.
Ту, что сумела тебя породить,
В тост поздравительный это включить.
Жаль, что тебя мы не можем обнять,
Но добрым словом чтим твою мать.
Жить – не тужить тебе долго желаем,
Славим и радости слезы глотаем!

Циля стала душой вновь организовавшегося сообщества пожилых любителей общения.

Алексей Лукошкин со своей супругой Кларой вошли туда органично. Когда-то он был директором одного из крупнейших портов Союза в Находке, спецпредставителем минморфлота в Китае и Камбодже, директором Таллиннского морского порта. Их с Кларой рассказы о былом вызвали наш неподдельный интерес и немножко белой зависти к таким насыщенным яркими событиями дорогам жизни. Алексей уже ушел, а Кларе сейчас 95 лет.

Среди тех, с кем мы постоянно общаемся, имеется еще один 95-летний долгожитель – Наум Файнштейн, наш сосед, который со своей супругой Тамарой время от времени заходит к нам на огонек и вспоминает, как он в возрасте 90 лет показывал свою энергию на посту председателя правления квартирного товарищества дома.

Большую роль в узнавании моих песен сыграла сотрудник общины Лариса Симонова. Она инициировала более 20 презентаций, сама участвовала в них. В течение сезона «Осень-2019 – Весна-2020» прошли две, как она поименовала, «Литературные встречи с Юзефом Лившицем», где я читал стихи и демонстрировал песенные ро-

лики с помощью технического обеспечения со стороны Ильи Шмидта (если бы не карантин по поводу пандемии коронавируса, подобных шоу было бы четыре). В издании социального центра общины обнаружил такую заметку:

1 декабря 2020 года в Общине прошла очередная встреча, посвященная поэзии. На встречу с Юзефом Лившицем пришли те, кто любит стихи. Из памяти всплыли строки прекрасного поэта Кайсына Кулиева:

*Стихи ни к чему недотепам и нудным,
Сердец их не выправит рифма сквозная,
Поэзию любят красивые люди,
Я это по личному опыту знаю.*

Поэт-песенник за свою десятилетнюю творческую деятельность издал две книжки: одну – в Таллинне, другую – в Берлине. Юзеф написал более 170 песен. И стихи, и музыка, и видеоряд – все один человек. Десять лет труда.

Все, о чем говорил Юзеф, было сказано с прекрасным чувством самоиронии. И то, что с выходом на пенсию это стало работой, и то, что в 70 лет каждый день надо сдавать экзамен на возраст, и что «уныние надо в прах превратить», верить в светлые дни. Прочел Юзеф Лившиц и стихи о любви, большинство из которых посвящено его музе, жене Рите. Нежное, светлое, оптимистическое произведение «Как я рад, что ты вернулась» понравилось всем.

Серия стихов посвящена размышлениям о жизни. Многие нас радуют, но и огорчают тоже. С горечью и сарказмом прозвучала «Песенка пофигиста», в которой автор говорит о равнодушии и о том, что все зависит от нас. Все, кто слышал песню «Сиреневый Петербург», не устают восхищаться умением автора передать любовь к этому великому городу, а видеоряд подобран с большим вкусом.

Несколько песен Юзефа посвящено Старому Таллинну:

*Знал он радость, видел горе,
Долгий путь в веках.
Он стоит, овеян морем,
На семи ветрах.*

Песни посвящены и Вызу, и Раквере, и прекрасному композитору Раймонду Валгре, и Ласнамяэ. Самые нежные строки посвящены великому певцу Георгу Отсу. В конце встречи звучит песня «Проводы старого года»: «Год тает на глазах, а мы ведь остаемся».

Первая книга Юзефа носит название «Мой дом Эстония, а родина Питер». Она вышла в 2017 году. Мне ее подарил автор, я не могу не похвастаться. Один из разделов книги назван «Еврейская рапсодия». Прочитайте, вам очень понравится.

Юзеф поблагодарил Еврейскую Общину, которая многократно проводила презентацию его творчества. Все мы слышали прекрасную песню «Еврейская община».

Дорогой Юзеф, спасибо за этот праздник поэзии!

P.S. Давайте песню, посвященную нашей Общине, объявим гимном.

Любовь Репецкая

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ЭПИЛОГ

Жизнь завершается. Временами кажется, что она сложилась удачно. Потом, когда подумаю, сколько должен был сделать и мог сделать, но почему-то не сделал, наступает уныние. Чтобы как-то его преодолеть, начинаю читать, что обо мне писали другие люди, о которых я почти ничего не знал. Помогает. Не верите? Почитайте сами, хотя бы кое-что.

Однажды, просматривая газету «Молодежь Эстонии» за 13 апреля 1983 года, я наткнулся на статью «Учиться владеть словом». Там рассказывалось о Наталье Голиковой, посетившей Университет марксизма-ленинизма (ее крупное фото красовалось рядом). Читаю:

Здесь для нее во всем пример – преподаватель кафедры научного коммунизма ТПИ Ю. М. Лившиц. Он часто выступает в университете, и его лекции Наталья лично для себя считает эталоном. От него перенимает и манеру поведения со слушателями – уважительную. Ибо стремление доказать свою точку зрения, убедить аудиторию в правильности позиции лектора не должно переходить в напористость и грубость: так легко утратить доверие слушателей. Напротив, неназойливая по интонации, но убедительная по содержанию беседа покорит любого. Зачастую – даже мореходов из капиталистических стран.

Не скрою, прочитанное стало для меня наградой, способной конкурировать с правительственной.

Раз уж о наградах пошел разговор, так вот еще некоторые из них в виде реакции обучаемых. Дело касается не только преподавания научного коммунизма, но и последующей работы в новое время, когда я преподавал в частных учебных заведениях Эстонии разные предметы юридического характера.

26.05.1976. Лившицу Ю. М. в честь выпуска
*Пусть сердце у Вас, как мотор, стучит
И походка – юнцам на зависть.
А седые виски и гармошка морщин –
Это, брат, никакая не старость.
Желаем не попасть болезням в плен
И цвет лица иметь всегда ребяческий.
И чтоб в столетие Вам на каждый член
Был докторами выставлен Знак Качества!*

12.06.1981. Слушатель УМЛ Ильвинский И. В.
*От всей души благодарим Вас за все часы прочитанных лекций. За ясность языка, за легкую его доступность, за мысль, прекрасно изложенную Вами. Вы нас простите, мы иногда шумели. Уж трудно быть сейчас нам в роли ученика. Хотелось покрутиться-повертеться, спросить соседку, не болит ли голова.
Желаем счастья Вам и богатырского здоровья,
Остаться молодым и не стареть,
Всего прекрасного, что есть в этом мире,
И лекции свои так интересно
Желаем Вам читать и впредь.*

08.02.1984. Курсы усовершенствования учителей, 47-я школа, Нина Казанцева, Палдиски
*Ай да Лившиц молодец,
Объявился наконец!
Хоть обстановка осложнилась,
Но в голове все прояснилось.
А журналы впредь не рвите,
Что вам надо – закажите.
Никаких ограничений
В смысле экземлярности.
Тут не надо пояснений –
Дело в популярности.*

18.09.2003. Научная библиотека Академии наук ЭССР

Ув. Юзеф Максович! Я был в прокуратуре, и когда они узнали, что я закончил СГИ, они спросили, правда ли, что я знаю того самого Лившица, который написал эту книгу – они показали схемы по наказательному праву. Что-то напоминало вопрос одного пролетария другому: видел ли он Ленина.

С уважением

27.01.2005

Угадала верно и без помощи зала. Спасибо вам! Студенты первого курса EABC все сходятся во мнении, что ваши лекции было очень интересно и полезно посещать. Спасибо, на ваших лекциях было здорово и совсем не скучно, как бывает на некоторых других. Спасибо также за ваши очень умно и интересно построенные книги, с которыми не соскучишься.

P.S. Письмо от студентки 1-го курса спец. Управление бизнесом EABC Ольги Петрухиной в ответ на сообщение преподавателя о том, что по итогам тестирования она не получила высшего балла. Ее экз. оценка В.

«Вестник СГИ», 2009/2010, № 1

Юзеф Максович Лившиц – человек, который нас покорила с первого слова. Я даже представить не могла, что один человек может обладать столькими знаниями, а главное, такой чистой, мягкой и доброй душой. Ни один студент не остался без его внимания. Юзеф Максович всегда может найти ответ на любой вопрос, даже если посмотреть на многочисленное количество изданий по юриспруденции, которые он выпустил и которыми пользуются не только студенты всех вузов, а даже сотрудники правоохранительных органов. В нем гармонируют такие качества, как строгость и отзывчивость. И если кому-то посчастливилось познакомиться с этим человеком как с педагогом, то будьте уверены, полученные знания будут самыми качественными и ценными в вашей дальнейшей жизни.

Юзеф Максович, спасибо за то, что Вы всегда рядом, что Вы всегда готовы помочь и поддержать нас. Будь у нас пару тонн меди, мы бы Вам воздвигли памятник.

Стою почти что на вершине пирамиды, которую возводил, набирая годы. Она образована из событий, поступков, знаний, навыков, мыслей, переживаний, надежд, успехов, поражений.

В создании сооружения принимали участие разные люди. Папа и мама, Ритуся, Игореша, внуки, невестки, их родители, родственники, правители государств и народы, воины и мирные горожане, селяне, учителя и воспитатели, композиторы, музыканты, художники, артисты, писатели и поэты, драматурги и киношники, телевизионщики и компьютерщики, врачи и медсестры, повара и официанты, инженеры и рабочие, менеджеры и управляемые, банщики и парикмахеры, шоферы и водители трамваев, философы и ученые, юристы, преподаватели вузов, студенты, издатели, печатники и уборщицы, люди разных национальностей и верований.

Знакомые и незнакомые лица впечатляли меня во многих местах (как и сами эти места): в Санкт-Петербурге, Сестрорецке, Павловске, Прибытково, Тарховке, Волосово, Москве, Казани, Алматы, Таллинне, Вызу, Раквере, Нарве, Усть-Нарве, Кохтла-Ярве, Силламяэ, Тарту, Пярну, Тюри, Вильянди, Палдиски, Курессааре, о-ве Вилсанди, Хаапсалу, Нелиярве, Клоогаранд, Мурасте, Риге, Вильнюсе, Евпатории, Гурзуфе, Феодосии, Волгограде, Одессе, Самаре, Тольятти, Благовещенске, Сургуте, Лянторском поселке, Тынде, Тбилиси, Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Ургенче, Киеве, Минске, Томске, Ужгороде, Белграде, Загребе, Любляне, Ровене, Будапеште, Венеции, Мюнхене, Берлине, Хельсинки, Порвоо, Стокгольме, Нью-Йорке, Вашингтоне, Филадельфии, Бостоне, Ньюпорте, Плимуте...

Взгляд мой то опускается вниз, бродя тоскливо и счастливо по толщам прожитых лет, то безнадежно прощупывает небеса, не находя решения самого важного вопроса из всех безответных. Кричу «SOS!», не теряя надежды на спасение души.

